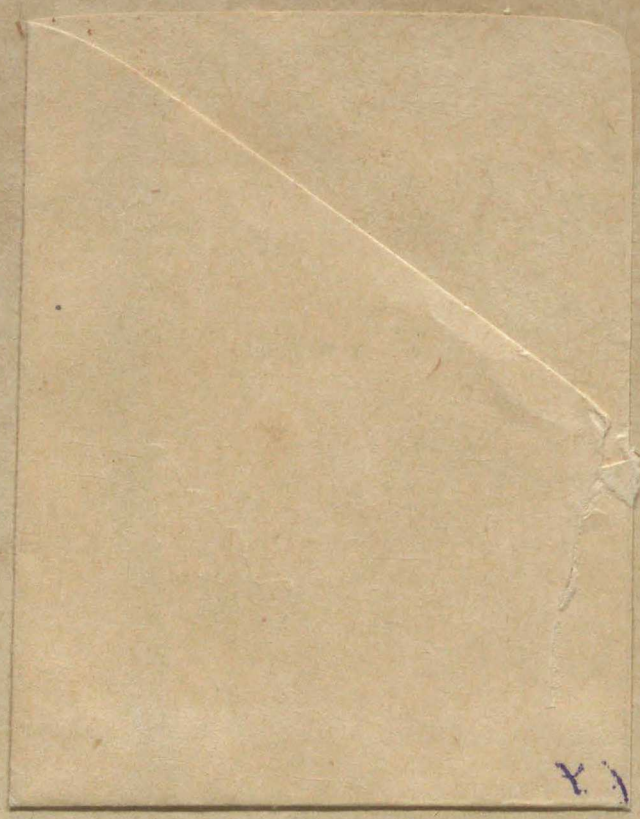
М 127/24
6.1 1914г

M 127/24



691
Д 362
П 127/24

ВѢСТНИКЪ

ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ИСТОРІИ

ВЫПУСКЪ I

(1914 г.)

Статьи и сообщенія: Предсѣдателя Общества Герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго, Е. П. Аврамова, П. Ф. Булацеля, П. П. Дурново, П. Н. Исакова, проф. П. И. Ковалевскаго, почетнаго академика А. Ф. Кони, Т. О. Соколовской и М. К. Соколовскаго. **Конспекты докладовъ:** К. К. Агаѳонова, И. А. Гриневской, В. К. Лукомскаго, кн. В. П. Максутова, проф. С. Ф. Платонова, А. А. Родныхъ, Т. О. Соколовской, М. К. Соколовскаго, Л. Н. Целепи и С. Р. Языкова

Подъ редакціею Замѣстителя Предсѣдателя
М. К. Соколовскаго

Типографія П. П. Сойкина. Петроградъ. Стремянная, 12
1914

А 165
362
801-89
5299-9
М 127
24

ВѢСТНИКЪ

ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ИСТОРІИ

ВЫПУСКЪ I

(1914 г.)

Статьи и сообщенія: Предсѣдателя Общества Герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго, Е. П. Аврамова, П. Ф. Булацеля, П. П. Дурново, П. Н. Исакова, проф. П. И. Ковалевскаго, почетнаго академика А. Ф. Кони, Т. О. Соколовской и М. К. Соколовскаго. **Конспекты докладовъ:** К. К. Агаѳонова, И. А. Гриневской, В. К. Лукомскаго, кн. В. П. Максутова, проф. С. Ф. Платонова, А. А. Родныхъ, Т. О. Соколовской, М. К. Соколовскаго, Л. Н. Целепи и С. Р. Языкова

Подъ редакціею Замѣстителя Предсѣдателя
М. К. Соколовскаго

Типографія П. П. Сойкина. Петроградъ. Стремянная, 12
1914

ГПБ имени В. И. Ленина СССР
Ф. 33-5228

2014058275

I. Статьи и сообщенія.

1. Герцогъ **Г. Н. Лейхтенбергскій.** Изъ записокъ о Россіи графа фонъ Гёрца, прусскаго посланника при дворѣ Екатерины II.
2. **П. П. Дурново.** Изъ дневника флигель-адъютанта Н. Д. Дурново (печатается впервые).
3. Проф. **П. И. Ковалевскій.** Двѣнадцатый годъ на Кавказѣ.
4. **П. Н. Исаковъ.** Парижскій конгрессъ и Дунайскія княжества.
5. **П. Ф. Булацель.** Забытый герой Отечественной войны, генералъ-маіоръ князь Иванъ Семеновичъ Гурьяловъ.
6. **Е. П. Аврамовъ.** Бытовыя черты русскихъ мореходовъ.
7. **М. К. Соколовскій.** Изъ военно-судебныхъ дѣлъ за 1812-1814 г. г.
8. Почетный Академикъ **А. Ѳ. Кони.** Памяти графа М. Т. Лорисъ-Меликова.
9. **Т. О. Соколовская.** Въ масонскихъ ложахъ. (По неизданному дневнику масона полковника Л. А. Симанскаго).

Его Императорское Высочество Великій Князь

Николай Михаиловичъ,

Почетный Предсѣдатель Общества Ревнителей Исторіи.

тип. П.П. сойкина.

Герцогъ Георгій Николаевичъ Лейхтенбергскій,

Предсѣдатель Общества Ревнителей Исторіи.

Изъ записокъ о Россіи графа фонъ-Гёрца, прусскаго посланника при дворѣ Екатерины II.

(Переведено съ черновыхъ оригиналовъ).

Графъ Евстафій (Іоаннъ) фонъ-Гёрцъ (Goertz) родился въ 1737 году въ родовомъ замкѣ Шлицѣ, въ Гессенѣ. Десяти лѣтъ онъ потерялъ отца, а въ слѣдующемъ году онъ, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ, былъ отправленъ для образованія въ Брауншвейгъ, въ извѣстное воспитательное заведеніе «Каролинумъ». Пробывъ здѣсь два года, онъ вернулся домой, гдѣ оставался безъ дѣла $1^1/_2$ года, а затѣмъ поѣхалъ въ Лейденскій университетъ, гдѣ усердно изучалъ науки; черезъ два года, въ 1754 г. онъ перебрался, для окончанія своего образованія, въ Страсбургъ, гдѣ занимался преимущественно государственными науками.

Въ концѣ 1755 года онъ поступилъ на дѣйствительную службу при веймарскомъ дворѣ, но уже осенью слѣдующаго года онъ перевелся на службу камеръ-юнкеромъ при герцогскомъ дворѣ въ Готѣ, гдѣ, собственно говоря, и закончилъ свое образованіе общеніемъ съ нѣкоторыми лицами выдающагося ума и способностей.

Черезъ три года, въ 1859 г., графъ Гёрцъ былъ вызванъ обратно въ Веймаръ, гдѣ только что скончался молодой герцогъ Эрнстъ-Августъ-Константинъ, оставивъ беременную молодую жену и годовалаго наслѣдника, принца Карла-Августа. Вдовствующая герцогиня поручила графу воспитаніе наслѣднаго принца и его маленькаго брата, принца Константина, родившагося послѣ смерти отца.

До тѣхъ поръ графъ не получалъ никакого содержанія, но, не будучи особенно богатымъ, онъ все же былъ достаточно обезпеченъ, чтобы жить такъ, какъ бы ему вздумалось. Онъ сознавалъ всю тягость и отвѣтственность предлагаемаго ему поста, но «намѣреніе,—какъ онъ самъ писалъ,—служить на пользу міра и ближняго», побудило его принять эту отвѣтственную должность, въ полномъ сознаніи ея трудности. И онъ довелъ это

дѣло до желаннаго конца, сдѣлавъ изъ своего питомца замѣчательнаго человѣка и получивъ въ лицѣ его вѣрнаго друга.

Незадолго до совершеннолѣтія молодого герцога и вступленія его на престолъ, въ 1776 году, графъ былъ уволенъ въ почетную отставку, съ хорошей пожизненной пенсіей, но сопутствовалъ своему питомцу въ его брачномъ путешествіи въ Карлсруэ, а затѣмъ оставался болѣе года гофмейстеромъ молодой герцогини Луизы. Почему онъ покинулъ это мѣсто—неизвѣстно. Женившись еще въ 1768 году на дочери готскаго тайнаго совѣтника фонъ-Юхтрица, съ которой весьма счастливо прожилъ до самой ея кончины въ 1809 году, и получивъ отставку, онъ нѣкоторое время оставался безъ дѣла, но тутъ получилъ почетное порученіе отъ Прусскаго короля Фридриха II, касавшееся Баварскаго наслѣдства, и поступилъ на прусскую службу въ 1778 году.

Но, оставляя Веймаръ, онъ сохранилъ самыя лучшія отношенія какъ съ знаменитой герцогиней Амаліей, такъ и съ окружавшими ея выдающимися лицами, какъ-то: Виландомъ, Дальбергомъ и Гердеромъ, которые въ свою очередь всегда его высоко уважали и цѣнили.

Прусская миссія графа заключалась въ томъ, чтобы поддерживать герцога Карла Цвейбрюкенскаго въ его притязаніяхъ на открывшееся въ то время весьма запутанное Баварское наслѣдство. Эту трудную задачу, о которой говорить въ подробностяхъ здѣсь излишне, графъ выполнилъ въ совершенствѣ и, по минованіи надобности, былъ вызванъ въ Берлинъ и назначенъ статсъ-секретаремъ и однимъ изъ первыхъ чиновъ двора. Здѣсь, однако, онъ уже не засталъ короля, бывшаго при своихъ войскахъ, и только по заключеніи Тешенскаго мирнаго договора 2/13 мая 1779 года свидѣлся съ Великимъ Фридрихомъ, который вскорѣ затѣмъ назначилъ его своимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

Тамъ онъ долженъ былъ замѣнить графа Сольмса, съ честью пробывшаго на этомъ посту 17 лѣтъ. Содержаніе, связанное съ этой должностью, было, сравнительно, весьма скудное, и личныя средства Гёрца не могли восполнить этотъ недостатокъ, такъ что, дабы съ достоинствомъ представительствовать при пышномъ дворѣ Екатерины, ему пришлось ѣхать туда одному, оставивъ жену и дѣтей въ Германіи; это была самая тяжелая жертва, какъ онъ самъ говорилъ, принесенная имъ на алтарь и для пользы службы.

Великій Фридрихъ напутствовалъ своего посланника самыми подробными указаніями на цѣли своей политики и, прекрасно знакомый съ лицами и обстановкой двора «Сѣверной Семирамиды», въ длинныхъ разговорахъ познакомилъ его со всѣми этими обстоятельствами, такъ что, когда графъ прибылъ въ Петербургъ, всѣ важнѣйшія лица казались ему знакомыми.

Миссія графа Гёрца въ Петербургѣ заключалась, въ общемъ, въ томъ, чтобы сохранить дружескія отношенія и союзъ съ Россіей, а въ частности

король стремился побудить Россію заключить съ нимъ и съ блистательной Портой союзъ, направленный противъ Австріи, союзницы Франціи.

Первой цѣли Гёрцу удалось достигнуть вполнѣ, но вторая была слишкомъ противоположна личнымъ желаніямъ, мечтамъ и стремленіямъ Екатерины II, чтобы имѣть успѣхъ: къ этому времени въ ея умѣ все больше и больше созрѣвалъ «Греческій Проектъ», т. е. планъ уничтоженія Оттоманской имперіи, на развалинахъ которой она мечтала воздвигнуть блестящее зданіе новой восточной имперіи, во главѣ съ младшимъ своимъ внукомъ, Константиномъ, возсѣдающимъ на тронѣ Византійскихъ императоровъ. Для достиженія этой цѣли нужно было содѣйствіе Австріи, а не ея соперничество, нужна была война, а не союзъ, съ Турціей. Поэтому миссія Гёрца въ этомъ отношеніи была заранѣе обречена на неудачу. Также неудачно окончилась попытка склонить Императрицу къ союзу съ Пруссіей, Англіей и Даніей, что, по мнѣнію большинства русскихъ государственныхъ людей, вполнѣ отвѣчало бы выгодамъ и потребностямъ Россіи. Но Екатерина II все болѣе и болѣе увлекалась союзомъ съ Австріей противъ Порты, и такъ какъ не ея министры, а она сама дѣлала свою политику, то и этотъ Прусскій проектъ только проектомъ и остался.

Оффиціально продолжая быть въ союзѣ съ Пруссіей, Императрица, однако, постепенно охладѣвала къ Фридриху II и это охлажденіе отлично ощущалось графомъ Гёрцемъ, хотя наружно обращеніе съ нимъ было изысканно любезнымъ: всѣ ухаживали и цѣнили его отрытый, прямой характеръ, его умъ и обходительность, онъ былъ въ наилучшихъ личныхъ отношеніяхъ съ иностранными послами, и съ большинствомъ изъ министровъ Екатерины и выдающихся царедворцевъ: Панинымъ, Остерманомъ, Безбородкой, Потемкинымъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ себя не на мѣстѣ, считая, что въ Петербургѣ надо бы имѣть посланникомъ человѣка, болѣе молодого, блестящаго и богатаго, чѣмъ онъ, человѣка, готоваго иногда рискнуть на шагъ, который могъ бы быть, въ случаѣ неудачи, отнесеннымъ къ его легкомыслію, что ему, Гёрцу, въ его возрастѣ и съ его репутаціей, совершенно нельзя было дѣлать. Средства его не позволяли ему давать необходимыхъ праздниковъ и пировъ, самъ онъ, наконецъ, былъ утомленъ жизнью и здоровье его пошатнулось. Всѣ эти причины побудили графа Гёрца осенью 1785 г. испросить себѣ отпускъ въ Берлинъ, гдѣ онъ вскорѣ затѣмъ по своему желанію получилъ увольненіе отъ своей должности.

Въ 1786 же году графъ получилъ новое порученіе—серьезную миссію въ Нидерландахъ, по исполненіи коей, въ слѣдующемъ году, былъ назначенъ Бранденбургскимъ посломъ при Германскомъ Рейхстагѣ, каковымъ и оставался до 1806 года, когда Римско-Германская Имперія распалась. Съ тѣхъ поръ онъ поселился въ Регенсбургѣ, гдѣ, всѣми любимый и уважаемый, прожилъ остатокъ своихъ дней и скончался въ августѣ 1821 года, 83-хъ лѣтъ отъ роду.

Тотчасъ по возвращеніи въ Берлинъ, графъ Гёрцъ представилъ прусскому кабинету составленный имъ трудъ о Россіи. Въ первой части онъ описываетъ политическую систему въ Россіи во время его пріѣзда въ Петербургъ и обычаи Петербургскаго двора.

Во второй онъ даетъ конспектъ системы отношеній этого двора къ Пруссіи и къ другимъ европейскимъ государствамъ, какъ онѣ сложились ко дню его отъѣзда.

Третья часть содержитъ портреты и характеристику всѣхъ выдающихся лицъ и дѣятелей имѣющихъ, такъ или иначе, вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ въ Россіи.

Въ четвертой части онъ даетъ указанія, какъ надлежитъ Пруссіи въ будущемъ относиться къ Россіи и какія инструкціи слѣдуетъ дать будущему посланнику при дворѣ Екатерины.

Въ пятой и послѣдней части онъ даетъ краткій обзоръ того, какъ, по его мнѣнію, можетъ сложиться будущность Россіи въ зависимости отъ направленія, которое приметъ ея политика, причемъ затрагиваетъ ея финансовое положеніе, армію, флотъ, значеніе для нея Кавказа и вопросъ о раздѣлѣ Польши.

Къ отчету приложенъ конспектъ добычи золота, серебра, мѣди и желѣза за десятилѣтіе съ 1772 по 1782 годъ, какъ основа финансовыхъ силъ страны.

Благодаря любезности одного изъ потомковъ графа Гёрца, барона О. фонъ-Стоцингена, мы имѣемъ въ рукахъ подлинный черновикъ этого труда, написанный по-французски на листахъ простой писчей бумаги большого формата. Почеркъ довольно четкій, много перечеркнуто и переправлено, поля пестрятъ поправками и вставками. Здѣсь мы предлагаемъ читателямъ переводъ третьей части, содержащей характеристику вліятельныхъ лицъ, начиная съ самой Императрицы Екатерины II, причемъ мы даемъ переводъ въ окончательной редакціи автора. Этотъ трудъ, сколько намъ извѣстно, не появлялся еще въ печати въ Россіи и представляетъ интересъ какъ наблюденія очевидца—человѣка незауряднаго ума и весьма наблюдательнаго. Конечно, и онъ при всемъ своемъ желаніи не вполнѣ безпристрастенъ: лица, коимъ онъ симпатизируетъ, или которыя полезны для его двора, кажутся ему лучшими, а недоброжелатели худшими, чѣмъ ихъ признаетъ исторія. Однако, онъ совершенно вѣрно оцѣниваетъ по достоинству Потемкина, какъ государственнаго человѣка, представляя въ этомъ отношеніи едва-ли не исключеніе среди современниковъ великолѣпнаго князя Тавриды.

Герцогъ Г. Лейхтенбергскій.

ОТДѢЛЪ III.

Отчетъ о всѣхъ тѣхъ лицахъ, которыя управляютъ Россійской Имперіей и которыя имѣютъ вліяніе, и могутъ, или будутъ въ состояніи его имѣть.

Приступая къ столь трудной и неблагодарной задачѣ, какъ описаніе характеровъ интересныхъ лицъ русскаго двора, я желалъ бы убѣдить читателей, что я особенно тщательно старался избѣгать поддаваться нашептываніямъ моихъ личныхъ чувствъ. Я буду излагать постоянно лишь мое мнѣніе о той или другой личности; оно можетъ быть ошибочнымъ, но могу завѣрить, что ошибка эта будетъ невольной.

Людей, съ которыми мнѣ пришлось болѣе близко знакомиться, я стремился судить по ихъ дѣламъ, совѣтуясь однако съ другими лицами, на оцѣнку коихъ я могъ положиться съ особымъ довѣріемъ. Касательно нѣкоторыхъ мнѣ пришлось даже основывать свои сужденія на мнѣніи такихъ лицъ по самому существу вопроса, не имѣвъ случая узнать ихъ лично. Было бы несправедливо упрекать меня въ неблагопріятныхъ чувствахъ къ странѣ и народу, въ которыхъ я нашелъ (что, какъ мнѣ кажется, есть во всѣхъ народахъ) людей, достойныхъ уваженія и почтенія, и гдѣ сущность стараго національнаго характера, по моему убѣжденію, достойна большого уваженія. Развитое въ высшей степени почтеніе къ родителямъ, любовъ къ нимъ, гостепріимство—вотъ добродѣтели, отъ которыхъ они никогда не уклонялись.

Въ настоящее время Россія вышла изъ своего естественнаго состоянія. Петръ I хотѣлъ ее цивилизовать и, употребивъ для достиженія этой цѣли рѣзкія средства, опустилъ ее и отодвинулъ, можетъ быть, ея цивилизацію; онъ далъ ей пороки другихъ націй, всегда легче воспринимаемые, чѣмъ добродѣтели, и, не просвѣтивъ ея, развратилъ [1]).

Послѣдующія царствованія, ослѣпленныя властью этого царя, прославленнаго великимъ, когда онъ былъ, быть можетъ, лишь безудержнымъ деспотомъ, необыкновеннымъ, правда, но потворствуемымъ обстоятельствами, пошли болѣе или менѣе по его слѣдамъ и искали лишь блеска, не думая о счастіи народа.

Просвѣщенные націоналисты сознаются, что при этомъ нація скорѣе потеряла, нежели пріобрѣла. При настоящей развращенности націи, состояніе ея въ высшей степени печально и я, кажется, не могу описать его лучше, какъ словами очень достойнаго и весьма смѣлаго человѣка, который въ бытность мою тамъ, въ составленномъ по приказанію Императрицы трудѣ, выражается такими словами: «Грозящая Россіи опасность, говоритъ онъ ей, тѣмъ болѣе велика, что развращенность, быстро шагающая, начинается въ

---

[1]) Крайне интересное мнѣніе со стороны иностранца, доказывающее его умъ и вдумчивость. *Примѣчаніе переводчика.*

этомъ государствѣ съ великихъ, съ придворныхъ, съ дворянства, со всѣхъ тѣхъ, кто окружаетъ тронъ, со всего того, что просвѣщено, тогда какъ духовенство и народъ пребываютъ въ ужаснѣйшей темнотѣ и униженіи. Ибо даже тамъ эта развращенность быстро распространяется, такъ какъ ни религія, ни ея слуги не въ состояніи ее затормозить».

Императрица. Первый портретъ, представляющій наибольшій интересъ и наибольшую трудность изображенія, и единственный, при которомъ, мнѣ можетъ быть, слѣдовало бы опасаться слишкомъ большого вліянія моихъ чувствъ—это портретъ Императрицы.

Обыкновеннымъ этотъ характеръ, несомнѣнно, назвать нельзя. По той высотѣ, на которой она стоитъ, только безпристрастное потомство будетъ въ состояніи примѣнить къ ея портрету истинныя заключенія, когда ея уже не станетъ, когда ея власть не будетъ больше въ состояніи оказывать ни хорошаго, ни дурного вліянія. Тогда можно будетъ подмѣтить, разобрать и оцѣнить наиболѣе выдающіяся черты ея характера, и въ зависимости отъ развращенности или доброты того вѣка будетъ вынесенъ и приговоръ Екатеринѣ II. Я же позволю себѣ привести лишь нѣсколько чертъ.

На переворотъ, посадившій ее на тронъ своего супруга и своего сына, ее толкнуло не чувство самосохраненія. Нынѣ доказано, что Петръ III, этотъ слабый, неосторожный, но слишкомъ добрый Государь, никогда на нее не посягалъ, что ко времени переворота онъ рѣшилъ назначить ее регентшей на время своего отсутствія для войны съ Даніей. Причиной же переворота было рожденіе у нея отъ артиллерійскаго поручика Орлова, сына, появившагося на свѣтъ тайно отъ ея мужа и почти отъ всѣхъ, шесть недѣль до переворота. Сынъ этотъ еще живъ подъ именемъ Бобринскаго [1]), котораго она признала за своего сына, давъ ему даже гербъ Ангальтскаго дома.

Естественное опасеніе, что такой непростительный случай не можетъ оставаться вѣчной тайной и что при его обнаруженіи это неминуемо повлекло-бы за собой ея гибель—вотъ что, по мнѣнію наиболѣе освѣдомленныхъ лицъ, толкнуло Государыню на переворотъ.

Другую черту, которую я слышалъ отъ графа Строгонова, сенатора, нынѣ еще ежедневно вращающагося въ обществѣ Императрицы и который былъ тому свидѣтель, я считаю нужнымъ здѣсь разсказать: онъ сидѣлъ съ ней за столомъ въ день смерти Петра III, какъ вдругъ, среди самаго веселаго разговора, они увидѣли вошедшаго графа Алексѣя Орлова, того самаго, которому была поручена охрана несчастнаго Императора. Все общество и раньше предчувствовало трагическій конецъ, теперь же, видя его растерянное лицо и торопливость, съ которой Императрица, когда онъ сказалъ ей на ухо нѣсколько словъ, встала отъ стола, чтобы перейти въ свой кабинетъ, приказавъ остальнымъ лицамъ оставаться, всѣ догадались, что Алексѣй

[1]) Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, въ подлинникѣ «Poperinsky», родился 11 апрѣля 1762 года. Умеръ 12 іюня 1813 года.

Орловъ, вѣроятно, привезъ извѣстіе о кончинѣ Государя; но они совершенно растерялись, видя черезъ нѣсколько минутъ Императрицу, возвращающуюся съ яснымъ челомъ, садящуюся вновь за столъ и продолжающую прерванный разговоръ; и ихъ удивленіе было тѣмъ большимъ, что черезъ нѣсколько часовъ они узнали, что Алексѣй Орловъ дѣйствительно явился извѣстить Императрицу о смерти несчастнаго Петра III [1]).

Можно еще, пожалуй, составить себѣ правильное представленіе о принципахъ этой Государыни, если подумать о томъ, что человѣкъ, о которомъ вся Россія знаетъ, что именно онъ поднялъ руку на этого несчастнаго Государя, и своего же господина—князь Барятинскій, презираемый и ненавидимый всей Россіей за это дѣяніе, принадлежитъ къ числу ежедневныхъ гостей Императрицы и занимаетъ мѣсто ея гофмаршала.

Всѣ обстоятельства смерти Ивана Антоновича, о которой не можетъ быть сомнѣнія, что она произошла по приказанію Императрицы, также прибавляютъ черту къ ея характеру.

Позволю себѣ привести еще другую черту, которая докажетъ, до какой степени Государыня умѣетъ скрывать свои чувства. Слушая надгробное слово архіепископа Платона на смерть покойной Великой Княгини [2]) и когда всѣ проливали слезы, Императрица, давъ имъ волю во все время оффиціальной службы и проявивъ высшую чувствительность, потомъ, садясь въ карету вмѣстѣ съ сопровождавшей ея княгиней Брюсъ, сказала веселымъ и насмѣшливымъ тономъ, что она не понимаетъ, «какъ епископъ могъ наговорить столько хорошего объ этой женщинѣ».

Приступая къ описанію свойствъ ея сердца, нѣтъ надобности говорить, что эта Государыня не считается съ добродѣтелями: всѣми признано, что она въ высшей мѣрѣ исполнена тщеславія, вскормленнаго всей обыкновенной и свойственной ея положенію лестью, прешедшею, можетъ быть, всякую мѣру, благодаря любезностямъ, вниманію, ухаживаніямъ, и, какъ я могу доказать, часто даже низкому потворствованію, выказываемыми ей на перебой всѣми державами, даже самыми великими. Она въ высшей мѣрѣ владѣетъ искусствомъ скрывать, до такой степени, что все въ ней—скрытность; но, поставивъ себя выше того, что духъ нашего вѣка любитъ называть предразсудками, она не старается скрывать многихъ вещей, которыя въ другомъ мѣстѣ оскорбили бы приличіе и нравственность. Несомнѣнно она умна и даже враги ея не станутъ на этотъ счетъ спорить, но, вѣроятно, именно умъ то ея, приведенный въ восторженное состояніе всѣмъ, что можетъ обольстить тщеславнаго человѣка, лишеннаго добродѣтелей, побудилъ ее отбросить лучшаго руководителя—разсудокъ и способность вѣрно

---

[1]) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, кажется, дознано, что не самъ Алексѣй Орловъ явился къ Екатеринѣ съ докладомъ о Ропшинской трагедіи, а прислалъ написанную съ пьяныхъ глазъ записку, которую по смерти матери Императоръ Павелъ I сжегъ, а послѣ весьма объ этомъ жалѣлъ. *Переводчикъ.*

[2]) Натальи Алексѣевны, первой супруги Павла Петровича. *Переводчикъ.*

оцѣнивать; поэтому же многія лица, которыя имѣли и еще имѣютъ съ ней дѣло, не обинуясь, называютъ ее именами, которыхъ всякій другой человѣкъ, а въ особенности иностранецъ, не имѣвшій случая внимательно слѣдить за ея образомъ дѣйствій, не посмѣлъ бы ей дать. Тщеславіе ея, ничѣмъ не тормозимое, не имѣетъ предѣловъ и съ годами можетъ только увеличиваться.

Это, въ общемъ, главнѣйшія черты ея характера, вліяющія на ея поступки, какъ Государыни, и, мнѣ кажется, что я ими и могу ограничиться. Попытка дать бо̀льшія подробности завела бы меня слишкомъ далеко, хотя правильное пониманіе характера и ума этой Монархини кажется мнѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что именно она и ея воля несомнѣнно отражаются на всѣхъ дѣлахъ и что министры, которыхъ она имѣетъ и вѣроятно себѣ возьметъ въ будущемъ, не болѣе, какъ исполнители ея воли, видя единственный способъ удерживаться на своихъ постахъ, обогощаться и управлять, въ томъ, чтобы не перечить ея приказаніямъ; они, министры, часто могутъ вредить, а иногда быть полезными, но никогда не дадутъ себѣ труда и не рискнутъ попытаться заставить ее перемѣнить разъ принятое ею рѣшеніе, чтобы не рисковать собственными интересами.

Великій Князь. Перехожу теперь къ портрету Наслѣдника Престола Его Высочества Великаго Кназя Павла Петровича, который, если, ему суждено въ будущемъ занять Россійскій тронъ, освѣтитъ это высокое положеніе всѣми добродѣтелями, наиболѣе цѣнимыми, рѣдкими и наиболѣе способными заставить еще болѣе любить человѣчество [1]).

Покорный и почтительный сынъ, тѣмъ болѣе достойный удивленія, что онъ проявляетъ сыновнія добродѣтели, не пользуясь радостями взаимности; нѣжный, вѣрный, любезный супругъ, дающій на своемъ высокомъ посту трогательный для всякаго чувствительнаго человѣка примѣръ самаго счастливаго союза; хорошій отецъ, искренній другъ, постоянный и скромный, онъ соединяетъ въ себѣ всѣ эти нравственныя достоинства, которыя, встрѣчаясь у частнаго лица, дѣлаютъ изъ него вѣрнаго и основательнаго друга. Съ этими свойствами, съ искренней любовью къ истинности и справедливости, онъ соединяетъ умъ, способность оцѣнивать, скромность, образованность и несомнѣнно самое чистое и искреннее желаніе дѣлать добро и когда-нибудь сдѣлать счастливымъ свой народъ. Такой характеръ, смѣю сказать, при такомъ высокомъ положеніи и, что больше, среди такого распущеннаго двора, является, несомнѣнно, явленіемъ, самымъ замѣчательнымъ въ этой странѣ, которая, впрочемъ, представляетъ ихъ такъ много.

Долгое время его считали слабымъ и слишкомъ довѣрчивымъ къ людямъ, недостаточно еще ими испытаннымъ, вспыльчивымъ, строгимъ и даже

---

[1]) Не надо забывать, что Павелъ Петровичъ былъ извѣстнымъ обожателемъ Фридриха Великаго, постоянно обѣщавшимъ Гёрцу свою дружбу къ Пруссіи и свою помощь ей во всякихъ случайностяхъ. *Примѣчаніе переводчика.*

непослѣдовательнымъ. Если для этихъ обвиненій имѣется извѣстная почва, какъ я самъ былъ вынужденъ думать въ первые годы моего пребыванія въ Россіи, то въ послѣдніе годы я имѣлъ много разъ случай убѣдиться въ томъ, что то, что называютъ слабостью и довѣрчивостью, является естественнымъ послѣдствіемъ его доброты и его возраста; что слабость у него, навѣрное, имѣетъ разумные предѣлы и что, если для важныхъ дѣлъ нужна твердость, то онъ умѣетъ ее выказывать, и даже не совѣтуется для сего съ Великой Княгиней, любить и уважать которую считаетъ, однако, святымъ своимъ долгомъ; что же касается второго, т. е. довѣрчивости, которая присуща какъ его возрасту, такъ и свойствамъ его сердца, то она сильно уменьшилась, въ особенности послѣ его путешествій, которыя пошли этому лицу поразительно на пользу, и съ тѣхъ поръ онъ несомнѣнно остороженъ, сдержанъ и проницателенъ въ своихъ привязанностяхъ.

Относительно вспыльчивости приводятъ примѣры, особенно прошлаго времени, но, такъ-какъ со словъ самыхъ уважаемыхъ лицъ, какъ и по собственнымъ наблюденіямъ, я увѣренъ, что Великій Князь сознаетъ въ себѣ этотъ недостатокъ, и что онъ его остерегается, то есть полное основаніе полагать, что она его не собьетъ съ пути. То же самое должно случиться съ обвиненіемъ его въ непослѣдовательности, если она была, или, можетъ быть, есть еще сейчасъ; а что касается строгости, то у Государя столь отличнаго характера, я, по всему, что я могъ видѣть, считаю её скорѣе за необходимую добродѣтель и за послѣдствіе любви къ порядку и къ справедливости.

По моему слабому разумѣнію, все будетъ зависѣть отъ того, какой выборъ Великій Князь сдѣлаетъ по восшествіи своемъ на престолъ для замѣщенія довѣренными лицами первыхъ мѣстъ, т. е. отъ того, кому онъ поручитъ помогать ему въ управленіи своимъ огромнымъ государствомъ. Выборъ этотъ будетъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ, и, если я не ошибаюсь въ своихъ сужденіяхъ на счетъ тѣхъ, кого я узналъ въ этой странѣ и чьи характеры я собираюсь описать, то затрудненія при этомъ представятся весьма большія.

Самъ Великій Князь ихъ сознаетъ и ими проникнутъ; доказательствомъ тому служитъ то, что я разъ отъ него слышалъ, когда онъ говорилъ, что узналъ отъ Сардинскаго короля одну вещь, истину и пользу которой для него въ будущемъ онъ всецѣло сознаетъ; именно, что не слѣдуетъ сразу считать человѣка безполезнымъ потому только, что онъ оказался непригоднымъ для предназначенныхъ ему должностей; что его слѣдуетъ изучать со всѣхъ сторонъ, и что рѣдко случится не найти хоть одну таковую, съ которой онъ могъ бы быть полезенъ, и что всякій государь, постоянно нуждающійся въ помощникахъ для достиженія весьма разностороннихъ цѣлей, непремѣнно и поступать долженъ именно такъ. Судя по принципамъ этого Великаго князя, можно быть увѣренными, что онъ никогда не склонится къ перевороту, никогда никакимъ, даже самымъ косвеннымъ

образомъ не будетъ ему способствовать, если бы даже недовольные, въ коихъ нѣтъ недостатка, затѣяли таковой въ его пользу. Независимо отъ того, что это противно его сердцу, онъ еще находитъ, что интересы его дома и Россійской Имперіи, требуютъ, чтобы этотъ неправильный способъ наслѣдованія трона прекратился и былъ замѣненъ законнымъ наслѣдованіемъ. Если бы даже обстоятельства войны съ иностранной державой привели къ такому перевороту въ это царствованіе, ручаюсь, что Великій Князь будетъ къ нему совершенно непричастенъ и что онъ случится безъ его вѣдома и противъ его воли!

Имѣвъ полный интересъ изучить этого Государя, приложивъ къ сему немало труда и имѣвъ столько къ тому случаевъ, я смѣю ручаться въ правдивости его характеристики. Въ виду важности сохраненія его доброжелательства, я не долженъ опустить сказать, что онъ весьма чувствителенъ и деликатенъ и что любой придворный и любой министръ рискуютъ провалиться въ его мнѣніи, если онъ замѣтитъ въ немъ несправедливыя намѣренія или если признаетъ въ комъ-либо пороки или нравственную испорченность, и я имѣю полное основаніе быть убѣжденнымъ, что именно благодаря этому, больше чѣмъ чему-нибудь иному, онъ такъ отрицательно относится къ Императору [1]).

Союзъ между нимъ и Великой Княгиней самый нѣжный и счастливый. Она его первый другъ, и, какъ таковая, будетъ имѣть на своего супруга очень большое вліяніе, но его нѣжность, любезность и снисходительность ко всему, что можетъ составить ея счастіе, никогда не дойдутъ до того, чтобы она могла возымѣть безграничное вліяніе на него въ отношеніи важнѣйшихъ Государственныхъ дѣлъ.

Ея Высочество Великая Княгиня.

Я даже имѣю основаніе быть убѣжденнымъ, что эта Государыня, добрая и добродѣтельная, любящая своего супруга съ полнѣйшей, искреннѣйшей взаимностью, очень далека отъ мысли желать этого, а тѣмъ болѣе практиковать, и что она, проникнутая счастіемъ своего положенія, поставляетъ себѣ долгомъ со своей стороны сочувствовать взглядамъ, которые она знаетъ за Великимъ Княземъ, и что, сознавая, что сдѣлала бы его несчастнымъ, если бы дала ему замѣтить въ себѣ, въ главнѣйшихъ вопросахъ, взгляды, расходящіеся съ его видами, она никогда не позволитъ себѣ имѣть противоположныхъ... Я имѣю тѣмъ болѣе основанія утверждать это, что убѣжденъ не безъ причины, что такой случай даже былъ и что Ея Высочество, замѣтивъ, что вышеописанный образъ дѣйствій необходимъ для ея счастія, рѣшилась на него и постоянно ему слѣдуетъ... Она имѣетъ все, чтобы сохранить свое счастіе. Счастливая мать и супруга, одаренная прелестями лица, умомъ образованнымъ, развитымъ, она пріобрѣла привязанность и любовь всѣхъ и каждаго, и въ послѣдніе годы моего пребыванія въ особенности, Ихъ Вы-

[1]) Іосифу II Австрійскому. *Примѣчаніе переводчика.*

сочества настолько выиграли въ общественномъ мнѣніи, что за исключеніемъ очень небольшого числа лицъ, не имѣвшихъ возможности раньше найти къ нимъ доступа и собственная совѣсть коихъ ихъ упрекала, всѣ рѣшительно совершенно имъ преданы.

Молодые Великіе Князья.

Я долженъ еще сказать два слова о молодыхъ великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ, изъ коихъ старшій является будущимъ Наслѣдникомъ Россійскаго престола, а другому предназначено Императрицей занять Византійскій престолъ и владѣть Греческой Имперіей. Они кажутся хорошими дѣтьми, хорошо сложенными физически и съ хорошими характерами, и если бы ихъ отецъ и мать имѣли возможность вліять на ихъ воспитаніе, то оно, конечно, было бы таково, что Государство въ будущемъ могло бы разсчитывать найти въ нихъ хорошихъ правителей. Но такъ-какъ объ этомъ воспитаніи заботится одна Императрица и такъ-какъ она безъ всякаго содѣйствія Великаго Князя выбрала лицъ, слѣдящихъ за этимъ воспитаніемъ, то этотъ выборъ оказался весьма необыкновеннымъ. Старшимъ въ этомъ дѣлѣ является нѣкій генералъ-аншефъ Салтыковъ, человѣкъ незнающій, безхарактерный и не умный, можетъ быть ни дурной, ни хорошій, болѣзненный и ни въ какомъ отношеніи непригодный для этого важнаго поста [1]).

Второй воспитатель Великаго Князя Александра, нѣкій графъ Протасовъ, тоже досель неизвѣстная личность, также не обладаетъ ни талантомъ, ни знаніями, ни свѣтскимъ лоскомъ, такъ что никто въ Россіи не могъ понять, что побудило назначить его на подобную должность.

Второй воспитатель Великаго Князя Константина, нѣкій баронъ Сакенъ, лифляндецъ, бывшій раньше министромъ въ Даніи, слабый, покладистый, но обладающій, по крайней мѣрѣ, свѣтскими манерами. Сверхъ сего при каждомъ изъ нихъ состоитъ еще нѣкоторое число придворныхъ кавалеровъ и иныхъ лицъ, изъ коихъ состоящіе при младшемъ — преимущественно греки, такъ-какъ Великій Князь научился греческому языку раньше русскаго; всѣ они состоятъ лично при князьяхъ, но ничтожны, за исключеніемъ одного — швейцарца, по фамиліи Лагарпъ, человѣка достойнаго, попавшаго сюда совершенно случайно, но который можетъ представить интересъ и которымъ стоитъ заняться, какъ лицомъ, которое, если ему удастся удержаться при этомъ дворѣ, можетъ со временемъ, особенно при иномъ царствованіи, получить нѣкоторое значеніе.

Перехожу теперь къ разнымъ частнымъ лицамъ, причастнымъ къ разнымъ отраслямъ управленія, и постараюсь, по мѣрѣ моихъ слабыхъ способностей, описать возможно точно всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ въ

---

[1]) Свѣтлѣйшій князь Николай Ивановичъ Салтыковъ (1736—1816)—впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, и въ отечественную войну Предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. Современники подтверждаютъ въ общемъ высказанное о немъ Гёрцомъ мнѣніе.

настоящее время значеніе или которые могутъ имѣть значеніе въ настоящемъ царствованіи, или въ будущемъ.

Князь Потемкинъ. Первымъ изъ нихъ, несомнѣнно, является князь Потемкинъ. Не только какъ человѣкъ, сумѣвшій пріобрѣсть наибольшее вліяніе на умъ Императрицы, но и какъ лицо, одаренное наибольшими талантами, умѣніемъ и средствами удержаться на настоящей высотѣ. Извѣстно, что любовь положила начало ему на семъ пути; но, превосходя всѣхъ своимъ геніемъ, своей ловкостью въ дѣлахъ и умѣніемъ использовать все то, что ему пришлось наблюдать; онъ настолько овладѣлъ умомъ Императрицы, что все предъ нимъ преклонилось. Его никакъ нельзя назвать человѣкомъ обыкновеннымъ. Въ своей странѣ онъ несомнѣнно выдающійся человѣкъ и былъ бы таковымъ во всякой другой, если бы его природный геній получилъ черезъ хорошее воспитаніе правильное направленіе.

Ему, каковымъ онъ есть, въ своей родинѣ суждено было стать наиболѣе вліятельнымъ человѣкомъ, чего онъ и добился и гдѣ ему вѣроятно, удастся удержаться; ибо, будучи всемогущимъ и пользуясь этимъ всемогуществомъ по обстоятельствамъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ умѣетъ быть середворцемъ, беречь, выигрывать время, гнуться когда нужно, все поворачивать въ свою пользу и, буде нужно, превозмогать всѣ затрудненія. Средства ему безразличны и онъ ими не стѣсняется. Раньше, будучи лишь любовникомъ, пробиравшимся къ пріобрѣтенію значенія, къ которому онъ стремился, онъ ревниво относился къ своему «фавору». Нынѣ, ставъ необходимымъ, добившись вліянія во всѣхъ дѣлахъ, онъ допускаетъ, чтобы и другіе пользовались нѣкоторымъ довѣріемъ, чтобы они ему помогали, и на нихъ онъ смотритъ, какъ на подчиненныхъ, убѣжденный, что онъ всегда властенъ раздавить ихъ, если бы они зазнались.

Въ странѣ его не любятъ; Императрица тоже не любитъ его, но онъ сумѣлъ заставить всѣхъ, и Государыню въ томъ числѣ, бояться его; удержавшись до сихъ поръ и не имѣя даже возможнаго соперника, могущаго на таковую роль рѣшиться, онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, на мѣстѣ и останется, тѣмъ болѣе, что никто уже болѣе не желаетъ его гибели, что никто не надѣется отъ нея выиграть, что онъ сумѣлъ дѣйствовать такъ, что всякій, кто попытался бы стать на его мѣсто, сталъ бы всѣмъ еще болѣе подозрительнымъ, что къ тому же онъ проникся большимъ проектомъ, любимымъ планомъ Императрицы, сталъ такъ сказать, душой его, и что все въ этомъ столь важномъ въ глазахъ Императрицы планѣ находится въ его рукахъ и ему довѣрено, такъ что она считала бы себя принужденной бросить этотъ проектъ, если бы Потемкинъ ушелъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что каждому двору, каждому посланнику, особливо же королевскому-прусскому, весьма важно быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ такимъ человѣкомъ, вліянію коего не предвидится конца. Заручиться имъ—

это все; но мнѣ кажется, что это невозможно—всѣ средства были бы недостаточны. Богатство безсильно — онъ имѣетъ несмѣтныя сокровища. Онъ увѣренъ въ своемъ вліяніи и своей власти, пока онъ поддерживаетъ проектъ Императрицы. Онъ потерялъ бы и то, и другое, если бы бросилъ этотъ проектъ, чего онъ тѣмъ болѣе не сдѣлаетъ, что онъ примкнулъ къ нему самъ, по сочувствію и личному интересу, и находитъ, или предполагаетъ еще въ будущемъ найти въ немъ свою выгоду. Такимъ образомъ, единственнымъ способомъ для иностраннаго двора или посланника заручиться имъ, это поддерживать этотъ самый проектъ, и только посланники Императора и англійскій имѣютъ возможность, по моему слабому мнѣнію, использовать это средство. Г-нъ Харрисонъ [1]) сумѣлъ имъ воспользоваться и тѣмъ заслужилъ довѣріе [2]). Графу Кобенцлу [3]) также было дано подобное разрѣшеніе, и хотя его приближенные и отрицаютъ это, онъ получилъ отъ того огромныя выгоды.

Такъ какъ интересы короля [4]) не допускаютъ содѣйствія этому проекту и состязанія съ Вѣнскимъ дворомъ, въ виду географическаго расположенія обоюдныхъ государствъ, въ связи съ тѣмъ, что я высказалъ по этому поводу въ первомъ и второмъ отдѣлѣ и что собираюсь еще сказать въ будущемъ,— то прусскому посланнику остается только любезно съ нимъ обходиться, показывая ему, что дворъ его нисколько не противится этому проекту, что онъ скорѣе ему сочувствуетъ, что желательно только въ остальномъ видѣть его расположеніе къ королю и Прусскому государству, что въ такое расположеніе его вѣрятъ, что его такимъ считаютъ и ему довѣряютъ, и чтобы, наконецъ, онъ никакъ не могъ заподозрить насъ въ желаніи, ни теперь, ни послѣ, оказывать ему плохія услуги, а убѣдился бы, наоборотъ, что мы исполнены уваженія къ нему и его талантамъ. Если бы удалось убѣдить его въ этомъ, быть особенно къ нему внимательными, стараться ему понравиться, заискивать передъ нимъ, поощрять его вкусы, ублажать его, не надоѣдать, такъ какъ этотъ человѣкъ ненавидитъ стѣсненія и приставанія,— то мнѣ представляется, что это единственный способъ для достиженія цѣли.

Онъ многое знаетъ, хотя познанія эти неглубоки, обладаетъ хорошей памятью, пріятнымъ разговоромъ, любитъ хорошо покушать, играть; если сумѣть принимать во всемъ этомъ участіе,—то все это дастъ средство временами приближаться къ нему. Разсчитывать же на искреннюю привязанность его къ какому бы-то ни было двору, или къ кому бы-то ни было—это, конечно, вещь, на которую никогда нельзя надѣяться. Онъ навѣрное не питаетъ таковой къ Императору, котораго онъ ни любитъ, ни

---

[1]) Англійскій посланникъ.
[2]) Императрицы.
[3]) Австрійскому посланнику.
[4]) Прусскаго

уважаетъ, но онъ считаетъ его нужнымъ для своего проекта и не имѣетъ иной цѣли, какъ только его использовать [1]).

Ермоловъ. Фавориты дня — существа преходящія, подчиненныя, нарочно таковыми избираемыя, дабы они не могли имѣть ни талантовъ, ни средствъ получить собственное значеніе, ни прямое вліяніе на государственныя дѣла. Таковъ и нынѣшній, графъ Ермоловъ; такъ какъ предыдущій, графъ Ланской, подъ конецъ пріобрѣлъ слишкомъ много значенія, до такой степени, что если бы онъ не умеръ, то былъ бы, пожалуй, въ состояніи взять верхъ надъ всѣми, то весьма вѣроятно, что князь Потемкинъ и въ будущемъ не допуститъ никого изъ этихъ личностей просуществовать такъ долго... Тотъ, котораго я оставилъ въ Петербургѣ, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати только, считался личностью довольно доброй и мягкой. Для иностраннаго посланника полезно, насколько возможно, держаться по отношенію такихъ лицъ учтиваго и любезнаго образа дѣйствій, дабы они, хотя и не имѣющіе вліянія на дѣла, не могли, однако же, повредить ему разговорами и сплетнями, что составляетъ обычное занятіе этихъ господъ и чѣмъ они стараются скоротать часы досуга Ея Величества.

Перехожу теперь къ министрамъ, коимъ дѣйствительно ввѣренъ департаментъ иностранныхъ дѣлъ и къ которымъ иностранному послу полагается обращаться.

Графъ Остерманъ. По занимаемому имъ мѣсту, первымъ является Государственный Вице-Канцлеръ графъ Остерманъ. Это человѣкъ ограниченный, совершенно обыкновенный, не умный и весьма непріятный своимъ обращеніемъ, своимъ тономъ, какъ при хорошемъ, такъ и при дурномъ расположеніи своего духа, служащій тѣмъ самымъ иногда посмѣшищемъ, до такой степени, что никто изъ природныхъ русскихъ его не уважаетъ и не щадитъ.

Кромѣ церемоніала пустого представительства, обязанность его, собственно говоря, это—служить рупоромъ, и онъ это исполняетъ добросовѣстно. Когда онъ бесѣдуетъ съ иностранными посланниками, можно быть увѣреннымъ, что онъ съ возможной точностью передастъ все, что они ему скажутъ о дѣлахъ, какъ равнымъ образомъ, что онъ передастъ имъ въ возможно рѣзкой формѣ отвѣтъ, или намекъ, пріятный или непріятный, который ему поручено довести до ихъ свѣдѣнія. Въ глазахъ этой Государыни, одно изъ достоинствъ этого министра заключается въ точности, съ которой, какъ она знаетъ, онъ исполняетъ на этотъ счетъ ея порученія, и въ увѣренности ея, что она, такимъ образомъ, имѣетъ возмож-

[1]) Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій (1739—1791). Къ данной ему Гёрцомъ характеристикѣ нечего прибавить: нынѣ, кажется, не можетъ быть, и нѣтъ, сомнѣнія для русскаго историка, что Потемкинъ былъ не только «баловнемъ счастія», но и достойнымъ сотрудникомъ Екатерины, оставившимъ по себѣ замѣтный слѣдъ въ исторіи, такъ что распространяться о немъ врядъ ли приходится.

ность высказать свою волю тѣмъ изъ посланниковъ, которые согласны, а иногда и должны подвергаться такому повелительному тону. Въ связи съ его ничтожествомъ, съ его готовностью предоставить все настоящее дѣло тѣмъ, кто способнѣе его, довольствуясь порученнымъ ему занятіемъ, которое обыкновенно содержитъ съ себѣ лишь всѣ непріятныя стороны, можно побиться объ закладъ, что такой удобный для Императрицы и для руководителей дѣлами, не желающихъ имѣть связанныхъ съ этимъ непріятностей, человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ никому неопасный, долго еще будетъ продолжать представительствовать. И, таковъ, каковъ онъ есть, и незначительный, какимъ я его описалъ, если-бы въ настоящую минуту онъ былъ смѣщенъ, то всѣ иностранные посланники, можетъ быть, о немъ пожалѣли бы, такъ какъ я, напримѣръ, не могу среди всѣхъ могущихъ быть назначенными на его мѣсто назвать ни одного, заслуживающаго передъ нимъ предпочтенія и съ которымъ пришлось бы менѣе опасаться неудобствъ и непріятностей. Онъ обязанъ давать письменный отчетъ о всемъ, что иностранные посланники говорятъ ему въ совѣщаніяхъ, а главное, онъ и приказанія Императрицы получаетъ письменно, не имѣя случая устно объясняться съ Ея Величествомъ по существу дѣла, такъ что онъ, въ сущности, и не можетъ имѣть особеннаго вліянія; но онъ, однако, точно и честно передаетъ слова обѣимъ сторонамъ. Съ нимъ посланникъ увѣренъ, что то, что онъ желаетъ, дѣйствительно дойдетъ до свѣдѣнія Государыни, и что то, что отъ нея ему передаютъ, доходитъ до него въ той именно формѣ, въ которой было сказано, тогда какъ съ графомъ Безбородкой, хотя онъ и представляетъ душу и двигателя всѣхъ дѣлъ, никогда нельзя полагаться на его слова и можно скорѣе ожидать противоположнаго вліянія. Не слѣдуетъ, однако, обольщаться наружнымъ добродушіемъ графа Остермана. Онъ къ нему склоненъ, но, будучи послушнымъ слугою, онъ все подчиняетъ этому свойству и не имѣетъ ни желанія, ни силы воли выказывать свое добродушіе. Можно, слѣдовательно, быть увѣреннымъ, что онъ все передаетъ, хотя бы онъ увѣрялъ, что говоритъ лишь, какъ графъ Остерманъ, и когда онъ проситъ васъ объясняться въ томъ же качествѣ, когда онъ вамъ даетъ честное слово, что не имѣетъ никакого приказанія разговаривать съ вами о томъ или иномъ дѣлѣ, когда онъ клянется всѣмъ святымъ не использовать то, что вы ему скажете, и отказался бы отъ своихъ словъ, если бы вы со своей стороны ихъ использовали—все это лишь одна комедія, и можно быть увѣреннымъ, что въ эту минуту онъ говоритъ только по приказанію и что все сказанное передается кому слѣдуетъ съ полной точностью. Я много разъ имѣлъ съ нимъ подобные разговоры и вполнѣ убѣдился въ истинѣ только что сказаннаго. Способный иностранный посланникъ всегда съумѣетъ какъ-нибудь использовать его и даже его разговоры; да впрочемъ иногда все же представляются случаи, гдѣ болѣе или менѣе можно привести его въ возбужденное состояніе и кое-что отъ него вырвать, а иногда можно о нѣкоторыхъ вещахъ догадаться по его смущенію или молчанію.

Онъ требуетъ для себя вниманія и въ высшей степени чувствителенъ, если замѣчаетъ, что имъ пренебрегаютъ и оцѣниваютъ его лишь по малому его значенію. Его должность, его возрастъ требуютъ этого вниманія; наконецъ, избѣгать его огорчать только пристойно и полезно, такъ какъ, разсердившись на кого-либо, онъ уже не имѣетъ деликатности его щадить. Надо, правда, сознаться, что часто требуется много терпѣнія, чтобы выносить его тонъ и его политическія разсужденія, и многія лица любятъ надъ ними насмѣхаться [1]).

Гр. Безбородко. Лицо, правящее иностранныя дѣла и пользующееся въ этой отрасли, какъ и во многихъ другихъ, большимъ довѣріемъ Императрицы—это графъ Безбородко, который вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ второе мѣсто въ иностранной коллегіи и состоитъ кабинетъ-секретаремъ Императрицы, мѣсто, которое онъ будетъ занимать возможно дольше потому, что благодаря ему, онъ ежедневно близокъ къ Государынѣ и что онъ тѣмъ самымъ держитъ въ своихъ рукахъ судьбы всѣхъ семействъ. Карьера этого человѣка, совершенно еще невѣдомаго когда я прибылъ въ Россію, необычайна. Заставъ его нищимъ, я оставилъ его съ 80.000 рублей дохода и неограниченнымъ довѣріемъ Императрицы и вліяніемъ, преобладающимъ во всѣхъ дѣлахъ настолько, что одинъ онъ можетъ до нѣкоторой степени сравниться съ княземъ Потемкинымъ.

Онъ достигъ столь быстраго успѣха, говорятъ, благодаря слѣдующимъ его достоинствамъ: способности быстро схватывать, большой точности въ стилѣ, быстротѣ въ исполненіи дѣлъ, замѣчательной памяти, и ко всѣмъ этимъ рѣдкимъ въ странѣ способностямъ, которыхъ у него нельзя отнять, надо добавить слѣпое исполненіе воли Императрицы и ловкость примѣняться ко всѣмъ ея намѣреніямъ, ни въ чемъ ей не противорѣча. Вотъ чѣмъ, по общей увѣренности, онъ взялъ у Императрицы. Привычка къ нему Государыни думающей, что она сама выработала для дѣла этого человѣка, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ, можетъ быть, не зналъ даже значенія слова «политика», и постоянная готовность его исполнять ея повелѣнія—вотъ что служитъ ему поддержкой, хотя его распущенный, низкопробный образъ. жизни, его невѣроятная лѣнь, его поверхностныя познанія и невзрачная наружность нигдѣ больше не сдѣлали бы изъ него столь значительную личность.

Благодаря занимаемому имъ мѣсту, всякій иностранный посланникъ неизбѣжно вынужденъ обращаться къ нему по сколько-нибудь важному

---

[1]) Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ (1725—1811). Высказанное Гёрцомъ мнѣніе совпадаетъ съ мнѣніемъ всѣхъ иностранцевъ, небезпристрастные отзывы которыхъ находятъ себѣ, однако, подтвержденіе въ томъ, что того же мнѣнія объ Остерманѣ, по свидѣтельству Храповицкаго, была и сама Екатерина II.

По воцареніи своемъ Императоръ Павелъ I пожаловалъ его канцлеромъ, но въ началѣ 1797 года онъ уже былъ уволенъ отъ должности и удалился въ Москву. Тамъ, «высокій и худой, важный на видъ, въ старинномъ костюмѣ Екатерининскаго времени, Остерманъ пользовался за свою *прямоту и честность всеобщимъ уваженіемъ*... и удостоивался посѣщеній Императора Александра I».

дѣлу, долженъ стараться всячески его ему растолковать, чтобы онъ его хорошо понялъ и чтобы ни онъ, ни даже Императрица не могли подумать, что имъ пренебрегаютъ или ему не довѣряютъ и чтобы онъ по крайней мѣрѣ не обратился во врага; въ остальномъ, если только не быть увѣреннымъ въ расположеніи Императрицы, было бы ошибочно полагаться на него и на то, что онъ позволитъ себѣ говорить въ разговорахъ или совѣщаніяхъ съ нимъ, въ которыхъ онъ будетъ давать лишь надежды и обѣщанія, такъ какъ по установленному имъ для себя правилу, онъ никогда не долженъ давать ни въ какомъ дѣлѣ отрицательнаго отвѣта или рѣшенія, предоставивъ передавать всѣ непріятныя по иностраннымъ дѣламъ отвѣты исключительно вице-канцлеру.

Онъ любитъ хорошій столъ и всякаго рода разгулъ, въ чемъ его стараются поддерживать тѣ, кто стремится вмѣшиваться въ дѣла и пользоваться его вліяніемъ. Онъ служитъ поддержкой цѣлой кликѣ, приверженной ему, продвигающейся благодаря ему и представляющей въ настоящее время преобладающую партію, пользующуюся всѣми милостями, должностями и всѣмъ прочимъ и состоящую изъ лицъ, откровенно принявшихъ за правило, постоянно соблюдаемое и многими изъ нихъ публично признаваемое безъ всякаго стыда—безпрекословно служить Императрицѣ по ея желанію, не думая вовсе о томъ, выходитъ ли изъ того польза государству или службѣ, лишь бы шло на пользу ихъ «фортунѣ». Мнѣ кажется весьма существеннымъ, смотрѣть на нихъ и цѣнить ихъ съ этой точки зрѣнія и, слѣдовательно, остается только ему и всѣмъ составляющимъ эту клику и не имѣющимъ къ тому ни причинъ, ни личнаго интереса помѣшать вредить вашимъ дѣламъ, будучи увѣреннымъ, что въ любомъ дѣлѣ ихъ всецѣло можно настроить въ свою пользу лишь въ томъ случаѣ, если Ея Величество лично того пожелаетъ, въ каковомъ случаѣ они не будутъ чинить никакихъ препятствій.

Что же касается Великаго Князя, то онъ ко всѣмъ лицамъ этой партіи, которыхъ онъ почти всѣхъ подозрѣваетъ въ участіи паденія Панина, питаетъ истинное отвращеніе, относительно многихъ вѣроятно непреодолимое, такъ что въ будущемъ царствованіи они врядъ ли могутъ разсчитывать на какія бы то ни было должности [1]).

[1]) Свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко; (1747—1799). Какъ частнаго человѣка, характеристика, данная ему Гёрцомъ, совпадаетъ съ мнѣніемъ всѣхъ современниковъ. Въ «Русскихъ Портретахъ», однако, про него сказано, что усвоивъ себѣ мысли и намѣренія государыни, онъ умѣлъ наилучшими способами приводить ихъ къ желанному исполненію, *или примѣнять къ государственной жизни.* Слѣдовательно, не одна только забота о личномъ благосостояніи руководила имъ, какъ хотѣлъ-бы доказать графъ Гёрцъ.

Равнымъ образомъ, ошибся онъ и въ отношеніи расположенія Павла Петровича къ Безбородко, какъ члену и даже душѣ «клики»: онъ, напротивъ, приблизилъ его къ себѣ, и въ день коронаціи пожаловалъ ему княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлѣйшаго, назначилъ оберъ-гофмейстеромъ, Бальи ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, членомъ своего совѣта и др., осыпалъ его иными милостями, послѣдней изъ коихъ было назначеніе канцлеромъ. Въ концѣ 1798 года Безбородко, по болѣзни, уволился отъ службы и 9 апрѣля 1799 года умеръ.

Чтобы не смѣшать ихъ, я сейчасъ же назову главнѣйшихъ членовъ этой партіи и добавлю лишь, что графа Безбородко постоянно окружаетъ толпа малороссовъ, братьевъ, племянниковъ, родственниковъ, приспѣшниковъ и т. п., въ обществѣ которыхъ онъ наслаждается и которыхъ поэтому слѣдуетъ ублажать вниманіемъ и любезностями.

Совѣтникъ князь Бакунинъ. Первымъ я назову совѣтника Бакунина, который, будучи членомъ иностранной коллегіи, имѣетъ непосредственное вліяніе на ходъ дѣлъ, благодаря своей должности и котораго поэтому иностранному посланнику слѣдуетъ не только ублажать, но передъ которымъ онъ даже долженъ заискивать, съ которымъ онъ можетъ говорить о дѣлахъ, требующихъ обсужденія, и который можетъ быть полезенъ, такъ какъ обладаетъ огромнымъ навыкомъ и талантомъ придавать дѣламъ оборотъ въ желаемомъ направленіи, особенно для злостныхъ продѣлокъ, которыми иногда пользуется. Это его большое искусство и какъ, впрочемъ, чернота его характера, всѣми признана (что онъ и доказалъ вопіющей неблагодарностью относительно графа Панина, своего постояннаго благодѣтеля), то это человѣкъ, на котораго никоимъ образомъ нельзя разсчитывать; впрочемъ, его связываютъ съ этой кликой, нужда, стыдъ и интересъ, хотя онъ ею, несомнѣнно, недоволенъ, войдя въ ихъ заговоръ въ разсчетѣ занять самому, въ виду ничтожества графа Остермана, мѣсто графа Панина, тогда какъ теперь путь ему закрытъ графомъ Безбородко [1]).

Эти три личности, графъ Остерманъ, Безбородко и Бакунинъ составляютъ департаментъ и совмѣстно подписываютъ всѣ депеши.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ и начальникъ Коммерцъ-Коллегіи графъ Александръ Воронцовъ. Кромѣ этихъ трехъ лицъ, имѣющихъ прямое и законное касательство къ дѣламъ, есть графъ Александръ Воронцовъ, который безъ всякаго права имѣетъ вліяніе на всѣ дѣла, благодаря самой тѣсной связи между нимъ и графомъ Безбородко, который ничего отъ него не скрываетъ, все ему сообщаетъ, о всемъ съ нимъ совѣтуется и на котораго онъ пріобрѣлъ огромное вліяніе, такъ что можно этого графа Воронцова считать головой и душою всей этой клики.

Къ сожалѣнію, этотъ вожакъ,—человѣкъ черствый, деспотъ, гордый, тщеславный, высокомѣрный, безъ принциповъ, безъ чувствъ, безъ настоя-

[1]) Петръ Васильевичъ (Меньшой) Бакунинъ (1734—1786). «Человѣкъ значительнаго ума, гибкій и вкрадчивый, Бакунинъ считался крупнымъ дѣльцомъ и выдающимся мастеромъ по части составленія бумагъ; хотя онъ никогда не былъ въ числѣ любимцевъ; вліяніе его на дѣла было очень велико, благодаря чему съ нимъ приходилось считаться иностраннымъ дипломатамъ, которымъ не по душѣ былъ его несговорчивый, упорный характеръ», говорится о немъ въ «Русскихъ Портретахъ». А такъ какъ Бакунинъ былъ противникомъ идеи Панина о сближеніи Россіи съ Пруссіей (слѣдовательно неблагопріятствовалъ миссіи Гёрца) и онъ, а не Панинъ былъ творцомъ «вооруженнаго нейтралитета», то и нѣкоторое, можетъ быть, сгущеніе красокъ въ описаніи Гёрцомъ его личнаго характера становится понятнымъ.

щихъ знаній, но съ самымъ нескрываемымъ самомнѣніемъ и убѣжденностью, что обладаетъ всѣми ими и стоитъ выше всѣхъ другихъ; онъ имѣетъ мало способности оцѣнивать, но можетъ быть единственный изъ всѣхъ служащихъ, который работаетъ и работу довольно любитъ.

Этотъ человѣкъ, какимъ я его описалъ и какимъ, я полагаю, его найдетъ всякій наблюдательный человѣкъ, является тѣмъ, кто, можетъ быть, имѣетъ наибольшее вліяніе во всѣхъ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ; и онъ таковъ, что слѣдуетъ искать всѣ способы быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ; признаюсь, что не только я, но и всѣ другіе иностранные посланники, находили эту задачу одной изъ самыхъ непріятныхъ и трудныхъ [1]).

Тайный совѣтникъ Завадовскій. Тайный совѣтникъ и сенаторъ Завадовскій, малороссъ, былъ однимъ изъ фаворитовъ Императрицы и въ свое время былъ причиной успѣховъ графа Безбородко, своего земляка; онъ занимаетъ также видное мѣсто среди этихъ господъ и всѣ думаютъ, что онъ давно уже намѣченъ на должность, весьма важную въ этомъ царствѣ, генералъ-прокурора. Это настоящій іезуитъ, котораго его товарищи посылаютъ шнырять во всѣ стороны, къ Великому Князю, князю Потемкину и въ обществѣ и которому разрѣшаютъ даже принимать любой обликъ, лишь бы освѣдомиться о томъ, какого о нихъ мнѣнія. Его принципы и его характеръ соотвѣтствуютъ тѣмъ личностямъ, съ которыми онъ друженъ. Онъ одинаково деспотиченъ, тщеславенъ и самонадѣянъ [2]).

Кромѣ этихъ четырехъ лицъ преобладающей клики, къ которой принадлежатъ еще много мелкихъ приспѣшниковъ, есть еще нѣсколько выдающихся членовъ, которые, хотя въ данное время и отсутствуютъ, но могутъ имѣть тамъ вліяніе и, такъ какъ они служатъ для внѣшнихъ дѣлъ, то знакомство съ ними можетъ быть небезразличнымъ.

Графъ Морковъ. Графъ Безбородко особенно любитъ графа Моркова, который, предпріимчивый и нахальный, съумѣлъ выдвинуться и теперь состоитъ посланникомъ въ Швеціи. Я не могу иначе назвать его какъ чело-

[1]) Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ (1741—1805) Отличительною чертою характера графа Воронцова была твердость. Это былъ по выраженію Радищева, человѣкъ «душесильный, настойчивый въ работѣ и смѣлый въ защитѣ своихъ убѣжденій; онъ обладалъ феноменальной работоспособностью. Воронцовъ не зналъ страха и угодливости, когда ему приходилось отстаивать то, что онъ считалъ полезнымъ для государства или дорогимъ лично для себя, во имя того, или другого нравственнаго принципа». Понятно, почему «задача быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, показалась Гёрцу самой трудной. «Человѣкъ неподатливый, тяжелый, методичный, графъ Воронцовъ, угрюмый и сухой, былъ способенъ на дѣлѣ къ нѣжной родственной любви и дружбѣ».

[2]) Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій (1739—1812). При Павлѣ I былъ главнымъ директоромъ банковъ, а при Александрѣ I, съ 1802 года, первый министръ народнаго просвѣщенія. Большинство современниковъ благосклонно отзывается о немъ, за исключеніемъ Державина, нелестно относящагося къ его неразборчивости въ способахъ наживы.

вѣкомъ никуда негоднымъ, общенія съ коимъ надо остерегаться. Съ самодовольствомъ неудавшагося петиметра онъ соединяетъ нахальство выскочки и недобросовѣстность шулера. Довѣренность графа Безбородко онъ заслужилъ, вѣроятно своей веселостью, своимъ остроуміемъ и своей наклонностью къ разврату, и теперь, ставъ всѣмъ чрезъ него, онъ считается имъ своимъ человѣкомъ, достигшимъ чрезъ него успѣха. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ навѣрное врагъ Пруссіи и преданъ Австріи.

Генералъ графъ Семенъ Воронцовъ.

Графъ Семенъ Воронцовъ, посланникъ при Лондонскомъ дворѣ и братъ графа Александра, считался, когда я прибылъ въ Россію, однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ русскихъ, наиболѣе просвѣщенныхъ людей этой націи. Будучи обойденнымъ по службѣ княземъ Потемкинымъ, онъ бросилъ военную службу и всякую иную и, казалось, удалился на все время царствованія Императрицы. Въ тѣ времена я довольно близко съ нимъ сошелся и этой связи обязанъ открытіемъ многихъ вещей, которыя были мнѣ весьма полезны и послужили къ правильному освѣщенію другихъ.

Онъ обладаетъ знаніями, умомъ, тонкостью и вполнѣ совершеннымъ свѣтскимъ лоскомъ; онъ способенъ привязываться, даже быть чувствительнымъ, но въ концѣ-концовъ и онъ поддался своему интересу, своей карьерѣ, и такъ какъ всѣ лица, составляющія преобладающую партію,—его родственники или друзья то онъ присоединился къ нимъ и шествуетъ подъ общимъ съ ними знаменемъ [1]).

Графъ Румянцевъ русскій посланникъ въ Австріи.

То же самое случилось съ графомъ Николаемъ Румянцевымъ, посланникомъ при Императорскомъ дворѣ и во Франкфуртѣ, котораго раньше, когда онъ былъ привязанъ къ Великому Князю и тѣмъ самымъ пользовался довѣріемъ и добротой этого Князя, почти всѣ считали за порядочнаго человѣка; и онъ несомнѣнно съигралъ бы въ будущемъ царствованіи извѣстную роль, если бы пожелалъ остаться преданнымъ этому Князю и дожидаться будущаго. Онъ даже теперь сохранилъ бы свои надежды, но со времени порученія ему веденія дѣла обмѣна Баваріи съ герцогомъ Цвейбрюкенскимъ и способовъ, которыми

---

[1]) Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ (1744—1842). Въ 1784 году назначенъ посломъ въ Лондонъ, гдѣ оставался 20 лѣтъ и оказалъ Россіи немалыя услуги, благодаря своей твердости и дальновидности. По традиціи Воронцовъ былъ ярымъ пруссофобомъ и поборникомъ дружбы съ Англіей, которую онъ признавалъ естественной союзницей Россіи. Живо интересовавшійся внутренними дѣлами Россіи, соблюдавшій въ Англіи православные посты и желавшій на старости жить поближе къ русской церкви, графъ Воронцовъ, несмотря на все внѣшнее свое англоманство, имѣлъ полное право говорить: «Я русскій и только русскій». Выйдя въ отставку въ 1806 г., онъ навсегда поселился въ Англіи, гдѣ и умеръ. Онъ былъ отцомъ знаменитаго впослѣдствіи фельдмаршала князя Михаила Семеновича, намѣстника на Кавказѣ.

онъ это исполнилъ, и послѣ высказаннаго имъ расположенія къ Вѣнскому двору и его угодливости предъ настоящими министрами Имперіи [1]), напереко̀ръ извѣстнымъ ему принципамъ Великаго Князя — онъ, надо думать, навсегда утратилъ довѣріе и расположеніе этого Государя [2]).

Графъ Сергѣй Румянцевъ, посланникъ при королѣ.

Его младшій братъ, графъ Сергѣй Румянцевъ, другъ графовъ Завадовскаго и Безбородко, бывшихъ секретарями его отца, фельдмаршала, также вступилъ въ эту партію, и только благодаря ей онъ получилъ мѣсто въ иностранныхъ миссіяхъ, вопреки желаніямъ Императрицы и своему собственному, хотя онъ лично не понравился ей и подавалъ ей дѣйствительные поводы къ неудовольствію, вслѣдствіе своего злословія; онъ также на плохомъ счету у князя Потемкина. Разъ онъ вступилъ въ эту партію, то можно ожидать, что онъ и слѣдовать будетъ правиламъ—въ ней принятымъ.

Онъ уменъ, талантливъ, оригиналенъ, оживленъ, веселъ, остроуменъ съ большой самонадѣянностью, очень самолюбивъ, капризенъ, очень чувствителенъ, обладаетъ бо̀льшей національной гордостью, чѣмъ всѣ другіе русскіе, находя еще удовольствіе защищать парадоксальныя положенія, даже когда и признаетъ ихъ таковыми. Если бы ему пришлось защищать по службѣ своей подобнаго рода парадоксъ, я смѣю предвидѣть, что онъ приложитъ къ тому всю свою живость и сочтетъ въ извѣстной степени вопросомъ чести постараться съ нѣкоторымъ преимуществомъ или, по крайней мѣрѣ умомъ, поддерживать плохую тяжбу. Онъ будетъ очень внимателенъ ко всему, что ему будетъ удаваться узнавать, и я долженъ предполагать также, что онъ можетъ, пожалуй, забавляться уснащеніемъ своихъ донесеній шутками и злословіемъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ того, что это его личный вкусъ, онъ знаетъ, что это также нравится его Государынѣ и членамъ его партіи. Особенно онъ предастся этому, если, будучи весьма подверженъ скукѣ, онъ испытаетъ ее въ своемъ пребываніи въ Берлинѣ, и лучшимъ средствомъ, чтобы его отъ этого избавить, было бы, если бы нашлась какая-нибудь любезная дама и покладистая любовница, къ которой онъ могъ бы воспылать страстью.

Вотъ главнѣйшія лица, составляющія то, что въ самомъ Петербургѣ націоналисты называютъ «кликой». Среди менѣе видныхъ лицъ, но имѣющихъ

---

[1]) Австрійской *(Переводчикъ)*.

[2]) Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ (1754—1826), второй сынъ фельдмаршала Задунайскаго. Призванный ко двору и пожалованный гофмейстеромъ Императоромъ Павломъ, при Александрѣ I, министръ коммерціи (1802), иностранныхъ дѣлъ (1807) канцлеръ (1809), предсѣдатель Государственнаго Совѣта (1810). Слѣдовательно, невыгодныя для него предположенія Гёрца въ будущемъ царствованіи не оправдались. Высокообразованный коллекціонеръ, Румянцевъ оставилъ свои собранія своему младшему брату Сергѣю, который пожертвовалъ ихъ «на благое просвѣщеніе». Они составили основу Императорскаго Румянцевскаго музея въ Москвѣ.

извѣстное вліяніе, есть нѣкій Львовъ [1]) и швейцарецъ Санжи, служащіе въ канцеляріи гр. Безбородко, но къ которымъ очень трудно подойти, и въ теченіе нѣкотораго времени былъ тамъ итальянецъ, по имени Ферръеръ, который состоитъ генеральнымъ консуломъ въ Константинополѣ и который, если бы былъ въ Петербургѣ, можетъ быть, до нѣкоторой степени полезенъ, служа забавой гр. Безбородко; онъ хитеръ, ловокъ и бываетъ во всѣхъ слояхъ общества.

Перейду теперь къ нѣкоторымъ другимъ второстепеннымъ чиновникамъ департамента иностранныхъ дѣлъ. Первымъ изъ нихъ стоитъ статскій совѣтникъ Кохъ, вышедшій изъ школы князя Голицына въ Вѣнѣ; человѣкъ ограниченный во всѣхъ отношеніяхъ, считающій себя обязаннымъ пребывать вѣрнымъ завѣтамъ своей школы, впрочемъ мягкій, не имѣющій никакого вліянія. Есть еще другой, саксонецъ Вальтцъ, съ которымъ я имѣлъ нѣкоторую связь и который оставался еще со временъ гр. Панина; онъ, по своему имущественному положенію, можетъ нуждаться, однако, я долженъ предупредить, что онъ часто бываетъ неостороженъ и недостаточно вѣренъ, какъ то обыкновенно бываетъ съ людьми такого разбора. Все остальное совершенно незначительно и слишкомъ боязливо. Перехожу теперь къ важнѣйшимъ лицамъ, составляющимъ ежедневное общество Императрицы, въ которое допускаются изъ названныхъ мною кн. Потемкинъ, гр. Безбородко, гр. Завадовскій и также, понятно, фаворитъ минуты.

Гр. Иванъ Чернышевъ, вице-президентъ Адмиралтейства.

Въ этомъ обществѣ однимъ изъ самыхъ старыхъ царедворцевъ состоитъ графъ Иванъ Чернышевъ. Онъ уменъ, обладаетъ вполнѣ свѣтскимъ обхожденіемъ, пріятнымъ разговоромъ и всѣми свойствами настоящаго царедворца, такъ что хотя онъ и не пользуется никакимъ довѣріемъ и его вовсе не уважаютъ, онъ, однако, такъ необходимъ для общества Императрицы, что, несмотря на всѣ непріятности, которыя ему всѣ забавляются причинять, Ея Величество не можетъ безъ него обойтись и, если случится ей вывести его изъ себя и онъ начнетъ дуться на дворъ, она, въ концѣ концовъ, всегда его опять привлекаетъ. Мнѣ кажется, что, назвавъ его настоящимъ *царедворцемъ*, я его достаточно описалъ. Онъ до такой степени таковъ, что иностранный посланникъ можетъ принять его за свой настоящій термометръ, чтобы узнать, по пріему, который онъ, гр. Чернышевъ, ему оказываетъ, на какомъ счету, хорошемъ или худомъ, онъ самъ находится при дворѣ и въ умѣ Императрицы. Въ случаѣ, если Императрица хорошо расположена къ его двору, или къ нему лично, можно разсчитывать, что онъ будетъ содѣйствовать поддержанію этихъ чувствъ, донося съ точностью все, что онъ услышитъ хорошаго, точно также какъ,

---

[1]) Николай Александровичъ Львовъ (1751—1805). Прекрасный рисовальщикъ, поэтъ, другъ Державина, Хемницера, пріятель Левицкаго, Боровиковскаго, Гваренги. Человѣкъ общительный, привѣтливый, шутливый и остроумный.

если она расположена дурно, онъ не преминетъ донести, если узнаетъ что-нибудь вредное для посланника, особенно если это можетъ, хоть на минуту развлечь Ея Величество. Съ этой-то точки зрѣнія довольно важно съ нимъ считаться [1]).

Оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ.

Оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, который придворный шутъ и больше ничего, представляетъ еще одинъ такой термометръ, менѣе чувствительный, но за которымъ надо, все-таки, слѣдить и который усердно все передаетъ. Съ тѣхъ поръ какъ кн. Потемкинъ сталъ любовникомъ его дочерей, посѣщеніе его дома стало тѣмъ болѣе интереснымъ, что тамъ можно встрѣтить Потемкина и людей всевозможнаго рода.

Оберъ-камергеръ Шуваловъ.

Оберъ-камергеръ Шуваловъ, бывшій фаворитъ Императрицы Елисаветы, принадлежитъ къ тѣмъ тщеславнымъ людямъ, которые умны, но съ умомъ бурнымъ, непослѣдовательнымъ, ищутъ повсюду средствъ выдвинуться, никогда, однако, не имѣя достаточно послѣдовательности, чтобы выдержать опредѣленный планъ. Надо думать, что въ этомъ царствованіи онъ никогда ничего не достигнетъ, а такъ какъ Великій Князь считаетъ его человѣкомъ опаснымъ, трусливымъ и презрѣннымъ, можно быть увѣреннымъ, что и въ будущемъ царствованіи онъ не будетъ имѣть никакого значенія [2]).

Генералъ-аншефъ, генералъ-адъютантъграфъ Иванъ Салтыковъ.

Генералъ-аншефъ, графъ Салтыковъ, честный и порядочный человѣкъ и одинъ изъ старшихъ генераловъ, который, въ качествѣ такового, получитъ командованіе въ случаѣ войны, и любитъ свое дѣло, не имѣя, однако, въ томъ ни особыхъ талантовъ, ни познаній. Жена его высоко и истинно—достойная женщина; оба они, особенно-же она, на очень хорошемъ счету при молодомъ дворѣ, и въ глубинѣ души весьма преданы Пруссіи. Общеніе съ ними обоими безопасно и они всѣми русскими уважаемы [3]).

---

[1]) Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ (1726—1797) Императоромъ Павломъ I былъ впослѣдствіи пожалованъ фельдмаршаломъ по флоту. Кн. Долгорукій свидѣтельствуетъ, что онъ былъ «свѣтскимъ человѣкомъ, весьма образованнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ очень прямой, честный какъ въ своей частной, такъ и въ своей политической жизни, гостепріименъ, милъ и любезенъ со всякимъ».

[2]) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ (1727—1797), фаворитъ Императрицы Елисаветы Петровны. Весьма образованный и добрый, учредитель академіи художествъ и покровитель Ломоносова, безкорыстный и просвѣщенный меценатъ. Былъ политическимъ врагомъ Пруссіи. Въ началѣ царствованія Екатерины II удалившійся отъ двора и путешествовавшій заграницей, онъ съ 1777 года вернулся и сталъ ежедневнымъ партнеромъ Императрицы въ картахъ и всюду ее сопровождалъ, между прочимъ, въ путешествіи ея въ Крымъ.

[3]) Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ (1730—1805), при Императорѣ Павлѣ фельдмаршалъ, генералъ-инспекторъ кавалеріи, сначала Кіевскій, а потомъ Московскій генералъ-губернаторъ. Женатъ былъ на дочери гр. Петра Григорьевича Чернышева, гр. Дарьѣ Петровнѣ.

Генералъ-аншефъ, генералъ-адъютантъ, князь Репнинъ.

Князь Репнинъ, племянникъ покойнаго графа Панина, завѣдомо употребляемый имъ для самыхъ важныхъ порученій, въ настоящемъ царствованіи не пользуется никакимъ значеніемъ, развѣ въ случаѣ войны, въ каковой онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ главнокомандующимъ, считаясь однимъ изъ лучшихъ военныхъ.

Въ будущемъ царствованіи онъ, навѣрное, будетъ имѣть дѣйствительное вліяніе, хотя нельзя опредѣлить, какое онъ можетъ занять мѣсто или какой отраслью онъ будетъ управлять: будетъ ли то военная, политическая, или какая иная.

Онъ былъ извѣстенъ за человѣка гордаго, заносчиваго, непослѣдовательнаго. Быстрая его карьера, блестящія обстоятельства, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать въ его молодости, поддержка его дяди, въ связи съ гордостью его характера—все этому содѣйствовало.

Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ совершенно измѣнился. Онъ старается быть простымъ, скромнымъ, добросовѣстнымъ, строгимъ въ своемъ образѣ жизни, вдаваясь въ благочестіе. Какъ общественный дѣятель, онъ, въ исправленіи своей должности, проявляетъ большой порядокъ, много точности и прилежанія въ дѣлахъ и, такимъ образомъ, со дня на день пользуется все бо́льшимъ и бо́льшимъ уваженіемъ [1]).

Генералъ-поручикъ, генералъ-адъютантъ графъ Ангальтъ.

Графъ Ангальтъ также одинъ изъ тѣхъ, кто постоянно составляетъ общество Императрицы. Не мнѣ судить о его военныхъ талантахъ, изъ-за которыхъ его призвали въ Россію съ самыми блестящими обѣщаніями, но онъ не пользуется ни той репутаціей, ни тѣмъ почтеніемъ, на которыя онъ, вѣроятно, надѣялся. Вступленіе его въ службу возбудило, понятно, при этомъ дворѣ зависть и ревность среди русскихъ. Удержаться въ столь удачномъ выступленіи, каковымъ было его — эта роль, оказалась ему, видимо, не по плечу. Вскорѣ его стали считать, несмотря на его «фаворъ», лишь царедворцемъ, низкимъ и неловкимъ. Педантъ въ своемъ дѣлѣ и во всѣхъ своихъ знаніяхъ, пустословъ, онъ ежедневно служитъ посмѣшищемъ и на него смотрятъ, какъ на лицо, котораго нечего бояться, которому можно предоставить идти своей дорогой, въ увѣренности, что онъ не сумѣетъ ни выдвинуться впередъ, ни даже удержаться въ нынѣшнемъ своемъ положеніи [2]).

---

[1]) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ (1734—1801). Побѣдитель турокъ при Мачинѣ. Былъ въ 1792 г. Ревельскимъ и Рижскимъ, а позже Виленскимъ и Гродненскимъ генералъ-губернаторомъ. Императоръ Павелъ пожаловалъ его фельдмаршаломъ, но въ 1799 году его постигла немилость этого государя. Кн. Репнинъ былъ дѣйствительно одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей того времени.

[2]) Графъ Федоръ (Фридрихъ) Евстафіевичъ Ангальтъ (1732—1794). Гёрцъ ошибся въ этомъ человѣкѣ. Императрица Екатерина вполнѣ оцѣнила его достоинства, хотя и не военныя, и въ 1786 г. назначила его директоромъ Сухопутнаго Шляхетнаго.

Генералъ-маіоръ Михельсонъ, маіоръ Конной Гвардіи.

Онъ въ сущности содѣйствовалъ усмиренію Пугачева; будучи въ обществѣ Императрицы, считается талантливымъ военнымъ и пользуется почтеніемъ, какъ таковой; онъ можетъ быть использованъ, особенно въ будущемъ царствованіи. Ревнуя князя Потемкина и затираемый имъ, онъ обыкновенно находится въ оппозиціи и, по характеру своему не будучи особенно надежнымъ, все же можетъ быть полезенъ, и съ нимъ слѣдуетъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ для того, чтобы поддерживать его благорасположеніе, такъ и для того, чтобы иногда получать черезъ него кое-какія свѣдѣнія о военномъ дѣлѣ, о состояніи арміи и о другихъ вопросахъ дня [1]).

Тайный совѣтникъ Стрекаловъ, начальникъ кабинета, или личной кассы Императрицы.

Тайный Совѣтникъ Стрекаловъ представляется, въ этой странѣ однимъ изъ немногихъ людей съ истинными и основательными достоинствами. Скромный, спокойный, вѣрно исполнявшій свою должность, проживавшій въ тиши, не принадлежавшій ни къ какой партіи, онъ трудно поддается какому бы то ни было общенію, которое, если бы его можно было достигнуть, было бы только полезно. По своимъ достоинствамъ онъ заслуживаетъ почтенія и уваженія и принадлежитъ къ числу тѣхъ, служба которыхъ можетъ быть полезна Наслѣднику.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Бецкой.

Старый дѣйствительный тайный совѣтникъ Бецкой, начальникъ всѣхъ учебныхъ заведеній, почти покинутый теперь, имѣлъ долгое время полное довѣріе Императрицы и большое вліяніе, но нынѣ почти совсѣмъ устраненъ. Недовольный, разочарованный, этотъ старецъ [2]) открылъ свой домъ иностранцамъ, въ которомъ постоянно можно видѣть г-жу Рибасъ [3]), бывшую ранѣе первой ка-

---

корпуса. Любившій кадетъ какъ своихъ дѣтей и въ свою очередь боготворимый ими, Ангальтъ наставлялъ ихъ на пути чести и благородства и, оставивъ въ корпусѣ незабываемую память своей добротой и высотой характера, умеръ въ 1794 г.; симпатичная личность его перешла и въ потомство съ ореоломъ величавой добродѣтели.

[1]) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ (1739—1807), премьеръ-маіоръ и командиръ Конной Гвардіи, впослѣдствіи генералъ-отъ-кавалеріи и съ 1803 г. Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, скончавшійся въ Бухарестѣ главнокомандующимъ Днѣстровской арміей противъ турокъ. Храбрый офицеръ, «твердо знавшій военное искусство.... славный партизанъ и кавалеристъ», онъ болѣе всего извѣстенъ, какъ главный сподвижникъ А. И. Бибикова при усмиреніи Пугачева. Почти ежедневно бывалъ въ интимномъ кругу Екатерины II.

[2]) Иванъ Ивановичъ Бецкой (1704—1795), президентъ Академіи Художествъ, создатель Воспитательнаго дома, Смольнаго института, гранитной набережной Невы и рѣшетки Лѣтняго сада въ Петербургѣ. Первый поборникъ всеобщаго образованія въ Россіи.

[3]) Анастасія Ивановна де-Рибасъ (1741—1822), дочь И. Бецкого. По отзывамъ современниковъ, русскихъ и иностранцевъ, одна изъ лучшихъ, умнѣйшихъ и привлекательнѣйшихъ женщинъ всего двора, весьма уважаемая, несмотря на чрезмѣрную порою свою живость.

меръ-фрау и большой любимицей Императрицы, благодаря чему имѣла случай отлично изучить эту государыню. Она очень веселаго ума, игрива, нѣсколько сумасбродна, но если сумѣть втереться въ ея довѣріе, то отъ нея можно извлечь много пользы.

Такъ какъ уменьшеніе ея и г-на Бецкого фавора началось съ путешествія Императора, они изъ анти-пруссаковъ стали анти-австрійцами. Мужъ г-жи Рибасъ [1]), полковникъ, итальянецъ, авантюристъ, тонкій, хитрый, и въ сущности вѣроятно весьма слабая личность, тоже человѣкъ втершійся къ князю Потемкину, и можетъ, если сумѣть заручиться имъ, такъ или иначе доставлять иногда полезныя свѣдѣнія, къ чему онъ и готовъ, считая себя на замѣчаніи у австрійцевъ.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Минихъ.

Ежедневно въ домѣ г-на Бецкого можно также встрѣтить стараго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Миниха, одного изъ наиболѣе чтимыхъ и уважаемыхъ людей этой страны.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ. Строгоновъ.

Графъ Строгоновъ, одинъ изъ тѣхъ въ высшей степени легкомысленныхъ людей, которые составляютъ ежедневное общество Императрицы, не пользуясь никакимъ значеніемъ и состоя только для развлеченія; будучи открытаго характера, незлобивый, онъ можетъ иногда на мгновеніе раньше другихъ сообщать новости дня [2]).

Генералъ-поручикъ князь Иванъ Барятинскій.

Князь Иванъ Барятинскій, бывшій раньше посланникомъ во Франціи, со времени своего отозванія также принадлежитъ къ составу этого общества. Слабый, застѣнчивый, но по существу добрый, онъ никогда не сможетъ имѣть настоящаго вліянія [3]).

Гофмаршалъ кн. Барятинскій.

Его братъ, гофмаршалъ, запятналъ себя убійствомъ Петра III. Его тайная должность—быть однимъ изъ шпіоновъ Императрицы и прошлый поступокъ съ нынѣшней должностью достаточно его очерчиваютъ. Остальныя лица, допускаемыя въ тѣсное

---

[1]) Осипъ Михайловичъ де-Рибасъ (1749—1800), испанецъ родомъ, неаполитанецъ, по службѣ, авантюристъ по призванію, хитрый, прославленный словами Суворова о Кутузовѣ: «его и Рибасъ не обманетъ», иниціаторъ основанія Одессы и участникъ заговора противъ Императора Павла, принять участіе въ исполненіи коего ему помѣшала смерть его въ декабрѣ 1800 года.

[2]) Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ (1733—1811). Извѣстный меценатъ, коллекціонеръ, строитель Казанскаго собора, возведеннаго его крѣпостнымъ Воронихинымъ, президентъ съ 1800 года Академіи Художествъ, человѣкъ всегда благородный и всѣми любимый. Въ политику не вмѣшивался.

[3]) Князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій (1740—1811). Славился своей необыкновенной красотой. Оставался вѣренъ Петру II, но былъ въ милости и у Екатерины II.

общество, все существа незначительныя, приспѣшники князя Потемкина или фаворита минуты [1]).

Княгиня Дашкова. Княгиня Дашкова, сыгравшая въ 18-лѣтнемъ возрастѣ одну изъ первыхъ ролей въ переворотѣ, возведшемъ на тронъ Императрицу, единственная женщина, имѣющая преимущество принадлежать къ обществу Императрицы. Благодаря этому, а равно благодаря ея характеру и уму, съ ней интересно быть знакомымъ, и, имѣвъ счастье заслужить ея довѣріе и нѣкоторое чувство дружбы, къ которой она способна, я долженъ сознаться, что близость къ ней, была мнѣ часто полезна.

Особыя семейныя обстоятельства, въ которыхъ я ее оставилъ и которыя вынуждали ее вести болѣе замкнутый образъ жизни, еще болѣе, можетъ быть, затруднятъ, сближеніе съ этою женщиною, но я, тѣмъ не менѣе, считаю нелишнимъ познакомиться съ нею.

Ее довольно справедливо упрекаютъ въ чрезмѣрномъ честолюбіи, большой гордости, огромномъ самолюбіи, считаютъ ея мстительнымъ врагомъ. Но, съ другой стороны, она, конечно, имѣетъ также и большія достоинства. Она умна, и ея умъ—умъ мужчины; она образована, обладаетъ въ высшей степени чувствительнымъ и способнымъ къ дружбѣ характеромъ и столь же хорошій другъ, какъ и опасный врагъ; прекрасно знаетъ свою страну и свой народъ, любитъ свою родину, но не правительство и всѣхъ, кто въ немъ участвуетъ, презирая ихъ и зная, что и ими она нелюбима.

Она не можетъ оказывать вліянія ни на ихъ дѣла, ни на умъ такого эгоиста, какъ ея братъ, но если бы она была къ тому способна, то она не была бы на сторонѣ Императора, а желала бы союза лишь съ Англіей и Пруссіей. Сынъ ея, молодой князь Дашковъ, который уже полковникъ, поглощаетъ всю ея нѣжность. Этотъ молодой человѣкъ, благодаря своему уму и полученному образованію, имѣетъ болѣе познаній, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ этой странѣ. Но зато онъ обладаетъ самоувѣренностью, самолюбіемъ и высокомѣріемъ безграничными—свойства, благодаря которымъ всѣ его ненавидятъ, за исключеніемъ его дяди, графа Александра Воронцова, надъ которымъ онъ имѣетъ извѣстное вліяніе, благодаря чему надо быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ [2]).

---

[1]) Князь Федоръ Сергѣевичъ Барятинскій, младшій братъ предыдущаго. Активный участникъ Ропшинской драмы 1762 г.

[2]) Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1745—1810) приписывала себѣ бо́льшую роль въ переворотѣ 1762 г., чѣмъ играла въ дѣйствительности. Къ портрету, сдѣланному Гёрцемъ, нечего прибавить. Недовольная тѣмъ, что она не играла при дворѣ первую роль, она, послѣ смерти мужа, уѣхала заграницу и тамъ, сблизившись съ философами, заслужила репутацію женщины выдающагося ума. Вслѣдствіе сего, при возвращеніи въ Россію, была Екатериной назначена директоромъ Академіи Наукъ и Художествъ. Съ воцареніемъ Павла Петровича, она утратила послѣдніе остатки значенія.

Племянники кн. Потемкина. У князя Потемкина есть нѣсколько племянниковъ, которые, служатъ, производятся въ чины и требуютъ къ себѣ вниманія, какъ таковые. Тотъ, который уже играетъ довольно значительную роль, будучи Астраханскимъ и Саратовскимъ генералъ-губернаторомъ и начальствуя весь годъ войсками противъ Кавказскихъ татаръ на Моздокской линіи, называется генералъ-поручикомъ Павломъ Потемкинымъ; онъ начальникъ безъ всякихъ достоинствъ, безъ всякаго таланта, кромѣ близкаго родства съ всемогущимъ человѣкомъ. Другой племянникъ, который въ данное время, кажется, его наиболѣе интересуетъ, это генералъ-маіоръ Самойловъ, который навѣрное достигнетъ командованія войсками, не имѣя ни малѣйшаго понятія о своемъ ремеслѣ [1]).

Есть также нѣкій генералъ-маіоръ князь Голицынъ, женатый на племянницѣ князя, который въ сущности услужливый человѣкъ, добраго характера, и который, въ виду этого, можетъ быть полезнымъ, если съ нимъ сблизиться [2]).

Среди нѣкоторыхъ слывущихъ любимцами князя есть нѣкій князь Василій Долгорукій, который уменъ, человѣкъ порядочный и услужливый, и полковникъ Львовъ, одинъ изъ интригановъ, корчащихъ шута, чтобы добиться успѣха. Оба они принадлежатъ къ числу тѣхъ, съ коими, можетъ быть полезно быть въ хорошихъ отношеніяхъ [3]).

Генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій. Занимающій этотъ важный постъ, князь Вяземскій, лишенъ особыхъ способностей и, можетъ быть, всякихъ знаній, нынѣ, послѣ 20 лѣтъ, находится на уходѣ, и я поэтому не стану останавливаться на его личности, но, имѣя полное основаніе

[1]) Графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ (1744—1814), сынъ сестры «великолѣпнаго князя Тавриды», усиленно его тянувшаго. Поэтому судить о его достоинствахъ трудно, такъ какъ современники о немъ плохо отзываются, считая все имъ заслуженное лишь протекціей; между тѣмъ его письма рисуютъ его человѣкомъ гуманнымъ и просвѣщеннымъ. Послѣ неизлѣчимой болѣзни генералъ-прокурора, онъ замѣнилъ его сначала временно, а потомъ совсѣмъ, до 4 декабря 1796 года, когда Павелъ I уволилъ его отъ службы.

[2]) Князь Сергѣй Феодоровичъ Голицынъ (1749—1810), женатый на любимой племянницѣ Потемкина Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардъ, «улыбочкѣ», какъ называлъ ее всемогущій дядя, участвовалъ въ 1-й и 2-й Турецкой войнѣ, причемъ отличился при Мачинѣ и заслужилъ орденъ Св. Георгія 4-й и 2-й степеней. Уволенный въ отставку съ воцареніемъ Императора Павла, онъ удалился въ свое знаменитое впослѣдствіи имѣніе Зубриловку, художественныя сокровища которой въ погромѣ 1905 года почти всѣ погибли. Въ 1809 году назначенъ командиромъ двинутаго въ Галицію корпуса войскъ, гдѣ и скончался скоропостижно въ Тарнополѣ. Молодецъ по характеру и съ замашками широкой русской натуры, онъ, кромѣ военнаго дѣла, мало чѣмъ интересовался, но былъ весьма добродушенъ. Воспитателемъ его 10 сыновей былъ знаменитый баснописецъ И. А. Крыловъ.

[3]) Князь Василій Васильевичъ Долгорукій (1752—1812), сынъ князя Долгорукаго-Крымскаго. Извѣстенъ болѣе, какъ супругъ знаменитой красавицы, княжны Екатерины Феодоровны Барятинской. Сопровождалъ отца въ Крымскомъ походѣ. Участвовалъ въ штурмѣ Очакова, кавалеръ ордена Св. Георгія 2-й степени.

предполагать, что внѣ Россіи не имѣютъ точнаго представленія объ этой важной должности, я полагаю не излишнимъ объяснить въ этомъ описаніи, въ чемъ она заключается [1]).

Во всякомъ другомъ государствѣ тотъ, въ чьихъ рукахъ, сосредоточиваются всѣ главнѣйшія отрасли управленія, считался бы первымъ министромъ Имперіи. Какъ генералъ-прокуроръ Сената, онъ состоитъ начальникомъ юстиціи и въ этомъ отношеніи соединяетъ въ себѣ обязанности французскихъ канцлера и генеральнаго адвоката, сверхъ того онъ министръ финансовъ, казначей и главный контролеръ, и, такъ какъ весь отдѣлъ финансовъ и юстиціи входятъ въ кругъ его вѣдѣнія, то изъ сего слѣдуетъ, что всѣ внутреннія дѣла государства ему подвѣдомственны и всѣ губернаторы провинцій, на дѣлѣ, цѣликомъ ему подчинены, такъ что онъ въ полномъ смыслѣ слова начальникъ юстиціи, главный финансовый контролеръ и министръ всѣхъ внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, тайный розыскъ до сихъ поръ принадлежитъ исключительно генералъ-прокурору, такъ какъ тайная канцелярія, куда поступаютъ государственные преступники, прежде чѣмъ идти въ крѣпость, находится въ его домѣ.

Такое сосредоточеніе власти въ рукахъ человѣка способнаго, честолюбиваго и предпріимчиваго сдѣлало бы его въ скоромъ времени первымъ лицомъ въ Имперіи, такъ что послѣ нынѣшняго генералъ-прокурора его обязанности будутъ, вѣроятно, раздѣлены, и его преемникъ сохранитъ лишь юстицію, а финансы будутъ поручены другому министру подъ наименованіемъ главнаго казначея, должность, которая, думаютъ, предназначается графу Воронцову.

Одно изъ обстоятельствъ, могущее, можетъ быть, лучше всего, описать нынѣшнее правительство и вмѣстѣ съ тѣмъ показаться совершенно непонятнымъ, это то, что этотъ князь Вяземскій, который уже болѣе 20 лѣтъ состоитъ генералъ-прокуроромъ, почти всенародно признается человѣкомъ самымъ ограниченнымъ и незнающимъ. Въ семилѣтнюю войну фельдмаршалъ Румянцевъ выгналъ его изъ своего корпуса, въ которомъ онъ долженъ былъ исправлять должность генералъ-квартирмейстера, и по этому поводу разсказываютъ на его счетъ анекдотъ, правдивость коего я, кажется, могу удостовѣрить и который вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ выяснить тѣ причины, которыя побуждаютъ иногда Императрицу къ извѣстному выбору. Сообщивъ своему тогдашнему фавориту князю Орлову свое намѣреніе дать это мѣсто князю Вяземскому, она, говорятъ, на его замѣчаніе, что онъ слишкомъ глупъ для исполненія этой должности, отвѣтила, что

---

[1]) Князь Александъ Алексѣевичъ Вяземскій (1793–1784), не обладая большими дарованіями, былъ лишь ученикомъ Императрицы, послушнымъ и въ высшей степени трудолюбивымъ, служившимъ «до изнеможенія силъ», до 1789 года, когда онъ былъ разбитъ параличемъ, но все же онъ еще продолжалъ заниматься дѣлами, возимый въ колясочкѣ, до 1792 года, когда былъ уволенъ въ отставку. Недостатокъ способностей онъ замѣнилъ умѣніемъ выбирать себѣ талантливыхъ сотрудниковъ.

она съ этимъ согласна, но что разъ это извѣстно, то по крайней мѣрѣ, и добро, которое онъ сдѣлаетъ, не можетъ быть поставлено въ заслугу ему.

Генералъ-фельдмаршалъ гр. Румянцевъ.

Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ слишкомъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ людей этого царствованія, чтобы я могъ позволить себѣ замѣчаніе на его счетъ. Я тѣмъ болѣе обойдусь безъ этого, что онъ почти никогда не бываетъ при дворѣ, что онъ пребываетъ въ своихъ губерніяхъ, гдѣ его съ удовольствіемъ оставляютъ жить и, слѣдовательно, не имѣетъ въ настоящее время никакого значенія; кромѣ того, справедливо, кажется, что въ случаѣ войны онъ не согласился бы получить командованіе, не желая рисковать своей славой [1]).

Имѣя цѣлью въ этомъ описаніи познакомить съ лицами, которыя казались мнѣ имѣющими вліяніе и могущими его имѣть въ будущемъ, я назову еще тѣхъ изъ генераловъ, за которыми признаются таланты и знанія въ своей отрасли, а также еще нѣсколько интересныхъ лицъ. Среди генераловъ, кромѣ уже помянутыхъ генералъ-аншефовъ графа Салтыкова, князя Репнина, генералъ-лейтенанта графа Ангальта и генералъ-маіора Михельсона, наиболѣе замѣчательный—это можетъ быть, генералъ-аншефъ князь Григорій Долгорукій, которому всѣ приписываютъ обыкновенно достоинство и знаніе своего дѣла. Кромѣ него есть еще генералъ-поручики Игельстремъ [2]) и баронъ Ферзенъ [3]), и генералъ-аншефъ Каменскій [4]).

Начальникъ таможенъ Даленъ.

Среди штатскихъ, надо отмѣтить въ области коммерческихъ дѣлъ нѣсколько лицъ, которыми полезно заняться. Первымъ является дѣствительный тайный совѣтникъ и начальникъ всѣхъ таможенъ графъ Даленъ. Онъ имѣетъ прямой доступъ къ Императрицѣ; онъ управляетъ всѣмъ порученнымъ ему дѣломъ, сверхъ того, благодаря своему положенію и своему значенію, имѣетъ большое вліяніе во всѣхъ

---

[1]) Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій, генералъ-фельдмаршалъ и извѣстный побѣдитель турокъ при Ларгѣ и Кагулѣ.

[2]) Графъ Іосифъ Андреевичъ Игельстремъ (1737—1823), недурной генералъ, въ 1784—1792 г.г.—Симбирскій и Уфимскій намѣстникъ, позже генералъ-губернаторъ Псковскій, Смоленскій и временно Малороссійскій, наконецъ посланникъ въ Варшавѣ въ 1794 г., когда, вслѣдствіе его неосмотрительности, тамъ погибли русскія войска среди поднятаго Костюшкой бунта, послѣ чего Екатерина II уволила его отъ службы.

[3]) Вѣроятно, графъ Иванъ Евстафьевичъ Ферзенъ (1739—1800), разбившій въ 1794 году при Маціовицахъ мятежную польскую армію Костюшки, который самъ, раненый, попался въ плѣнъ.

[4]) Графъ Михаилъ Федотовичъ Каменскій (1738—1809), назначенный Императоромъ Павломъ I фельдмаршаломъ. Въ 1807 году, командуя русской арміей въ Польшѣ, одряхлѣвшій старецъ не поддержалъ своей незаслуженной славы, растерялся и бѣжалъ, отдавъ приказъ объ отступленіи. Храбрый и образованный, онъ, однако, не могъ быть самостоятельнымъ начальникомъ. Вспыльчивость его, доходившая до жестокости, привела его къ печальному концу: онъ былъ убитъ своими крѣпостными въ деревнѣ.

коммерческихъ и подобныхъ имъ часто представляющихся дѣлахъ; слѣдовательно, въ случаѣ если бы пришлось заключить торговый договоръ, всякому посланнику было бы полезно быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Клингштедтъ.

Въ коммерцъ-коллегіи есть еще статскій совѣтникъ Клингштедтъ, который нѣкогда имѣлъ большое значеніе во всѣхъ дѣлахъ, но нынѣ, хотя и не пользуется довѣріемъ Императрицы, однако, будучи весьма опытный дѣлецъ, пріобрѣлъ много знаній и въ совершенствѣ освѣдомленъ въ нѣсколькихъ отрасляхъ управленія, такъ что знакомство съ нимъ можетъ быть полезно и интересно.

Почтъ-директоръ Эккъ.

Статскій совѣтникъ Эккъ, будучи почтъ-директоромъ, также личность, могущая быть очень полезной. Такъ какъ по его должности, черезъ его руки проходятъ всѣ письма, которыя онъ вскрываетъ и переписываетъ, чѣмъ освѣдомляется часто о самыхъ секретныхъ и важныхъ обстоятельствахъ, то онъ имѣетъ возможность оказывать не только очень хорошія, полезныя, но подчасъ и очень большія услуги тѣмъ, кто сумѣлъ заслужить его довѣріе и я долженъ сознаться, что дружба его, которую я имѣлъ счастіе пріобрѣсти, была мнѣ очень часто весьма полезной. Благодаря большой связи между Прусской и Русской почтами, гдѣ дѣло идетъ даже о значительномъ доходѣ для королевской казны, посланнику короля часто приходится прибѣгать къ нему и это-то и есть, даже одинъ изъ способовъ ближе съ нимъ познакомиться.

Остается теперь описать тѣхъ лицъ, которыхъ я считалъ привязанными къ Великому Князю, которыхъ онъ удостаиваетъ своего уваженія и которыя когда-нибудь могутъ имѣть значеніе въ его будущемъ царствованіи.

Генералъ-аншефъ графъ Мусинъ-Пушкинъ.

Первымъ изъ нихъ надо поставить графа Пушкина, гофмаршала Ихъ Императорскихъ Высочествъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вице-президента военной коллегіи. Съ тѣхъ поръ какъ этотъ человѣкъ занимаетъ обѣ эти должности, онъ пріобрѣлъ общее уваженіе общества, и въ особенности Ихъ Императорскихъ Высочествъ, мягкостью своего характера и большой честностью. Если даже за нимъ нельзя признать большихъ талантовъ, это, тѣмъ не менѣе, человѣкъ честный, разумный, точно исполняющій свои обязанности, соблюдающій порядокъ въ порученныхъ ему отрасляхъ, не занимаясь никакими интригами, и благодаря столь высокимъ качествамъ онъ пользуется такимъ большимъ почтеніемъ, что Великій Князь несомнѣнно сохранитъ къ нему большое довѣріе и пожелаетъ поручить ему ту отрасль, которую тотъ пожелаетъ сохранить и которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ военная, т. е. предсѣдательствованіе въ военной коллегіи. Единственнымъ конкурентомъ его на этотъ постъ могъ бы быть князь Репнинъ, который

въ такомъ случаѣ могъ бы, можетъ быть, получить управленіе иностранными дѣлами, или мѣсто фельдцейхмейстера и члена Совѣта [1]).

Камергеръ кн. Александръ Куракинъ.

За нимъ идетъ другъ Великаго Князя, который одинъ почти обладаетъ тайной расположенія этого Государя къ Пруссіи, князь Александръ Куракинъ, племянникъ князя Репнина и внучатый племянникъ графа Панина.

Выказанное Великимъ Княземъ ему въ столь же важномъ, какъ и деликатномъ дѣлѣ довѣріе, стараніе и труды его заслужить такое широкое расположеніе, прилежаніе, усердіе и осторожность, обнаруженныя при этомъ, даже, рискъ, и опасность, которымъ онъ подвергалъ себя, не только представляютъ заслуги его передъ Великимъ Княземъ, дѣлаютъ несомнѣннымъ полученіе имъ въ будущемъ важнаго мѣста при этомъ Государѣ, но и не могутъ не заслужить наилучшаго расположенія и полнаго довѣрія королевскаго посланника, какъ равнымъ образомъ милости и высокаго вниманія Его Величества.

Онъ былъ приставленъ своимъ внучатымъ дядей къ Великому Князю съ измальства, и одинаковость возрастовъ создала эту связь, а его преданность скрѣпила ее. А, какъ эта постоянная привязанность Великаго Князя къ княю Куракину послужила источникомъ огорченій и преслѣдованій, то весьма возможно, что когда-нибудь Великій Князь сочтетъ себя обязаннымъ вознаградить его за то, и можно ожидать, судя по его словамъ, что онъ постарается отдать ему должное.

Въ продолженіе моей весьма тайной близкой съ нимъ связи я имѣлъ случай обнаружить въ немъ очень хорошее расположеніе, много осторожности, неограниченную привязанность къ Великому Князю и наилучшія намѣренія относительно Пруссіи. Такъ какъ онъ представляетъ путь, коимъ Великій Князь передаетъ свои чувства и притомъ единственный указанный имъ для передачи ему всякихъ свѣдѣній, то королевскій посланникъ только къ нему и можетъ обращаться, и самые дорогіе интересы Его Величества требуютъ, чтобы онъ заручился расположеніемъ столь необходимаго лица. Само собою разумѣется, что это дѣло требуетъ наибольшихъ стараній и наибольшей тайны. Малѣйшее подозрѣніе можетъ стать для него опаснымъ и весьма вреднымъ для общаго блага. Я употребилъ всю свою осмотрительность и мнѣ посчастливилось несмотря на постоянное за мной наблю-

---

[1]) Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (1725—1806). Способности его въ военномъ дѣлѣ были болѣе чѣмъ слабы, что и сказалось, когда онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ войну со Швеціей 1788 года. При Павлѣ I Пушкинъ былъ назначенъ шефомъ кавалергардовъ, а въ 1797 году даже фельдмаршаломъ. Будучи по существу добрымъ, отзывчивымъ человѣкомъ, Валентинъ Платоновичъ врядъ-ли обладалъ «столь высокими качествами» приписываемыми ему Гёрцемъ. Карьеру онъ сдѣлалъ больше умѣньемъ уживаться съ людьми разныхъ направленій и партій и быть въ этомъ отношеніи превосходнымъ царедворцемъ.

деніе, провести эту связь въ теченіе почти 4-хъ лѣтъ, безъ того, чтобы кто бы то ни было заподозрилъ о существованіи таковой между нами [1]).

Князь Алексѣй Куракинъ.

О ней зналъ только его братъ, камеръ-юнкеръ князь Алексѣй Куракинъ и служившій въ департаментѣ финансовъ, когда въ отсутствіе князя Александра былъ избранъ Великимъ Княземъ передатчикомъ между нимъ и мною. Онъ также приложилъ всю осторожность и полную осмотрительность и выказалъ расположеніе, соотвѣтствовавшее довѣрію, коего онъ былъ удостоенъ. Оба они въ будущемъ царствованіи займутъ важныя должности. Карьера второго изъ нихъ заставляетъ думать, что онъ, пожалуй, можетъ получить мѣсто генералъ-прокурора или начальника финансоваго вѣдомства, между тѣмъ какъ его старшій братъ займетъ или одну изъ первыхъ должностей при дворѣ, или, что не невозможно, получитъ департаментъ иностранныхъ дѣлъ [2]).

Г-нъ Алопеусъ, русскій посланникъ въ Эйтинѣ.

Кромѣ этихъ двухъ лицъ, объ истинномъ расположеніи Великаго Князя къ Пруссіи знаетъ господинъ Алопеусъ, въ настоящее время состоящій посланникомъ Императрицы при епископѣ Любекскомъ, герцогѣ Ольденбургскомъ. Великій Князь познакомился съ нимъ въ бытность его однимъ изъ первыхъ чиновниковъ департамента иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ пользовался полнымъ довѣріемъ графа Панина. Довѣріе это должно было послужить ему пропускомъ къ этому Государю и онъ не могъ не знать, что его весьма интимная связь со мной, повлекла бы за собой самое суровое преслѣдованіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что убѣжденный въ этихъ его принципахъ, въ коихъ онъ совѣтовалъ оставаться ему и впредь, Великій Князь используетъ его и въ будущемъ на важномъ посту въ департаментѣ иностран-

---

[1]) Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (1752—1818) былъ соединенъ тѣсной дружбой съ Павломъ Петровичемъ, называвшимъ его «душою»; благодаря этому, по восшествіи Павла I на прєстолъ, онъ былъ вызванъ изъ деревни, куда былъ высланъ Екатериной, и осыпанъ милостями, назначенъ членомъ совѣта при Императорѣ, вице-канцлеромъ и проч. Это, однако, не помѣшало опалѣ на него этого государя въ 1798 г. Императоръ Александръ назначилъ его канцлеромъ всѣхъ Россійскихъ орденовъ и давалъ ему многія важныя дипломатическія порученія. Отличительной чертой Куракина были тщеславіе и любовь къ пышности, за которую онъ получилъ прозвище «брилліантоваго князя», будучи, впрочемъ, добрымъ эпикурейцемъ.

[2]) Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ (1759—1829), младшій братъ предыдущаго, испыталъ въ царствованіе Павла I судьбу, весьма сходную съ братниной, а въ 1806 году Императоромъ Александромъ I былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, такъ что предсказаніе Гёрца отчасти оправдалось. Назначенный въ 1810 году присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ часто въ немъ предсѣдательствовалъ, а въ 1826 году Императоръ Николай Павловичъ назначилъ его канцлеромъ Россійскихъ орденовъ. Онъ покровительствовалъ Сперанскому и вывелъ его въ люди. Не менѣе своего брата любившій пышность и блескъ, Алексѣй Борисовичъ былъ, однако, болѣе его гордъ и непривѣтливъ, оставивъ по себѣ не столь хорошую славу, вслѣдствіе своего эгоизма и неровности характера.

ныхъ дѣлъ, называемомъ въ Россіи государственной коллегіей, и вѣроятно онъ тамъ займетъ мѣсто Бакунина.

Онъ не только одинъ изъ наиболѣе расположенныхъ (къ Пруссіи?), но одинъ изъ самыхъ способныхъ и образованныхъ людей, служащихъ въ Россіи, и человѣкъ, котораго я во всѣхъ случаяхъ признавалъ по опыту серьезнымъ, солиднымъ, честнымъ, просвѣщеннымъ, очень услужливымъ, обладающимъ здравымъ и солиднымъ взглядомъ на вещи, умѣющимъ владѣть перомъ, съ головой и хорошо понимающимъ интересы своей страны [1]).

Статскій совѣтникъ Эпинусъ. Еще личная дружба связывала меня съ человѣкомъ, истинно достойнымъ и который окажется таковымъ для всякаго посланника, сумѣвшаго заслужить его привязанность и его довѣріе. Это дѣйствительный статскій совѣтникъ Эпинусъ, принимавшій участіе въ воспитаніи и образованіи Великаго Князя и обязанность котораго нынѣ состоитъ въ расшифровываніи депешъ иностранныхъ посланниковъ, всѣ письма коихъ перехватываются и переписываются. Прямого и благороднаго характера, обладающій солидными познаніями, онъ, несомнѣнно много содѣйствовалъ созданію Великаго Князя такимъ, каковъ онъ есть, и, не будучи въ состояніи со времени кончины графа Панина, которому онъ былъ постоянно и искренно преданъ, питать сочувствіе къ тѣмъ лицамъ, которыя нынѣ управляютъ Россіей, онъ ими заброшенъ и привязался исключительно къ Великому Князю, сохраняющему ему свое полное довѣріе.

Онъ родомъ мекленбуржецъ, но, живя уже 28 лѣтъ въ Россіи, онъ имѣлъ полную возможность все знать, и такъ какъ у него очень вѣрный взглядъ на вещи, много здравыхъ сужденій и глубокія познанія, то мало кто знаетъ Россію лучше его и можетъ дать иностранцу болѣе правильное о ней понятіе, чѣмъ онъ. Его скромность, его умѣренное честолюбіе, приверженность къ наукамъ и возрастъ его, приближающійся къ 60 годамъ, дѣлаютъ маловѣроятнымъ предположеніе, чтобы онъ могъ, или пожелалъ, занять должность въ будущее царствованіе, но если бы ему довелось дожить до этого времени, то онъ, конечно, обладалъ бы довѣріемъ Государя, и во всякомъ случаѣ и во всякое время онъ всегда будетъ человѣкомъ, съ

---

[1]) Максимъ Максимовичъ Алопеусъ (1748—1822), сынъ лютеранскаго пастора. Его расположеніе къ Пруссіи проходитъ красной нитью чрезъ всю его жизнь, и онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ сношеніяхъ Россіи съ Пруссіей, во 2-мъ и 3-мъ раздѣлахъ Польши. Ростопчинъ, считавшій, не безъ основанія, Алопеуса «прусакомъ, тѣломъ и душой», по вступленіи своемъ въ управленіе иностранной коллегіей въ 1800 году, уволилъ его отъ службы. Но въ 1801 году онъ вновь былъ назначенъ посланникомъ сначала въ Кассель, а въ слѣдующемъ году въ Берлинъ и содѣйствовалъ сближенію Россіи съ Пруссіей, послѣдствіемъ чего была знаменитая клятва Императора Александра I на гробѣ Фридриха Великаго, въ вѣчной дружбѣ къ прусскому королю Фридриху-Вильгельму III, повлекшая затѣмъ войну за освобожденіе Германіи въ 1813 г. и Европы въ 1814 г.

которымъ будетъ интересно сближаться и часто встрѣчаться, чего, однако, можно достигнуть, лишь сумѣвъ внушить ему чувства личнаго къ себѣ уваженія.

Г-жа Бенкендорфъ. Великая Княгиня питаетъ большую привязанность къ нѣкоей г-жѣ Бенкендорфъ, бывшей нѣкогда гофмейстериной принцессы Вюртембергской, ея матери, и которую она выдала замужъ за полковника Бенкендорфа, лифляндца, дабы заполучить ея къ себѣ въ Россію. Она пользуется полнымъ довѣріемъ Ея Высочества, а такъ какъ имѣетъ всѣ манеры интриганки, съ большимъ честолюбіемъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что она будетъ стараться всѣми способами удержаться и пользоваться добротой, которую ей выказываетъ Великая Княгиня. Она также навѣрное имѣетъ при ней большое значеніе и большое вліяніе на ея умъ.

Было бы очень интересно заручиться ея расположеніемъ, котораго, она, повидимому, до сихъ поръ не проявляла, считая себя обязанной слѣдовать направленію, данному ей принцессой Вюртембергской и котораго она держалась тѣмъ болѣе, что она навѣрное льстила себя надеждой заслужить еще милости и расположеніе Императрицы, если бы ей удалось сдѣлать Ея Высочество, а чрезъ нея и ея супруга, приверженцами Австріи.

Для меня не осталось никакого сомнѣнія, что она анти-пруссачка и весьма привержена къ Императору, который, во время путешествія ихъ Императорскихъ Высочествъ и пребыванія ихъ въ Вѣнѣ, былъ особенно любезенъ съ этой дамой; но такъ какъ она въ этомъ отношеніи не вполнѣ успѣла съ Великой Княгиней и потерпѣла полную неудачу съ Великимъ Княземъ, то благодаря этому, можетъ быть, и результаты ея поведенія со стороны Императрицы не сказались, и такъ какъ равнымъ образомъ усилія, которыя она могла бы примѣнить впослѣдствіи, были бы вѣроятно столь же безполезны, то надо думать, что ея осторожность, которой у нея немало, побудитъ ее не рисковать интригами и что тогда найдется возможность разсѣять ея предубѣжденіе и даже привлечь ее на сторону хорошей системы [1]).

Флота капитанъ Плещеевъ. При Великомъ Князѣ лично состоитъ еще морской офицеръ Плещеевъ, имѣющій репутацію человѣка мудраго, солиднаго, знающаго и достойнаго, къ коему Князь этотъ долженъ питать довѣріе, какъ къ лицу, привязанному и исключительно ему предан-

---

[1]) Анна-Юліана Бенкендорфъ (1758—1797). Она имѣла своимъ умомъ и сильнымъ характеромъ такое вліяніе на Марію Феодоровну, что самъ Паведъ Петровичъ считалъ ее главной виновницей своихъ несогласій съ женой во время «фавора» Нелидовой. Императрица также не довѣряла ей и, въ концѣ концовъ, она въ 1791 году была удалена вмѣстѣ съ мужемъ отъ двора въ Дерптъ, гдѣ и скончалась 11 марта 1797 года, не увидѣвъ царицей и свою покровительницу. Она была матерью извѣстнаго впослѣдствіи шефа жандармовъ графа Александра Христофоровича и храбраго генералъ-адъютанта Константина Христофоровича. Не менѣе знаменита была на дипломатическомъ поприщѣ ея дочь Дарья Христофоровна, княгиня Ливенъ.

ному, испытанной вѣрности и молчаливости. Да онъ и кажется весьма умѣющимъ хранить тайну, сдержаннымъ и скромнымъ.

Сверхъ сего есть еще личный секретарь Великаго Князя, г-нъ Николаи [1]), и швейцарецъ по имени Лефермьеръ [2]), который состоитъ его библіотекаремъ; оба уже давно состоятъ на личной службѣ Его Высочества и онъ обращается съ ними, какъ и со всѣми окружающими его, съ добротой, такъ что многіе думаютъ, что они важные люди, но они на дѣлѣ не таковы; онъ можетъ желать имъ добра, но далѣе этого они пойти не могутъ.

Сенаторъ и совѣтникъ князь Нарышкинъ.

Среди многочисленныхъ сенаторовъ есть одинъ достойный человѣкъ, совѣтникъ князь (?) Нарышкинъ, котораго Великій Князь уважаетъ и который, по всѣмъ вѣроятіямъ, сможетъ въ будущемъ играть роль и получить выдающееся мѣсто.

Камергеры Загряжскій, Валуевъ и камеръ-юнкеръ Вадковскій.

Камергеры Загряжскій [3]) и Валуевъ [4]) и камеръ-юнкеръ Вадковскій [5])—вотъ еще три придворныхъ лица, выдающихся своими честными чувствами и своей преданностью къ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ. Послѣдняго Великій Князь особенно удостаиваетъ своего уваженія и своей любезности, и надо полагать, что въ будущемъ они когда нибудь будутъ играть роль, нѣсколько бо̀льшую простыхъ царедворцевъ. Пока же и въ странѣ, и при дворѣ, гдѣ хорошія связи очень рѣдки, хорошія отношенія съ ними могутъ быть полезны, такъ какъ общеніе съ ними не опасно.

Изъ посланниковъ при иностранныхъ дворахъ, единственный пользующійся также настоящимъ уваженіемъ Великаго Князя, какъ человѣкъ вѣрнаго характера,—это находящійся въ Испаніи тайный совѣтникъ Зиновьевъ. Но такъ какъ единственное, чего онъ желаетъ и проситъ, какъ милости,—это оставаться тамъ весь свой вѣкъ, то можно ожидать, что онъ тамъ и останется.

---

[1]) Баронъ Андрей Львовичъ Николаи (1737—1820) впослѣдствіи былъ долгое время президентомъ Академіи Наукъ и другомъ Императрицы Маріи Феодоровны. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ русскихъ нѣмцевъ XVIII столѣтія, которые честно и усердно служили на пользу Россіи. Тѣсная дружба соединяла его съ Лафермьеромъ.

[2]) Францъ-Германъ Лафермьеръ (1737–1796), родомъ изъ Страсбурга, библіотекарь и преподаватель французской литературы Великаго Князя Павла Петровича, душа общества въ Павловскѣ, другъ и пріятель Маріи Феодоровны. Изъ-за фавора Нелидовой и поддержки, оказываемой имъ Маріи Феодоровнѣ, былъ удаленъ отъ двора и переселился къ своему другу гр. Александру Романовичу Воронцову, въ имѣніи коего и скончался, состоя въ тайной перепискѣ съ Маріей Феодоровной, сохранившей о немъ благодарную память, какъ о всегдашнемъ вѣрномъ другѣ.

[3]) Николай Александровичъ Загряжскій (1743 — 1831) и Федоръ Федоровичъ Вадковскій (1756—1806). Оба не играли впослѣдствіи никакой роли, будучи людьми, ничѣмъ не замѣчательными.

[4]) Петръ Степановичъ Валуевъ (1745—1814), впослѣдствіи, съ 1801 года начальникъ дворцоваго управленія въ Москвѣ.

Графъ Штакельбергъ, посланникъ въ Варшавѣ.

Есть еще другой, за которымъ Великій Князь признаетъ достоинства и таланты, это графъ Штакельбергъ, посланникъ въ Варшавѣ, и онъ вѣроятно былъ бы изъ числа тѣхъ, кому онъ поручилъ бы при своемъ воцареніи одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ въ странѣ, если бы у него не было основательныхъ сомнѣній относительно его честности; но я имѣю весьма вѣскія основанія думать, что подозрѣнія эти исключаютъ возможность его назначенія [1]).

Братья Орловы. Я не счелъ нужнымъ упомянуть о братьяхъ Орловыхъ по той причинѣ, что они не вернутся ко двору въ это царствованіе и не укрѣпятся, не устроятся тамъ, получивъ должности, пока не уйдетъ князь Потемкинъ. Все это убѣждаетъ меня въ томъ, что они никогда не станутъ важными лицами при Императрицѣ и что въ будущемъ царствованіи ихъ пѣсенка тоже спѣта.

Таковы интересныя лица въ Россіи, которыя пользуются вліяніемъ въ это царствованіе или которыя могутъ имѣть таковое въ будущемъ. Я приложилъ всѣ свои старанія къ изученію ихъ. Могутъ найтись еще таковыя въ Москвѣ и внутри страны, и время, и обстоятельства могутъ произвести еще нѣкоторыхъ, но мнѣ все же кажется, что это наиболѣе важныя лица, хорошія или дурныя, которыя въ теченіе нѣкотораго времени будутъ дѣйствовать на русской сценѣ.

Передъ нами прошли, какъ въ калейдоскопѣ, всѣ дѣятели второй половины славнаго царствованія Великой Екатерины, какими они представлялись наблюдательности Прусскаго графа Гёрца, имѣвшаго съ ними непосредственное дѣло въ теченіе 6 лѣтъ. Нельзя сказать, чтобы портреты эти были особенно лестны для подлинниковъ, и Гёрцъ, несмотря на высказанное имъ стараніе быть безпристрастнымъ, несомнѣнно, не вполнѣ смогъ отрѣшиться отъ чувства личной несимпатіи, или даже вражды, и для нѣкоторыхъ изъ своихъ политическихъ противниковъ нѣсколько сгустилъ темныя краски. Особенно недолюбливаетъ онъ, и это сквозитъ во всѣхъ отдѣлахъ его записокъ, Екатерину II, и трудно сказать, кто болѣе въ этомъ случаѣ на него повліялъ: Монархиня, не поддававшаяся его политическимъ стремленіямъ, или женщина, въ которой онъ видитъ только однѣ слабости и даже пороки, коробящіе его не по вѣку протестантско-пуританское міровоззрѣніе. Ея «Греческій проектъ» представляется ему лишеннымъ государственнаго смысла и, какъ всѣ ея начинанія, плодомъ лишь неимовѣрнаго тщеславія, избалованности постоянными успѣхами и лестью всѣхъ дворовъ и частныхъ лицъ, заглушавшихъ въ ней всякое проявленіе здраваго государственнаго ума.

---

[1]) Графъ Отто-Магнусъ Штакельберъ (1736—1800).

Въ ея дворѣ и окружающихъ Гёрцъ видитъ лишь безнравственность и распущенность. Зато Великокняжеская чета и весь окружающій ихъ дворъ—примѣръ добродѣтели и порядочности. И то, и другое, несомнѣнно преувеличено, и объясняется тѣмъ, что для правильнаго освѣщенія фактовъ и оцѣнки людей по дѣламъ ихъ, ему не хватало исторической перспективы. Да ея, впрочемъ и не могла еще быть для него. Нынѣ безпристрастная исторія довольно опредѣленно высказала свой приговоръ о дѣятеляхъ той блестящей для нашей родины эпохи. И, какъ это ни странно, сопоставляя данныя Гёрцомъ характеристики съ соотвѣтственными мѣстами изъ текста «Русскихъ портретовъ, изданія Великаго Князя Николая Михайловича» [1]), составленнаго лучшими знатоками той эпохи на основаніи собственныхъ изысканій и мнѣній современниковъ, русскихъ и иностранцевъ, приходится признать что *въ общихъ чертахъ* графъ Гёрцъ не особенно расходится съ ними въ оцѣнкѣ большинства лицъ, несмотря на кажущееся на первый взглядъ разногласіе.

Вотъ почему намъ показалось интереснымъ предложить его записки вниманію нашихъ читателей.

Сообщилъ герцогъ *Г. Лейхтенберскій.*

---

[1]) Оттуда мы и почерпнули большинство приведенныхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ свѣдѣній.

Памяти графа М. Т. Лорисъ-Меликова.

Четверть вѣка назадъ, 12 декабря 1888 года, угасъ въ Ниццѣ одинъ изъ выдающихся дѣятелей военной и внутренней жизни Россіи въ прошломъ столѣтіи—графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ. Давно и жадно ждавшая его смерть постигла его вдали отъ родины, въ исторіи которой онъ занялъ видную и исполненную тревогъ страницу, полную для него несбывшихся надеждъ,—вдали отъ Кавказа, свидѣтеля и арены его воинскихъ подвиговъ и мудрыхъ мѣръ управленія туземнымъ населеніемъ.

Воспитанникъ Николаевскаго кавалерійскаго училища въ Петербургѣ, богатоодаренный и горячо принявшійся за самообразованіе, онъ началъ службу адъютантомъ у знаменитаго намѣстника Кавказа, князя М. С. Воронцова. Изъ этой, давшей богатые результаты, административной и военной школы онъ вынесъ обдуманную смѣлость пріемовъ и разумную умѣренность въ пользованіи своей властью. Комендантъ Карса, взятаго у турокъ въ войну 1854 года,—противникъ Мухтара-паши въ чрезвычайно опасный для насъ періодъ войны 1877 года,—побѣдитель при Аладжѣ и руководитель блестящимъ ночнымъ штурмомъ того же Карса, онъ былъ призванъ на борьбу съ чумой, вспыхнувшей въ Ветлянкѣ и грозившей принять размѣры общенароднаго бѣдствія. Въ воспоминаніяхъ его ближайшаго сотрудника за это время, А. А. Скальковскаго, приведенъ рядъ эпизодовъ, характеризующихъ его энергію, находчивость и полное забвеніе о какихъ-либо личныхъ удобствахъ въ столкновеніяхъ съ вопіющими культурными неустройствами, почти при полномъ отсутствіи матеріальныхъ средствъ и свѣдущихъ помощниковъ. Послѣ ряда благотворныхъ усилій для побѣды надъ чумой ему уже не пришлось возвратиться на Кавказъ. Усилившееся политическое броженіе и рѣзкое проявленіе его результатовъ въ связи съ развивающимся въ обществѣ недовольствомъ вызвали врученіе въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ высшей мѣстной власти особымъ военнымъ генералъ-губернаторамъ, съ подчиненіемъ имъ въ двухъ послѣднихъ горо-

---

[1]) Настоящій докладъ былъ прочитанъ въ Обществѣ Ревнителей исторіи 5 декабря 1913 г. *Ред.*

дахъ обширныхъ областей и съ облеченіемъ ихъ совершенно исключительными правами. Нуженъ былъ особый тактъ въ пользованіи послѣдними, а также пониманіе истинныхъ потребностей мѣстнаго населенія. Нужно было имѣть рѣшимость отказаться отъ пріемовъ водворенія порядка путемъ обреченія «обывателей» на произволъ и безправіе. Извѣстно, какъ неудачно было въ этомъ отношеніи управленіе Одессой героя защиты Севастополя, генерала Тотлебена, имъ самимъ прямодушно признанное впослѣдствіи. Въ обширномъ раіонѣ, подчиненномъ харьковскому военному генералъ-губернатору, каковымъ былъ назначенъ графъ Лорисъ-Меликовъ, дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ, благодаря его доступности и уваженію къ общественнымъ нуждамъ и дѣятелямъ. Ему удалось сдѣлать свою власть,—по счастливому выраженію князя П. А. Вяземскаго,—«сильною, но не досадливою». Поэтому, когда взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ въ февралѣ 1880 года показалъ,—съ одной стороны, какіе размѣры приняла террористическая дѣятельность, а съ другой,—до какой степени дошли распущенность и небреженіе своимъ долгомъ въ служебномъ мірѣ,—Лорисъ-Меликовъ, по совѣту и указанію графа Д. А. Милютина, былъ призванъ въ Петербургъ, и назначенъ предсѣдателемъ Верховной распорядительной коммиссіи. Уже изъ его обращенія къ обществу съ воззваніемъ стало видно, что избитый путь рутинныхъ мѣропріятій, выработанныхъ въ бюрократическихъ канцеляріяхъ, не входитъ въ планъ его дѣйствій. Всей своей послѣдующей дѣятельностью онъ доказалъ, что нельзя съ успѣхомъ водворять порядокъ и спокойствіе, не опираясь на довѣріе общества, не взглядываясь любовно и пытливо въ его нужды и не прислушиваясь къ его упованіямъ. Будущій историкъ времени, послѣдовавшаго у насъ за «эпохой великихъ реформъ», оцѣнитъ, безъ сомнѣнія, кипучій и неустанный трудъ Лорисъ-Меликова въ этомъ смыслѣ. По его почину и настоянію былъ совершенъ рядъ важныхъ личныхъ перемѣнъ; печатное слово облегчено отъ лежавшаго на немъ лишеннаго разумнаго основанія гнета; исправлены и смягчены послѣдствія многихъ поспѣшныхъ и близорукихъ распоряженій; наконецъ, упразднено пресловутое III отдѣленіе, ушедшее далеко въ сторону отъ своей первоначальной задачи, оставившее по себѣ тяжелый слѣдъ въ умственной жизни русскаго общества и вносившее своимъ устройствомъ и дѣйствіями полную неустойчивость и неувѣренность въ дѣятельность другихъ отраслей управленія.

Занявъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ и показавъ этимъ, что онъ не держится властолюбиво за свое исключительное положеніе внѣ и выше закона, графъ Лорисъ-Меликовъ предпринялъ, сообразуясь съ условіями мѣста и времени, осуществленіе систематическаго плана преобразованій, направленныхъ къ всестороннему ознакомленію съ потребностями страны, и затѣмъ къ ихъ удовлетворенію, независимо отъ узкихъ и предвзятыхъ схемъ и обветшалыхъ пріемовъ. Средствомъ—и при томъ испытаннымъ не разъ съ успѣхомъ—являлись сенаторскія ревизіи, содержавшія

въ себѣ и грозовую бурю для нарушителей закона, разсчитывавшихъ на безнаказанность, и плодотворный дождь, освѣжающій душный воздухъ, охватившій общественную ниву. Матеріалъ, добытый ревизіями, возложенными на заслуженныхъ и безупречныхъ судебныхъ дѣятелей: Ковалевскаго, Половцова, Мордвинова и Шамшина,—долженъ былъ быть подвергнутъ обсужденію высшихъ государственныхъ учрежденій совмѣстно съ свѣдущими людьми, созванными со всей земли, и послужить основаніемъ для дальнѣйшаго законодательства. Такимъ образомъ, было бы положено начало постепенно развитію въ Россіи народнаго представительства. Работа по этимъ преобразованіямъ закипѣла, но вслѣдствіе ужаснаго событія 1-го марта 1881 года имъ не суждено было осуществиться. Законодательная жизнь пошла по старому пути, и лишь чрезъ двадцать пять лѣтъ свершился призывъ къ творческой дѣятельности общественныхъ избранниковъ. Покинутый многими изъ своихъ приверженцевъ, терзаемый «местью враговъ и клеветою друзей», Лорисъ-Меликовъ сошелъ съ арены государственной дѣятельности. Съ больной отъ всего пережитаго и впечатлительной душой, онъ доживалъ, однако, съѣдаемый болѣзнью, свой вѣкъ лишь въ тѣсномъ кругу своей семьи, напоминая орла, у котораго переломлены крылья. Онъ могъ, конечно, жить своими богатыми воспоминаніями, среди которыхъ, безъ сомнѣнія, въ памяти его выдѣлялась многозначительная телеграмма Императора Александра II, полученная имъ 6 ноября 1880 года. Въ ней говорилось: «Поздравляю тебя съ славной годовщиной геройскаго штурма Карса и повторяю тебѣ Мое сердечное спасибо за всѣ заслуги твои, какъ въ военное, такъ и въ мирное время; да хранитъ тебя Богъ, радуюсь скорому свиданію». Но однихъ воспоминаній для его кипучей натуры было недостаточно...

Мало-по-малу его образъ сталъ тускнѣть и забываться, и нынѣ для большинства его имя не вызываетъ собою опредѣленнаго и яснаго представленія. Мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ уже послѣ его «паденія», когда онъ жилъ въ Висбаденѣ и доживалъ свои дни на Женевскомъ озерѣ. Внѣ всякихъ служебныхъ условностей и какой-либо оффиціальности вели мы долгія бесѣды, въ которыхъ раскрывались прекрасныя свойства его, какъ *человѣка*. «Диктаторъ сердца», какъ ядовито называли его разные сановники, не прощавшіе ему его возвышенія и вліятельнаго положенія, оказывался при ближайшемъ общеніи съ нимъ вовсе не тѣмъ хитрецомъ, какимъ его съ чрезвычайнымъ недоброжелательствомъ рисуетъ, напримѣръ, графъ Валуевъ въ своемъ дневникѣ. Напротивъ, Михаилъ Таріеловичъ былъ простъ, чуждъ всякой «позы», громкихъ фразъ и самолюбованія-въ прошломъ. Это былъ человѣкъ живой, деликатный и съ большимъ содержаніемъ; съ умными и горячими глазами, съ мягкой улыбкой и образной яркой рѣчью,—общительный и откровенный до неосторожности. Уроженецъ и дѣятель далекой окраины, онъ былъ чуждъ петербургскимъ вліятельнымъ кругамъ и не былъ ничѣмъ съ ними связанъ въ прошлой своей дѣятель-

ОТД. РУКОП. БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА СССР

ности. Въ этомъ былъ залогъ свободы его дѣйствій, но таились и скрытыя опасности, имъ подчасъ не предполагаемыя, однако, причинявшія ему не мало затрудненій на его тяжеломъ и почти одинокомъ пути. Его ближайшіе сотрудники, плоть отъ плоти Петербурга, относящагося высокомѣрно къ провинціи, не всегда могли быть для него источникомъ вѣрныхъ взглядовъ на многія стороны русской жизни. Довѣрчивый по природѣ, онъ придавалъ иногда слишкомъ большую цѣну нѣкоторымъ людямъ въ служебной и литературной области, считая ихъ сочувствующими себѣ, тогда какъ на другой же день послѣ оставленія имъ власти они или прямо пошли противъ него, или лукаво притаились. Но и въ своихъ невольныхъ заблужденіяхъ онъ былъ проникнутъ настойчивымъ и безкорыстнымъ желаніемъ быть полезнымъ родинѣ, не щадя своихъ слабыхъ физическихъ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ очень талантливъ, быстро все новое себѣ усваивая и самостоятельно перерабатывая. Постоянно, даже на одрѣ болѣзни, продолжалъ онъ интересоваться вопросами финансоваго и государственнаго права и читалъ серьезные по нимъ труды.

Въ большой пачкѣ писемъ его ко мнѣ содержится много характерныхъ мѣстъ, рисующихъ его личность, его сердечную преданность старымъ друзьямъ и его заботливую тревогу во всемъ, что касается Россіи въ ея внутреннихъ дѣлахъ и внѣшнихъ отношеніяхъ. Свиданіе съ нимъ незадолго до его кончины оставило во мнѣ неизгладимое воспоминаніе, и я схожусь вполнѣ съ покойнымъ докторомъ Бѣлоголовымъ въ чувствѣ нѣжнаго уваженія къ «директору сердца», которымъ проникнуты теплыя страницы, посвященныя имъ въ свое время графу Лорисъ-Меликову.

А. Ѳ. Кони.

Изъ дневника флигель-адъютанта Николая Дмитріевича Дурново.

(Сообщено генералъ-адъютантомъ П. П. Дурново; выписки произведены г-жею С. П. Дурново; переведено кн. А. С. Эристовымъ, подъ редакціею М. К. Соколовскаго).

Авторъ печатаемыхъ ниже записокъ — генералъ-маіоръ Николай Дмитріевичъ Дурново, родившійся 16-го ноября 1792 г. и убитый при взятіи турецкихъ редутовъ у крѣпости Шумлы 18-го сентября 1828 г.

14-го апрѣля 1811 г. онъ былъ произведенъ изъ колонновожатыхъ въ подпоручики Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части (что нынѣ Генеральный Штабъ). Затѣмъ онъ былъ назначенъ адъютантомъ начальника Главнаго Штаба генерала-адъютанта князя П. М. Волконскаго, котораго и сопровождалъ въ мартѣ 1812 г. въ Вильну. 12-го октября командированъ въ распоряженіе генерала барона Бенигсена въ Тарутино. За отличія въ Отечественную войну награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ 1813 г. состоялъ при начальникѣ Главнаго Штаба князѣ Волконскомъ во время всей кампаніи и исправлялъ должность капитана надъ колонновожатыми главной квартиры. Во время кампаніи былъ награжденъ нѣсколькими чинами до капитана включительно и иностранными орденами: Прусскимъ Pour le Mérite, Австрійскимъ Леопольда, Баварскимъ За военныя заслуги и Шведскимъ Меча. Въ 1815 г., въ день смотра при Вертю, назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Занималъ должность завѣдующаго библіотекой Главнаго Штаба и 6-го апрѣля 1819 г. произведенъ въ полковники. Въ началѣ 20-хъ годовъ назначенъ управляющимъ канцеляріею при начальникѣ Главнаго Штаба генералѣ Дибичѣ. Въ этой должности награжденъ орденами Св. Анны 2 ст. съ брилліантами и Св. Владиміра 3 ст. 25-го марта 1828 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и въ томъ же году назначенъ сперва въ составъ Главной Квартиры, а затѣмъ командиромъ пѣхотной бригады; потомъ онъ исправлялъ должность начальника дивизіи, во время командованія которою и былъ убитъ. За командованіе бригадой награжденъ золотымъ оружіемъ съ брилліантами и представленъ къ орденамъ Св. Анны 1 ст. и Св. Георгія 4 ст.

27-го Ноября 1825 года.

Я былъ въ своемъ отдѣленіи Главнаго Штаба, когда Бибиковъ сообщилъ мнѣ ужасное извѣстіе, привезенное курьеромъ изъ Таганрога, о кончинѣ возлюбленнаго Монарха. Великодушный Императоръ Александръ I въ Бозѣ почилъ 19-го сего мѣсяца, въ 11 ч. 50 м. утра, вслѣдствіе сильной лихорадки, полученной имъ во время послѣдняго своего путешествія въ Крымъ. Вся Россія будетъ оплакивать потерю своего Отца, своего благодѣтеля.

Мы сейчасъ же отправились въ Зимній дворецъ. Государственный Совѣтъ былъ уже въ сборѣ, приступили къ чтенію духовнаго завѣщанія Его Императорскаго Величества, которое еще въ 1823 было сдано на храненіе въ Государственный Совѣтъ.

Императоръ Александръ, съ согласія Великаго Князя Константина, назначаетъ своимъ престолонаслѣдникомъ Великаго Князя Николая Павловича; къ завѣщанію приложено собственноручное письмо Великаго Князя Константина, въ которомъ Его Высочество уступаетъ всѣ свои права на престолъ Брату своему, такъ-какъ не чувствуетъ себя способнымъ къ царствованію.

По окончаніи чтенія завѣщанія, мы всѣ были готовы сейчасъ же присягнуть Николаю, но Его Высочество объявилъ, что онъ признаетъ за Императора Брата своего Константина и подаетъ намъ примѣръ въ принесеніи своей присяги именно Ему. Члены Государственнаго Совѣта, послѣ совѣщанія съ Императрицей-Матерью, послушались желанія Николая, и Великій Князь Константинъ былъ провозглашенъ Императоромъ. Присягу мы принесли тутъ же, въ дворцовой церкви; присягнули на вѣрность Константину. По всей Россіи были разосланы курьеры съ извѣстіемъ о вступленіи на прародительскій престолъ Великаго Князя Константина. Адъютантъ Великаго Князя Николая Павловича, капитанъ Лазаревъ, былъ отправленъ къ новому Императору. Дай Богъ, чтобы онъ согласился царствовать надъ нами. Общая печаль доказываетъ, на сколько Императоръ Александръ былъ любимъ своими подданными; всюду раздаются рыданія, видны слезы. Меня самого слезы душили во время панихиды. Случайно я стоялъ въ церкви, на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно стоялъ возлюбленный Монархъ. Его душа была слишкомъ чиста и прекрасна, чтобы дольше оставаться на землѣ, и покинула насъ для иного міра; да получитъ Онъ отъ Всевышняго должное вознагражденіе за постоянныя Его заботы о счастіи 50 милліоновъ подданныхъ, Божественнымъ Промысломъ врученныхъ подъ Его скипетръ.

Императоръ Александръ I родился 12-го Декабря 1777 года. Вступилъ въ бракъ 15 лѣтъ съ принцессою Баденской Елизаветою въ 1793 году. Въ 1801 году послѣ смерти отца своего Павла I, вступилъ на престолъ. Въ томъ же году состоялась коронація въ Москвѣ. Скончался 47 лѣтъ, одиннадцати мѣсяцевъ и семи дней.

Вмѣстѣ съ Россіей его будетъ оплакивать и вся Европа.

28-го Ноября.

Весь Главный Штабъ, въ присутствіи Военнаго Министра, въ шесть часовъ, въ библіотечной залѣ присягалъ Императору Константину. Послѣ присяги я слушалъ панихиду въ большой Дворцовой церкви. Государственнымъ Совѣтомъ назначена спеціальная похоронная комиссія; князь Алексѣй Куракинъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи; членами: сенаторъ Васильчиковъ и графъ Соллогубъ. Изъ Варшавы нѣтъ извѣстія. Императрица-Мать сильно удручена смертью любимаго Сына.

Вечеръ провелъ у Военнаго Министра. Въ 12 час. ночи былъ уже въ кровати.

29-го Ноября.

Во дворецъ я прибылъ около одиннадцати часовъ. Здоровье Императрицы-Матери немного лучше. Нѣтъ никакихъ извѣстій объ Императрицѣ Елизаветѣ. По нѣкоторымъ частнымъ письмамъ изъ Варшавы, предполагаютъ, что болѣзнь покойнаго Императора была извѣстна Великому Князю Константину; но 22-го сего мѣсяца Великій Князь еще былъ въ Варшавѣ.

30-го Ноября.

Императрица-Мать сегодня причащалась св. Тайнъ, что отнюдь не слѣдуетъ приписать ея тяжкой болѣзни, какъ о томъ носятся въ городѣ слухи, а объясняется тѣмъ, что Она говѣла. Князь Волконскій увѣдомляетъ изъ Таганрога, что здоровье Императрицы Елизаветы удовлетворительно. Извѣстій изъ Варшавы нѣтъ. Здѣсь говорятъ, что Опочининъ отправленъ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ къ новому Императору.

Утро я провелъ въ Главномъ Штабѣ, гдѣ все попрежнему спокойно. Вечеръ провелъ у Татищева. Общество начинаетъ съѣзжаться.

1-го Декабря.

Былъ во дворцѣ, чтобы узнать новости; офиціальныхъ извѣстій нѣтъ, но, по частнымъ свѣдѣніямъ, въ Варшавѣ закрыты всѣ театры съ 22-го Ноября, вслѣдствіе полученнаго изъ Таганрога извѣстія о болѣзни Императора Александра. Ничего не говорятъ объ отъѣздѣ Великаго Князя Константина, что даетъ поводъ думать, что Его Величество остается въ Варшавѣ...

Днемъ былъ въ Главномъ Штабѣ, а вечеръ провелъ у Татищева.

2-го Декабря.

Все утро посвятилъ я занятіямъ въ библіотекѣ. Получилъ письмо отъ дяди Демидова отъ 7-го Ноября, что доказываетъ, что новости, распространенныя генераломъ Горголи, невѣрны. Я благодарилъ Бога. Есть люди, которымъ очень нравится заниматься сплетнями.

Обѣдалъ у Военнаго Министра; сейчасъ же послѣ обѣда я принужденъ былъ отправиться во дворецъ, дабы провѣрить исторію одного письма, про которое я говорилъ вчера.

Конецъ вечера провелъ у Татищева. Ничего новаго.

3-го Декабря.

Пріѣхавъ во дворецъ, я засталъ всѣхъ въ большомъ волненіи. Великій Князь Михаилъ пріѣхалъ изъ Варшавы. Великій Князь хранитъ тайну, и никто не знаетъ, какія извѣстія онъ привезъ. Адъютанты, которые сопровождали въ путешествіи Его Высочество, во дворцѣ не показываются. Въ Варшавѣ узнали о смерти Императора Александра, 26-го Ноября. Всюду замѣчается какая-то необыкновенная тайна.

Выйдя изъ Главнаго Штаба, я совершилъ прогулку пѣшкомъ. Вечеръ провелъ у Военнаго Министра.

4-го Декабря.

Во дворцѣ все спокойно. Мы находимся все время въ сильномъ безпокойствѣ; такое состояніе неизвѣстности положительно невыносимо.

Въ Главномъ Штабѣ занимался до 2-хъ час. дня, послѣ чего отправился поздравить съ именинами М-me Баранову. Обѣдалъ у Кремера, онъ принималъ у себя семью Татищева; по обыкновенію мы оставались за обѣдомъ весьма продолжительное время. Къ двѣнадцати ночи былъ у себя.

5-го Декабря.

То же безпокойство на счетъ нашей судьбы. Положительно это становится невыносимымъ и давно пора положить конецъ. Всѣ члены Императорской Фамиліи переживаютъ то же чувство, и Великій Князь Михаилъ въ теченіе дня отбылъ въ Варшаву; во всемъ этомъ есть кое-что отъ насъ скрываемое, но все же правда должна будетъ пронизать завѣсу.

Изъ библіотеки я отправился къ М-me Горголи, которая только что вернулась изъ Тульчина, куда она ѣздила провѣдать свою дочь и новорожденнаго внука. Вечеромъ—для перемѣны у Татищева.

6-го Декабря.

Началъ я день поздравленіемъ съ днемъ ангела генерала Демидова; затѣмъ былъ у Стрекалова, мать котораго скончалась вчера. Пріѣхавъ во дворецъ, я узналъ, что Императрица-Мать высказала свое рѣшеніе по отношенію адъютантовъ покойнаго Императора: тѣ, которые не имѣютъ опредѣленныхъ занятій, получатъ разрѣшеніе отправиться въ Таганрогъ; такихъ насчитываютъ десять человѣкъ; я же, благодаря своей службѣ, остаюсь въ Петербургѣ. Вечеромъ—у Военнаго Министра.

7-го Декабря.

Наша зима, благодаря оттепели послѣднихъ дней, совершенно исчезла; нѣтъ болѣе снѣга, и ледъ на Невѣ и въ каналахъ покрытъ водою. Мои товарищи, отправляющіеся въ Таганрогъ, не увидятъ хорошей дороги, и я совершенно имъ не завидую. Положительно ничего новаго. Здоровье Императрицы-Матери довольно хорошо. Князь Волконскій сообщаетъ, что здоровье Императрицы Елизаветы съ каждымъ днемъ все слабѣе и слабѣе.

Вечеромъ былъ у Министра Внутреннихъ Дѣлъ г-на Ланского.

8-го Декабря.

Въ Главномъ Штабѣ я узналъ, что курьеръ, посланный Военнымъ Министромъ къ генералу Курутѣ, вернулся изъ Варшавы, но изъ всего дѣлаютъ необычайную тайну. Во дворцѣ всѣ шепчутся; одни говорятъ, что Константинъ отказывается отъ трона; другіе утверждаютъ, что онъ согласенъ вступить на престолъ, но подъ условіемъ, чтобы его супруга была признана Императрицей, но это все лишь однѣ догадки, а правда все еще погребена.

Обѣдалъ у Военнаго Министра. Вечеромъ у княгини Долгоруковой.

9-го Декабря.

Утромъ—въ Главномъ Штабѣ и во дворцѣ. Ничего новаго.

Обѣдалъ у Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Вечеромъ у М-me Ададуровой. Я записываю сюда нѣкоторыя подробности послѣднихъ дней Императора Александра I, которыя я почерпнулъ изъ нѣсколькихъ писемъ изъ Таганрога, писанныхъ лицами, окружавшими ежедневно нашего возлюбленнаго Монарха. Когда Государь покидалъ на время столицу, онъ имѣлъ обыкновеніе служить молебенъ въ Казанскомъ соборѣ; на сей разъ, уѣзжая изъ Петербурга, онъ отправился въ три часа утра въ Александро-Невскій монастырь. Митрополитъ, будучи предупрежденъ, ожидалъ Его Величество во главѣ всей монастырской братіи; во время чтенія св. Евангелія Государь стоялъ на колѣняхъ и горячо плакалъ. По окончаніи божественной службы, Онъ посѣтилъ покои митрополита Серафима, который предложилъ навѣстить келью отшельника, своего исповѣдника; Государь принялъ предложеніе, и они вошли въ жилище отшельника, но, увидѣвъ тамъ открытый гробъ, который служилъ святому отцу кроватью, Александръ поспѣшилъ выйти изъ кельи и немедленно покинулъ монастырь, направившись въ Царское-Село. Проѣхавъ заставу, Государь остановилъ экипажъ и въ продолженіе слишкомъ четверти часа любовался своей красавицей—столицей; повидимому, онъ предчувствовалъ, что въ послѣдній разъ онъ наслаждается такимъ красивымъ зрѣлищемъ. Въ Царскомъ-Селѣ уже были го-

товы дорожные экипажи; когда все было готово къ отъѣзду, Его Величество спустился въ садъ, сказавъ, что желаетъ еще разъ попрощаться съ любимыми мѣстами. Одинъ изъ престарѣлыхъ и любимѣйшихъ камердинеровъ, который по преклонному своему возрасту не могъ слѣдовать въ путешествіе, осмѣлился спросить Царя, можетъ ли разсчитывать на счастіе вскорѣ увидѣть опять своего Государя; на это Государь, поднявъ глаза къ небу и указывая пальцемъ, сказалъ: «спроси Того, Кто тамъ на небесахъ возсѣдаетъ!» И слеза омочила его вѣки.

Въ первые дни пріѣзда Государя въ Таганрогъ была видна комета; однажды, катаясь въ дрожкахъ, Императоръ спросилъ своего кучера Илью, видѣлъ ли онъ комету, и когда сей послѣдній отвѣтилъ утвердительно, Его Величество добавилъ: «надо тебѣ знать, Илья, что кометы всегда плохіе предвѣстники и что навѣрно Россіи грозитъ большое несчастіе». Въ словахъ его таилась правда.

Октября 13-го, ровно за мѣсяцъ до своей кончины, Александръ писалъ своей Матери; былъ свѣтлый день, какъ вдругъ небо настолько потемнѣло, что пришлось прибѣгнуть къ свѣчамъ; спустя десять минутъ, небо снова прояснилось, и камердинеръ предложилъ убрать свѣчи; тогда Его Величество обратился къ нему съ вопросомъ: «Федоровъ, почему ты хочешь унести свѣчи,—навѣрно у васъ такое повѣріе, что если днемъ горятъ свѣчи въ комнатѣ, то это къ покойнику». «Да, Ваше Величество, отвѣтилъ камердинеръ, по русскому обычаю въ комнатѣ днемъ зажигаютъ свѣчи лишь передъ покойникомъ». На сей разъ на этомъ закончился разговоръ, но послѣ своего возвращенія изъ Крыма, однажды вечеромъ, почуствовавъ себя плохо, Императоръ сказалъ камердинеру: «Федоровъ! Я чувствую себя очень плохо и, знаешь, эти проклятыя свѣчи не выходятъ изъ Моей головы; онѣ предсказываютъ Мою смерть, но, что-же, если такъ угодно Богу, надо смиренно покориться». Октября 20-го Государь уѣхалъ изъ Таганрога въ Крымъ, въ сопровожденіи единственно барона Дибича, его начальника Главнаго Штаба. Императрица Елизавета и князь Волконскій напрасно упрашивали Его отложить это проклятое путешествіе, но Императоръ, обѣщавъ генералъ-губернатору графу Воронцову посѣтить Крымъ, хотѣлъ сдержать свое слово.

Пятаго Ноября, уже больнымъ, возвратился Его Величество къ своей Августѣйшей Супругѣ; до слѣдующаго дня онъ всячески старался скрыть свою болѣзнь. Шестого, обѣдая съ Императрицей, онъ почувствовалъ себя настолько дурно, что долженъ былъ покинуть столовую. Седьмого, вслѣдствіе обморока, онъ долженъ былъ слечь въ постель. Докторъ Виллié далъ лекарство, которое не принесло никакого облегченія. Восьмого, не чувствуя облегченія, онъ совершенно отказался отъ лекарствъ. Появилась сильная лихорадка. Дабы успокоить больного, этотъ дуралей, Виллié, давалъ лишь одни лимонады. Четырнадцатаго опасность сдѣлалась очевидною. Согласно распоряженіямъ Императрицы, былъ приглашенъ мѣстный священникъ.

Ноября 15-го, въ шесть часовъ утра, Императоръ былъ въ полной памяти и, подозвавъ съ себѣ священника, сказалъ: «Садитесь, батюшка, и исполняйте свой христіанскій долгъ; забудьте на время, что Я вашъ Монархъ и зрите во Мнѣ лишь настоящаго христіанина». Когда ихъ оставили наединѣ, Самодержецъ Всероссійскій исповѣдался предъ простымъ скромнымъ священникомъ крохотнаго городка, расположеннаго на одной изъ окраинъ его необъятной Имперіи.

Послѣ исповѣди Александръ съ полнымъ благоговѣніемъ причастился св. Таинъ, а затѣмъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: «Я никогда не испытывалъ такого облегченія». На эти слова почтенный служитель церкви Господней падаетъ на колѣни и умоляетъ Его Величество не отвергать медицинской помощи. Императоръ далъ на это свое обѣщаніе, и съ этой минуты доктора получили для счастія Его вѣрноподданныхъ полную власть надъ нимъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Съ этого дня болѣзнь все ухудшалась; наконецъ, 19-го Ноября, въ 10 ч. 47 м. утра, его чистая душа покинула свою земную оболочку и унеслась къ Всемогущему Творцу. Императрица Елизавета, столь несчастная въ своей жизни и достойная вознагражденія лучшей судьбою, сама сомкнула очи своему супругу и сказала: «Да будетъ воля Господня», послѣ чего упала въ обморокъ. Кто могъ подумать, что она со своимъ слабымъ здоровьемъ переживетъ Императора?

Когда вскрыли тѣло, то всѣ нашли, что оно было создано, чтобы жить сто лѣтъ; маленькое въ три унціи скопленіе, воды въ мозгу. Въ общемъ всѣ порицаютъ Вилліе, который изъ боязни затронуть свою репутацію не хотѣлъ посовѣтоваться съ мѣстнымъ врачемъ, которому хорошо были извѣстны такого рода болѣзни и который самъ, узнавъ о болѣзни возлюбленаго Монарха, предложилъ свои услуги.

Штофрегенъ и Рейнботъ были допущены къ больному лишь 15-го Ноября. Совѣсть Вилліе, если таковую онъ имѣетъ, должна сильно страдать.

10-го Декабря.

Теперь каждый день представляетъ собою особый интересъ. Во дворцѣ я узналъ, что графъ Аракчеевъ вчера въ семь часовъ вечера былъ съ визитомъ у Императрицы матери. Этотъ человѣкъ, погруженный въ горе и отчаяніе послѣ смерти какой-то дѣвки, непотребной женщины и вслѣдствіе этого отказавшій отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ, сейчасъ же послѣ прискорбной вѣсти о смерти возлюбленнаго Монарха, своего благодѣтеля, того, кто удостоивалъ его именовать своимъ другомъ, вдругъ выздоравливаетъ и вступаетъ въ командованіе военными поселеніями. Во всякой другой странѣ Аракчеевъ былъ бы растерзанъ толпою за свое низкое поведеніе. Полковникъ Чихачевъ, Петербургскій полиціймейстеръ, былъ его любимцемъ; онъ его лелѣялъ, какъ сына, а теперь отказывается его принимать у себя и, мало того, пишетъ военному губернатору графу Милорадовичу,

слѣдующее письмо: «Ночью я пріѣхалъ въ столицу; утромъ полковникъ Чихачевъ появляется въ мою квартиру и, не смотря на отказъ въ пріемѣ, направляется къ моему начальнику штаба, генералу Клейнмихелю, которому заявляетъ, что онъ долженъ снабдить меня спасительными совѣтами въ виду настоящаго моего положенія. Полагая, что въ моемъ возрастѣ, въ моихъ чинахъ и положеніи я не нуждаюсь въ совѣтахъ молодого человѣка, г-на полиціймейстера, прошу Ваше Сіятельство, запретить ему разъ навсегда являться ко мнѣ». Можно себѣ представить, какъ такое рѣшеніе поразило Чихачева; говорятъ, что онъ имѣлъ сношенія съ возлюбленной Аракчеева и что связь эта была открыта, благодаря письмамъ, которыя остались послѣ покойной; вотъ настоящая причина Аракчеевскаго гнѣва.

Новый Монархъ можетъ сразу пріобрѣсти себѣ полное обожаніе своихъ подданныхъ, отстранивъ отъ кормила правленія этого тигра, ненавидимаго всей Россіей. Не дай Богъ, если онъ пріобрѣтетъ довѣріе своего Монарха. Утромъ я работалъ въ Главномъ Штабѣ. Полякъ Томашинскій предложилъ свои услуги для приведенія въ порядокъ нашего каталога, за плату по два рубля съ листа; такъ-какъ онъ отлично пишетъ, то я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе. Переписка этого каталога будетъ произведена, какъ и предыдущаго, на мой счетъ.

Часть вечера провелъ у Новосильцева, секретаря Императрицы; его братъ только-что вернулся изъ Москвы и привезъ извѣстіе о пріемѣ Первопрестольной.

Закончилъ вечеръ у Татищева.

11-го Декабря.

Вчера, чувствуя маленькое недомоганіе, принялъ на ночь слабительный порошокъ, который имѣлъ свое воздѣйствіе, и теперь я совершенно здоровъ.

Сперва отправился за новостями во дворецъ, но, не узнавъ ничего, пошелъ въ штабъ.

Вечеръ провелъ у князя Лопухина и у Шереметевыхъ, гдѣ составилась партія въ вистъ.

12-го Декабря.

Сегодня, въ день рожденія покойнаго Императора, въ Казанскомъ Соборѣ была отслужена заупокойная литургія.

Вечеромъ я былъ у графини Кутайсовой и военнаго министра.

13-го Декабря.

Утромъ во дворцѣ я конфиденціально узналъ, что Великій Князь Константинъ отказался отъ трона, а потому Великій Князь Николай долженъ вступить на престолъ; все это мнѣ передали подъ величайшимъ секретомъ, а черезъ часъ спустя весь городъ уже зналъ объ этомъ.

Воспользовавшись свободнымъ временемъ, я сдѣлалъ визиты графинѣ Заводовской, генералу Веригину и Салову, супруга коего сильно больна.

Вечеръ хотѣлъ я провести у княгини Бѣлосельской, но какая-то неудержимая сила направила меня къ Татищеву, и это было къ лучшему, такъ какъ военный министръ былъ вызванъ въ Государственный Совѣтъ и намъ пришлось его ожидать до часу ночи; по пріѣздѣ своемъ онъ намъ объявилъ, что Великій Князь Николай, прибывъ въ Государственный Совѣтъ прочелъ письмо своего Брата, Великаго Князя Константина, съ категорическимъ отказомъ отъ трона; вслѣдствіе этого, слѣдуя желаніямъ обоихъ своихъ Братьевъ, Онъ, Николай, объявляетъ себя Русскимъ Императоромъ, Царемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Финляндскимъ.

Вслѣдъ за этимъ я отправился домой спать.

14-го Декабря.

Ранѣе семи часовъ утра я былъ уже во дворцѣ. Въ скоромъ времени прибылъ Императоръ. Его Величество началъ съ чтенія письма Великаго Князя Константина, написаннаго въ Варшавѣ на слѣдующій же день по полученіи тамъ извѣстія о кончинѣ Императора Александра.

Его Величество, выражая свое глубокое горе въ тяжкой потерѣ брата, заявляетъ о своемъ безповоротномъ рѣшеніи отказаться отъ трона въ пользу Великаго Князя Николая, который согласно Высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго вслѣдъ за его, Константина, письмомъ, и съ согласія Императрицы-Матери, уже со 2-го Февраля 1822 года объявленъ престолонаслѣдникомъ, а потому проситъ теперь Императора Николая принять отъ него первымъ его вѣрноподданическую присягу.

Послѣ этого Николаю ничего не оставалось, какъ объявить себя Самодержцемъ Всероссійскимъ, что онъ и сдѣлалъ, издавъ весьма краснорѣчивый манифестъ, къ которому въ копіяхъ были приложены пять писемъ Константина и письма Императора Александра I и Императрицы-Матери, какъ служащія документами добровольнаго отреченія Великаго Князя Константина отъ трона. Съ умиленіемъ выслушавъ слова своего новаго Повелителя, всѣ генералы были приведены къ присягѣ въ библіотекѣ Главнаго Штаба; все это произошло въ строжайшей тишинѣ и порядкѣ. Всѣ генералы гвардіи отбыли къ своимъ частямъ.

Не желая долго ожидать во дворцѣ Высочайшаго выхода, я отправился къ своему другу; не знаю, какое предчувствіе заставило меня покинуть его часомъ раньше времени, назначеннаго для выхода. На улицѣ я встрѣтилъ каретника Шленгауера, который съ большимъ волненіемъ мнѣ передалъ, что взбунтовался Московскій полкъ, что генералы Шеншинъ и Фредериксъ тяжело ранены и что бунтовщики достигли уже Сенатской площади. Я сейчасъ же отправился туда, но вмѣсто цѣлаго полка, засталъ не болѣе трехъ взводовъ; они неистово кричали, что признаютъ законнымъ Импе-

раторомъ лишь одного Константина; между бунтовщиками я замѣтилъ князя Оболенскаго, адъютанта генерала Бистрома. Разсудивъ безполезность своего пребыванія среди этой сволочи, я отправился на мою службу къ Государю. Его Величество я засталъ на дворцовой площади, держащимъ рѣчь первому баталіону Преображенскаго полка; эти храбрецы, всѣ до одного, поклялись умереть за ихъ законнаго Самодержца. Послали за другими полками. Охрана дворца была поручена саперамъ. По мѣрѣ того какъ со всѣхъ сторонъ прибывали войска, мы направились къ Сенатской площади. Драгунскій капитанъ Якубовскій подошелъ къ Государю и доложилъ, что онъ первоначально былъ съ бунтовщиками заодно, но, убѣдившись въ ихъ неправотѣ, онъ перешелъ на нашу сторону. Его Величество милостиво принялъ его раскаяніе и отправилъ его переговорщикомъ къ бунтовщикамъ, приказавъ обѣщать имъ полное помилованіе, если немедленно будетъ возстановленъ полный порядокъ. Якубовичъ, размахивая бѣлымъ платкомъ, направился къ бунтовавшимъ взводамъ. Не знаю, что онъ имъ говорилъ, но въ скоромъ времени онъ вернулся и доложилъ, что они никого не признаютъ, кромѣ Императора Константина. Государь Императоръ вторично послалъ Якубовскаго, приказавъ разъяснить какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ, что Великій Князь Константинъ категорически не желаетъ вступать на тронъ, отъ котораго онъ добровольно отказался нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Якубовичъ отвѣтилъ, что приказаніе будетъ исполнено, но что назадъ онъ болѣе не вернется, будучи увѣренъ, что его растерзаютъ; тогда Государь его задержалъ и вмѣсто него отправилъ меня. Перекрестясь, я направился къ бунтовщикамъ; я остановился въ четырехъ шагахъ и только успѣлъ открыть ротъ для начала переговоровъ, какъ одинъ изъ начальствующихъ надъ ними во все горло крикнулъ мнѣ, чтобы я удалился, угрожая меня застрѣлить; онъ даже приказалъ двумъ солдатамъ меня заколоть; но оказалось, что я былъ проворнѣе ихъ и, не смотря на ихъ погоню, мнѣ удалось вернуться къ своимъ. Мой товарищъ, полковникъ Бибиковъ, былъ менѣе меня счастливъ и, получивъ два сильныхъ удара, потерялъ сознаніе и былъ вырванъ изъ рукъ разъяренной толпы солдатами морского баталіона, присоединившагося къ бунтовщикамъ.

Митрополитъ Серафимъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ и въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, направился усовѣщевать бунтующихъ, но миссія его потерпѣла также неудачу. Прибыла наша артиллерія, но безъ снарядовъ; пришлось за снарядами отправить въ лабораторію; время безполезно проходило. Къ бунтовщикамъ въ полномъ безпорядкѣ примкнулъ л.-гв. Гренадерскій полкъ; черезъ нѣсколько минутъ принесли полковника Стюрлера, смертельно раненаго.

Наконецъ, къ 4 часамъ прибыли снаряды; намъ удалось убѣдить Императора приказать открыть огонь; я выбралъ себѣ удобное мѣсто для наблюденія за дѣйствіями снарядовъ. Первый выстрѣлъ заставилъ дрогнуть гренадеръ; послѣ второго получился общій безпорядокъ, а послѣ третьяго—

бунтовщики въ паническомъ страхѣ пустились въ бѣгство. На Галерной улицѣ они были встрѣчены бѣглымъ огнемъ Павловскаго полка; большая часть изъ нихъ бросилась вплавь черезъ рѣку на Васильевскій островъ, гдѣ они были преслѣдуемы Конной Гвардіей. Къ шести часамъ бунтъ былъ подавленъ. Государь, расположивъ войска вокругъ дворца, а также на Сенатской площади и на Васильевскомъ островѣ и нарядивъ по всему городу патрули, вернулся во дворецъ, гдѣ съ большимъ безпокойствомъ его ожидали обѣ Императрицы. По сборѣ всѣхъ чиновъ двора, всѣ отправились въ придворную церковь на богослуженіе, по случаю восшествія на престолъ. Въ продолженіе цѣлаго дня мы были заняты передачей приказаній Его Величества; положительно не было ни минуты отдыха; только въ 9 ч. вечера мнѣ удалось съѣсть кусокъ хлѣба. Безъ конца приводятъ арестованныхъ; между ними находится князь Щепинъ-Ростовскій, тотъ самый, который ранилъ Шеншина и Фредерикса; онъ—капитанъ Московскаго полка. Большинство заговорщиковъ еще не найдены, но внѣ всякаго сомнѣнія, что они не скроются. Всѣ четыре брата Бестужевы играли видную роль въ заговорѣ, который клонился къ правительственному перевороту, убіенію всей царствующей династіи и провозглашенію конституціи. Слава Богу, что всѣ эти гнусные планы раскрыты и должная кара не заставитъ себя долго ждать.

15-го Декабря.

Немного позднѣе полуночи, Государь приказалъ мнѣ привести къ нему живымъ или мертвымъ поэта Рылѣева и прибавилъ, что я отвѣчаю своею головою въ случаѣ неисполненія этого повелѣнія. Я отвѣтилъ Его Величеству, что черезъ полчаса приказаніе будетъ исполнено. Взявши съ собою шесть солдатъ Семеновскаго полка, я немедленно отправился къ квартирѣ Рылѣева, проживавшаго въ домѣ Американскаго общества. Сначала мнѣ оказали маленькое сопротивленіе, но когда я объявилъ, что дѣйствую по приказанію самого Государя, меня впустили въ домъ; я прямо приказалъ себя вести въ спальню поэта, который спалъ или вѣрнѣе притворялся спящимъ; какъ бы то ни было, но пробужденіе его было не изъ пріятныхъ. Онъ безпрекословно повиновался и, наскоро одѣвшись, послѣдовалъ со мною во дворецъ. За быстроту и точность исполненія Его Величество изволилъ меня благодарить и послалъ меня къ коменданту крѣпости съ предупрежденіемъ имѣть наготовѣ помѣщенія на нѣсколько сотъ заключенныхъ, которые должны скоро прибыть. Едва вернувшись во дворецъ, я отправился съ приказаніями къ военному министру, а оттуда поклониться праху графа Милорадовича, скончавшагося отъ ранъ, полученныхъ имъ въ теченіе вчерашняго дня. Этотъ человѣкъ, судьба котораго неоднократно оберегала отъ пули и ядеръ вражескихъ, падаетъ какъ истинный герой отъ рукъ злодѣевъ. По моему приказанію, тѣло его было перевезено изъ Конногвардейскихъ казармъ, гдѣ онъ скончался, къ нему на квартиру, на Мойку. Временно назначенъ и. д.

Петербургскаго военнаго губернатора генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Въ числѣ лицъ, приводимыхъ во дворецъ, былъ кн. Трубецкой, дежурный штабъ-офицеръ 4-го армейскаго корпуса, пасынокъ графа Лаваля; этому событію я не вѣрилъ своимъ глазамъ, хотя, говорятъ, что онъ одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ. Генералъ Толь, пріѣхавшій вчера къ началу дѣйствій, цѣлую ночь провелъ въ допросахъ участниковъ; утромъ онъ уѣхалъ обратно въ Могилевъ, чтобы привести къ присягѣ свою армію. Допросъ бунтовщиковъ порученъ Государемъ генералу Левашеву. Два брата Бестужевыхъ добровольно сдались; одинъ изъ нихъ—адъютантъ принца Александра Виртембергскаго.

Въ 9 ч. утра Императоръ сѣлъ на коня и подъѣхалъ къ войскамъ; онъ снова благодарилъ офицеровъ и солдатъ. Къ этому случаю 17 человѣкъ были назначены генералъ-адъютантами; 29 человѣкъ флигель-адъютантами. Дѣйствительно, это былъ вполнѣ подходящій случай отблагодарить честную, ревностную службу. Коннаго полка князь Голицынъ и кавалергардъ графъ Апраксинъ произведены въ генералы. Послѣ обѣда мнѣ удалось на нѣкоторое время покинуть дворецъ. Я чувствовалъ чрезмѣрную необходимость въ отдыхѣ, такъ какъ въ продолженіе 36 часовъ не смыкалъ глазъ, тѣмъ не менѣе приходилось вернуться во дворецъ, гдѣ я пробылъ далеко за полночь. Графъ Ивеличъ, изъ сожалѣнія, меня смѣнилъ, и я вернулся домой, изнемогая отъ усталости, но съ пріятнымъ сознаніемъ въ честномъ исполненіи своего долга, какъ то подобаетъ вѣрноподданному слугѣ. Совѣсть моя безупречна. Къ общему нашему стыду и позору два офицера нашего главнаго штаба, Корниловичъ и графъ Коновницынъ, замѣшены въ заговорѣ.

16-го Декабря.

Ни одной минуты не проходитъ, чтобы не приводили и не арестовывали кого-нибудь. Всѣ Бестужевы въ нашихъ рукахъ; старшій изъ нихъ, морской офицеръ, блещетъ умомъ. Онъ былъ исторіографомъ флота, директоромъ адмиралтейскаго музея и членомъ всѣхъ научныхъ обществъ; его поймали за Кронштадтомъ. Князь Одоевскій, офицеръ Конной Гвардіи, былъ выданъ своимъ дядей, сенаторомъ Димитріемъ Ланскимъ, у котораго онъ хотѣлъ найти убѣжище. Этотъ подлецъ Якубовскій, сыгравшій такъ хорошо свою роль полнаго раскаянія, оказывается однимъ изъ главныхъ заговорщиковъ; мы предоставили ему даровую квартиру въ крѣпости. Государь прибылъ пѣшкомъ на парадъ одного изъ баталіоновъ Семеновскаго полка; народъ его привѣтствовалъ восторженнымъ ура. На минуту забѣжалъ въ Главный Штабъ; подозрѣваютъ подполковника Галянина, и ему приказали сидѣть дома; это приказаніе Государь поручилъ мнѣ передать генералу Синявину. Вечеромъ до 12 ч. ночи—во дворцѣ.

17-го Декабря.

Лихорадка, которая одолѣвала меня всѣ эти дни, начинаетъ проходить, однако съ трудомъ я могу что-либо соображать, а между тѣмъ время такое, что болѣть не полагается. Царю въ данную минуту нужны вѣрные слуги, а потому я буду работать изъ послѣднихъ силъ. Его Величество былъ на парадѣ; трудно быть болѣе граціознымъ, чѣмъ онъ; по своей осанкѣ онъ сильно напоминаетъ покойнаго, возлюбленнаго Монарха.

Днемъ на нѣсколько минутъ былъ въ Штабѣ; къ нашему стыду, въ Штабѣ есть нѣсколько скомпрометированныхъ офицеровъ. Болѣе всѣхъ виновенъ Корниловичъ, который спеціально пріѣхалъ изъ провинціи, чтобы участвовать въ возмущеніи.

Толстая голова—Коновницынъ—тоже арестованъ. Первый изъ нихъ вожакъ, а второй несчастная жертва; ихъ отправили въ казематы крѣпости.

Навѣстилъ своего товарища Бибикова, который уже поправляется. Послѣ небольшого отдыха, я былъ снова во дворцѣ. Вечеркомъ на одну минуту заглянулъ къ Татищеву.

18-го Декабря.

По обыкновенію на парадъ Государь прибылъ пѣшкомъ. Онъ прибываетъ довольно поздно, благодаря чему мнѣ приходится удѣлять очень мало времени Штабу; изъ Штаба я направился узнать о здоровьѣ симпатичнаго генерала Шеншина; раны его заживаютъ и, говорятъ, всякая опасность миновала. Командиръ гренадеръ, полковникъ Стюлеръ скончался отъ огнестрѣльныхъ ранъ, полученныхъ имъ при усмиреніи своихъ солдатъ. Государь обѣщалъ позаботиться о вдовѣ и его дѣтяхъ.

Въ восемь часовъ вечера снова былъ во дворцѣ.

Великій Князь Александръ назначенъ шефомъ храбрыхъ Павловскихъ гренадеръ. Такъ какъ полкъ этотъ на сегодня занималъ караулъ во дворцѣ, ихъ бывшій командиръ графъ Остерманъ былъ дежурнымъ при Его Величествѣ. Государь предложилъ ему представить своего любимаго первенца, Наслѣдника, солдатамъ, которые занимаютъ посты рядомъ съ кавалергардами. Молодцы павловцы восторженно встрѣтили своего новаго однополчанина; Его Высочество расцѣловалъ офицера и нижнихъ чиновъ, украшенныхъ георгіевскими крестами. Всѣ присутствующіе прослезились.

19-го Декабря.

Утромъ—во дворцѣ. Ежедневно представляются новые адъютанты Его Высочества. Случайно узнавъ, что маленькій Палицынъ, прапорщикъ гвардейскаго Генеральнаго Штаба, былъ освѣдомленъ о заговорѣ, я отправился его допрашивать; онъ чистосердечно сознался, что Рылѣевъ и Коновъ-

ницынъ его предупреждали, что не будутъ присягать Николаю, но о заговорѣ онъ ничего не зналъ. Мнѣ было жалко этого бѣднаго мальчика; онъ весь дрожалъ и умолялъ спасти его отъ крѣпости, ничуть не подозрѣвая, что его товарищи его же выдадутъ. Имѣя случай и возможность сдѣлать доброе дѣло, я немедленно отправился къ Государю и, войдя въ его кабинетъ, чистосердечно доложилъ ему суть дѣла. Отвѣтомъ на это были слѣдующія незабвенныя слова Императора: «пойдите и передайте Палицыну, что его поведеніе хорошо извѣстно Николаю Павловичу, но Императоръ ничего не хочетъ знать и чистосердечно прощаетъ». Можно себѣ представить какое великое счастіе я испыталъ, объявляя провинившемуся такое щедрое помилованіе; одно время я полагалъ, что онъ сойдетъ съ ума отъ радости избѣжать крѣпости; разъ двадцать онъ меня облобызалъ. Генералу Стрекалову поручено отправиться въ Вѣну и Брюссель къ двумъ Сестрамъ Императора и возвѣстить о восшествіи на престолъ Его Величества.

Послѣ обѣда и маленькаго отдыха, я отправился во дворецъ; туда привели четырехъ офицеровъ Конной Гвардіи, обвиняемыхъ въ томъ, что они были посвящены въ заговоръ.

Одинъ изъ нихъ, Горальскій (?), за то, что онъ ихъ выдалъ, былъ освобожденъ, а остальные три: Анненковъ, Арцыбашевъ и Муравьевъ были отправлены въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ они провели нѣсколько мѣсяцевъ. Велико было наше удивленіе, когда увидѣли генерала Депрерадовича, привезшаго своего сына. Какъ Брутъ, онъ предаетъ его всей строгости закона; этотъ маленькій негодяй былъ членомъ тайнаго общества. Такъ какъ онъ принесъ полное раскаяніе и даже выдалъ нѣкоторыя тайны, Государь его милостиво простилъ и даже приказалъ вернуть ему оружіе. Я увѣренъ, что отецъ не будетъ такъ милостивъ къ сыну и что милый мальчикъ получитъ жестокое возмездіе; выходя изъ кабинета Государя, онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

Вернулся я къ себѣ позднѣе часа ночи.

20-го Декабря.

Вслѣдствіе сильнаго холода, Государь не былъ на парадѣ, который поэтому прошелъ безъ церемоніи; тѣмъ не менѣе мы имѣли счастіе видѣть Его Величество въ комнатѣ, смежной кабинету; это право мы завоевали съ перваго же дня, такъ какъ при покойномъ Императорѣ никто не осмѣлился бы даже заглянуть въ дверную скважину. Въ то время, какъ Его Величество слушалъ обѣдню, я навѣстилъ больного генерала Демидова, простудившагося 14-го Декабря.

Вечеромъ до 12 ч. ночи былъ во дворцѣ. Только что привели толстаго Шереметева, офицера Преображенскаго полка, тоже замѣшеннаго въ заговорѣ; онъ былъ выданъ княземъ Вяземскимъ, офицеромъ Кавалергардскаго полка.

Положительно трудно быть болѣе милостивымъ, чѣмъ Императоръ, какъ единственное наказаніе, Шереметевъ приговоренъ къ 4-мъ мѣсяцамъ крѣпости въ Кронштадтѣ; надо полагать, что тамъ онъ сбавитъ немного жира. Говорятъ, что отецъ и мать въ полномъ отчаяніи. Самъ Великій Князь Михаилъ ѣздилъ за нимъ къ его родителямъ. Казематы Петропавловской крѣпости уже переполнены; виновныхъ приходится отсылать въ Кронштадтъ и Шлиссельбургъ. Говорятъ, что всѣ солдаты помилованы.

21-го Декабря.

Появился манифестъ прощенія; онъ особенно хорошо написанъ; говорятъ, что его диктовалъ Сперанскому самъ Царь. Всѣ солдаты признаны невиновными, а потому всѣ прощены, но надѣюсь, что главари заговора получатъ должное возмездіе. Сегодня отдали послѣднія почести праху графа Милорадовича, генералъ-адъютанту, генералу отъ инфантеріи, военному губернатору Петербурга. Вчера вечеромъ состоялся выносъ въ Казанскій соборъ. Его Величество слѣдовалъ верхомъ за печальной колесницей до Аничковскаго моста.

Самъ я, чувствуя небольшое недомоганіе и боясь простудиться, не присутствовалъ на похоронахъ; взамѣнъ этого я воспользовался нѣсколькими часами, чтобы навѣстить генерала Шеншина. Славу Богу, онъ внѣ всякой опасности. Вечеромъ я узналъ, что поручикъ Толстой, адъютантъ князя Димитрія Голицына, привезъ извѣстіе, что Москва присягнула на вѣрность Императору Николаю.

Все прошло совершенно спокойно. Привезшій это донесеніе былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны. Итакъ, теперь мы спокойны на счетъ Первопрестольной.

22-го Декабря.

Продолжающіеся въ 15° морозы удерживаютъ Его Величество дома. Мы имѣли счастіе его лицезрѣть во время пріема ординарцевъ. Бистромъ назначенъ генералъ-адъютантомъ. Немилость къ нему, за то, что онъ держалъ при себѣ адъютантомъ такого подлеца, какъ Оболенскій, продолжалась лишь нѣсколько дней. Я очень радъ за Бистрома, храбраго и честнаго человѣка. Вернулся изъ Москвы графъ Комаровскій, командированный туда для объявленія населенію о восшествіи на престолъ. Дворянство древней столицы поднесло ему ящикъ, украшенный брилліантами, а купечество—вазу съ тысячью дукатами.

Адъютантъ графа Сакена привезъ извѣстіе о присягѣ всѣхъ чиновъ первой арміи. Въ два часа дня былъ въ Главномъ Штабѣ. Вечеромъ, будучи во дворцѣ, мы видѣли, какъ привезли большого и толстаго субъекта, закутаннаго съ головою въ шинель. Мы полагаемъ, что неизвѣстный никто иной, какъ генералъ-маіоръ Михаилъ Орловъ, мой старый товарищъ. Онъ оставался нѣсколько часовъ съ Государемъ и Левашевымъ.

23-го Декабря.

Ничего новаго; все продолжаютъ приводить новыхъ лицъ. Князь Суворовъ, внукъ генералиссимуса, унтеръ-офицеръ конной гвардіи, тоже замѣшенъ въ заговорѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора съ нимъ, Государь его простилъ и даже произвелъ его въ офицеры. Царя мы видѣли во дворцѣ.

Вечеромъ два часа провелъ во дворцѣ, а потомъ у М-me Ададуровой.

24-го Декабря.

Приказавъ доложить о себѣ Государю, я взялъ смѣлость напомнить Его Величеству о полученномъ мною отъ него приказаніи, поставить въ извѣстность генерала Сенявина, что полковникъ Галяминъ долженъ содержаться домашнимъ арестомъ. Государь не отмѣнилъ этого приказанія, но поручилъ мнѣ передать Галямину, что сей послѣдній можетъ быть вполнѣ спокоенъ и если только онъ невиновенъ, то такая мѣра не будетъ имѣть послѣдствій на дальнѣйшую его судьбу. Въ теченіе дня не произошло ничего интереснаго. Были приведены нѣсколько заговорщиковъ, но ихъ не стоитъ даже переименовывать.

Вечеромъ—во дворцѣ и у Татищева.

25-го Декадря.

По пріѣздѣ во дворецъ, я узналъ, что послѣдовалъ рядъ Высочайшихъ милостей.

Алексѣй Орловъ получилъ титулъ графа. Титулъ этотъ пожалованъ ему и его потомству. Князь Димитрій Голицынъ, военный губернаторъ Москвы, и графъ Петръ Толстой, командиръ 5-го армейскаго корпуса, награждены орденами Св. Андрея Первозваннаго. Генералы графъ Комаровскій и Бенкендорфъ получили ленты Св. Александра Невскаго; генералъ кригсъ-комиссаръ Путята получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени и генералъ интендантъ Абакумовъ — брилліантовые знаки того же ордена. Въ общемъ болѣе сорока служащихъ въ военномъ министерствѣ получили награды по представленію Татищева, въ томъ числѣ и толстый Виндомскій, получившій Анну 2-й степени. Государь присутствовалъ на парадѣ. Затѣмъ мы встрѣчали Императрицу-Мать, и былъ Высочайшій выходъ всей Императорской фамиліи. Такъ какъ церковь была полна, то я въ нее не вошелъ, а сдѣлалъ прогулку пѣшкомъ.

Вечеромъ, не желая быть въ бѣломъ, я не поѣхалъ во дворецъ, а игралъ въ вистъ у министра внутреннихъ дѣлъ Ланского.

26-го Декабря.

Пріѣхавъ во дворецъ, я узналъ, что вчера вечеромъ привезли изъ Москвы полковника Кавалергардскаго полка Кологривова и капитана гвардейскаго генеральнаго штаба Никиту Муравьева. Послѣдній принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ. Говорятъ также, что Михаилъ Орловъ и князь Павелъ Лопухинъ сидятъ въ крѣпости, но это требуетъ подтвержденія. Государь былъ на парадѣ и остался очень доволенъ Финляндскимъ батальономъ.

По выходѣ изъ дворца, я навѣстилъ генерала Шеншина. Я обѣдалъ у г-жи Ададуровой, которая насъ угостила прекрасной телятиной изъ Шунгурова. Вечеръ тоже провелъ у нея.

27-го Декабря.

Генералъ Закревскій получилъ ленту Св. Александра Невскаго, а Депрерадовичъ брилліантовые знаки того же ордена. Холодъ помѣшалъ Государю быть на парадѣ. Новаго нѣтъ ничего. Маленькій Сабуровъ вернулся изъ Кіева.

Я обѣдалъ у военнаго министра, а вечеръ провелъ у княгини Бѣлозерской. Начинаютъ опять собираться, и все входитъ въ обыкновенную колею.

28-го Декабря.

Въ первый разъ дежурю у Императора Николая. Такъ какъ больше 10 градусовъ, Его Величество не былъ на парадѣ. Я передалъ пароль въ кабинетъ. День былъ довольно спокойный. Государь занимался дѣлами съ Татищевымъ, Сперанскимъ и Мюллеромъ, а затѣмъ катался въ саняхъ съ Императрицей. Обѣдалъ съ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ Мартыновымъ; Кавелинъ и Ивеличъ также обѣдали. Вечеромъ привезли изъ Москвы генерала Михаила Орлова, онъ арестованъ. Вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ Депрерадовичъ съ княземъ Лопухинымъ, у котораго оставлена его сабля. Онъ былъ очень милостиво принятъ Государемъ, который его даже обнялъ. Орлова допрашивали болѣе двухъ часовъ, послѣ чего я получилъ приказаніе отвести его въ крѣпость. Думалъ ли я когда-нибудь, что мнѣ придется вести своего бывшаго товарища въ мѣсто наказанія и раскаянія!

Дорогой онъ мнѣ сказалъ всего нѣсколько словъ насчетъ того, что онъ несправедливо осужденъ, и, вѣроятно, долго не останется въ заключеніи. Онъ меня также спросилъ, чѣмъ тамъ кормятъ. Комендантъ Сукинъ заставилъ насъ ждать болѣе получаса въ гостиной, мимо которой все время проходили, что раздражало моего товарища, который неоднократно меня спрашивалъ, скоро ли ему дадутъ комнату. Наконецъ, его желаніе было исполнено, я его сдалъ Сукину, получилъ росписку и вернулся во дворецъ.

Около часу ночи, когда я собирался отдыхать, пріѣхалъ герцогъ Александръ Виртембергскій съ подполковникомъ Батенковымъ. Государь былъ уже раздѣтъ, не могъ прин ять своего дядю и поручилъ мнѣ отвезти Батенкова къ коменданту Башуцкому, чтобы посадить его подъ арестъ. Остальная часть ночи прошла безъ происшествія.

29-го Декабря.

Какъ только Государь всталъ, я пошелъ Ему доложить обо всемъ сдѣланномъ мною вчера. Его Величество поручилъ мнѣ отправить бумаги Батенкова въ комиссію. Я былъ смѣненъ съ дежурства Бибиковымъ. Сегодня была заупокойная служба по Императорѣ Александрѣ. Дамы обращали на себя вниманіе своими платьями.

Обѣдалъ у княгини Лобановой и заѣзжалъ ненадолго къ Татищеву.

30-го Декабря.

Выспавшись хорошенько послѣ вчерашней усталости, я всталъ совершенно свѣжимъ. Парадъ былъ отмѣненъ по случаю 15 град. мороза съ сильнымъ вѣтромъ. Уже три дня подрядъ Государь хочетъ смотрѣть Гвардейскихъ уланъ, которые пришли для этого въ городъ, но холодъ не позволяетъ. Наконецъ, Его Величество рѣшилъ сдѣлать имъ смотръ въ манежѣ Михайловскаго дворца.

Вмѣсто этого я поѣхалъ въ свою канцелярію главнаго штаба. Я забылъ занести въ свой журналъ, что вчера утромъ мнѣ было поручено отвезти на допросъ къ Левашеву подполковника Галямнина; онъ имѣлъ счастье доказать, что не участвовалъ и не зналъ о заговорѣ. Тѣмъ не менѣе Государь велѣлъ мнѣ держать его подъ арестомъ въ его комнатѣ за то, что онъ не сразу сознался о посѣщеніи его капитаномъ Корниловичемъ; это вполнѣ справедливо.

Вечеръ провелъ у графини Кутаисовой; ея брату разрѣшено жить у отца; говорятъ, что онъ будетъ совершенно оправданъ.

31-го Декабря.

До десяти часовъ я занимался приведеніемъ въ порядокъ домашнихъ и личныхъ счетовъ. Демидовъ также приходилъ говорить со мной о дѣлахъ, и заграничная почта пришла какъ разъ въ ту минуту, когда я собирался выходить. Я спѣшилъ во дворецъ и успѣлъ только ее просмотрѣть. Государь былъ на парадѣ. Всю зиму было мало снѣгу, но теперь выпало его столько, что можно отлично ѣздить на саняхъ. Гвардейскіе гусары пришли смѣнить уланъ для дежурства въ городѣ. Въ Главномъ Штабѣ съ минуты на минуту ждутъ пріѣзда генерала барона Дибича.

Вечеромъ у меня были гости и мы весело проводили 1825 годъ и встрѣтили 1826 годъ. Мой другъ, m-me Олсуфьева, Кирѣевская и нѣкоторыя другія лица, оставались у меня до часу ночи. Адъютантъ Великаго Князя Михаила Павловича Бибиковъ, уѣхавшій въ Италію, узнавъ о смерти Государя, вернулся изъ Дрездена обратно.

1-го Января 1826 года.

Начиная этотъ годъ, я прошу у Всевышняго прежде всего здоровья, самаго главнаго изъ благъ сего міра, затѣмъ продолженія любви и дружбы любимой и лучшей изъ женщинъ. Прочія блага этого міра идутъ послѣ и всѣ почти зависятъ отъ насъ самихъ. Узнавъ о пріѣздѣ барона Дибича, я отправился представляться его превосходительству. Я былъ принятъ любезно. Государь приказалъ отдѣлать свои покои и временно переѣхалъ въ Эрмитажъ.

Вотъ приблизительно награды, полученныя сегодня: девять генералъ-маіоровъ произведены въ генералъ-лейтенанты, въ томъ числѣ Адеркасъ, Чичеринъ и Левашевъ. 22 полковника произведены въ генералъ-маіоры; изъ нихъ мнѣ извѣстны: Кланцъ, Чихачевъ, Офросимовъ, Годейнъ и Геруа; послѣдній опередилъ нѣсколькихъ лицъ. Военный министръ Татищевъ и начальникъ главнаго морского штаба Моллеръ получили Владиміра 1-й степени, Олсуфьевъ и Познякъ—Владиміра 2-й степени, Розенбергъ и Плуталовъ—Анну 2-й степени. Дружининъ получилъ тайнаго совѣтника, князь Хованскій брилліантовые знаки ордена Св. Анны 1-й степени. Графъ Мантейфель, бывшій адъютантъ графа Милорадовича, назначенъ флигель-адъютантомъ. Вотъ все, что я могу вспомнить.

Сегодня былъ Высочайшій выходъ и цѣлованіе рукъ двухъ Императрицъ и Великой Княгини Елены Павловны.

Я былъ свободенъ только послѣ двухъ часовъ, и сдѣлалъ всего одинъ визитъ двоюродному брату Григорію. Провелъ вечеръ у Салова съ княземъ Лопухинымъ и Татищевымъ. Я снова сталъ играть крупно, и это было довольно удачно. Ранѣе двѣнадцати я былъ дома.

2-го Января.

Занимался дома почти до 11 часовъ, послѣ чего, поѣхалъ во дворецъ. Чернышевъ вернулся изъ второй арміи, гдѣ онъ арестовалъ нѣсколькихъ лицъ. Государь былъ на парадѣ, который длился до двѣнадцати, и мнѣ осталось всего два часа для службы въ Главномъ Штабѣ.

Обѣдалъ у военнаго министра и провелъ вечеръ у княгини Долгорукой. Такъ какъ не было партнеровъ для игры, то я былъ вынужденъ вести пріятный разговоръ съ княземъ Василіемъ.

3-го Января.

По случаю воскреснаго дня, парадъ былъ въ 10 часовъ. Государь назначилъ аудіенцію французскому послу графу де-ла Ферроней, который представилъ свою вѣрительную грамоту. Привели еще изъ разныхъ мѣстъ нѣсколькихъ заговорщиковъ. Кажется, конца этому не будетъ, и одной половинѣ рода человѣческаго придется сторожить другую.

Я сдѣлалъ визитъ пріѣхавшему на дняхъ генералу Бахметеву. Обѣдалъ у полковника Гартунга и провелъ вечеръ у министра внутреннихъ дѣлъ Ланского.

4-го Января.

Рано утромъ баронъ Дибичъ прислалъ за мною фельдъегеря. Я думалъ, что меня хотятъ отправить въ отдаленные края, но отдѣлался однимъ страхомъ, такъ какъ мнѣ было только поручено зайти къ баварскому генералу, князю Лёвенштейну и отъ имени Государя пригласить его присутствовать на парадѣ, если это можетъ доставить ему удовольствіе. Оказалось, что мы старые знакомые и участвовали вмѣстѣ въ битвѣ подъ Бріеномъ. Въ то время онъ былъ адъютантомъ маршала Вреде. Я рѣдко видѣлъ людей съ подобной фигурой! Но мое сегодняшнее приглашеніе было неудачно, такъ какъ Государь не былъ на парадѣ; мы также были лишены счастья его видѣть, потому что съ пріѣздомъ начальника Главнаго Штаба входъ нашъ въ комнату, прилегающую къ кабинету, запрещенъ. Вотъ еще привилегія, которой мы лишены. Возвращаются къ старой системѣ. Соучастники маленькаго Палицына, офицера гвардейскаго генеральнаго штаба, котораго я одно время надѣялся спасти, выдали его; его допрашивали, признали виновнымъ и отправили въ крѣпость. Онъ самъ виноватъ; отчего онъ не сознался мнѣ во-время, съ самаго начала! Говорятъ, что его бѣдная мать не переживетъ такого несчастья.

Провелъ вечеръ у Татищева, гдѣ узналъ о смерти государственнаго канцлера графа Николая Румянцева. Онъ оставляетъ громадное состояніе своему брату графу Сергѣю, у котораго также нѣтъ законныхъ дѣтей. Говорятъ, что оберъ-камергеръ Александръ Нарышкинъ умеръ въ Парижѣ, а графъ Растопчинъ въ Москвѣ, но эти двѣ новости неофиціальны и требуютъ подтвержденія.

5-го Января.

По пріѣздѣ во дворецъ, я узналъ, что сегодня ожидается пріѣздъ принца Вильгельма прусскаго, брата Императрицы. Флигель-адъютантъ Перовскій назначенъ состоять при Его Королевскомъ Высочествѣ. Государь ѣздилъ въ манежъ Михайловскаго дворца смотрѣть гвардейскихъ гусаръ; трудно себѣ представить что-нибудь красивѣе этого, и Государь выразилъ свое удовольствіе генералу Левашеву, полковнику барону Арпсу и всѣмъ офицерамъ.

Провелъ днемъ два часа въ Главномъ Штабѣ. Вечеръ провелъ у генерала Шеншина, который себя чувствуетъ лучше.

6-го Января.

Представлялся принцу Вильгельму, который мен принялъ со своей обычной любезностью. Генералъ Дибичъ мнѣ объявилъ, что Государь приказалъ мнѣ быть готовымъ ѣхать съ генераломъ Демидовымъ. Намъ дали очень важное порученіе. Говорятъ, что полкъ, въ которомъ находится Муравьевъ-Апостолъ, взбунтовался.

7-го Января.

По приведеніи въ порядокъ своихъ дѣлъ, я отправился прежде всего къ барону Дибичу, который приказалъ мнѣ вернуться къ 2 часамъ. Въ 12 часовъ мы отправились съ генераломъ Демидовымъ въ крѣпость за послѣдними приказаніями, касающимися даннаго намъ порученія. Они были слѣдующія: 1) проѣзжая Могилевъ, переговорить съ главнымъ начальникомъ о мѣрахъ, которыя надо принять; 2) ѣхать въ Житомиръ, и, если командиръ 13-го корпуса, генералъ Ротъ, убитъ, то Демидовъ долженъ принять командованіе и дѣйствовать противъ мятежниковъ, если послѣдніе еще не уничтожены; 3) ѣхать въ Кіевъ, чтобы постараться обнаружить тайныя общества, арестовать виновныхъ, допросить ихъ и отправить въ Петербургъ. Словомъ, мы будемъ принимать высшія полицейскія мѣры. Бенкендорфъ мнѣ также объявилъ, что я долженъ быть въ постоянномъ и прямомъ сношеніи съ нимъ. Изъ крѣпости мы поѣхали къ Дибичу, который былъ такъ занятъ и такъ сердитъ, что мы не могли ему сказать двухъ словъ.

Обѣдалъ у генерала. Въ 11 часовъ вечера мы отправились въ путь.

Двѣнадцатый годъ на Кавказѣ.

Когда свѣтитъ солнце, луна едва замѣтна, а звѣзды вовсе не видны. Когда гремятъ пушки, ружейныхъ выстрѣловъ почти не слышно, а человѣческій голосъ не слышенъ совершенно... Такъ и въ человѣческой жизни. Величайшія событія затмеваютъ собою великія, а обычныя стушевываются совершенно.

1812 годъ или, какъ его принято называть, 12-й годъ, какъ для Россіи, такъ и для всего свѣта, имѣлъ міровое значеніе, и Россія въ немъ играла одну изъ первыхъ ролей. Поэтому въ 1912 году, естественно, она всецѣло отдалась воспоминаніямъ и чествованію величайшихъ міровыхъ событій, и не до событій второго порядка ей было тогда. Какъ въ моментъ переживанія жизни 12 года, такъ и въ моментъ воспоминанія и чествованія ихъ, Россія всецѣло отдалась этому моменту и оставила въ сторонѣ то, что было почти внѣ ея. Россія выпустила въ 1912 году изъ вниманія событія 12 года на Кавказѣ. Кавказъ былъ только частью Россіи. Кавказъ былъ еще присоединяемъ. Русскій Кавказъ только начиналъ жить. Поэтому, весьма естественно, не до Кавказа было Россіи, когда на картѣ стояли бытіе, честь и величіе самой Россіи...

Но изъ событій, совершавщихся въ Россіи въ 12 году, Россія вышла не только съ честью, но и съ великою славою. Хвала Творцу...

Но стоитъ вспомнить и о томъ, что въ другомъ мѣстѣ Россіи достойные сыны ея съ неменьшимъ самоотверженіемъ отстаивали бытіе, честь и величіе своей Великой Матери и отстаивали съ неменьшею славою.

Если политическія и военныя событія въ 12 г. въ Россіи являются *великими міровыми,* то дѣянія русскихъ на русскомъ Кавказѣ въ 12 г. были *великими національными* и каждый русскій долженъ ихъ помнить и чтить ихъ въ своей душѣ.

Прежде чѣмъ коснуться этихъ событій, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ, что такое былъ тогда Кавказъ. Всего 10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Грузія была присоединена къ Россіи. Что значитъ «была присоединена»? Это значитъ, что она вошла въ составъ Россіи, при чемъ ея жители становились дѣтьми Общей Матери Россіи, которая принимала на себя долгъ защищать ее кровью своихъ дѣтей отъ

враговъ, помогать возстановленію загубленнаго ея благосостоянія, возстановить ее въ ей должныхъ предѣлахъ и поставить равною съ собою на стезяхъ жизни міра.

Естественно, все это дѣлалось не для прекрасныхъ глазокъ грузинокъ, а для пользы, величія, мощи и славы Россіи, нераздѣльной частью которой стала съ XIX в. Грузія.

Грузія, вступившая въ составъ Россійской Имперіи, являлась только ничтожной частью той Великой Грузіи, которая была когда-то. Эта Грузія состояла только изъ Карталиніи и Кахетіи. Между тѣмъ къ Грузіи принадлежали: и Абхазія, и Мингрелія, и Имеретія, и Гурія, и Лазистанъ, и Аджарія, и Ахалцихскій, Ахалкалакскій и Эрзерумскій пашалыки, Тралетія, Сомхетія, Борчала, Бамбаки, Казахи, Шурагель, Шамшадиль, Ганжа, Карабахъ, Талыши, Бакинское, Кубинское ханство, Хевсурія, Тушетія, Пшавія и т. д. Все это Россія должна была возвратить и, разумѣется, не въ пользу Грузіи, а въ свою собственную. Для пользы Грузіи важно было національное возсоединеніе, и этого было уже много. Между тѣмъ, часть этихъ странъ подлежала владычеству Турціи, другая—владычеству Персіи, а третья составляла самостоятельныя политическія единицы, управляемыя магометанскими народами, жившими грабежами и разбоями въ Грузіи.

Такимъ образомъ добровольное вступленіе Грузіи связано было съ великими войнами Россіи съ могущественными тогда Турціей и Персіей и съ завоеваніемъ множества ханствъ-хищниковъ.

Задача—не малая и связанная съ великими затратами русскими людьми и русскими деньгами. Такое предположеніе и оправдалось почти вѣковымъ пролитіемъ русской крови и затратами милліардовъ русскихъ денегъ.

Но этого мало. Грузія присоединилась къ Россіи добровольно. Однако, въ Грузіи недовольныхъ Россіей, уже при добровольномъ ея вступленіи въ область Россіи, съ которыми Русскимъ пришлось имѣть дѣло, было немало. Прежде всего врагами Россіи являлась часть *царской фамиліи*. Царская грузинская фамилія въ началѣ XIX в. была довольно велика. Ее насчитывали до 60 членовъ. При томъ безначаліи, которое тогда царило въ Грузіи, почти каждый изъ этихъ членовъ мужского пола мечталъ стать царемъ. Съ вступленіемъ Грузіи въ составъ Россіи для всѣхъ стало ясно, что въ Грузіи, можетъ быть, будетъ и долженъ быть только одинъ царь, Русскій Царь. Поэтому часть недовольныхъ членовъ грузинской царской семьи стала мутить народъ въ самой Грузіи противъ Россіи, а другая часть бросилась въ Персію и, при помощи персидскихъ и англійскихъ денегъ, разжигала пожаръ противъ Грузіи и Россіи извнѣ.

Немало оказалось недовольныхъ Россіей и русскими въ Грузіи и среди грузинскихъ князей и дворянъ. Родственники царской фамиліи, князья и дворяне, обладали правомъ жизни и смерти надъ подвластными крестьянами. Могло ли быть при такихъ условіяхъ благополучіе грузинъ, если всякій грузинъ въ каждую минуту могъ лишиться всего своего иму

щества и живота? Со вступленіемъ Грузіи въ составъ Россіи это своеволіе было прекращено. Пріятно-ли было это царскимъ родственникамъ, князьямъ и дворянамъ? Грузинское духовенство, достаточно необразованное и грубое, также пользовалось неограниченными правами, кои русской властью были значительно сокращены. И это не могло быть пріятно для новыхъ русскихъ гражданъ.

Недоволенъ остался русскими и простой грузинскій народъ и имѣлъ право на это недовольство. Грузія была раздѣлена на особыя области. Во главѣ этихъ областей стояли эриставы—областные начальники, изъ княжескихъ и дворянскихъ грузинскихъ фамилій. Эти эриставы безбожно грабили и давили грузинскій народъ. Великое ожесточеніе возникло у народа противъ этихъ эриставовъ. Но пока они грабили и угнетали именемъ своей національной власти, народъ терпѣлъ. Когда же эриставы стали грабить именемъ русской власти, народъ возопилъ и всю накопившуюся злобу и ненависть перенесъ на русскихъ.

Такимъ образомъ уже съ первыхъ шаговъ русскіе въ Грузіи встрѣтили къ себѣ значительное отрицательное отношеніе.

Но этого мало. Въ каждомъ народѣ есть хамы, и этого сословія всегда достаточно. Много ихъ и во всѣхъ слояхъ русской націи. На службу на окраину всегда и всюду идетъ много фанатиковъ, людей честныхъ,—но еще болѣе хамовъ. На службу въ Грузію изъ Россіи двинулось очень достаточное количество этой породы. Вмѣсто достоинства они проявляли заносчивость, вмѣсто твердости и устойчивости грубость и нахальство. Вмѣсто сдержанности и порядочности — взяточничество, воровство и грабежъ. Это зло повсюдное. Такъ было въ Англіи,—такъ было во Франціи,—такъ было въ Бельгіи,—такъ было и въ другихъ мѣстахъ. Оно проявилось рѣзко и на Кавказѣ. Оно было настолько велико, что даже такіе люди, какъ Циціановъ, Ермоловъ, Паскевичъ и другіе опускали передъ нимъ руки.

Всѣ эти условія мало помогали русскимъ во вновь присоединенной странѣ.

Еще худшее положеніе было русскихъ по отношенію къ сосѣднимъ государствамъ. Уже давно Грузія служила перикиднымъ шаромъ между Персіей и Турціей, переходя изъ-подъ власти одной державы во власть другой. Точнѣе, и та и другая одинаково усердно и безнаказанно грабили Грузію и брали съ нея дань не только деньгами, но и мальчиками и дѣвицами. Видѣть Грузію подъ защитою Россіи—далеко не входило въ интересы ни Турціи, ни Персіи. Мало того, и та и другая держава ясно сознавали, что разъ Россія поставила здѣсь одну ногу, то она не ограничится этимъ, а сядетъ на голову и той, и другой державѣ.

Не въ интересахъ нашихъ всегдашнихъ друзей, англичанъ и французовъ, было мирно допустить Россію на Кавказъ. Обѣ державы ясно видѣли, что этимъ увеличится мощь Россіи. А кромѣ того, и той и другой державѣ было выгодно натравить и Персію, и Турцію на Россію и держать эти три державы въ хроническомъ военномъ положеніи. Этимъ всѣ они будутъ

дѣлать непрерывное кровопусканіе другъ другу. А это-то и нужно было нашимъ друзьямъ.

Наконецъ, не могли благодушно къ проникновенію Россіи на Кавказъ отнестись и всѣ сосѣди Грузіи—хищники-лезгины и другіе магометанскіе народы. Они только и жили хищными набѣгами на Грузію и ея разореніемъ. Съ вступленіемъ же русскихъ въ Тифлисъ всѣ эти промыслы должны были прекратиться. А кого же они будутъ грабить?...

Таково было положеніе той горсти русскихъ, которая волею судебъ, была заброшена въ Закавказье. Требовалось, чтобы русскихъ было не мало. Нужно было, чтобы они смогли постоять за себя и въ Грузіи, и по отношенію къ сосѣднимъ хищникамъ, и по отношенію къ Персіи и Турціи.

А русскихъ было мало, очень мало. Всего какихъ-нибудь два полка,—да и тѣ были далеко не въ томъ составѣ, какъ теперь.

Россія и не могла дать больше. Это было время Наполеоновскихъ войнъ съ Европою. Это было время Наполеоновской войны съ Россіею... Это были 11—12 года...

Если мы прибавимъ къ этому, что самое положеніе этой горсти русскихъ было незавидно, въ силу ужаснаго воровства тогдашнихъ интендантовъ, то этимъ вполнѣ обрисуется положеніе горсти русскихъ на Кавказѣ.

И тѣмъ не менѣе эта малая горсть русскихъ-кавказцевъ высоко держала русское знамя. Она доставила Россіи славу и величіе. Она удержала въ повиновеніи десятки тысячъ непокорныхъ. Она преградила пути лютымъ хищникамъ и грабителямъ, превосходившимъ русскихъ въ тысячу разъ... Она заставила трепетать передъ именемъ русскихъ великіе народы Азіи—турокъ и персовъ... Она и теперь заставляетъ трепетать сердца честныхъ русскихъ людей, вспоминающихъ ея геройскіе подвиги и безпредѣльное самопожертвованіе своей родинѣ.

Что такое былъ тогдашній русскій солдатъ?

Теперешняя военная служба для нижнихъ чиновъ длится 3—4 года, тогда она была пожизненная, или 24—25 лѣтъ. Новобранцевъ семьи оплакивали, какъ мертвецовъ, а деревни провожали ихъ съ плачемъ и воплями, какъ идущихъ на смерть. Такъ это было и на дѣлѣ. Рекрутъ уходилъ изъ семьи навсегда. Двадцать пять лѣтъ жизни—это полъ-жизни человѣка, а для взрослаго человѣка—вся жизнь. Черезъ 25 лѣтъ въ селѣ новобранца не оставалось ни его родителей, ни его братьевъ и сестеръ, ни его друзей, ни его знакомыхъ. Черезъ 25 лѣтъ создавалось въ деревнѣ новое поколѣніе, котораго онъ не зналъ и которое его не знало. Все было тамъ для него чуждо. Ушедши съ родины, солдатъ постепенно забывалъ и деревню, и семью, забывали и о немъ и семья, и деревня. Все стушевалось. Все покрывалось дымкой неизвѣстности и забвенія.

Такъ было со всякимъ солдатомъ, уходившимъ съ своей родины, далеко отъ нея. Такъ было особенно съ уходившими на Кавказъ. Оставшіеся въ Россіи солдаты имѣли связь съ русскими. Какъ-никакъ, они были имъ

родными. Кавказскіе солдаты имѣли вокругъ себя все имъ чуждое, даже все имъ враждебное. Ихъ отцомъ являлся—отецъ-командиръ, ихъ матерью была отдаленная родина... Ихъ семья—рота, къ коей они принадлежали, ихъ братья—«солдатушки-браво-ребятушки», ихъ сестры—«сабли, сабли остры», ихъ дѣти—«пули, пули мѣтки»...

Охъ, эта кавказская пѣсня создана кровью солдатъ. Она слишкомъ правдива. Она слишкомъ живуча.

25 лѣтъ солдатъ жилъ со своими друзьями, товарищами—солдатами. Что для него была жизнь? Сегодняшній день. Сегодня живъ—слава Богу, а что будетъ завтра—Богъ знаетъ. Онъ жилъ казеннымъ хлѣбомъ, царскимъ хлѣбомъ. Онъ жилъ царскою одеждою. Онъ жилъ царскою волею. Онъ жилъ для царя и весь принадлежалъ ему. Русскій солдатъ, особенно кавказецъ, былъ реальный, созданный жизнью рыцарь. Это не былъ рыцарь сознательный. Это былъ рыцарь по духу и жизни. Онъ жилъ для войны. Жилъ войною. Жилъ на войнѣ. Онъ зналъ, что его жизнь принадлежитъ не ему, а царю и родинѣ. Его главный завѣтъ—соблюсти честь и славу Царя и родины.

Оторванный отъ семьи, живущій семьею себѣ равныхъ, онъ еще болѣе становится закоренѣлымъ воиномъ. Не имѣя ничего ни сзади, ни вокругъ, ни въ будущемъ, русскій солдатъ шелъ въ бой съ полной готовностью умереть. Для него страха не существовало. Его назначеніе и задачи жизни—побѣждать, а останется ли онъ живъ—воля Божія. Для этихъ людей не было ни страха, ни сомнѣнія. Онъ весь въ исполненіи. Смерть для русскаго кавказскаго солдата была не пассивная судьба, а активная побѣда. Онъ орудіе побѣды, живой или мертвый...

Таковы были солдаты, таковы были, въ большинствѣ, и офицеры. Офицеры жили одною жизнью съ солдатами. Офицеры любили своихъ солдатъ, какъ своихъ дѣтей, и солдаты относились къ офицерамъ съ дѣтскою любовью, преданностью и самопожертвованіемъ. Офицеры шли въ бой впереди, и солдаты не смѣли даже помышлять не слѣдовать за ними. То была одна душа и одно тѣло.

При такой жизни солдатъ и офицеровъ становятся понятными приказы начальниковъ кавказскихъ, ихъ великое довѣріе къ солдату, слѣпое повиновеніе и исполненіе послѣднихъ и тотъ великій необыкновенный успѣхъ, который тамъ получался.

Всѣ—и офицеры, и солдаты—жили одною жизнью, однѣми задачами, однѣми мыслями, одними интересами и одними успѣхами.

Только при такихъ условіяхъ становятся понятными тѣ военные геройскіе подвиги, кои разбросаны по всей исторіи Кавказскихъ битвъ.

Въ какомъ положеніи были наши дѣла на Кавказѣ въ 1812 году?

Между грузинами проявилось явное недовольство русскими, переходившее мѣстами въ открытое возстаніе. Осетины Ліахвы и Ксанки открыто возстали и имъ помогали хевсуры, кистины и проч. Лезгины ежеминутно

готовы были обрушиться на Алозань и другія части Грузіи. Ахалцихъ и Ахалкалаки дѣлали все, чтобы похозяйничать въ Грузіи. Персія вела открытую войну съ Россіей уже съ 1805 г. Подъ вліяніемъ Персіи, русскіе и Грузія терпѣли и отъ Карабаха, и отъ шекинцевъ, и особенно отъ лезгинъ и кубинцевъ. Между тѣмъ 12-й годъ не позволялъ не только пополнить Кавказскій отрядъ, а отъ него было отнято все, что только можно было взять. Мало того, оттуда былъ взятъ даже главнокомандующій Кавказомъ, ген. Тормасовъ. Во главѣ русскихъ стоялъ ген. Ртищевъ—человѣкъ безспорно умный и образованный, но мало знакомый съ характеромъ Кавказской войны.

Борьба между русскими и персами выразилась въ лицѣ двухъ недюжинныхъ людей: ген. Котляревскаго и наслѣднаго персидскаго принца Аббасъ-Мирзы.

Персидская война началась еще въ 1805 г. и приняла хроническое теченіе. То въ предѣлы Россіи вступали десятки тысячъ персовъ, подъ предводительствомъ Аббасъ-Мирзы, раззоряли ея южныя окраины, были побиваемы Котляревскимъ и уходили внутрь Персіи, то дѣло затихало и ограничивалось либо набѣгомъ отдѣльныхъ персидскихъ шаекъ, либо возстаніями сосѣднихъ хановъ, которые скоро были приводимы къ порядку. Персы явно видѣли, что въ борьбѣ съ русскими имъ успѣха не будетъ. Главныхъ побужденій къ этимъ войнамъ было два: Аббасъ-Мирза, безспорно человѣкъ талантливый, хотѣлъ показать свой талантъ и заслужить военныя лавры, этимъ самымъ достигалось и второе побужденіе—добиться права на престолонаслѣдіе, которое было для него сомнительнымъ.

Россія хотя и одерживала побѣды надъ персами, но, въ виду надвигавшейся великой войны, весьма нуждалась въ мирѣ. Поэтому она предложила самыя выгодныя условія для Персіи, а главное—сохраненіе прежнихъ границъ между Персіей и Россіей и признаніе за Аббасъ-Мирзой права на престолонаслѣдіе.

Персіи и Аббасъ-Мирзѣ этого только было и нужно. Дѣло шло къ полному успѣху... Но... въ дѣло проникли наши друзья... англичане и французы. Англичане уже давно настраивали персовъ противъ русскихъ. Они дали имъ инструкторовъ для обученія войскъ, устроили пушечный заводъ, снабдили ружьями, дали инженеровъ для крѣпостей, артиллеристовъ и офицеровъ для арміи и деньги на веденіе войны. И теперь англійскій агентъ употребилъ всѣ способы, чтобы представить положеніе Россіи въ самомъ печальномъ видѣ. Побѣдоносное шествіе Наполеона до самой Москвы служило убѣдительной иллюстраціей.

На помощь англійскому агенту явился французскій, который не жалѣлъ ни словъ, ни денегъ для поддержанія военнаго пыла у персовъ.

Въ концѣ 1811 и въ началѣ 1812 гг. ясно было видно, что персы приступаютъ къ новому походу на Россію. Разгромъ ген. Котляревскимъ персовъ въ Мигри и на Араксѣ на этотъ разъ были Аббасъ-Мирзой забыты.

Разъ персы приняли наступательное движеніе на Россію, кто же могъ лучше быть имъ противопоставленъ, какъ извѣстный уже герой ген. Котляревскій?

Личность генерала Петра Степановича Котляревскаго столь же самобытна и оригинальна, какъ и знаменитаго Суворова. Если она является въ меньшемъ масштабѣ, то и поле дѣятельности его было значительно меньше.

Петръ Степановичъ родился въ 1778 году въ деревнѣ Ольховаткѣ, Харьковской губ., и былъ сынъ священника. Вывелъ его въ военный міръ извѣстный кавказскій герой ген. Лазаревъ. Первые годы своей службы Петръ Степановичъ прослужилъ сержантомъ въ 17 егерскомъ полку подъ командою Лазарева. Онъ участвовалъ въ походѣ графа Зубова и подъ Дербентомъ получилъ первое боевое крещеніе. Только въ 1799 г. онъ произведенъ въ офицеры, при чемъ за сраженіе на Іорѣ онъ получилъ двѣ награды, а въ слѣдующемъ году за штурмъ Ганжи вновь двѣ награды (чинъ маіора и орденъ св. Анны 3-й степ.). При этомъ онъ былъ такъ раненъ, что едва не остался на полѣ битвы. Въ 1805 году Котляревскій является славнымъ участникомъ геройскихъ подвиговъ Карягина въ Шахъ-булахѣ и Шамхорѣ. Двѣ раны, полученныя въ этихъ битвахъ, не помѣшали ему идти дальше. Въ 1807 г. Котляревскій получилъ чинъ подполковника, въ 1808 г.—полковника, а въ 1809 г. назначенъ командиромъ 17 егерскаго полка, въ которомъ началъ свою службу сержантомъ.

«Личныя дарованія и 15-лѣтній опытъ почти непрерывной боевой дѣятельности выработали въ Котляревскомъ высокія качества предводителя закаленныхъ Кавказскихъ войскъ. Энергичный, рѣшительный, чрезвычайно отважный Котляревскій не останавливался передъ подвигами, невѣроятными по своей смѣлости. Но разсчетъ его основывался всегда не на одной только чрезвычайной личной отвагѣ. *Тонкое знаніе противника, близкое знакомство съ мѣрою силъ и способности русскаго солдата, тѣсная духовная связь со своими войсками, глубокая взаимная вѣра, рѣшительность дѣйствій, быстрота и внезапность исполненій,*—вотъ тѣ данныя, на которыхъ Котляревскій строилъ всегда успѣхъ своихъ невѣроятныхъ предпріятій. Идея стихійнаго движенія впередъ, даже при самыхъ тяжкихъ условіяхъ обстановки, внушалась имъ своимъ войскамъ самымъ настойчивымъ образомъ» [1]).

Дѣйствовать стремительно, но не обыкновенными, а самыми форсированными маршами, безъ ранцевъ и шинелей,—было его неизмѣннымъ правиломъ. Петръ Степановичъ былъ строго религіозенъ, высоко нравственъ, исполнителенъ по службѣ и требователенъ къ подчиненнымъ.

Въ іюлѣ 1810 г. Котляревскій съ отрядомъ въ 400 человѣкъ назначается противъ наступающей многотысячной персидской арміи. Оставя на пути часть своего отряда въ занятой имъ у персовъ крѣпости Астрахани, а также въ другихъ мѣстахъ, Котляревскій имѣетъ дерзость идти на

---

[1]) В. А. Потто. Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ, т. II, стр. 173.

штурмъ неприступной крѣпости Мигри,—крѣпости, защищаемой 4 тыс. персидскаго отборнаго войска, подъ командою англійскихъ офицеровъ и цѣлымъ рядомъ батарей съ англійскими пушками. И Мигри была занята въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Спустя нѣсколько дней, Котляревскій со своимъ отрядомъ уничтожаетъ 8-тысячный персидскій отрядъ на Араксѣ.

Въ декабрѣ 1811 г. Котляревскій съ отрядомъ въ 1200 человѣкъ налегкѣ, переваливаетъ хребетъ, внезапно появляется у Ахалкалакской крѣпости, защищаемой янычарами, и безъ всякой артиллеріи, въ полчаса захватываетъ крѣпость съ пушками и гарнизономъ. За этотъ штурмъ Котляревскій получилъ чинъ генералъ-маіора.

Вотъ каковъ былъ Котляревскій, которому пришлось вести борьбу въ 1812 г. съ Аббасъ-Мирзой.

Въ январѣ 1812 г. персидская армія двинулась двумя отрядами на Кавказъ: одинъ отрядъ шелъ на Шахъ-булахъ, другой—на Карабахъ, съ которымъ былъ самъ Аббасъ-Мирза.

Противъ этой арміи немедленно былъ командированъ ген. Котляревскій. Еще не успѣлъ Котляревскій дойти до Карабаха, какъ Аббасъ-Мирза повернулъ обратно и перешелъ за Араксъ.

Ген. Котляревскій рѣшилъ идти за Араксъ. «Цѣль моя состоитъ въ томъ, чтобы, пренебрегая всѣ трудности, переправиться за Араксъ, разбить непріятеля, возвратить, сколько можно, карабагцевъ, въ прошедшее время угнанныхъ, и отбить скотъ. Но ежели бы со всѣмъ усиліемъ имѣлъ я малый успѣлъ, то и одно доказательство, что мы не слабы, принесетъ пользу, ибо карабагцы получатъ къ силѣ нашей довѣріе. Не могу умолчать, что экспедиція эта сопряжена съ крайнимъ трудомъ и съ самою малою надеждою на успѣхъ,—но польза службы и честь россійскаго оружія требуютъ, не взирая ни на что, приступить къ ней».

Вскорѣ Котляревскій съ отрядомъ въ 300 человѣкъ былъ у Аракса. Здѣсь онъ узналъ, что Аббасъ-Мирза поспѣшно ушелъ внуть Персіи, почему Котляревскому оставалось только вернуться въ Карабахъ. Опять поднялись переговоры о мирѣ съ Персіей. Въ Тифлисѣ явились послы, которые распинались въ своемъ миролюбивомъ стремленіи. Въ это время, однако, у русской границы собралось болѣе чѣмъ въ 8 тыс. персидская армія. Вскорѣ отрядъ персіянъ, болѣе четырехъ тысячъ, перешелъ Араксъ и вошелъ въ русскіе предѣлы. Однако, имъ не повезло. Они наскочили на роту капитана Кулябко въ 74 человѣка, были разбиты и поспѣшно бѣжали за Араксъ.

Съ появленіемъ персіянъ у Аракса, хищники-ханы вновь подняли голову и Котляревскому пришлось внимательно наблюдать за направленіемъ не только внѣ имперіи, но и внутри имперіи.

Тогда Аббосъ-Мирза прибѣгъ къ обычному азіатскому пріему. Переговоры о мирѣ съ Ртищевымъ продолжались. Идти на Карабахъ, гдѣ былъ Котляревскій, было нежелательно. Рѣшено было обойти Карабахъ,—занять Талыханское ханство и оттуда уже двинуться черезъ Ширвань и Шушу на

Грузію. Для этого посланъ былъ 20-ти тысячный отрядъ для занятія Ленкорани. При этомъ отрядѣ была многочисленная артиллерія, руководимая англійскими инструкторами. Нашъ отрядъ, состоящій изъ 400 человѣкъ, стоялъ не въ Ленкорани, а на косѣ въ Гамушевани. Персы быстро заняли Ленкорань, но не тронули Гамушевани. Равно и русскіе не рискнули противиться персамъ. Правда, персы дважды бросались на русскую крѣпость, но оба раза были отбиты.

Заведя съ Ртищевымъ переговоры, Аббасъ-Мирза хотѣлъ выиграть время, чтобы собраться съ большими силами. Это Котляревскій ясно видѣлъ и имѣлъ непреодолимое желаніе бросится за Араксъ и тамъ разнести персовъ. Но это не входило въ планы Ртищева. Поэтому онъ предложилъ Котляревскому за Араксъ не двигаться, а капитану Веселаго — забрать пушки и отрядъ на суда и удалиться отъ Ленкорани.

Однако, переговоры не привели ни къ чему, равно и предполагавшееся свиданіе Ртищева съ Аббасъ-Мирзой не состоялось. Ясно было видно, что это только были уловки затянуть время для болѣе успѣшнаго веденія будущей войны.

Теперь Катляревскому дано было приказаніе вести борьбу съ персами,—но подъ извѣстными условіями. «Вы лучше меня знаете мѣстныя обстоятельства и страну, дѣлайте все, что благоразуміе ваше велитъ вамъ. Одного прошу не дѣлать и запрещаю, зная вашу отвагу и примѣрное мужество: вы, можетъ быть, не потерпите, смотря на персіянъ, собравшихся у Аракса, и вздумаете переправиться въ виду ихъ цѣлой арміи, а черезъ неудачу, отъ чего Боже сохрани, и край погибнетъ».

Но это запрещеніе касалось именно того, что Котляревскій считалъ единственно благопріятнымъ и возможнымъ.

Въ горячихъ спорахъ по данному вопросу Ртищевъ не удержался отъ рѣзкаго замѣчанія Котляревскому:

«Да, въ 30 лѣтъ трудно быть генераломъ».

— О, если въ этомъ дѣло, я это затрудненіе устраняю. Каждый дворянинъ имѣетъ право выйти въ отставку.

Котляревскій подалъ въ отставку, но до полученія ея продолжалъ исполнять обязанности. Ртищевъ понялъ, однако, всю свою несправедливость и безтактность и первый обратился къ Котляревскому за примиреніемъ.

Однако, наши дѣла были не блестящими. Пребываніе 30 тыс. персидской арміи у Аракса и занятіе персами Ленкорани настолько подняли храбрость и наглость подчиненныхъ намъ хановъ, что Карабахскій ханъ, Мехти-Кули-ханъ, когда Ртищевъ уѣзжалъ изъ Карабаха, имѣлъ дерзость не проводить главнокомандующаго по пути слѣдованія. Котляревскій объ этомъ узналъ. Взбѣшенный такою наглостью хана, Котляревскій, въ сопровожденіи одного казака, пролетѣлъ весь городъ, подлетѣлъ къ Мехти-Кули-хану, окруженному многочисленными его придворными и, размахивая

плетью, такъ его по татарски отдѣлалъ, что единственнымъ заключеніемъ Котляревскаго было: Я тебя повѣшу...

Струсившій ханъ моментально сѣлъ на коня, догналъ Ртищева и оказалъ ему должныя почести...

Строго исполняя приказъ Ртищева, Котляревскій ждалъ переправы Аббасъ-Мирзы черезъ Араксъ. А Аббасъ-Мирза пользовался бездѣятельностью Котляревскаго: стягивалъ войска, послалъ Пиръ-Кули-хана въ обходъ Карабаха, въ Шекинское ханство и принялъ другія мѣры, а его шайка занималась воровствомъ.

Котляревскій все это видѣлъ, видѣлъ и то, какой непоправимый наступалъ для насъ отъ этого вредъ. Котляревскій былъ внѣ себя. Поэтому, когда одна изъ шаекъ Аббасъ-Мирзы перебралась черезъ Араксъ и пыталась угнать табунъ казачьихъ лошадей, Котляревскій разразился такимъ письмомъ къ Аббасъ-Мирзѣ: «Вы происходите отъ знаменитой фамиліи персидскихъ шаховъ, имѣете между родными столькихъ царей и даже считаете себя изъ родни небеснымъ духамъ,—возможно-ли, что при такой знаменитости происхожденія, зная всю малочисленность русскаго отряда, вы рѣшаетесь тайно воровать у него лошадей? Послѣ этого вамъ неприлично называться потомкомъ знаменитаго рода».

Попросту, обозвалъ его конокрадомъ.

Однако и такой дерзкій вызовъ не придалъ храбрости Аббасъ-Мирзѣ, и вмѣсто того, чтобы перейти Араксъ, броситься и уничтожить Котляревскаго, онъ предпочелъ оставить противъ Котляревскаго заставу, а самъ рѣшилъ обходнымъ путемъ двинуться за Пиръ-Кули-ханомъ на Шеку.

Котляревскій все это зналъ и видѣлъ, что отъ этого могутъ произойти самыя ужасныя послѣдствія. Поэтому онъ рѣшилъ ослушаться приказанія Ртищева, перейти Араксъ, разгромить армію Аббасъ-Мирзы и тѣмъ спасти Россію.

Слава Россіи, или смерть. Мертвые срама не имутъ.

Рѣшаясь на такой продерзостный поступокъ, Котляревскій написалъ Ртищеву рапортъ:

«Сколь ни отважнымъ кажется предпріятіе мое, но польза, честь и слава отечества того требуетъ, и я, надѣясь на помощь Бога, всегда помогающаго россійскому оружію, и на храбрость ввѣреннаго мнѣ отряда, что если останусь живъ, непріятель будетъ разбитъ, если же меня убьютъ, ваше превосходительство найдете мои распоряженія такими, по коимъ и послѣ смерти обвинить меня не можете»... Изложивъ свой планъ, Котляревскій заканчиваетъ: «Послѣ сего надѣюсь, что и самые строгіе взыскатели, *преподающіе правила войны въ кабинетахъ своихъ* и забывающіе о главномъ правилѣ великаго учителя побѣждать, никѣмъ непобѣдимаго Суворова, что *военной наукѣ должно учиться на войнѣ,* станутъ смотрѣть на рѣшимость мою съ настоящей точки зрѣнія, а не косвенно»...

18 октября 1812 года, чуть стало свѣтать, въ лагерѣ ген. Котляревскаго били легкій походъ. Выходили двѣ тысячи сподвижниковъ Котляревскаго безъ шинелей, съ 4-хдневнымъ запасомъ сухарей и 40 патронами на душу. Это значило барабанный бой легкаго похода. Котляревскій съ этимъ двухтысячнымъ отрядомъ шелъ недалеко. За Араксъ, на 30-ти тысячную армію Аббасъ-Мирзы.

«Братцы, намъ нужно идти за Араксъ и разбить персіянъ. Ихъ на одного десять, но каждый изъ насъ стоитъ десяти, и чѣмъ болѣе враговъ, тѣмъ славнѣе побѣда. Идемъ, братцы, и разобьемъ»... Таковы были слова вождя къ отряду. Не умереть онъ ихъ звалъ, а побѣдить. Всѣ это знали, всѣ это думали, всѣ на это шли.

Успѣхъ предпріятія зиждился на тайнѣ. Рѣшено было пройти 70 верстъ, ночью съ 19 на 20 перейти Араксъ и чуть свѣтъ броситься на персидскій лагерь. Ртищеву посланъ былъ рапортъ Котляревскаго, при чемъ посланному приказано было не спѣшить. Аббасъ-Мирза стоялъ у Асландузскаго брода. При немъ было 30 тыс. войска, множество артиллеріи, во главѣ англійскіе офицеры.

Судьба Котляревскому не пособила. Къ персидской арміи онъ подошелъ не на разсвѣтѣ, а къ 8 час. утра. Дѣло въ томъ, что, при переправѣ черезъ Араксъ, одна пушка упала въ яму. Долго возились солдатики, но пушку вытащить, видимо, нельзя было.

— «Эхъ братцы, заявилъ Котляревскій, если будемъ драться хорошо, то и съ пятью орудіями побьемъ персовъ и тогда, вернувшись, вытащимъ это, а если не вернемся, то оно намъ и совсѣмъ не нужно»... А время все-таки потеряли.

20 октября, въ 8 часовъ утра, Аббасъ-Мирза вмѣстѣ съ англійскимъ офицеромъ стоялъ на холмѣ у Асландузскаго брода и наблюдалъ за ученіемъ въ своей арміи. Отъ Аракса покойно подходилъ какой-то отрядъ. Посмотрѣвъ на него, Аббасъ-Мирза заявилъ:

— Вотъ и ханъ какой-то идетъ ко мнѣ.

Англійскій офицеръ взялъ подзорную трубу, посмотрѣлъ и покойно заявилъ:

— «Нѣтъ, это не ханъ, а Котляревскій»... Можно себѣ представить, какое ощущеніе пробѣжало по спинѣ Аббасъ-Мирзы отъ затылка до пятокъ... Тѣмъ не менѣе, онъ покойно сказалъ:

— Поросята, сами лѣзутъ на ножъ...

Моментально было сдѣлано распоряженіе броситься на русскихъ. Самъ Аббасъ-Мирза, «подобравъ полы своего халата, собственноручно сдѣлалъ изъ пушки нѣсколько выстрѣловъ и силою ихъ язвительнаго дѣйствія помрачилъ весь свѣтъ»...

Видимо въ этомъ «всемъ свѣтѣ» не было ни Котляревскаго, ни его арміи. Пять его пушекъ смѣло заговорили, а солдаты молча бросились въ штыки на смущенныхъ персовъ. Бой былъ необыкновенно кровопро-

литный. Брать въ плѣнъ было нельзя. Русскихъ было очень мало. Все, что попадалось, валилось. Персы не выдержали этого жесточайшаго боя и бросились на Дараутъ-чай. Что не погибло отъ штыка, то погибло въ волнахъ Дараутъ-чая. По словамъ персидскаго историка, «воины ислама, послѣ трехчасовой кровавой схватки, почли за лучшее отступить, для отдохновенія, на другую позицію»... Аббасъ-Мирза и англійскіе офицеры тоже перемѣнили позицію. Котляревскому достался весь лагерь персидскій 35 фальконетъ и множество артиллерійскихъ снарядовъ. Черезъ три часа персіяне были уже на той сторонѣ Дараутъ-чая. Тяжелымъ переходомъ и жаркимъ боемъ русскія войска были такъ утомлены, что Котляревскій не преслѣдовалъ персовъ, а далъ войскамъ отдыхъ. Между тѣмъ остановившійся у крѣпости Асландузъ съ остатками войска Аббасъ-Мирза отдалъ приказъ, чтобы всѣ разбросанныя персидскія войска немедленно шли къ Асландузу. Очевидно, онъ численностью своихъ войскъ хотѣлъ раздавить горсть русскихъ Котляревскаго. Котляревскій объ этомъ узналъ и рѣшилъ предупредить Аббасъ-Мирзу.

Ночью, въ полной тишинѣ, русскіе переправились черезъ Дараутъ и пошли на персидскій лагерь. Проводникъ предложилъ провести русскихъ въ обходъ персидскихъ батарей, но Котляревскій не боялся этихъ батарей.

— На пушки, братецъ, —прямо на пушки...

Персы были слишкомъ увѣрены въ томъ, что Котляревскій не рѣшится ночью напасть на нихъ, поэтому «зрачки счастья сарбазовъ находились подъ вліяніемъ полнаго сна». Русскіе окружили персидскій лагерь и подошли вплотную къ спящимъ персамъ. Громкое «ура» раздалось вмѣстѣ со штыковыми ударами. Смятенію, ужасу и переполоху не было предѣловъ. Стоны и крики раздались въ лагерѣ. Перепуганные персы бросались другъ на друга. Русскіе нападали съ безпощаднымъ ожесточеніемъ. Пощады не было никому. Котляревскому пришлось удерживать своихъ разсвирѣпѣвшихъ солдатъ отъ истребленія персовъ. Разгромъ персидской арміи былъ полнѣйшій. Русскимъ достались: весь лагерь три знамени со знаменемъ Аббасъ-Мирзы, одиннадцать англійскихъ орудій, 36 фальконетъ. Убитыми было отрапортовано 1200 человѣкъ. Когда пересчитали убитыхъ, на дѣлѣ оказалось 10.000. Адъютантъ Котляревскаго хотѣлъ было исправить цифру, но Котляревскій заявилъ:

— «Напрасно, не повѣрятъ».

Въ числѣ убитыхъ было много важныхъ чиновъ, и между ними англійскій маіоръ, управляющій персидскою регулярною пѣхотою и всѣми военными дѣйствіями.

Аббасъ-Мирза едва пробился съ 20-ю всадниками и бѣжалъ къ Тавризу. Съ нимъ, однако, произошло приключеніе, о которомъ персидскій историкъ повѣтствуетъ такъ:

«Въ самый разгаръ боя замѣчательный и удивительный случай превратности судьбы проявилъ себя въ арміи Ирана: когда принцъ, вооду-

шевляя ратниковъ, предался размышленію о средствахъ къ спасенію, лошадь его внезапно споткнулась и оборвалась въ глубокою яму, отчего его высочество изволилъ свое благородство перенести съ сѣдла на землю... Слѣдствіемъ всего этого было всеобщее разстройство».

Такъ русскій геній горстью русскихъ героевъ уничтожилъ тридцатитысячный персидскій отрядъ.

А что же генералъ Ртищевъ? Получивъ первый рапортъ Котляревскаго, онъ пришелъ въ неистовство. Но громы и молніи не успѣли еще раскатиться, какъ получено было второе донесеніе о полной побѣдѣ: «Богъ, ура и штыки даровали и здѣсь побѣду войску всемилостивѣйшаго Государя».

Вотъ что писалъ о Котляревскомъ Ртищевъ Государю:

«Всемилостивѣйше о семъ донося Вашему Величеству, я побуждаюсь при семъ случаѣ священною справедливостью представить на Высочайшее воззрѣніе подвигъ ген.-м. Котляревскаго и со свойственною вѣрноподанному искренностью донести, что скорое отвращеніе всѣхъ золъ, угрожавшихъ здѣшнему краю, есть слѣдствіе ревностнѣйшаго усердія къ службѣ, благоразумія и мужественной рѣшительности, съ каковою сей достойный генералъ-маіоръ, исполнивъ въ точности мои распоряженія, ниспровергъ главныя персидскія силы. Такой дворянинъ, какъ ген.-м. Котляревскій, не имѣющій никакого особеннаго покровительства, ни даже состоянія, кромѣ личныхъ своихъ достоинствъ, и исполненный при томъ неограниченнымъ усердіемъ къ службѣ Вашего Величества, достоинъ того, чтобы ему данъ былъ ходъ по службѣ».

За эти побѣды Котляревскій получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и Георгія 3-й степени. Получили награды и всѣ участники указанной битвы.

Но высшая награда должна лежать въ доброй памяти его потомковъ, памяти о величіи и славѣ, доставленной нашей родинѣ безпредѣльной храбростью и самопожертвованіемъ великаго сына Россіи и его безпримѣрно храбрыхъ сподвижниковъ...

На четвертый день Котляревскій былъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, совершивъ легкій походъ, покрывшій великою славою и его самого, и его сподвижниковъ.

Послѣдствіемъ этихъ славныхъ побѣдъ было то, что къ концу октября въ предѣлахъ Кавказа не осталось ни одного перса...

Итакъ, персы были разбиты. Ихъ армія уничтожена.

А что же дальше?

Ген. Котляревскій настойчиво совѣтовалъ и требовалъ пополнить его отрядъ и идти добивать персовъ въ Персію. Ртищевъ этого и не могъ, и не хотѣлъ сдѣлать. Наши дѣла на Кавказѣ были далеко не въ такомъ блестящемъ видѣ, чтобы его можно было оставить безъ войскъ и вручить ихъ Котляревскому для дальнѣйшаго преслѣдованія персовъ. Правда, это можно было сдѣлать, но для этого нужно было рисковать, а рискъ былъ не въ характерѣ Ртищева. Взять же войскъ въ Россіи нельзя было и думать. Вѣдь это былъ 1812 годъ.

Такъ время шло и шло въ пререканіяхъ. А персы не дремали. У Ленкорани сосредоточился семитысячный персидскій отрядъ и капитану Веселаго приходилось очень круто. Появились персы и въ другихъ мѣстахъ Талышинскаго ханства, и нужно было теперь уже изгонять этихъ разбойниковъ.

Послѣ долгихъ споровъ Ртищевъ согласился на то, чтобы Котляревскій шелъ въ Персію,—но безъ всякой къ тому подмоги, а съ тѣми силами, какими онъ владѣлъ. Лучше же будетъ, если Котляревскій двинется въ Талыханское ханство и выбьетъ Садыкъ-хана отъ Ленкорани.

Разумѣется, съ силами, бывшими въ рукахъ Котляревскаго, предпринимать походъ въ Персію было невозможно. Кромѣ того, если бы Котляревскій даже рѣшился на это, то теперь это было уже поздно. Персы оправились. Нужно было выручать Ленкорань и Веселаго.

17 декабря 1812 г. ген. Котляревскій вступилъ въ Талыханское ханство. Съ нимъ было 1.500 человѣкъ пѣхоты, 470 казаковъ и 6 орудій.

Поспѣшая въ Ленкорань, Котляревскій двинулся напрямикъ, безъ дорогъ, черезъ мертвые солончаки и вязкія топи, не имѣя ни воды, ни дровъ, борясь со стужею и мятелями, преодолѣвая трудности, превышающія всякое воображеніе.

Съ тяжелымъ чувствомъ выступилъ Котляревскій въ этотъ походъ. Онъ какъ бы предчувствовалъ нѣчто тяжелое. Вотъ что онъ писалъ. «Пожелайте мнѣ счастья, экспедиція сія меня крайне тревожитъ. Время сдѣлало ея слишкомъ затруднительною... Прошу Бога о помощи и могу назваться счастливымъ, если Богъ дастъ окончить счастливо»...

На своемъ пути Котляревскій встрѣчалъ мелкіе персидскіе отряды, но тѣ благоразумно улепетывали. Въ Караяхѣ, для защиты тыла, онъ оставилъ изъ отряда 200 человѣкъ пѣхоты и 170 казаковъ. Вскорѣ онъ достигъ крѣпости Аркевани. Нужно было ее добывать, а она была укрѣплена англичанами. Однако, персы заблагоразсудили удрать, при чемъ при преслѣдованіи было убито много персовъ. И здѣсь пришлось оставить 100 человѣкъ пѣхоты и одно орудіе.

Отрядъ Котляревскаго таялъ. Подходя къ Ленкорани, онъ имѣлъ 970 человѣкъ и 3 орудія.

А въ Ленкорани сидѣли Садыкъ-ханъ съ 4-мя тысячами отборнаго персидскаго войска. Крѣпость была устроена англичанами и вооружена англійскими пушками. Садыкъ-ханъ былъ человѣкъ отмѣнной храбрости и твердой рѣшимости. А отъ Аббасъ-Мирзы онъ получилъ приказъ, что «если бы и цѣлыя горы войскъ возстали противъ него, онъ не долженъ колебаться, а защищать до послѣдней капли крови сей ключъ къ сердцу Персіи».

26 декабря Котляревскій подошелъ къ Ленкорани и въ ту же ночь обложилъ ее.

При всей безумной храбрости и безпредѣльной рѣшимости, положеніе Котляревскаго являлось не изъ легкихъ. Приходилось подумать и по-

думать. Два раза онъ предлагалъ Садыкъ-хану сдаться, но тотъ отвѣчалъ твердымъ мужественнымъ отказомъ.

Оставался штурмъ. Котляревскій на него рѣшился.

Вотъ какъ рисуетъ Ртищевъ рѣшимость Котляревскаго во всеподданнѣйшемъ докладѣ:

«Не взирая на неравенство въ силахъ и способахъ, какъ истинный сынъ отечества и ревнитель къ славѣ оружія, онъ рѣшилъ взять крѣпость штурмомъ, или умереть, ибо отступить значило бы помрачить честь россійскаго оружія, передать навсегда въ руки персіянъ талышинскаго хана со всѣмъ его владѣніемъ и напрасно при томъ жертвовать потерею людей во время отступленія отъ чрезвычайнаго холода, голода и непріятеля, который по лѣснымъ гористымъ дорогамъ могъ бы нанести большой вредъ».

Вотъ приказъ Котляревскаго передъ штурмомъ:

«Рѣшаясь приступить къ штурму крѣпости, даю знать по войскамъ и считаю нужнымъ предварить всѣхъ офицеровъ и солдатъ, *что отступленія не будетъ*. Намъ должно взять крѣпость, или всѣмъ умереть, — за тѣмъ мы сюда и пришли».

Въ дипозиціи, данной войскамъ, Котляревскій говоритъ:

«Барабанщики въ колоннахъ отнюдь не бьютъ тревогу, пока не будутъ люди на стѣнахъ,—и люди въ колоннахъ не стрѣляютъ и не кричатъ «ура», пока не влѣзутъ на стѣну. Когда всѣ батареи и стѣны будутъ взяты нами, то въ средину крѣпости безъ приказанія не ходить, но бить непріятеля только картечью изъ пушекъ и ружей. Не слушать отбоя, его не будетъ, пока непріятель совершенно истребится, или сдастся»...

Штурмъ начался въ ночь съ 31 декабря на 1-е января 1813 года. Повидимому, непріятель зналъ объ этомъ, потому что встрѣтилъ штурмъ во всеоружіи. Жестокій огонь, пики, рогатки, камни и ручныя гранаты непріятеля шибко поражали наступающихъ, но тѣ шли какъ желѣзные... Но вотъ палъ шедшій во главѣ полковникъ Ушаковъ. Солдатики замялись. Еще немного и могла бы наступить гибель...

Тогда выступаетъ Котляревскій и съ крикомъ «за мной» бросается впередъ. Голосъ любимаго командира заглушилъ все. Солдаты бросились въ изступленіи впередъ. Ни штыки, ни сабли, ни выстрѣлы не могли ихъ уже удержать. Вотъ маіоръ Абхазовъ со своею ротою уже на стѣнѣ. Захваченное орудіе непріятеля поворачивается обратно и поражаетъ персіянъ. Пользуясь первымъ смущеніемъ персовъ, остальныя колонны взбираются тоже на стѣны, и противникъ сброшенъ внутрь крѣпости. Ожесточеніе русскихъ дошло до крайнихъ предѣловъ. Все встрѣчное низвергалось и гибло подъ штыками. Не погибшіе отъ штыка бросались въ рѣку и гибли въ ея волнахъ. «Это было не пораженіе, а почти поголовное истребленіе непріятеля» (В. А. Потто). Весь четырехтысячный гарнизонъ погибъ. 2.500 было убито, остальные утонули. Садыкъ-ханъ былъ убитъ, убиты были и другіе ханы. Взяты были два знамени, восемь англійскихъ

орудій и булава Садыкъ-паши, большіе запасы пороха и снарядовъ и большой магазинъ провіанта.

Новый годъ былъ для Россіи счастливымъ. Закончился 1812 годъ безъ Ленкорани, начался 1813 годъ съ Ленкоранью... Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!..

Великая побѣда. Славная побѣда. Безпримѣрная побѣда!..

Но что же русскіе не радуются?.. Что не раздаются веселыя пѣсни и радостныя восклицанія?.. Что они хмуры, суровы и ожесточенны?..

Великое горе, великое несчастье постигло ихъ и всю русскую армію, вся эта горсть храбрецовъ глубоко была огорчена и опечалена... Ихъ вождь, ихъ отецъ, генералъ Котляревскій, замертво былъ вытащенъ изъ груды мертвыхъ. Уже какъ только онъ бросился на приступъ, онъ получилъ огнестрѣльную рану въ ногу. Вслѣдъ за симъ новый выстрѣлъ вышибъ правый глазъ, а третій—раздробилъ правую челюсть, и Котляревскій палъ...

Сначала его приняли за мертваго, — но затѣмъ мало-по-малу онъ отошелъ. Отошелъ, но на всю жизнь остался калѣкою...

Печальнымъ былъ возвратъ отряда Котляревскаго. Онъ сопровождалъ почти мертваго своего отца командира.

Великія почести были возданы великому герою, Котляревскому, но служить больше онъ уже не могъ. Вскорѣ онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Александровѣ, Бахмутскаго уѣзда. Тамъ жилъ съ нимъ старичекъ, его отецъ, другъ и ротный товарищъ Шульгинъ и нѣсколько солдатъ сослуживцевъ. Великія страданія терпѣлъ великій герой, но переносилъ ихъ мужественно и терпѣливо...

1826 г. императоръ Николай передъ войной съ Персіей предлагалъ Котляревскому вновь принять на себя командованіе арміей.

— Увѣренъ, что одного имени вашего достаточно будетъ, чтобы воодушевить войска, вами предводительствуемыя, устрашить врага, неоднократно вами пораженнаго и дерзающаго снова нарушить тотъ миръ, къ которому вы первый открыли путь вашими подвигами.

Горько было Котляревскому отказаться отъ столь милостиваго и лестнаго призыва Императора, но онъ слишкомъ страдалъ и не въ силахъ былъ выполнить порученіе.

Впослѣдствіи, своимъ близкимъ Котляревскій показывалъ ларецъ, въ которомъ хранился милостивый Высочайшій рескриптъ и 40 костей, вынутыхъ изъ черепа.

— Вотъ что было причиною, почему я не могъ принять назначеніе государя и служить до гроба престолу и отечеству.

Тяжело было разставаться Котляревскому со своими боевыми товарищами,—плакали и тѣ, по уходящемъ героѣ, отцѣ-командирѣ.

Вотъ что писалъ Ртищевъ Котляревскому:

«Я съ усердіемъ благодарю Бога за сохраненіе вамъ жизни, ибо по искреннему участію, мною въ васъ пріемлемому, и по увѣренности моей,

засвидѣтельствованной передъ всемилостивѣйшимъ Государемъ Императоромъ, что отечество отъ военныхъ достоинствъ вашего превосходительства можетъ ожидать важной пользы для службы, никакіе преобрѣтенные въ семъ случаи успѣхи съ пожертвованіемъ вашимъ не могли бы меня обрадовать и наполнить сердце мое всегдашнею горестью»...

Потеря въ лицѣ Котляревскаго была великой потерей и для кавказской арміи, и для Россіи.

Зато взятіе Ленкорани было великой славой для Россіи.

Завладѣніе столь важной крѣпостью, какъ Ленкорань, было завладѣніемъ Каспійскимъ моремъ. Обладаніе столь важной крѣпостью, какъ Ленкорань, было великою и честью и славою какъ для кавказской арміи, такъ и для Россіи. Но завладѣніе тысячнымъ отрядомъ съ тремя пушками такой сильной, вооруженной англійскими орудіями и защищаемой четырехтысячнымъ отборной храбрости и дисциплины войскомъ—это возможно только для генія русской націи.

Исторія и анализъ войнъ ясно показываютъ одну весьма важную національную особенность русской арміи: безграничную храбрость, безпредѣльную отвагу, невѣроятное безстрашіе и превосходящую мѣру самопожертвованія. Это свойство преимущественное, если не исключительное, русской славянской націи, русскаго солдата и русскаго офицера. При генералахъ и полководцахъ того же духа — русская армія была непобѣдима. Таковы подвиги Святослава, Мстиславовъ, Александра Невскаго, Суворова, Скобелева и многихъ, многихъ другихъ. Таковы подвиги и отрядовъ Котляревскаго. Здѣсь дѣйствовалъ геній націи, какъ въ полководцѣ, такъ и въ его арміи.

Таковыми были его дѣла въ Шахъ-булатѣ и Шамхорѣ, Ахалкалакахъ, Асландузѣ и Ленкорани. Потомство помнило, помнитъ и всегда будетъ чтить имя великаго національнаго героя, Котляревскаго. Спустя назадъ 56 лѣтъ послѣ взятія Ленкорани, главнокомандующій Кавказа Муравьевъ, отмѣчая военныя доблести и славные подвиги героевъ кавказской арміи, совершенно правильно напомнилъ:

«Среди васъ возросъ и прославился Котляревскій».

Воздадимъ должное имени этого великаго національнаго героя, яркаго представителя всѣхъ сподвижниковъ ратнаго дѣла на Кавказѣ. Пусть чтится имя его всѣми нашими потомками навѣки, и да будетъ ему незабвенная слава и вѣчная память...

Боюсь, что въ своей современной гордынѣ, вы, читатели, скажете: что за подвигъ въ битвѣ съ такой сволочью, какъ персидскіе сарбазы!.. Это заблужденіе и ошибка. Персидскіе сарбазы представляли собою не стройную толпу, но толпу фанатиковъ, которой жизнь была весьма не завидна, а смерть, смерть въ боѣ, вела въ рай гурій, наслажденій, тепла и пріятнаго питанія. Слѣдовательно, эта «сволочь» отличалась великой храбростью и неограниченнымъ самопожертвованіемъ своею жизнью... Кромѣ того, между

персидскими войсками были уже вполнѣ дисциплированныя войска, конструкторами которыхъ были англичане. Въ Ленкорани всѣ четыре тысячи защитниковъ составляли именно такой организованный отрядъ. Далѣе, военачальники персидскіе, да и сарбазы, знали, что послѣ пораженія, если они и останутся живыми, то все равно Аббасъ-Мирза сниметъ имъ головы, какъ это было послѣ Мигри Котляревскаго. Въ Ленкорани Садыкъ-ханъ твердо помнилъ слова Аббасъ-Мирзы: если бы цѣлыя горы войскъ возстали на него, онъ не долженъ колебаться, но защищать до послѣдней капли крови сей ключъ къ сердцу Персіи! А что стало бы съ Садыкъ-ханомъ, если бы онъ остался живъ послѣ Ленкорани?..

Далѣе, всѣмъ намъ извѣстно, что во всѣ послѣднія войны съ персами, турками, даже японцами, наше оружіе было всегда хуже непріятельскаго, который снабжался нашими друзьями—англичанами и французами... [1])

Насколько русская армію на Кавказѣ брала своею безпредѣльною отвагою, а не столько оружіемъ — наилучшимъ освѣщеніемъ служитъ Асландузъ. Тамъ Котляревскій ведетъ 2 тыс. солдатъ противъ 30 тыс. легкимъ походомъ, т. е. съ 40 патронами... Ведетъ и побѣждаетъ. Если къ этому добавить постоянное питаніе арміи сухарями (какими?) а иногда и кореньями... если добавить, что тамъ походы, въ большинствѣ, совершались зимою, чтобы листья лѣсовъ не защищали непріятеля, если вспомнить почти повсюдное путешествіе по горамъ, скаламъ и переваламъ, — если вспомнить тогдашнее интендантство... тогда передъ нами ясно выразится картина положенія нашего кавказца и вся сила его національнаго духа, крѣпости и мощи... Смѣшно сказать, но самые походы служили на пользу солдатамъ, ибо они могли тамъ подкормиться завоеваннымъ.

Вотъ что пишетъ Котляревскій главнокомандующему изъ похода на Ленкорань:

«Труды солдатъ велики, но они подкрѣпляются порціею отбитаго скота».

Ну, а если бы этого скота не было?..

Поэтому кавказскій герой, отъ офицера и до послѣдняго рядового, герой sui generis, возможенъ только въ Россіи и составляетъ ея великую національную гордость...

12-й годъ принесъ Россіи великую славу во всемъ мірѣ ея подвигами въ Европейской Россіи. Но всматриваясь въ славные подвиги ея сыновъ и на Кавказѣ, мы не можемъ не признать, что и тамъ эти подвиги достойны

---

[1]) Конечно, этотъ упрекъ никоимъ образомъ не касается послѣдняго времени. Нынѣ мы въ союзѣ съ Франціей и въ случаѣ европейской войны наша армія будетъ дѣйствовать заодно съ французской. *Ред.*

славнаго имени великой нашей родины. Асландузъ и Ленкорань [1]) сами по себѣ достойны того, чтобы стать славнымъ нерукотвореннымъ памятникомъ въ предѣлахъ Азіи, памятникомъ великимъ подвигамъ сыновъ Великой Россіи. Вспомнимъ, что сказалъ о Ленкорани самъ Котляревскій:

«Симъ штурмомъ достойно запечатлѣнъ 1912 годъ, и какъ при воспоминаніи сею незабвеннаю для Россіи года всякій россіянинъ возвысится духомъ, такъ при имени Ленкорани персіянинъ вздрогнетъ и преклонитъ колѣно славѣ русской».

П. Ковалевскій.

---

[1]) Въ честь побѣдъ русскихъ войскъ при этихъ мѣстностяхъ 186-й пѣх. полкъ названъ Асландузскимъ, а 163-й пѣх. полкъ—Ленкоранско-Нашебургскимъ. *Ред.*

Парижскій конгрессъ и дунайскія княжества [1]).

I.

Французскій посолъ въ Константинополѣ Тувенель писалъ 10 ноября 1856 г. директору политическаго департамента Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ Бенедетти; «Увѣрены ли Вы, что предательскія газеты не обманули насъ, объявивъ, что 8 сентября 1855 г. Севастополь палъ подъ соединенными ударами Франціи и Англіи? И не сыграли ли онѣ надъ нами еще болѣе злой шутки, распубликовавъ во всеобщее свѣдѣніе какой то договоръ, будто подписанный въ Парижѣ 15 апрѣля 1856 года между Франціей, Англіей и Австріей [2]) съ цѣлью сообща противодѣйствовать дальнѣйшимъ покушеніямъ Россіи на Востокѣ? Какъ бы то ни было, но я теперь нахожусь въ непредвидѣнномъ положеніи союзника г. Бутенева [3]) и при этомъ мы съ нимъ оба разбиты» [4]). Чѣмъ же было вызвано это, хотя и шутливое по формѣ, но не лишенное чувства разочарованія, обращеніе представителя Франціи на Босфорѣ, какъ видно, немало смущеннаго неожиданнымъ оборотомъ европейской политики? Между тѣмъ Тувенель съ своей точки зрѣнія открытаго и стойкаго противника Россіи, былъ правъ. Не прошло еще семи мѣсяцевъ со дня подписанія Парижскаго трактата, какъ ближайшимъ его результатомъ оказались такое разногласіе между бывшими союзниками и такая новая группировка европейскихъ державъ, которыя слишкомъ рѣзко противорѣчили и непосредственной цѣли Конгресса и той задачѣ, которую враждебная Россіи коалиція имѣла въ виду на немъ разрѣшить. Причины этого явленія лежали глубже, чѣмъ могло казаться, и ихъ прежде всего слѣдуетъ искать въ той системѣ союзовъ между европейскими государствами въ 1854 г., которая, по выраженію одного изслѣдователя этой эпохи, производила на внимательнаго наблюда-

[1]) Глава изъ приготовляемаго къ печати изслѣдованія «Молдавія, Валахія и Румынія, какъ факторы Восточнаго вопроса».

[2]) Особый договоръ, заключенный въ Парижѣ между Франціей, Англіей и Австріей 15 апрѣля 1856 г., т. е. тотчасъ послѣ подписанія Парижскаго Трактата, подъ названіемъ «Договоръ для гарантіи независимости и цѣлости Оттоманской Имперіи».

[3]) Русскій посланникъ въ Константинополѣ.

[4]) L. Thouvenel. Trois années de la question d'Orient. 1854—1856. Paris. Plon. pp. 62.

теля странное впечатлѣніе: съ одной стороны, мы видимъ, говоритъ онъ, императорскую Францію союзницей, не вполнѣ искренней, своего наслѣдственнаго врага Англіи для совмѣстной войны съ Россіей, которую она предпринимаетъ безъ особаго враждебнаго чувства; съ другой—Австрія случайно вступаетъ въ союзъ съ Пруссіей, съ которой ее глубоко раздѣляло соперничество изъ-за гегемоніи въ Германіи, причемъ обѣ эти державы, нейтрализованныя другъ другомъ, такъ и не могли рѣшиться открыто стать на ту или другую изъ воюющихъ сторонъ [1]). Эти странные союзы и должны были распасться при первомъ удобномъ для сего случаѣ, когда разность интересовъ союзниковъ не могла не обнаружиться. Такой именно случай представился въ засѣданіи Парижскаго Конгресса 8 марта 1856 г., когда на очередь былъ поставленъ вопросъ о Дунайскихъ Княжествахъ и предложенія по этому предмету, выработанныя на Вѣнскихъ Конференціяхъ, подверглись окончательному обсужденію. Въ чемъ же они заключались?

Вѣнская Конференція [2]), послѣ значительнаго перерыва, вновь собравшаяся въ мартѣ мѣс. 1855 г., приступила къ обсужденію тѣхъ четырехъ условій «Les quatre garanties», которыя должны были быть положены въ основаніе мирныхъ переговоровъ. Предварительно условія эти были выработаны особымъ соглашеніемъ между Англіей, Франціей и Австріей и въ обсужденіи ихъ согласилась, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, принять участіе и Россія. Первыя свои засѣданія 15, 17, 19 марта Конференція посвятила первому изъ этихъ условій, выраженному въ слѣдующей формѣ: «Протекторатъ Россіи надъ Молдавіей и Валахіей прекращается и привилегіи, предоставленныя Султанами этимъ Княжествамъ, а также Сербіи, впредь будутъ находиться подъ совмѣстной гарантіей договаривающихся сторонъ».

Болѣе подробнымъ развитіемъ этой мысли явился Австрійскій меморандумъ, на основаніи котораго Конференція изложила свои предположенія по этому вопросу въ особомъ приложеніи къ Протоколу № 3 [3]). Распространяя ихъ одновременно на всѣ три Княжества—Молдавію, Валахію и Сербію [4]), Конференція признала, что Княжества эти должны продолжать оставаться и впредь въ тѣхъ отношеніяхъ къ Высокой Портѣ, которыя опредѣлены древними капитуляціями и императорскими Гатами (указами), установившими права и привилегіи, которыми они нынѣ пользуются, и впредь никакого исключительнаго покровительства этимъ провинціямъ, съ чьей бы то ни было стороны, не можетъ быть допущено. Высокая Порта,

---

[1]) L. Thouvenel. Pages de l'histoire du second Empire d'après les papiers de M. Thouvenel. Paris. Plon. 1903, p. 63.

[2]) Въ составъ Конференціи входили представители: Австріи—Гр. Буоль-Шауенштейнъ и Бар. Прокешъ-Остенъ; Франціи—Бар. Буркене; Англіи—Лордъ Дж. Россель и Гр. Вестмарландъ; Россіи—Кн. А. М. Горчаковъ и В. П. Титовъ; Турціи—Аарифъ-Эфенди

[3]) Protocoles des Confirences de Vienne 1885 № III.

[4]) Все послѣдующее относится только къ Молдавіи и Валахіи.

сузеренныя права которой остаются неприкосновенными, сохранитъ за этими Княжествами ихъ независимую и національную администрацію, а слѣдовательно и свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства. Всѣ императорскіе Гаты, касающіеся внутренняго устройства Княжествъ, должны быть толкуемы въ соотвѣтствіи съ вышеуказаннымъ основнымъ принципомъ. Территорія Княжествъ не можетъ быть уменьшена. Высокая Порта, въ сознаніи, что политическое положеніе Княжествъ тѣсно связано съ общими интересами европейскихъ государствъ, войдетъ въ дружеское соглашеніе съ договаривающимися державами относительно какъ сохраненія дѣйствующаго нынѣ въ Княжествахъ законодательства, такъ и относительно желательныхъ въ немъ измѣненій. Съ этою цѣлью Порта приметъ надлежащія мѣры къ выясненію желаній населенія въ Княжествахъ и торжественно подтвердитъ въ особомъ Гатти-шерифѣ всѣ существующіе законодательные акты, обезпечивающіе права и привилегіи Княжествъ. Этотъ Гатти—шерифъ, до его обнародованія, будетъ сообщенъ остальнымъ державамъ, которыя по его разсмотрѣніи, примутъ на себя гарантію его исполненія.

Національное войско Княжествъ, образуемое съ цѣлью поддержанія внутренняго порядка и обезпеченія границъ, можетъ, въ случаѣ необходимости, получить дальнѣйшее развитіе въ соотвѣтствіи со средствами страны. Въ случаѣ недоразумѣній, могущихъ возникнуть вслѣдствіе толкованія того или другого положенія органическаго Гатти-шерифа, гарантирующія державы вмѣстѣ съ Высокой Портой разсмотрятъ каждое изъ заявленій по сему предмету и примутъ всѣ мѣры къ соотвѣтствующему соглашенію. Въ случаѣ нарушеній внутренняго порядка въ Княжествахъ, никакое вооруженное вмѣшательство не можетъ имѣть мѣста иначе, какъ на основаніи особой, заключенной между договаривающимися сторонами конвенціи.

Договаривающіяся стороны обязуются не оказывать никакого покровительства иностранцамъ, дѣйствія коихъ могли бы представлять опасность для спокойствія Княжествъ или для интересовъ сосѣднихъ государствъ. Осуждая всякія подобнаго рода дѣйствія, онѣ взаимно обязуются относиться съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ къ каждому изъ заявленій по сему предмету, какъ со стороны того или другого государства, такъ и мѣстныхъ властей. Съ своей стороны Высокая Порта предложитъ Княжествамъ не терпѣть на ихъ территоріи подобнаго рода иностранцевъ и не позволять мѣстному населенію принимать какое либо участіе въ движеніяхъ, представляющихъ опасность для спокойствія ихъ страны, или сосѣднихъ государствъ.

Соглашеніе по этимъ основнымъ положеніямъ, обезпечивающимъ за Молдавіей и Валахіей ихъ вѣковыя права и преимущества, хотя имѣло непосредственную цѣль лишить Россію того исключительнаго положенія, которое она исторически занимала по отношенію къ Княжествамъ, было

достигнуто въ средѣ Конференціи безъ особыхъ затрудненій. Представитель Россіи князь А. М. Горчаковъ, съ свойственной ему блестящей діалектикой, доказывая, что формально право протектората надъ Княжествами никогда Россіи и не принадлежало, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко убѣжденный, что старыя традиціи, упрочившія связь Россіи съ Княжествами, противустоятъ всякимъ трактатамъ и договорамъ, находилъ только, что коренной пересмотръ дѣйствующаго въ Княжествахъ органическаго статута надлежало бы поручить особой Комиссіи изъ представителей державъ, которая, въ моментъ болѣе спокойный, могла бы основательно исполнить эту работу въ согласіи съ Турецкимъ Правительствомъ.

На этомъ вопросъ о Княжествахъ, въ этой первой его стадіи, казался исчерпаннымъ. Но ему суждено было еще разъ остановить на себѣ вниманіе Конференціи. Неожиданно для нея представитель Франціи, въ засѣданіи 26 марта [1]), просилъ разрѣшенія доложить и приложить къ протоколу меморандумъ, въ которомъ его правительство сочло нужнымъ освѣтить нѣкоторыя стороны вопроса, составляющаго предметъ перваго мирнаго условія, не затронутыя, когда устанавливалось принципіальное къ нему отношеніе Конференціи. Въ своемъ первоначальномъ соглашеніи, по отношенію къ первому пункту гарантій, говорится въ меморандумѣ, союзныя державы имѣли въ виду не только изъять территоріи Дунайскихъ Княжествъ изъ подъ того исключительнаго вліянія, которое надъ ними тяготѣло, но и создать изъ Молдавіи и Валахіи нѣчто въ родѣ естественной преграды, переступать которую, съ цѣлью угрожать безопасности Оттоманской Имперіи, было бы запрещено. Для этого наилучшей комбинаціей явилось бы, по мнѣнію Французскаго Правительства, соединеніе обоихъ Княжествъ въ одно. Не говоря о тѣхъ особо благопріятныхъ естественныхъ и соціальныхъ условіяхъ — общность языка, нравовъ, законовъ и интересовъ — особенно облегчающихъ осуществленіе этого предположенія, несомнѣнно такое соединеніе отвѣчало бы и общимъ желаніямъ населенія, не разъ уже проявлявшимся въ теченіе многихъ лѣтъ. Казалось бы, что созданіе крупнаго Княжества съ 4.000.000 жителей вполнѣ отвѣчало бы и интересамъ сузереннаго государства, такъ какъ тѣмъ самымъ создавалось бы значительно болѣе серьезное препятствіе для наступательныхъ дѣйствій Россіи, чѣмъ могли представлять слабыя и разрозненныя Молдавія и Валахія. Но такое ихъ объединеніе, чтобы достичь намѣченной цѣли, требуетъ не только общаго правительства, но и такой его формы, которая по самому своему существу обезпечивала бы ему надлежащую силу. Наилучшей является верховная власть, по возможности приближающаяся къ типу наслѣдственной монархической. Хотя намъ, продолжаетъ меморандумъ, мнѣніе Порты по этому послѣднему вопросу неизвѣстно, но примѣры Сербіи и Египта, гдѣ наслѣдственное преемство престола было допущено ихъ

[1]) Protocoles. Ib. № VI.

сузереномъ, даютъ право предполагать, что едва-ли Оттоманское правительство встрѣтитъ какія либо особыя препятствія и въ данномъ случаѣ. Засимъ оставалось бы избрать одинъ изъ двухъ путей къ осуществленію этого предположенія: установивъ принципъ наслѣдственности предоставить верховную власть одному изъ мѣстныхъ князей съ тѣмъ или другимъ титуломъ, или же радикально разрѣшить вопросъ, изыскавъ кандидата въ одной изъ царствующихъ Европейскихъ династій и это рѣшеніе было бы вѣроятно лучшимъ. Нельзя при этомъ не указать на то, говорилось въ меморандумѣ, что, какъ видно изъ протокола Лондонской конференціи, отъ 22 марта 1829 г. и тогда, по отношенію къ Греціи, такая же комбинація считалась вполнѣ допустимой какъ съ точки зрѣнія Турціи, такъ и со стороны возможности христіанскому Князю подчиниться сузереніту Султана.

Въ заключеніе представитель Франціи прибавилъ, что эти вопросы едва-ли могутъ быть теперь-же предметомъ обсужденія, такъ какъ для сего требуется предварительное согласіе Порты. Представитель Турціи, указывая на то, что только что выслушанныя предложенія Франціи слишкомъ непосредственно затрагиваютъ сюзеренныя права Высокой Порты, допускалъ возбужденіе этихъ вопросовъ лишь по ея иниціативѣ. Представители Англіи и Австріи присоединились къ этому заявленію, а кн. А. М. Горчаковъ ограничился замѣчаніемъ, что обязательнымъ по отношенію къ Княжествамъ можетъ считаться только то, что уже было подписано членами Конференціи, но что могутъ быть, конечно, и другія точки зрѣнія, касающіяся этого общаго вопроса, обсужденіе которыхъ, въ подходящій моментъ, по его мнѣнію вполнѣ допустимо.

Въ этихъ предложеніяхъ Франціи, далеко выходившихъ за предѣлы, которыми ея союзники Англія и Турція, а также и Австрія, союза съ которой Франція именно въ это время такъ домогалась, имѣли въ виду ограничить вопросъ о Княжествахъ, Конференція почувствовала нѣчто новое, чреватое сложными послѣдствіями и потому отнеслась къ нимъ болѣе чѣмъ сдержанно. И дѣйствительно послѣдствія эти оказались, скорѣе чѣмъ кто-либо изъ членовъ конференціи, не исключая самого представителя Франціи, тогда подозрѣвалъ, весьма серьезными.

Вѣнскія конференціи окончились общимъ разочарованіемъ для союзниковъ. Надежды на соглашеніе, которое привело бы къ миру, не оправдались и отказъ Англіи, а засимъ Франціи, отъ принятія предложенія Австріи, желавшей въ тотъ моментъ пойти навстрѣчу Россіи, системы пропорціональнаго увеличенія флота въ Черномъ морѣ (Systéme de l'accroissement proportionnel) [1]), лишилъ ихъ окончательно возможности разсчитывать

[1]) Австрія предлагала, чтобы Англіи, Австріи и Франціи было предоставлено право имѣть въ Черномъ морѣ по два фрегата каждой. Въ случаѣ увеличенія Россіей числа своихъ судовъ въ этомъ же морѣ свыше того, что она въ немъ имѣла въ моментъ войны, всѣ три означенныя державы могли бы пропорціонально увеличивать число своихъ судовъ.

на реальную помощь Австріи, а тѣмъ болѣе Пруссіи. Между тѣмъ, во Франціи все болѣе и болѣе сомнѣвались въ благопріятномъ исходѣ кампаніи и Императоръ Наполеонъ начиналъ привыкать къ мысли, что миръ возможенъ и безъ предшествующаго паденія Севастополя. [1]) Когдаже Севастополь палъ, необходимо было рѣшиться на новый планъ дальнѣйшей кампаніи. Англія, въ которой и правительство и общественное мнѣніе не безъ ожесточенія преслѣдовали вполнѣ опредѣленную, практическую цѣль—разрушеніе русской силы во первыхъ, въ Черномъ морѣ, а засимъ и въ Балтійскомъ, не допускала мысли, чтобы занятіемъ Севастополя война прекратилась и настаивала передъ Императоромъ Наполеономъ на скорѣйшемъ движеніи впередъ арміи, находившейся въ Крыму. Но здѣсь пришлось считаться съ Главнокомандующимъ генераломъ Пелисье, который находилъ, что взятіемъ Севастополя и прочнымъ занятіемъ Кинбурна, Керчи и Херсонеса, задача, возложенная на союзную армію, была разрѣшена [2]). Такимъ образомъ, прежде чѣмъ могли бы открыться военныя дѣйствія на другомъ театрѣ и въ Балтійскомъ морѣ, предстояло ждать весны или скорѣе заключить миръ. Наполеонъ эту альтернативу предвидѣлъ еще раньше и допускалъ такое перенесеніе войны на слѣдующій годъ, но онъ ставилъ условіемъ своего участія вознагражденіе Франціи за понесенныя ею жертвы созданіемъ независимаго польскаго королевства и объ этомъ еще въ мартѣ 1855 г. сообщилъ Англійскому правительству. Оно признало эту мысль неполитичной и неисполнимой. Не смотря на такой отвѣтъ, Наполеонъ, будучи въ Виндзорѣ въ апрѣлѣ того же года, подробно развивалъ все туже мысль принцу Альберту, которымъ она также была принята крайне несочувственно. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ къ ней вернулся послѣ паденія Севастополя и вновь сдѣлалъ Англіи предложеніе поставить возстановленіе Польскаго королевства условіемъ sine qua non мира. Лордъ Кларендонъ вторично отказалъ, опасаясь, что если заключеніе мира будетъ находиться въ зависимости отъ такого условія, то Англійское правительство «потеряетъ поддержку общественнаго мнѣнія» [3]).

Тогда Императоръ Наполеонъ окончательно потерялъ всякій интересъ къ этой войнѣ. Съ одной стороны, тѣ лавры, которыхъ искала Франція, были завоеваны вмѣстѣ съ Севастополемъ, удовлетворяя національное самолюбіе; съ другой—все сильнѣе пробуждались въ общественномъ мнѣніи надежды на скорый миръ, тѣмъ болѣе, что для массы политическій смыслъ Восточной войны никогда не былъ понятенъ [4]). При этомъ понесенныя Франціей жертвы и личныя и матеріальныя были очень велики, а ими былъ пріобрѣтенъ одинъ только реальный результатъ для Франціи, насколько онъ могъ ея непосредственно касаться—разрушеніе русскаго

[1]) Fr. Charles-Roux. Alexandre II. Gortschakof et Napoleon III. Paris. Plon. 1913, p. 16.
[2]) jd. p. 39.
[3]) Em. Ollivier. L'Empire liberal. Paris. Garnier. V. III., p. 327.
[4]) Fr. Charles-Roux, Id. p. 33.

Черноморскаго флота; всѣ же остальныя выгоды могли быть только для Англіи. При такихъ условіяхъ Императоръ Наполеонъ рѣшился, оберегая свой союзъ съ Англіей, стать на путь такого примиренія съ Россіей, который открывалъ бы возможность постепенно съ нею сблизиться на почвѣ обоюдныхъ интересовъ и одновременно выдвинуть на первый планъ тотъ затаенный замыселъ, который издавна былъ руководящимъ, хотя и скрытымъ, мотивомъ его политики и который въ сущности былъ рѣшающимъ моментомъ при объявленіи Восточной войны. [1]). Онъ открыто обратился къ осуществленію своей всегдашней мечты «принципа національности». Скомпрометировавъ Австрію въ глазахъ Россіи и тѣмъ самымъ разорвавъ ихъ старинную связь, но не связавъ себя съ нею, введя Сардинію въ коалицію сначала чтобы успокоить Австрію за ея западный фронтъ, а затѣмъ, чтобы при окончательныхъ разсчетахъ поставить ихъ въ европейскомъ совѣщаніи на равныхъ правахъ, но лицомъ къ лицу, Императоръ Наполеонъ подготовлялъ борьбу за итальянское единство. Какъ первый шагъ въ этомъ направленіи, явилась національзація романской вѣтви на Востокѣ—объединеніе Молдавіи и Валахіи.

Ровно черезъ годъ послѣ того знаменательнаго 6-го засѣданія Вѣнской конференціи, въ которомъ Франція впервые выступила на этотъ путь, собравшійся въ Парижѣ Конгрессъ [2]), по странной случайности, также въ 6-мъ своемъ засѣданіи 8 марта 1856 г. [3]), приступилъ къ обсужденію первой изъ тѣхъ четырехъ гарантій, или перваго изъ четырехъ пунктовъ мирнаго соглашенія, которые были выработаны въ Вѣнѣ и приняты Россіей.

Предсѣдатель Конгресса, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ и первый уполномоченный Франціи гр. Валевскій, исходя не изъ того постановленія Вѣнской конференціи, которымъ единогласно были намѣчены главныя основанія будущаго устройства княжествъ Молдавіи и Валахіи, а изъ предложенія, дополнительно сдѣланнаго представителемъ Франціи въ засѣданіи 28 марта 1855 г. и признаннаго тогда конференціей, по указаннымъ выше соображеніямъ, неподлежащимъ разсмотрѣнію, заявилъ Конгрессу, что прежде чѣмъ переходить къ предмету его занятій, стоящему на очереди, надлежитъ предварительно и окончательно высказаться по вопросу, имѣющему, въ данномъ случаѣ, рѣшающее значеніе, а именно: должны ли Княжества Молдавіи и Валахіи быть соединены въ одно княжество, или же каждое изъ нихъ должно попрежнему управляться отдѣльно? Принимая во вниманіе, что такое объединеніе этихъ княжествъ отвѣчаетъ вполнѣ на-

[1]) Em. Ollivier., Id., p. 279.

[2]) Уполномоченными на Конгрессѣ были: Франціи—гр. Валевскій и Буркене; Австріи: Буоль-Шауенштейнъ и Гюбнеръ; Англіи—гр. Кларендонъ и Коулей; Пруссіи (съ 10 засѣданія): бар. Мантейфель и гр. Гацфельдтъ; Россіи: Кн. Орловъ и бар. Брунновъ; Турціи: Аали-Паша и Мегемедъ-Джемиль; Сардиніи—гр. Кавуръ и Де-Вилламарина.

[3]) Protocoles du Congrès de Paris—№ VI.

стоятельной потребности, вызываемой ихъ жизненными интересами, гр. Валевскій полагалъ желательнымъ, чтобы Конгрессъ его призналъ и провозгласилъ. На этотъ разъ членамъ Конгресса нельзя было, какъ сдѣлала Конференція, принять это заявленіе къ свѣдѣнію и приложить къ протоколу. Въ словахъ гр. Валевскаго слышался Императоръ Наполеонъ и на поставленный совершенно опредѣленно и ясно вопросъ приходилось отвѣчать. Къ предложенію гр. Валевскаго первымъ присоединился гр. Кларендонъ указавъ, что въ данномъ случаѣ представляетъ особое значеніе возможность сообразоваться съ дѣйствительными желаніями населенія. Графъ Кавуръ, съ своей стороны обратилъ вниманіе собранія на то, что стремленіе населенія къ объединенію княжествъ нашло выраженіе даже въ одномъ изъ параграфовъ органическаго статута и что такимъ образомъ этотъ вопросъ является какъ бы отчасти предрѣшеннымъ.

Но иначе отнеслись къ нему уполномоченные Турціи и Австріи. Аали-Паша, сомнѣваясь въ наличности какихъ-либо основаній для проектируемаго соединенія княжествъ, съ отдаленныхъ временъ жившихъ каждое своей отдѣльной жизнью, вполнѣ объясняемой различіемъ нравовъ и обычаевъ, выразилъ убѣжденіе, что всѣ стремленія къ объединенію, проявившіяся за послѣднее время и на которыя вообще ссылаются, суть единичныя выступленія отдѣльныхъ лицъ, преслѣдующихъ личные интересы, и отнюдь не отвѣчаютъ дѣйствительнымъ желаніямъ населенія. Гр. Буоль, подтверждая мнѣніе Турецкаго уполномоченнаго, находилъ, что, такъ какъ населеніе княжествъ по такому важному для его судьбы предмету не было запрошено, а между тѣмъ извѣстно какъ каждая самостоятельная политическая единица ревниво охраняетъ свою автономію, можно a-priori утверждать, что Молдавія и Валахія желаютъ прежде всего сохранить независимость своихъ княжествъ.

Въ дальнѣйшихъ преніяхъ уполномоченные Франціи указывали на то, что имѣются несомнѣнныя данныя, по которымъ можно считать проявленное въ княжествахъ желаніе къ ихъ объединенію всеобщимъ, такъ какъ такое объединеніе вполнѣ отвѣчаетъ ихъ настоящему положенію и должно будетъ явиться залогомъ ихъ внутренней и внѣшней силы и что со стороны Франціи именно этотъ вопросъ былъ уже поднятъ на конференціяхъ въ Вѣнѣ, а съ того времени не было нигдѣ какихъ-либо проявленій, которыя бы свидѣтельствовали объ отрицательномъ отношеніи къ нему населенія Молдавіи и Валахіи. Но гр. Буоль считалъ свѣдѣнія о настроеніяхъ, существующихъ по этому вопросу въ княжествахъ, не представляющими достаточной степени достовѣрности и находилъ, что, во всякомъ случаѣ, мнѣніе уполномоченнаго Турціи, являющагося наиболѣе компетентнымъ судьей въ этомъ вопросѣ, всего ближе могущимъ знать дѣйствительныя нужды и потребности населенія обоихъ Княжествъ, должно быть принято въ серьезное вниманіе. При этомъ онъ считаетъ необходимымъ напомнить, что великія державы прежде всего призваны охранять права и привилегіи Княжествъ, изъ коихъ однимъ изъ главнѣйшихъ является право самоупра-

вленія и что въ виду сего навязывать имъ объединеніе было бы несомнѣннымъ нарушеніемъ этого права.

Пренія, получившія необычную для мирнаго теченія переговоровъ остроту, какъ бы заключилъ кн. Орловъ, заявивъ кратко, но опредѣленно, что уполномоченные Россіи, знакомые хорошо съ нуждами и желаніями населенія обоихъ княжествъ, поддерживаютъ предложеніе Франціи, усматривая въ объединеніи Молдавіи и Валахіи благопріятное условіе къ ихъ дальнѣйшему развитію и процвѣтанію.

Пришлось, однако, въ виду заявленій Аали-Паши, что представители Турціи не уполномочены входить въ объясненія по этому предмету, и уполномоченныхъ Австріи, что у нихъ не имѣется надлежащихъ для сего инструкцій, отложить дальнѣйшія сужденія до полученія таковыхъ.

Тѣмъ не менѣе случилось то, чего тѣ, которые плохо вѣрили въ прочность коалиціи сложившейся во время Восточной войны противъ Россіи, такъ опасались. Князь Орловъ, говоритъ тотъ же Тувенель, поступилъ какъ тонкій дипломатъ; присоединяясь къ предложенію гр. Валевскаго, онъ нанесъ первый ударъ коалиціи пятерыхъ, которая унизила Россію Императора Николая [1]). И дѣйствительно, такое выступленіе представителя Россіи явилось неожиданнымъ для большинства членовъ Конгресса, не исключая, можетъ быть, и французскихъ, такъ какъ объединеніе Дунайскихъ княжествъ носило, по мотивамъ, высказаннымъ еще на Конференціи, характеръ преграды русскому движенію на Востокъ. Но оно объяснялось уже той иной атмосферой, въ которой происходилъ Конгрессъ, сравнительно съ Вѣнскими Конференціями. Здѣсь вполнѣ ясно обрисовывалась для Россіи перспектива сближенія съ Франціей и Сардиніей, при участіи Пруссіи, представители коей, при послѣдовавшемъ появленіи ихъ на конгрессѣ, тотчасъ же вошли въ составъ этой новой группы. При этихъ условіяхъ образованіе одного Дунайскаго княжества изъ двухъ, если бы даже могло вызывать со стороны Россіи нѣкоторыя опасенія, главнымъ образомъ въ виду болѣе чѣмъ вѣроятнаго появленія во главѣ ихъ, въ ближайшемъ будущемъ, иностраннаго принца, а съ нимъ и не всегда желательнаго, можетъ быть, вліянія, во-первыхъ, теряло ту остроту угрозы, которую оно первоначально имѣло, во-вторыхъ, въ сущности уже давно предусматривалось Россіей, а главное должно было вызвать тотчасъ несомнѣнно рѣзкую и тѣмъ болѣе благопріятную для Россіи борьбу между ея врагами. Борьба эта не заставила себя ждать. Но сначала Конгрессу нужно было покончить съ этимъ вопросомъ.

Въ засѣданіи 10 марта гр. Валевскій, выразивъ опасенія, что подробная разработка будущей организаціи княжествъ могла бы задержать дальнѣйшія занятія Конгресса, предложилъ включить въ мирный договоръ лишь основныя положенія, съ тѣмъ, чтобы засимъ между державами была заключена

---

[1]) J. Thouvenel. Pages de l'histoire etc., p. 250.

спеціальная конвенція по этому вопросу. Для выработки редакціи этихъ положеній тутъ же была избрана Комиссія въ составѣ первыхъ представителей Турціи и Австріи и второго представителя Франціи. Результатъ ея работы подвергся подробному разсмотрѣнію Конгресса въ засѣданіи 14 марта [1]), въ которомъ и были установлены слѣдующія руководящія начала по отношенію къ княжествамъ.

Никакого исключительнаго права на покровительство Дунайскимъ Княжествамъ впредь никому не будетъ принадлежать ни въ смыслѣ особой гарантіи, ни въ видѣ права на особое вмѣшательство во внутреннія ихъ дѣла. Они будутъ продолжать пользоваться всѣми имъ нынѣ принадлежащими правами и преимуществами подъ сузеренитетомъ Высокой Порты и общей гарантіей Европы. При предстоящемъ пересмотрѣ дѣйствующихъ въ нихъ законовъ и статутовъ Высокая Порта всецѣло сохранитъ въ Княжествахъ независимое, національное управленіе, а равно и полную свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства. Для установленія между ними тѣснѣйшей связи при предстоящемъ пересмотрѣ законовъ и статутовъ, Особая Комиссія, относительно состава которой послѣдуетъ надлежащее соглашеніе договаривающихся сторонъ, безотлагательно соберется въ Бухарестѣ при участіи комиссара Высокой Порты. На эту Комиссію возлагается обязанность всесторонно выяснить настоящее положеніе княжествъ и разработать основанія ихъ будущаго устройства. Его Величество Султанъ приглашается немедленне, въ каждой изъ провинцій, созвать Диванъ [2]) ad hoc, составленный порядкомъ, могущимъ обезпечить возможно полное представительство интересовъ всѣхъ классовъ населенія и призванный къ выраженію дѣйствительныхъ желаній населенія относительно будущаго, окончательнаго устройства княжествъ. Особая инструкція Конгресса установляетъ порядокъ взаимныхъ сношеній Комиссіи и Диванов. Результатъ порученной ей работы, при которомъ должны быть приняты во вниманіе постановленія Диванов, Особая Комиссія въ возможно скорѣйшемъ времени представитъ Конференціи, имѣющей заняться этимъ вопросомъ. Окончательное соглашеніе по таковому съ Высокой Портой, какъ сузереномъ, составитъ предметъ особой Конвенціи, имѣющей быть заключенной между договаривающимися сторонами и особый Гатти-Шерифъ, соотвѣтствующій содержанію означенной Конвенціи, явится учредительнымъ актомъ будущаго устройства княжествъ, отнынѣ поступающихъ подъ общую гарантію всѣхъ державъ, подписавшихъ мирный договоръ. Въ княжествахъ будетъ образовано національное войско, предназначаемое для охраны внутренняго порядка и защиты границъ. Никто не можетъ препятствовать тѣмъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, къ которымъ княжества, по соглашенію съ Высокой Портой, могутъ прибѣгать для отраженія иноземнаго на нихъ нападенія.

---

[1] Protocoles da Congrès, № IX.

[2]) Собраніе представителей созванное со спеціальной цѣлью.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда что-либо будетъ угрожать внутреннему порядку въ княжествахъ, гарантирующія державы войдутъ въ соглашеніе съ Портой относительно мѣръ, необходимыхъ для сохраненія или водворенія нарушеннаго порядка. Никакое вооруженное вмѣшательство не можетъ имѣть мѣста безъ предварительнаго, между этими державами, соглашенія.

Наконецъ, Конгрессъ въ засѣданіи 8 апрѣля, послѣ обмѣна мнѣній по вопросу о томъ, насколько оставленіе на мѣстахъ нынѣ правящихъ Молдавіей и Валахіей Господарей можетъ повліять на свободу сужденій созываемыхъ Диванов, предоставилъ его разрѣшеніе усмотрѣнію Порты и утвердилъ инструкцію командируемой въ Бухарестъ международной Комиссіи.

Этимъ завершились труды Конгресса по отношенію къ первому пункту или первой гарантіи и вышеприведенныя его постановленія, предрѣшавшія судьбу Дунайскихъ Княжествъ, вошли въ §§ 23—27 Парижскаго трактата 30 марта 1856 г.

II.

По закрытіи Парижскаго Конгресса, будущее Дунайскихъ Княжествъ, оставаясь въ рукахъ Парижской Конференціи пословъ, участвовавшихъ на Конгрессѣ державъ, какъ верховной инстанціи, призванной окончательно разрѣшать всѣ споры и недоразумѣнія, могущія возникнуть при приведеніи въ исполненіе постановленія Конгресса, было тѣмъ не менѣе поставлено всецѣло въ зависимость отъ результатовъ той борьбы, которая теперь изъ Парижа была перенесена въ Константинополь.

Правительство Султана, которому не безъ нѣкотораго основанія, казалось, что положеніе, созданное для Турціи рѣшеніями Конгресса, касающимися Молдавіи и Валахіи, какъ будто не совсѣмъ отвѣчало тѣмъ цѣлямъ, которыя Европа преслѣдовала, вооружившись на защиту непрекосновенности и независимости Турецкой Имперіи, стало искать такого выхода, который былъ бы сопряженъ съ наименьшими жертвами. Для своего протеста оно думало найти надлежащую силу въ томъ новомъ настроеніи, которое стало проявляться въ странѣ по отношенію къ Европѣ вообще со времени только что окончившейся Восточной войны. Съ одной стороны, народъ и старые Османы, видя кругомъ себя иностранныя арміи, проходящія черезъ владѣнія Султана и занимающія цѣлыя области, отчаявались въ судьбѣ своей страны и приходили къ убѣжденію, что Царству Османлисовъ пришелъ конецъ и что старые правовѣрные падишахи всѣ подъ землей, не оставивъ послѣ себя преемника. Новыми господами, по ихъ мнѣнію, сдѣлались франки, какъ турки называли всѣхъ западныхъ иностранцевъ, при содѣйствіи турокъ, одѣвшихъ черные сюртуки, едва соблюдающихъ внѣшніе обряды Корана и являющихся несомнѣнными измѣнниками Богу, національнымъ традиціямъ, прошлому Османовъ и будущему Ислама. А съ другой стороны, этотъ, внѣшне объевропеившійся чиновный классъ и все представлявшее мѣстную интеллигенцію, находившуюся у

власти, пьющіе шампанское и устраивавшіе свой домъ на европейскій ладъ, вслѣдствіе своего за послѣднее время болѣе близкаго общенія съ западными защитниками Турціи и ея покровителями, все болѣе укрѣплялись въ убѣжденіи, что искуснымъ обхожденіемъ съ нѣсколько наивными франками, старая Турція можетъ быть омоложена и укрѣплена. Имъ казалось, что при извѣстной стойкости и умѣніи пользоваться обстоятельствами, на почвѣ еще глубокой преданности массы населенія старымъ завѣтамъ, все стремящееся къ отпаденію отъ Имперіи можетъ быть опять сплочено и, при строго проведенномъ централизмѣ, и Сербія, и Молдавія съ Валахіей, и Черногорія, и Ливанъ должны вновь стать неразрывно связанными частями одного органическаго цѣлаго [1]). И всего этого они достигнуть разсчитывали при непосредственной помощи тѣхъ же франковъ. Какъ они ни были имъ тяжелы своей опекой и заботами о благоденствіи Турціи — бороться открыто съ ними было нельзя. Хотя, по словамъ Тувенеля, «шесть Меншиковыхъ сдѣлали бы Турціи меньше вреда, чѣмъ одинъ Страффордъ-Каннингъ [2]), и если бы дѣло зависѣло отъ турокъ, то миръ былъ бы заключенъ гораздо раньше, такъ какъ они, кажется, не мало радуются при мысли, что скоро освободятся отъ своихъ друзей, арміи которыхъ начинаютъ постепенно очищать турецкую территорію» [3]), тѣмъ не менѣе съ друзьями нужно было считаться. Но считаясь, необходимо прежде всего всесторонне пользоваться тѣмъ для всѣхъ очевиднымъ разладомъ, который существуетъ между франками. Турки его подмѣтили уже во время войны; онъ на ихъ глазахъ усиливался во время мирныхъ переговоровъ и на Конгрессѣ и уже дошелъ почти до разрыва, какъ увидимъ дальше, въ то время, когда представители гарантирующихъ державъ въ Константинополѣ, совмѣстно съ назначенными въ Княжества европейскими комиссарами, ожидали перваго акта по отношенію къ княжествамъ—изданія султанскаго ираде о созваніи Дивановъ ad hoc. Завязавшаяся борьба между посломъ Франціи, поддерживаемымъ посланниками Россіи, Пруссіи и Сардиніи съ одной стороны, и послами Англіи и Австріи, всецѣло ставшими на сторону Порты, отражала характеръ создавшихся тогда отношеній между европейскими кабинетами, соотвѣтственно направлявшими дѣйствія своихъ представителей въ Константинополѣ.

Не останавливаясь здѣсь на подробностяхъ развитія того сложнаго процесса, который происходилъ въ этихъ взаимоотношеніяхъ, достаточно будетъ отмѣтить, что къ концу 1856 г. они именно были таковы, что вполнѣ оправдывали то недоумѣніе, которое такъ искренно выразилъ Тувенель въ своемъ письмѣ къ Бенедетти, приведенномъ нами въ началѣ настоящей статьи. Если бы онъ былъ болѣе въ курсѣ происходившаго въ Парижѣ и Петербургѣ, онъ понялъ бы, почему онъ оказался рядомъ съ представителемъ бывшаго врага—Россіи, противъ представителей все еще

[1]) Iorga. Geschichte des Osmannischen Reichs. B. V, S. 489.
[2]) Англійскій носокъ въ Константинополѣ.
[3]) L. Thouvenel. Pages de l'histoire etc. Pp. 183, 212.

считающихся союзниками—Англіи, Франціи и Турціи. Такая группировка не могла не сложиться при явномъ стремленіи Франціи къ сближенію съ Россіей, охотно шедшей ему навстрѣчу, но которому не только не могли сочувствовать, но котораго боялись и Англія, и Австрія, и Турція. Первая потому, что такое сближеніе съ врагомъ, съ которымъ она нехотя примирилась, ослабляло ея связь съ Франціей, вторая потому, что начинала чувствовать свое одиночество и справедливо опасалась мести Россіи, которую никогда не переставала бояться, третья потому, что главная ея защитница перешла на сторону традиціоннаго страшнаго врага и какъ бы ему ее предавала. Вмѣстѣ съ тѣмъ идея объединенія Княжествъ, уже заставившая насторожиться Австрію, была для послѣдней какъ бы только первымъ шагомъ на тернистомъ пути, уготовляемомъ ей Императоромъ Наполеономъ, въ послѣднемъ засѣданіи Парижскаго Конгресса поставившимъ вопросъ объ астрійской Италіи и тѣмъ самымъ открыто пріобщившимъ ко всѣмъ дальнѣйшимъ своимъ политическимъ шагамъ и другого врага Австріи—Сардинію. Если, по мнѣнію Э. Оливье, Восточная война была для Императора Наполеона только средствомъ къ осуществленію никогда не покидавшей его мечты объ освобожденіи Италіи отъ австрійцевъ [1]), то участіе Сардиніи въ этой войнѣ имѣло ту же затаенную но вполнѣ опредѣленную цѣль, достиженіе которой было возможно только при содѣйствіи Франціи; этого гр. Кавуръ никогда не скрывалъ.

При такомъ сочетаніи интересовъ, Восточный вопросъ, неприкосновенность Турецкой Имперіи, все то, изъ за чего только что было пролито столько крови, для Франціи все болѣе и болѣе отходили на второй планъ, оставаясь для самой Турціи, Англіи и Австріи на первомъ. Императоръ Наполеонъ помогалъ Россіи, своей будущей союзницѣ въ предстоящей войнѣ съ Австріей, достигнуть наиболѣе благопріятныхъ результатовъ во всѣхъ спорахъ, возникавшихъ по поводу постановленій Парижскаго трактата, доходилъ въ этихъ случаяхъ до весьма рѣзкихъ пререканій съ Англійскимъ и Австрійскимъ правительствами и совершенно не заботился о судьбѣ Турціи, которую твердо былъ намѣренъ заставить прежде всего признать соединеніе Княжествъ, въ условіяхъ почти полной ихъ независимости. Положеніе Россіи было особенно благопріятно. Близкая связь съ Франціей могла въ надлежащій моментъ сослужить ей весьма полезную службу въ дальнѣйшемъ фазисѣ того же Восточнаго вопроса; въ вопросѣ же устройства Княжествъ, идя рука объ руку съ Франціей, она предоставляла ей вести борьбу за принципъ, въ сущности еще въ 1832 г. Россіей же, если не провозглашенный, то, несомнѣнно, преднамѣченный. Англія не могла измѣнить своей излюбленной роли защитницы Турціи противъ Россіи и въ требованіяхъ Франціи относительно Княжествъ усматривала прежде всего нарушеніе правъ сузеренита Турціи и такъ же, какъ Австрія, провидѣла

[1]) E. Ollivier. L'Empire. liberal. V. 3, p. 279.

въ объединенной Румыніи политическое орудіе для Россіи. Уже въ сентябрѣ 1856 г. лордъ Пальмерстонъ говорилъ французскому послу, что если бы, съ одной стороны, Россія не согласилась такъ скоро на объединеніе Княжествъ, а съ другой—это предложеніе не встрѣтило столь рѣзкаго протеста со стороны Турціи, онъ бы не возражалъ противъ высказаннаго на Конгрессѣ благопріятнаго объединенію мнѣнія лорда Кларендона. Но онъ теперь его рѣшительно не можетъ раздѣлять, такъ какъ не понимаетъ, какимъ образомъ союзныя въ послѣдней войнѣ державы, взявшись за оружіе на защиту Турціи, будутъ теперь ее заставлять соглашаться на такой шагъ, который она считаетъ для себя гибельнымъ. Становиться въ вопросѣ, столь близко касающемся достоинства Турціи, противъ нея—это значитъ совершенно отрицать причины послѣдней войны, и дѣлать то же, что хотѣли сдѣлать русскіе, т. е. угрожать Турціи, а не покровительствовать ей» [1]). Точка зрѣнія Австріи на тотъ же вопросъ всего лучше выражена австрійскимъ посломъ бар. Прокешъ-Остеномъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Тувенелю: «Въ письмѣ Вашемъ отъ третьяго дня Вы выразили мнѣніе, что соединеніе обоихъ княжествъ является единственнымъ, желательнымъ разрѣшеніемъ вопроса. Но вѣдь такое государство, посреди трехъ своихъ сосѣдей явится Швейцаріей для Австріи, новымъ чрезвычайно сильнымъ орудіемъ въ рукахъ Россіи противъ Австріи и Турціи и колòмъ, вбитымъ въ тѣло этой послѣдней. Послѣ такого потворства притязаніямъ румынъ возможно ли допустить, чтобы они этимъ ограничились? Это было бы противно человѣческой природѣ: они скоро нашли бы, что турецкій сузеренитетъ несправедливъ и постыденъ и что страна ихъ слишкомъ мала. Отсюда стремленіе къ созданію независимаго государства, въ составъ котораго должны будутъ войти Буковина, Румынская часть Трансильваніи и Банатъ. Хороша перспектива для Австріи! Хорошъ примѣръ для Сербіи! а еще лучшій случай для всякихъ поползновеній Россіи, на помощь которой они всегда будутъ разсчитывать для достиженія своихъ цѣлей» [2]). Еще болѣе ярко выразилась противоположность взгляда на Восточный вопросъ вообще, существовавшая тогда между Франціей и Австріей, въ томъ объясненіи, которое австрійскій посолъ далъ Императору Наполеону, жаловавшемуся во время одного разговора въ 1857 г., что Австрія всюду ему ставитъ препятствія и въ особенности въ Княжествахъ. «Каждое государство», сказалъ бар. Гюбнеръ, «руководится въ своей политикѣ извѣстнымъ, опредѣленнымъ принципомъ, отъ котораго не можетъ отступиться. У Австріи онъ заключается, во-первыхъ, въ уваженіи неприкосновенныхъ правъ монарховъ и, во-вторыхъ, въ непризнаніи претензій отдѣльныхъ національностей на образованіе самостоятельныхъ политическихъ единицъ» [3]). Съ своей стороны, гр. Валевскій

[1]) Em. Ollivier., Id., p. 407.

[2]) L. Thouvenel. Trois années de la question d'Orient. p. 6.

[3]) Hübner, Neuf ans de Souverirs d'un Ambassadeur d'Autriche à Paris.—Paris. Plon. vol. 2. p. 164.

немало удивилъ того же бар. Гюбнера, сказавъ ему, нѣсколько позже, что, «въ сущности, Императоръ Николай Павловичъ былъ совершенно правъ, говоря, что человѣкъ этотъ (Турція) очень боленъ». На замѣчаніе Гюбнера, что тѣми средствами, которыми Франція собирается его лечить, онъ, конечно, скоро и навсегда излечится отъ своихъ страданій, Валевскій добавилъ, что какъ бы то ни было «Турція исчезнетъ прежде, чѣмъ мы съ вами посѣдѣемъ».—«Но тогда что же—война!», невольно воскликнулъ Гюбнеръ.—«Нѣтъ», заключилъ Валевскій, «вѣроятно, разрѣшеніе этого вопроса посредствомъ взаимнаго соглашенія державъ [1]).

А въ то же время, какъ бы въ отвѣтъ на это мнѣніе о Турціи, Фуадъ-Паша говорилъ одному изъ пословъ въ Константинополѣ: «Вы насъ считаете очень хрупкими. Ошибаетесь, мы прочнѣе, чѣмъ вы думаете, и сила наша въ вашей розни» [2]).

И силу эту правительство Султана стало проявлять, съ одной стороны, въ томъ, что затягивало изданіе Ираде, созывающаго Диваны ad hoc, а съ другой—принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы подготовить благопріятную почву въ самихъ Княжествахъ для отрицательнаго отвѣта на вопросъ о соединеніи. Прежде всего, оно воспользовалось предоставленнымъ ему Конгрессомъ правомъ и, ссылаясь на очевидно уже потерявшую всякое значеніе, въ числѣ всѣхъ другихъ, ранѣе заключенныхъ Россіей съ Турціей трактатовъ и конвенцій, конвенцію въ Балта-Лиманѣ 1849 г., согласно которой господари назначались на семь лѣтъ, смѣстило господарей въ обоихъ княжествахъ, замѣнивъ ихъ каймакамами (губернаторами), назначивъ въ Молдавію Бальша, а въ Румынію Гику. За послѣдовавшей черезъ нѣсколько мѣсяцевъ смертью Бальша, его мѣсто занялъ князь Вогориди. Не только поддерживаемые, но и подстрекаемые изъ Константинополя новымъ великимъ визиремъ Решидъ-Пашой, ставленникомъ Англійскаго посла Страффорда-Каннинга, оба они, въ особенности же Вогориди, предавались всевозможнымъ самоуправствамъ, стараясь терроризировать населеніе чрезъ посредство своихъ агентовъ и чиновниковъ. Если въ Бухарестѣ, благодаря прибывшей туда въ концѣ 1856 г. международной комиссіи [3]) и отчасти большой осторожности кн. Гики, общее положеніе дѣлъ было сравнительно терпимо, то въ Молдавіи дѣйствія мѣстнаго каймакама вызывали жалобы со всѣхъ сторонъ. Князь Вогориди, зная то всемогущее вліяніе, которое имѣли на Порту Англійскій и Австрійскій представители, увѣренъ былъ въ безнаказанности всѣхъ своихъ дѣйствій. И онъ имѣлъ къ тому достаточныя основанія. Французскій консулъ въ Яссахъ, получивъ случайно въ свои руки письмо ближайшаго довѣреннаго лица Решидъ-Паши къ кн. Вогориди,

[1]) Id., p. 211.

[2]) Jorga. Id. 491.

[3]) Въ составъ комиссіи входили комиссары: Французскій—бар. Талейранъ, Англійскій—Сэнъ Генри Бульверъ, Русскій—д. с. с. Базили, Прусскій—бар. Рихтофенъ, Австрійскій—Гедель.

сообщилъ его послу въ Константинополѣ Тувенелю. «Вотъ въ чемъ заключается въ настоящую минуту политика Турціи», пишетъ довѣренный великаго визиря, «она требуетъ, чтобы Ваше Превосходительство энергично дѣйствовали противъ соединенія Княжествъ, но безъ шума и, главное, тщательно скрывая, что вы получаете отъ Порты такого рода указанія, такъ какъ Высокая Порта обязана, въ виду своихъ отношеній къ иностраннымъ державамъ, соблюдать особую осторожность. Послы Англіи и Австріи надняхъ подробно обсудили съ великимъ визиремъ всѣ мѣры, которыя надлежитъ принимать, чтобы противодѣйствовать соединенію Княжествъ. Я, съ своей стороны, употреблю всѣ усилія, чтобы опровергнуть аргументы г. Тувенеля, постоянно выступающаго съ жалобами на ваше управленіе. Но будьте особенно осторожны въ вашихъ бесѣдахъ съ французскимъ консуломъ» [1]).

Къ январю 1857 г. въ княжествахъ былъ, наконецъ, полученъ фирманъ, созывающій Диваны ad hoc и установленъ порядокъ выборовъ въ нихъ депутатовъ, разработанный Тувенелемъ.

Диваны должны были составляться изъ депутатовъ—отъ пяти классовъ избирателей. Первый, состоящій изъ епископовъ, настоятелей монастырей и настоятелей церквей, посылалъ двухъ свѣтскихъ депутатовъ, избираемыхъ сообща первыми двумя категоріями и одного отъ каждой епархіи, избираемыхъ третью. Второй классъ состоялъ изъ бояръ и сыновей бояръ, не моложе 30 лѣтъ крупныхъ землевладѣльцевъ; третій изъ мелкихъ землевладѣльцевъ; четвертый заключалъ въ себѣ сельскія общины, а пятый города, въ которыхъ избиратели въ свою очередь подраздѣлялись на четыре разряда. Въ послѣднихъ трехъ классахъ выборы были двухстепенные. Началась подготовка выборовъ въ атмосферѣ противуположныхъ вліяній каймакамовъ и Турецкаго комиссара, имѣвшаго скрытую поддержку Англійскаго и Австрійскаго комиссара съ одной стороны и комиссаровъ Франціи и Россіи—съ другой, опиравшихся на общественное мнѣніе въ обоихъ княжествахъ. А это послѣднее стояло все за соединеніе. Бар. Талейранъ, объѣхавшій за это время значительную часть Валахіи и Молдавіи, писалъ своему послу, что «мечта о соединеніи въ каждомъ честномъ сердцѣ» [2]). Оно иначе и быть не могло. Мечта эта зародилась давно и первые ея проблески можно найти въ движеніи 1821 г. Въ 30-хъ годахъ мы встрѣчаемъ въ проектахъ либеральной партіи уже предположенія о федераціи свободной Румыніи съ Сербіей, а въ революціонный періодъ, пережитый княжествами въ 1848 г., идея объединенія являлась господствующей. Несомнѣнно также, что и условія Адріанопольскаго мира, устанавливавшія пожизненныхъ господарей и Органическій Статутъ гр. Киселева, создавшій однородное управленіе въ княжествахъ, весьма способствовали направленію умовъ и стремленій къ

---

[1]) Thouvenel. Trois années. p. 112.
[2]) Thouvenel. Id. p. 91.

той же цѣли. Во всякомъ случаѣ, Россія гораздо раньше Императора Наполеона стала на тотъ путь, на которомъ теперь приходилось преодолѣвать столько препятствій. Въ Валахіи, гдѣ международный надзоръ былъ ближе, избирательные списки были составлены если не безъ ошибокъ, то безъ особыхъ правонарушеній. Но въ Молдавіи была произведена такая вопіющая подтасовка, что жалобы посылались сотнями со всѣхъ сторонъ и самъ митрополитъ обратился къ комиссарамъ, прося защиты. Французскій и русскій послы потребовали отъ Порты отсрочки выборовъ для выясненія недоразумѣній. Но хотя таковая и была въ Константинополѣ допущена, однако кн. Вогориди выборы произвелъ. Какъ и слѣдовало ожидать, почти никто на нихъ не явился.

Такое поведеніе со стороны Турецкаго правительства, одобрившаго дѣйствія Молдавскаго каймакама, переполнило чашу терпѣнія Франціи. Вслѣдствіе донесенія Тувенеля о всемъ происшедшемъ, ему было приказано потребовать немедленной отмѣны Молдавскихъ выборовъ. На этой почвѣ отношенія между Франціей и противудѣйствовавшими ей Англіей и Австріей настолько обострились не только въ Константинополѣ, но и въ Парижѣ и Лондонѣ, что предстоялъ открытый разрывъ. Въ Лондонѣ почувствовали необходимость найти какой-нибудь выходъ изъ угрожающаго положенія и возбудили въ Парижѣ мысль о посѣщеніи Императоромъ Наполеономъ Королевы Викторіи въ Осборнѣ. Предложеніе было принято, но тѣмъ не менѣе въ день своего выѣзда изъ Парижа, 5 августа, Императоръ Наполеонъ предписалъ Тувенелю прервать съ Портой дипломатическія сношенія. Насталъ моментъ, котораго, конечно, за годъ передъ тѣмъ никто предвидѣть не могъ. 6 августа 1857 г. одновременно на посольствахъ французскомъ, русскомъ, сардинскомъ и прусскомъ были спущены флаги. Франція совмѣстно съ тою державой, отъ завоевательныхъ замысловъ которой она три года тому назадъ рѣшилась защищать Турцію, теперь открыто отказывалась отъ нея и стоявшихъ за нее своихъ прежнихъ союзниковъ. Россія едва ли могла разсчитывать на такое нравственное возмездіе за Парижскій трактатъ.

Но одновременно съ такимъ рѣшительнымъ выступленіемъ Франціи на Босфорѣ, Императоръ Наполеонъ и гр. Валевскій старались въ переговорахъ, которые велись въ Осборнѣ, найти почву примиренія съ Англіей. Имъ было ясно, что для предупрежденія полнаго съ ней разрыва необходимо отказаться отъ осуществленія первоначальной программы относительно Княжествъ. За согласіе Англійскаго правительства присоединиться къ требованію объ отмѣнѣ Молдавскихъ выборовъ, пришлось уступить въ вопросѣ о соединеніи обоихъ Княжествъ въ одно подъ управленіемъ одного лица, каковы бы ни были постановленія Дивановъ. Оставалась надежда добиться все-таки на предстоящей конференціи общаго для обоихъ княжествъ представительства, законодательства и войска.

Изъ Осборна Тувенель получилъ сначала распоряженіе пріостановиться отъѣздомъ изъ Константинополя, а засимъ извѣщеніе о томъ, что сэру

Страффорду-Каннингу приказано также потребовать отмѣны Молдавскихъ выборовъ, что и послѣдовало 23 августа. Въ дальнѣйшемъ, послѣ новыхъ, правильно произведенныхъ выборовъ и Молдавскій Диванъ могъ приступить къ разрѣшенію возложенной на него задачи.

Оба Дивана окончили свою работу въ январѣ 1858 г., высказавшись Валашскій единогласно, а Молдавскій 81 голосами противъ 2, за соединеніе обоихъ княжествъ въ одно нейтральное государство, автономное, но вассальное по отношенію къ Портѣ, подъ управленіемъ наслѣдственнаго и конституціоннаго иностраннаго князя.

При этомъ первый принялъ рядъ резолюцій, касающихся внутреннихъ реформъ, а второй призналъ необходимымъ пріостановиться разсмотрѣніемъ органическихъ законовъ до того, пока Парижская конференція не выскажется относительно основного положенія.

Теперь окончательное рѣшеніе принадлежало опять европейскому ареопагу. Но вопросъ пріобрѣлъ тѣмъ большую остроту, что онъ ставился въ совершенно опредѣленной формѣ ясно выраженныхъ Диванами пожеланій. Между тѣмъ, отношеніе къ этимъ пожеланіямъ, въ пользу которыхъ было употреблено столько усилій и велась такая упорная борьба, измѣнилось, благодаря уступкамъ, которыя за это время Франція сочла необходимымъ сдѣлать Англіи. Но это не помѣшало тому, чтобы все та же рознь, всецѣло отразившаяся также и въ докладѣ международной комиссіи, представленномъ конференціи и въ общемъ довольно безцвѣтномъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ съ мая по августъ 1858 г., не проявилась во всей своей силѣ и на конференціи. И опять ябикомъ раздора была все та же Россія. Въ Англійскомъ Парламентѣ Правительство, не стѣсняясь, заявило, что соединеніе княжествъ всецѣло ихъ передаетъ въ руки Россіи [1]). Австрійскій посолъ въ Константинополѣ въ разговорѣ съ своимъ французскимъ товарищемъ развертывалъ передъ нимъ такую картину будущаго: «разладъ, возникшій между великими державами, послѣ Парижскаго конгресса, нанесъ Турціи смертельный ударъ и Австрія была одна послѣдовательна въ своемъ систематическомъ противодѣйствіи Россіи во всемъ. Но, теперь, что Франція отъ такой политики отказалась, Англійская же политика зависитъ отъ парламентскихъ случайностей, Австріи ничего другого не остается, какъ во что бы то ни стало соединиться съ остальной Германіей и при ея содѣйствіи приготовиться къ паденію Турецкой Имперіи». Знайте, продолжалъ Бар. Прокешъ-Остенъ, «что мы не желаемъ имѣть Россію, въ какой бы то ни было формѣ, на нашихъ южныхъ славянскихъ границахъ. Для насъ это вопросъ жизни или смерти, одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, изъ за которыхъ можно драться двадцать лѣтъ». [2]). И какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, другой австрійскій посолъ, бар. Гюбнеръ, отмѣчаетъ въ

---

[1]) Id. p. 258.
[2]) Id. p. 259.

своемъ дневникѣ:—«У меня былъ баронъ Талейранъ, который только что пріѣхалъ изъ Бухареста. По его мнѣнію, въ княжествахъ вліяніе Россіи громадно и несомнѣнно еще увеличится, если державы не удовлетворятъ законныхъ желаній страны» [1]). Тѣмъ не менѣе тотъ же Гюбнеръ говоритъ, что представители Австріи, Англіи и Турціи получили строгое предписаніе противиться рѣшенію Дивановъ [2]). Турція, конечно, не измѣняла своей первоначальной точки зрѣнія, обѣщавъ, впрочемъ, согласиться въ концѣ концовъ съ тѣмъ, что будетъ рѣшено. Французскому послу въ Константинополѣ было поручено предупредить Порту, что если, несмотря на уступки, на которыя Франція, вѣроятно, признаетъ возможнымъ итти, она все-таки будетъ протестовать, то Французское правительство будетъ абсолютно поддерживать, во всякомъ случаѣ, категорическое требованіе Россіи, чтобы господари были избираемы самими княжествами, согласно органическому статуту 1832 г. [3]).

При этихъ условіяхъ, положеніе гр. Валевскаго, вновь несшаго обязанности предсѣдателя, было особенно трудно. При открытіи конференціи онъ не могъ не сдѣлать того предложенія, которое логически вытекало изъ рѣшенія Конгресса—санкціонировать постановленія Дивановъ, которые къ тому же вполнѣ отвѣчали желаніямъ Франціи и развѣ только въ одномъ отношеніи шли нѣсколько дальше, высказавшись за иностраннаго князя, вопросъ, котораго Конгрессъ не затрагивалъ. Но такое предложеніе было сдѣлано представителемъ Франціи какъ бы для очистки совѣсти. Онъ былъ уже связанъ соглашеніемъ, состоявшимся въ Осборнѣ и въ виду намѣреній Императора Наполеона сохранить добрыя отношенія къ Англіи, жертвуя тѣмъ, на чемъ онъ такъ настаивалъ первоначально, гр. Валевскій долженъ былъ тотчасъ же итти на уступки. Въ первомъ засѣданіи конференціи онъ внесъ «согласительный проектъ» (projet transactionel), составленный имъ совмѣстно съ Тувенеломъ, въ которомъ сохранялись сузеренитетъ султана, двойственность пожизненныхъ господарей и собраній, но создавался центральный комитетъ, общій для обоихъ княжествъ, въ составѣ восемнадцати членовъ, въ равномъ числѣ избираемыхъ двумя собраніями. Объ милиціи должны имѣть однородную организацію, общаго начальника, назначаемаго, центральнымъ комитетомъ, и общее знамя» [4]).

Но и эти, казалось, послѣ всего, что говорилось и писалось, вполнѣ пріемлемыя основанія встрѣтили со стороны Австріи въ особенности, Турціи и частью Англіи нескончаемый рядъ возраженій. Только цѣною чрезвычайныхъ усилій, мелочныхъ споровъ и постоянныхъ пререканій, гр. Валевскому при энергичной поддержкѣ русскаго посла гр. П. Д. Киселева, удалось, наконецъ, согласить всѣхъ на томъ, что получило названіе — Конвенціи

[1]) Hübner. Id. p. 147.
[2]) Id., p. 175.
[3]) Thouvenel., Id. p. 49.
[4]) Id.p. 267.

19 августа 1858 г., которой устанавливался новый порядокъ устройства и управленія Дунайскихъ Княжествъ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ.

Княжества Молдавія и Валахія, подъ наименованіемъ *Соединенныхъ княжествъ Молдавіи и Валахіи* остаются подъ сузеренитетомъ Султана и уплачиваютъ Турціи ежегодную дань въ размѣрѣ 1.500.000 для Молдавіи и 2.500.000 для Валахіи. Въ силу капитуляцій и послѣдующихъ Гатти-Шерифовъ, они продолжаютъ пользоваться подъ коллективной гарантіей договаривающихся державъ тѣми правами и привилегіями, которыя имъ нынѣ предоставлены, и въ виду сего они управляются самостоятельно, внѣ всякаго вмѣшательства Высокой Порты, въ предѣлахъ, установленныхъ соглашеніемъ гарантирующихъ державъ съ сузереннымъ правительствомъ. Органами управленія въ каждомъ княжествѣ являются господарь и выборное законодательное Собраніе, дѣйствующее въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ настоящей Конференціей при участіи Постоянной Центральной Комиссіи, общей для обоихъ княжествъ. Исполнительная власть принадлежитъ господарю, который управляетъ чрезъ посредство назначенныхъ имъ министровъ. Ему принадлежитъ право санкціи и обнародованія законовъ, помилованія и смягченія наказаній, назначенія на всѣ правительственныя должности. Министры, обязательно скрѣпляющіе каждый актъ господаря, отвѣтственны передъ господаремъ и передъ Собраніемъ и могутъ быть предаваемы Верховному Суду и тѣмъ и другимъ. При объявившейся вакансіи господаря, Совѣтъ Министровъ вступаетъ въ управленіе княжествомъ до избранія новаго господаря, которое должно послѣдовать не позже 8 дней. На должность господаря, избираемаго пожизненно законодательнымъ собраніемъ, при обязательномъ присутствіи не менѣе $^2/_3$ его членовъ, можетъ быть избранъ каждый, рожденный отъ лица, родившагося въ Молдавіи или Валахіи, не моложе 35 лѣтъ, имѣющій ежегоднаго дохода не менѣе 3.000 дукатовъ, при условіи занятія имъ до того въ теченіе десяти лѣтъ какой-либо правительственной или общественной должности, или участія въ законодательныхъ собраніяхъ въ качествѣ ихъ члена. Господари получаютъ свою инвеституру, какъ и раньше отъ Султана, не позже какъ черезъ мѣсяцъ послѣ своего избранія.

Законодательное собраніе каждаго княжества состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ округами (уѣздами) и городами на семь лѣтъ. Избирателемъ можетъ быть каждый родившійся въ Молдавіи или Валахіи, или принявшій подданство этихъ княжествъ, достигшій 24 лѣтъ. По при этомъ въ округахъ лица, имѣющія не менѣе ста дукатовъ годового поземельнаго дохода, являются только выборщиками, избирающими въ каждой волости (низшей административной единицѣ) трехъ избирателей, которые, въ свою очередь, избираютъ одного депутата на округъ. Прямымъ избирателемъ на округъ можетъ быть лицо, имѣющее годового поземельнаго дохода 6.000 дукатовъ, а въ городахъ—обладающее капиталомъ земельнымъ, промышленнымъ или торговымъ такого же размѣра. Окружные города посылаютъ въ

собраніе по одному депутату, пять болѣе крупныхъ городовъ—по два, а столицы княжествъ—по три. Подача голосовъ тайная [1]).

Законодательное собраніе каждаго княжества созывается господаремъ на ежегодную сессію, продолжающуюся три мѣсяца. Господарю предоставляется срокъ обыкновенныхъ сессій продолжать, созывать собраніе въ экстренныя сессіи и распускать собраніе, съ обязательствомъ созвать новое въ трехмѣсячный срокъ. Въ составъ собраній кромѣ депутатовъ входятъ митрополитъ, который и предсѣдательствуетъ и епархіальные епископы. Собраніе разсматриваетъ всѣ законопроекты, представляемые министрами, а также тѣ, которые, какъ имѣющіе общее для обоихъ княжествъ значеніе, изготовляются Центральной Комиссіей и ежегодный бюджетъ. Содержаніе господарей опредѣляется собраніями однажды при избраніи господаря. Никакой налогъ не можетъ быть введенъ и взимаемъ безъ согласія Собранія.

Постоянная Центральная Комиссія, имѣющая свое пребываніе въ Фокшанахъ и состоящая изъ 16 членовъ по 8 отъ каждаго княжества, при чемъ одна половина этого числа избирается соотвѣтствующимъ собраніемъ, а другая назначается господаремъ, призвана прежде всего охранять основы новой организаціи княжествъ. Съ этой цѣлью господарямъ вмѣняется въ обязанность до утвержденія ими всѣхъ, получившихъ законодательную санкцію собраній, законовъ, сообщать ихъ къ свѣдѣнію Комиссіи. Ей предоставлено право дѣлать господарямъ надлежащія представленія какъ относительно устраненія тѣхъ или другихъ непорядковъ въ княжествахъ, такъ и относительно желательныхъ, по ея мнѣнію, улучшеній въ той или другой отрасли управленія. Съ своей стороны, господари могутъ внести на разсмотрѣніе Комиссіи всѣ тѣ предположенія, которымъ, по ихъ мнѣнію, представлялось бы полезнымъ придать характеръ общихъ для обоихъ княжествъ законовъ. Комиссія, по разсмотрѣніи таковыхъ, изготовляетъ соотвѣтствующіе законопроекты и вноситъ ихъ на обсужденіе обоихъ Собраній. Къ законамъ общаго для княжествъ значенія относятся всѣ тѣ, которые имѣютъ предметомъ объединеніе законодательства, установленіе и организацію таможеннаго, почтоваго и телеграфнаго союза, установленіе курса денежной единицы и вообще всѣ, касающіеся однородныхъ областей государственнаго устройства и управленія, а также общественнаго и экономическаго строя.

Въ случаяхъ дополненія тѣмъ или другимъ Собраніемъ законопроекта, внесеннаго Центральной Комиссіей, онъ возвращается въ Комиссію, которая засимъ уже предлагаетъ Собранію проектъ въ окончательной формѣ, который подлежитъ принятію или отклоненію Собраніемъ полностью. Дополненія, внесенныя одновременно обоими Собраніями, обязательны для Комиссіи.

---

[1]) Порядокъ производства выборовъ опредѣляется особымъ Положеніемъ—Stipulations electorales, приложеннымъ къ Конвенціи 19 августа 1858 г.

Центральная Комиссія, тотчасъ по открытіи своихъ дѣйствій, должна заняться спеціально кодификаціей дѣйствующихъ въ княжествахъ законовъ, согласуя ихъ съ основными положеніями новой организаціи Княжествъ. Она при этомъ подвергнетъ пересмотру прежніе органическіе статуты и кодексы гражданскій, уголовный и торговый, а также судопроизводства въ тѣхъ видахъ, чтобы впредь, за исключеніемъ законовъ чисто мѣстнаго значенія, для обоихъ Княжествъ существовалъ только одинъ общій сводъ законовъ.

Рядомъ съ Центральной Комиссіей въ г. Фокшанахъ назначено и мѣстонахожденіе Высшаго Кассаціоннаго Суда—общаго для обоихъ Княжествъ.

Существующія въ Княжествахъ регулярныя милиціи получаютъ одну общую организацію для того, чтобы въ случаѣ необходимости онѣ могли бы быть соединены въ одну армію. Ежегодно будетъ производиться инспектированіе милицій обоихъ Княжествъ генералъ-инспекторами, по очереди назначаемыми на годъ каждымъ изъ господарей. Численность милицій, нынѣ установленная органическимъ статутомъ, не можетъ быть увеличиваема болѣе чѣмъ на одну треть, безъ предварительнаго соглашенія съ Портою. Милиціи должны быть соединяемы по взаимному соглашенію господарей всякій разъ какъ будетъ угрожать какая-либо опасность внутреннему порядку въ Княжествахъ или ихъ границамъ. Независимо отъ сего, господари могутъ, по предложенію инспекторовъ, соединять часть милицій для совмѣстныхъ упражненій и смотровъ. При соединеніи милицій, главнокомандующій будетъ по очереди назначаться каждымъ изъ господарей. Каждая изъ милицій сохраняетъ настоящее свое знамя, но на обоихъ знаменахъ будетъ общая лента голубого цвѣта, согласно особому рисунку.

Всѣ молдаване и валахи равны передъ закономъ и одинаково допускаются къ занятію государственныхъ должностей въ обоихъ Княжествахъ. Всѣ молдаване и валахи христіанскихъ исповѣданій равно пользуются политическими правами. Привилегіи и исключительныя права, которыя нынѣ предоставлены нѣкоторымъ классамъ населенія, отмѣняются и пересмотръ законовъ, коими опредѣлялись взаимныя отношенія землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, подлежатъ немедленному пересмотру. Какъ и ранѣе, всѣ международные договоры, заключенные Турціей, распространяютъ свою силу и на Княжества, насколько они не затрагиваютъ ихъ привилегій. При всякомъ нарушеніи этихъ послѣднихъ господари имѣютъ право обращаться къ ихъ сузерену, а если они не получатъ надлежащаго удовлетворенія, то имъ предоставляется право обращенія, чрезъ своихъ агентовъ при Портѣ, къ посламъ гарантирующихъ державъ въ Константинополѣ.

Согласно ст. 23 Парижскаго трактата 16 марта 1856 г., черезъ пятнадцать дней по ратификаціи этой Конвенціи, особый Гатти-шерифъ, воспроизводящій дословно ея положенія, будетъ обнародованъ и одновременно нынѣ управляющіе Княжествами каймакамы передадутъ свои полномочія

временнымъ Комиссіямъ въ каждомъ Княжествѣ, состоящимъ изъ трехъ лицъ, занимавшихъ должности предсѣдателей Дивана, великаго логафета и министра внутреннихъ дѣлъ, при послѣднихъ господаряхъ. Комиссіи эти немедленно приступятъ къ составленію избирательныхъ списковъ и производству выборовъ въ собранія для выбора господарей. Списки должны быть составлены и опубликованы въ теченіе пяти недѣль, выборы произведены черезъ три недѣли по опубликованію списковъ, а Собранія созваны черезъ десять дней послѣ выборовъ.

Такой результатъ въ общемъ, при той обстановкѣ, въ которой происходила Конференція, сравнительно благопріятный, не могъ, однако, не разочаровать всѣхъ тѣхъ, кто надѣялся, что дѣло будетъ доведено до конца, согласно выраженному Диванами желанію. Для болѣе спокойныхъ и дальновидныхъ людей въ самыхъ Княжествахъ, готовыхъ считаться съ силой внѣшнихъ обстоятельствъ, и то, чего удалось достигнуть, представляло уже многое. Если это не было то объединеніе, о которомъ мечтали, если нельзя было еще говорить объ одномъ автономномъ политическомъ организмѣ, то, во всякомъ случаѣ, для достиженія этого уже оставалось сдѣлать еще очень небольшой шагъ. Реально княжества были Конвенціей связаны другъ съ другомъ настолько тѣсно, что то, что ихъ еще разъединяло, очевидно было легко устранимо и должно было исчезнуть въ самомъ близкомъ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ отношеніи гражданскихъ и политическихъ правъ, предоставленныхъ населенію, за исключеніемъ разрѣшенія, впрочемъ, самаго больного, крестьянскаго вопроса, едва ли можно было въ тотъ моментъ, ожидать большаго.

Но при этомъ новая окончательная организація соединенныхъ княжествъ требовала отъ будущихъ ихъ руководителей выдающихся способностей и особаго умѣнья провести въ жизнь ту, все-таки сложную, комбинацію, которая была создана Парижской Конференціей, а потому выборы будущихъ князей представляли собой несомнѣнно нелегкую задачу. Она усложнялась какъ вновь разгорѣвшимися на этой почвѣ мѣстными интригами тѣхъ, которые считали себя призванными стать во главѣ Молдавіи и Валахіи, такъ и продолжающимися подпольными, враждебными новому порядку вещей, вліяніями Турціи и Австріи. Борьба партій старыхъ бояръ и молодыхъ прогрессистовъ, съ Кочольничано во главѣ, завершилась въ Молдавіи неожиданнымъ результатомъ. Всѣ голоса соединились на внезапно внесенномъ въ кандидатскій списокъ, не игравшемъ до того никакой политической роли, полковникѣ Александрѣ Кузѣ. Сынъ землевладѣльца средней руки, воспитывавшійся во Франціи, онъ началъ службу въ мѣстной милиціи, а засимъ перешелъ въ судебное вѣдомство, гдѣ скоро сдѣлался предсѣдателемъ одного изъ провинціальныхъ судовъ. Каймакамъ Вочоридесъ, оцѣнившій его несомнѣнныя способности и рѣшительный характеръ, убѣдилъ его вернуться на военную службу и Куза черезъ мѣсяцъ уже былъ полковникомъ, а засимъ и префектомъ Галаца. Но здѣсь онъ, не желая слѣдо-

вать тому антинаціональному движенію, которому покровительствовалъ Вогоридесъ, вышелъ въ отставку и объяснилъ оставленіе службы въ брошюрѣ, произведшей большое впечатлѣніе. Тотчасъ же по учрежденіи регентства, которому было ввѣрено временное управленіе княжества, до избранія князя, согласно ст. 49 Конвенціи 1858 г., на Кузу было возложено исполненіе обязанностей военнаго министра. И вотъ онъ-то и былъ избранъ въ засѣданіи Молдавскаго Собранія 17 января 1858 г. княземъ Молдавіи подъ именемъ Александра-Іоанна I.

Въ Валахіи избирательное собраніе было составлено изъ цѣлаго ряда партій, ссорившихся между собой и лишенныхъ возможности сознательно остановиться на какомъ либо серьезномъ кандидатѣ. Доходило и до уличныхъ безпорядковъ. Наконецъ извѣстіе о выборѣ Кузы въ Молдавіи, который являлся убѣжденнымъ уніонистомъ, а главное человѣкомъ новымъ, не связаннымъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ съ какими либо партійными движеніями, и въ Бухарестѣ остановили на немъ вниманіе. Явилась мысль наглядно проявить передъ великими державами то недовольство, которая возбудила въ Княжествахъ изобрѣтенная ими въ отвѣтъ на опредѣленно выраженное желаніе населенія, полумѣра и формально соединить Княжества въ лицѣ одного князя. Одобренная предварительно въ секретномъ совѣщаніи, она выразилась въ засѣданіи Валашскаго Дивана такимъ же единогласнымъ избраніе того же Кузы въ князья Валашскіе.

Если такое одновременное избраніе не устраняло для перваго главы соединенныхъ Княжествъ Молдавіи и Валахіи необходимости считаться съ тѣмъ тяжелымъ аппаратомъ, который былъ созданъ Европой для управленія призываемыми ею къ самостоятельной жизни новыми государствами, такое объединеніе верховной власти несомнѣнно и рѣшительно вело этотъ вопросъ къ окончательному его разрѣшенію. Оно и было принято европейскимъ ареопагомъ, какъ брошенный ему вызовъ и возобновило на вновь собравшейся въ февралѣ 1859 г. Конференціи прежнюю борьбу. Турція потребовала немедленной кассаціи этихъ выборовъ и права вооруженнаго вмѣшательства для защиты Конвенціи 19 августа. Австрія, конечно, къ ней присоединилась и Англія готова была бы за ними послѣдовать, если бы Франція одна признавала эти выборы. Но съ нею была Россія и Императоръ Александръ II лично выразился французскому представителю въ Петербургѣ въ смыслѣ утвержденія выборовъ [1]). Пруссія была того же мнѣнія. Въ виду сего Конференція, «признавая, что выборы эти не отвѣчали предположенію Конвенціи 19 августа, но вмѣстѣ съ тѣмъ желая предупредить нежелательныя случайности (eventualités regrettables), которыя могли бы имѣть мѣсто при новыхъ выборахъ и съ цѣлью устранить всѣ препятствія къ скорѣйшему окончательному устройству управленія въ обоихъ Княжествахъ», предложила сузеренной власти дать, въ видѣ исключенія, полковнику Кузѣ

[1]) Em. Ollivies. Id. p. 428.

инвеституру въ качествѣ Господаря Молдавіи и Валахіи». Турція согласилась подъ условіемъ, что инвеститура будетъ дана двумя отдѣльными фирманами, что раздѣльность управленія въ Княжествахъ остается неприкосновенной и что новый Господарь явится лично въ Константинополь для принесенія Султану выраженія своей вассальной преданности.

Дальше уже наступаетъ послѣдній періодъ политическаго преобразованія Соединенныхъ Княжествъ Молдавіи и Валахіи въ независимое Княжество Румынское и наконецъ Королевство Румынію. На этомъ мы останавливаемся и заключаемъ нашъ очеркъ словами Э. Оливье. «Побѣда принципа національности въ 1859 г. по отношенію къ Дунайскимъ Княжествамъ могла быть достигнута только благодаря настойчивости Императора Наполеона. Но при всемъ этомъ, онъ бы такого результата не добился, если бы не сумѣлъ хотя бы нѣсколько освободиться отъ подавлявшаго его союза съ Англіей и пріобрѣсти вѣрное, преданное и непоколебимое содѣйствіе Россіи» [1]).

П. Исаковъ.

[1]) Em. Ollivies. Id. p. 429.

Забытый герой Отечественной войны, генералъ-маіоръ князь Иванъ Степановичъ Гурьяловъ.

«О, вспомни, твой удѣлъ высокій
Былое въ сердцѣ воскреси»...
Алексѣй Хомяковъ.

Смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ очень грустно, когда носители громкихъ историческихъ фамилій, кичащіеся своими титулами и придворными званіями, сами по себѣ не имѣютъ передъ родиною и человѣчествомъ никакихъ заслугъ и неспособны къ великимъ подвигамъ, сопряженнымъ съ опасностью и съ тяжкими испытаніями, а между тѣмъ на каждомъ шагу вспоминаютъ заслуги своихъ предковъ и хвастаютъ ихъ минувшимъ блескомъ, не сохранивъ въ своей выродившейся, пустой, ничтожной и тщеславной груди даже искорки той древней доблести, которая возвеличила этихъ предковъ. Такіе жалкіе потомки прежнихъ славныхъ поколѣній напоминаютъ по истинѣ Крыловскихъ гусей, хваставшихъ, что ихъ предки Римъ спасли. Но, осуждая пустое хвастовство аристократіи, не слѣдуетъ впадать въ противоположную крайность, въ которую ударилась значительная часть обезличившагося Россійскаго дворянства. *Забвеніе заслугъ предковъ, пожалуй, еще большій грѣхъ, чѣмъ горделивое тщеславіе.* Тотъ, кто не цѣнитъ трудовъ и великодушныхъ подвиговъ своихъ предковъ, тотъ плохой сынъ своей семьи, плохой сынъ своей родины! Горе той странѣ, гдѣ не умѣютъ любить и цѣнить исторіи! О, какая сила подражанія, какая чарующая мощь и вѣра въ будущность родной страны заложена въ преданіяхъ сѣдой старины, въ завѣтахъ давно навѣки уснувшихъ героевъ и въ стремленіи воскресить изъ образы въ памяти юныхъ поколѣній! Безъ любви къ прошлому, безъ тщательнаго изученія жизни и подвиговъ давно минувшихъ поколѣній немыслимъ никакой успѣхъ образованнаго общества, никакое усовершенствованіе государственной жизни.

Знаменитый французскій историкъ Ламартинъ въ своей «Исторіи Жирандистовъ», говоря о Дантонѣ, отмѣчаетъ, что у Дантона былъ только одинъ догматъ вѣры: «обожаніе будущаго, отвращеніе къ прошедшему и ненависть къ настоящему». Съ такимъ догматомъ даже болѣе талантливые люди, чѣмъ Дантонъ, ничего кромѣ гильотины изобрѣсти не могли и свое

обожаніе будущаго потопили въ морѣ человѣческой крови, рыданій и скорбей... Какъ ничтожна, какъ безполезна жизнь и кровавая борьба этого рокового человѣка въ сравненіи съ плодотворною жизнью тѣхъ восторженныхъ историковъ, которые, подобно нашему знаменитому русскому историку Николаю Михайловичу Карамзину и французскимъ историкамъ Тьеру, Ламартину и Виктору Гюго, изъ тьмы временъ, изъ дебрей сѣдой старины, умѣли извлечь свѣтлые образы героевъ, которые вѣчно будутъ жить въ воображеніи и сердцахъ послѣдующихъ поколѣній! *Сознательно относиться къ настоящему и къ будущему можетъ только тотъ, кто хорошо знаетъ прошедшее...* «А все, что безсознательно, то,—по мѣткому выраженію Ото Вейнигера—безнравственно». Поэтому любовь къ исторіи—самый вѣрный путь къ поднятію самознанія и нравственности. Къ сожалѣнію, многіе русскіе дворяне—великіе грѣшники въ отношеніи своихъ предковъ. Множество историческихъ рукописей, документовъ, писемъ затерялись въ старыхъ дворянскихъ гнѣздахъ, не дождавшись своего историка. Въ моей семьѣ было тоже много историческихъ интересныхъ матеріаловъ. Достаточно упомянуть о томъ, что полковникъ Варламъ Григорьевичъ Булацель участвовалъ въ 1711 году въ знаменитомъ Прутскомъ походѣ Петра Великаго, а сынъ Варлама генералъ-маіоръ Илья Варламовичъ Булацель съ 1747 до 1773 года командовалъ славнымъ Чугуевскимъ казачьимъ полкомъ, про который военный историкъ генералъ-маіоръ Масловскій въ своемъ сочиненіи «Русская армія въ семилѣтнюю войну» (въ 3 части, на страницѣ 22) говоритъ, что полковой командиръ Булацель «шелъ въ походъ съ самымъ лихимъ изъ всѣхъ казачьихъ полковъ»...

Къ сожалѣнію, большинство родовыхъ документовъ сгорѣли въ 1783 году во время пожара, происшедшаго въ домѣ вдовы Григорія Булацеля М. С. Булацель, въ томъ числѣ записки о турецкомъ походѣ и о поѣздкѣ въ Москву полковника Григорія Варламовича Булацеля, бывшаго въ знаменитой Екатерининской комиссіи для составленія уложенія депутатомъ отъ дворянства Новороссійскаго края и который, какъ значится, въ сохранившемся у меня до сего дня послужномъ его спискѣ «зѣло французскій языкъ и русскую грамоть знаетъ»...

Тѣмъ не менѣе, изъ разныхъ южно-русскихъ архивовъ и на чердакахъ старыхъ Булацелевскихъ усадьбъ въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи мнѣ удалось, когда я былъ еще мальчикомъ, собрать кое-какой матеріалъ, часть котораго я представилъ въ распоряженіе покойнаго Петра Ивановича Бартенева, а частью, относящеюся до моего дѣда полковника кавалергардскаго полка Николая Афонасьевича Булацеля, воспользовался Сергѣй Алексѣевичъ Панчулидзевъ, для своего изданія исторіи кавалергардовъ. Но особенно интересныя записки и документы я нашелъ въ родовомъ имѣніи моей матери, въ Могилевской губерніи, касающіяся ея дѣда, героя отечественной войны генералъ-маіора князя Ивана Степановича Гурьялова. Я назвалъ его «забытымъ героемъ», ибо нигдѣ въ сбор-

никахъ и описаніяхъ отечественной войны 1812 года его имя не упоминается, а между тѣмъ онъ по справедливости можетъ занять мѣсто рядомъ съ безстрашными своими соотечественниками княземъ Багратіономъ и графомъ Милорадовичемъ... Чѣмъ-же объяснить забвеніе славнаго имени князя Гурьялова?

У князя Ивана Степановича Гурьялова не было мужского потомства, умеръ онъ въ расцвѣтѣ силъ, въ возрастѣ, когда другіе едва дослуживаются до полковничьяго чина: ему не было 46 лѣтъ отъ роду, когда безжалостная смерть внезапно оборвала нить его жизни, сулившей еще много почестей и славы... Князь Иванъ Степановичъ Гурьяловъ родился въ 1772 году въ Россіи и былъ сыномъ князя Степана Христофоровича Гурьялова отъ брака его съ Анною Тимофевною Суровцовою. Въ архивѣ департамента герольдіи Правительствующаго Сената за подписью княгини Амаліи Ивановны Гурьяловой хранится родословная таблица, въ коей значится, что дѣдъ Ивана Степановича Гурьялова князь Христоферъ изъ рода владѣтельныхъ князей Гуріи былъ привезенъ въ Россію своимъ дядею грузинскимъ царемъ Вахтангомъ Леонидовичемъ. Отецъ князя Ивана Степановича Гурьялова, князь Степанъ Христофоровичъ Гурьяловъ служилъ въ кавалеріи, вышелъ въ отставку въ чинѣ генералъ-маіора и умеръ въ 1812 году, будучи уже въ отставкѣ. Сынъ же его Иванъ Степановичъ Гурьяловъ участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ 1812 года и 1813 года. Во время отечественной войны ему было всего лишь 40 лѣтъ отъ роду, но онъ уже давно былъ генералъ-маіоромъ. Такая блестящая карьера отчасти объясняется тѣмъ, что еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ, онъ былъ въ 1780 году зачисленъ въ списки Нашебургскаго пѣхотнаго полка, а 25 ноября 1782 года, т. е. десятилѣтнимъ мальчикомъ, былъ произведенъ въ сержанты. Затѣмъ въ 1786 году былъ переведенъ въ Углицкій Мушкетерскій полкъ, въ составѣ коего участвовалъ въ битвѣ при Гайкурѣ и Салкуцѣ въ Молдавіи при разбитіи турокъ въ 1789 году за отличіе произведенъ въ поручики. Въ это время ему было 17 лѣтъ отъ роду, а въ слѣдующемъ году онъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ битвъ, перечисленіе коихъ въ его формулярѣ занимаетъ цѣлую страницу; здѣсь перечислены сраженія при Берлитѣ, Галицахъ, Фокшанахъ, Тирго, Кукулѣ, Крынко, Мейлерѣ, знаменитая битва при Рымникѣ, гдѣ въ генеральной баталіи, продолжавшейся цѣлый день, была разбита армія великаго визиря, и «за отличность произведенъ въ капитаны»; затѣмъ 11 декабря 1790 года участвовалъ въ штурмѣ при взятіи города Измаила, безумною своею отвагою обратилъ на себя вниманіе Суворова и «за оказанное въ своемъ дѣлѣ мужество произведенъ въ секундъ-маіоры съ полученіемъ золотого знака и одобрительнаго листа со изъявленіемъ Монаршаго благоволенія». 28 іюня 1791 года онъ участвовалъ въ битвѣ при мѣстечкѣ Мачинѣ за Дунаемъ, при разбитіи многочисленныхъ непріятельскихъ силъ и при завладѣніи непріятельскими лагерями и рентраншментами. Въ слѣдующемъ 1792 году

онъ участвовалъ 7 іюня въ сраженіи при мѣстечкѣ Дубянкѣ въ Польшѣ, а 23 мая 1794 года въ полевомъ сраженіи при томъ же мѣстечкѣ Липкахъ, при Слонимѣ и, наконецъ, 24 октября 1794 года при взятіи штурмомъ Праги и при взятіи Варшавы. За всѣ эти битвы произведенъ въ премьеръ-маіоры. Затѣмъ, продолжая службу въ Фанагорійскомъ гренадерскомъ полку, онъ былъ произведенъ въ 1799 году въ полковники, а въ 1803 году на 31 году отъ рожденія произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ шефомъ Волынскаго Мушкатерскаго полка. Будучи еще въ чинѣ полковника, князь Иванъ Степановичъ Гурьяловъ женился на племянницѣ митрополита Сестринцевича-Богушъ Амаліи Ивановнѣ Богушъ-Сестринцевичъ и отъ этого брака у него въ 1802 году родилась дочь Дарія.

Княгиня Амалія Ивановна Гурьялова была женщина, выдающаяся по своему уму, познаніямъ и добродѣтелямъ. Выдержки изъ ея записокъ и воспоминаній были напечатаны мною въ 1902 году въ «Русскомъ Архивѣ» П. И. Бартенева, а сохранившіеся до сихъ поръ ея альбомы и записки на французскомъ языкѣ свидѣтельствуютъ, что она была по тѣмъ временамъ образована и талантлива. Неудивительно, что, отлично играя на арфѣ, рисуя, въ совершенствѣ владѣя тремя языками, она сумѣла дать блестящее воспитаніе своей единственной дочери княжнѣ Дарьѣ Ивановнѣ Гурьяловой. Немало въ этомъ отношеніи помогалъ ей ея мужъ князь Иванъ Степановичъ, который, какъ значится въ его послужномъ спискѣ: «по россійски, по нѣмецки и по французски читать и писать умѣетъ, ариѳметику и географію знаетъ». Впрочемъ, послѣднюю науку онъ изучилъ въ Европѣ еще лучше на практикѣ, чѣмъ въ теоріи. Въ Турціи, въ Польшѣ, въ Россіи, въ Германіи, въ Австріи, во Франціи, онъ участвовалъ во всѣхъ самыхъ кровопролитныхъ сраженіяхъ своего вѣка и никогда ни одного разу не былъ не только раненъ, но даже контуженъ. Вѣра въ свою счастливую судьбу придавала такую же отвагу, какою отличался князь Багратіонъ, Суворовъ и Милорадовичъ. Мирная, семейная жизнь недолго была удѣломъ молодого генерала. Какъ сонъ промчались въ Могилевской губерніи девять лѣтъ семейнаго отдыха отъ боевой, скитальческой жизни, и вступленіе французовъ въ 1812 году въ предѣлы Россіи заставило князя Гурьялова вновь ринуться въ пучину битвъ и величайшихъ сраженій, какія когда-либо видѣлъ міръ. За сраженіе при Какувачинѣ 14 іюля 1812 года онъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-ей степени. Затѣмъ онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Смоленскомъ и 26 августа 1812 года въ генеральной битвѣ при Бородинѣ, за что получилъ орденъ Св. Анны 1 класса, второго сентября 1812 года въ сраженіи при Тарутинѣ, а 6 октября 1812 года въ сраженіи на рѣкѣ Чернишнѣ, а за битву подъ Вязьмою, гдѣ 22 октября 1812 года французы были разбиты, пожалованъ «золотою шпагою съ надписью за храбрость, алмазами украшенною». Въ январѣ 1813 года онъ уже въ Варшавскомъ герцогствѣ, а въ мартѣ въ Саксоніи. Онъ участвуетъ въ битвѣ при Нассау, затѣмъ подъ Дрезденомъ, 8 мая 1813 года участвуетъ

въ битвѣ подъ Бауценомъ и за отличіе получаетъ Высочайшее благоволеніе. 28 августа 1813 года въ сраженіи при мѣстечкѣ Лебау; на слѣдующій день въ сраженіи при Гохъ-Кирхѣ; 1 сентября 1813 года при деревнѣ Пуцкау; 21 сентября разбиваетъ непріятеля подъ деревней Лантенбергъ. Въ октябрѣ 1813 года участвуетъ въ цѣломъ рядѣ сраженій и, наконецъ, участвуетъ въ битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ, за каковую битву всемилостивѣйше награжденъ алмазными знаками св. Анны 1 класса. Затѣмъ участвуетъ въ переправѣ черезъ Рейнъ, въ сраженіи подъ Кобленцомъ, подъ Майнцомъ, затѣмъ въ февралѣ 1814 году участвуетъ при взятіи штурмомъ города Реймса. Наконецъ, участвуетъ во взятіи штурмомъ Монмартскихъ высотъ подъ Парижемъ, за каковой подвигъ всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 класса. Въ 1814 году награжденъ орденомъ Краснаго Орла 2 класса и орденомъ св. великомученника и побѣдоносца Георгія 4 класса.

Только чудомъ можно объяснить, что этотъ человѣкъ, видѣвшій вокругъ и около себя смерть и разрушеніе, отважно бросавшійся въ самыя опасныя мѣста, первый вскакивавшій въ редуты и вражескія траншеи, ни разу не былъ раненъ. И онъ вѣрилъ, что его сохраняетъ чудотворный образокъ съ мощами св. Стефана, который онъ всегда носилъ на груди и съ которымъ никогда не разставался.

Изъ этого бѣглаго очерка боевой жизни князя Ивана Степановича Гурьялова можно видѣть, что я имѣлъ полное право назвать его забытымъ героемъ отечественной войны и желать и настаивать, чтобы память о немъ была возстановлена во всемъ блескѣ его заслугъ и боевыхъ подвиговъ. Въ то время, какъ Императрица Елизавета Петровна, Великая Екатерина II, Императоръ Павелъ I и Императоръ Александръ I жаловали и награждали генералъ-маіора князя Степана Христофоровича Гурьялова и князя Ивана Степановича Гурьялова своими Всемилостивѣйшими наградами и хотя въ указахъ, Высочайшихъ повелѣніяхъ и во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ, метрикахъ, и проч. Императорское русское правительство всегда неизмѣнно именовало генерала князя Ивана Степановича Гурьялова и его отца князя генерала Степана Христофоровича князьями и признавало ихъ въ семъ княжескомъ достоинствѣ, тѣмъ не менѣе, теперь, въ столѣтнюю годовщину отечественной войны, никто изъ военныхъ совершенно не вспомнилъ о князѣ Иванѣ Степановичѣ Гурьяловѣ, даже въ день столѣтняго прославленія Фанагорійскаго полка, а штатскіе чиновники даже возбуждаютъ вопросъ о томъ, что князья Гурьяловы не были утверждены въ департаментѣ герольдіи, а потому не могутъ быть называемы князьями. И такъ для того, чтобы княжеское достоинство князей Гурьяловыхъ, героевъ битвъ у Измаила, Фокшанъ, Праги, Варшавы, Смоленска, Бородина, Вязьмы, Бауцеа, Лейпцига и Парижа, признававшееся двумя Императрицами Елизаветою I и Екатериною II и двумя русскими Императорами Павломъ I и Александромъ I, было бы признано нынѣ въ Россіи въ столѣтнюю годов-

щину отечественной войны и Лейпцигской битвы, нужно будетъ, вѣроятно, мнѣ поѣхать въ Берлинъ и получить отъ Императора Германскаго Вильгельма удостовѣреніе о томъ, что въ спискахъ героевъ войны за освобожденіе Германіи числится кавалеръ высокаго ордена Краснаго Орла генералъ «фюрстъ фонъ Гурьяловъ». Тогда можетъ быть и у насъ въ Россіи признаютъ княжеское достоинство Гурьяловыхъ?! А пока остается, пожалуй, порадоваться, что у моего прадѣда генералъ-маіора князя Ивана Степановича Гурьялова не было мужского потомства, которому пришлось бы испытать, какъ въ Россіи умѣютъ чтить заслуги предковъ! Во всякомъ случаѣ мнѣ никто не сдѣлаетъ упрека, что я допустилъ забыть его подвиги. Судьба князя Гурьялова мнѣ невольно напоминаетъ полныя скорби и негодованія слова Виктора Гюго въ его поэмѣ «Napoleon en 1811»: «L'air reprend la fumée, la terre la cendre, l'oubli reprend les grands noms»... Но мнѣ хотѣлось-бы измѣнить эти слова и сказать: Хотя воздухъ у насъ въ Россіи, какъ и повсюду въ мірѣ, поглощаетъ дымъ, хотя земля поглощаетъ прахъ и пепелъ, но забвеніе не должно и не можетъ никогда поглотить славныхъ именъ, носители коихъ подобно генералу князю Ивану Степановичу Гурьялову, покрыли немеркнущею славою русскія знамена на поляхъ Бородина, въ равнинахъ Рымника, у стѣнъ неприступнаго Измаила, на высотахъ Монмартскихъ, у вратъ Праги, Варшавы, Дрездена, Лейпцига и Парижа!..

П. Булацель.

Бытовыя черты русскихъ мореходовъ.

Мореходныя качества древне-южныхъ славянъ.

Русское общество, иногда съ любопытствомъ, но чаще со жгучею въ сердцѣ болью, спрашивало себя, когда наступитъ время для Россіи, что она станетъ настолько оборудованною морскою державою, насколько она устроена на сушѣ и есть-ли тому возможность? И на эти наболѣвшіе вопросы, какъ далекое эхо, отвѣчали голоса и да, и нѣтъ.

Изъ сравненія данныхъ европейскихъ государствъ съ русскими, все сводилось къ невыгодѣ Россіи.

Обыкновенно, измѣряли береговыя полосы государствъ, характеръ населеній, культурность, оборону, флотъ, денежныя средства, заводскую технику и тому подобное и заканчивали нижеслѣдующимъ выводомъ:

Россія страна, по преимуществу, континентальная, наклонностей и средствъ для развитія морскаго дѣла не имѣетъ, военный флотъ всегда будетъ отсталымъ по силѣ и техникѣ въ ряду флотовъ первоклассныхъ морскихъ державъ, а уничтожаемый ими отъ времени до времени—скорѣе разореніе, чѣмъ защита государства.

Болѣе убѣжденная часть русскаго общества заявляла, что если подобное могучее государство, какъ Россія, пожелаетъ завести сильный флотъ, то оно желаніе свое исполнитъ, не смотря на всѣ препятствія.

Подобному патріотическому мнѣнію нельзя не сочувствовать и нельзя не привѣтствовать его съ радостью.

Но можно избрать еще и третій способъ изслѣдованія, а именно путемъ изученія въ историческомъ порядкѣ бытовыхъ чертъ кореннаго населенія Россіи, выяснить, имѣются-ли требуемыя качества для развитія мореходства въ широкомъ смыслѣ этого слова, а слѣдовательно и къ созданію торговаго и военнаго флотовъ путемъ органическимъ, а не по побудительнымъ причинамъ.

Если да, то для Россіи широкая морская дорога, если нѣтъ, то нѣчто среднее.

Народную жизнь нѣкоторые мыслители сравниваютъ съ глубокимъ неудержимымъ потокомъ, несущимъ въ нѣдрахъ своихъ всѣ полученные отъ природы элементы и не прирывающимся ни на одно мгновеніе.

Форма и струи потока, какъ и жизнь народа, будутъ видоизмѣняться, подчиняясь условіямъ прохожденія пути, но природа народа не перерождается.

Народная душа остается хранилищемъ завѣтовъ, преданій и идеаловъ. Суровый рокъ можетъ ограничить желаніе народа, сжать его внутреннюю жизнь, но пройдутъ тяжелые дни, условія перемѣнятся, вновь вспыхнутъ забытыя желанія, воскреснутъ прежніе идеалы и народная жизнь, въ силу внутреннихъ тяготѣній, потечетъ по желаемому руслу.

Доисторическая сказочная жизнь Славянства, по былинамъ, тяготѣла къ морю синему, лазурному, къ морю теплому, озаренному яркими лучами сверкающаго солнца, къ морю, обѣщавшему изъ нѣдръ своихъ обильную, вкусную и сытную пищу и одарявшему избранныхъ счастливцевъ жемчугомъ и золотою казною,

Протекли затѣмъ столѣтія исторической жизни Славянства, вплоть до нашихъ дней, и вотъ, послѣ грозныхъ морскихъ событій послѣдняго времени, мы на рубежѣ двухъ мнѣній,—или исчезло въ Славянствѣ тяготѣніе къ морю или, обратно, мы искусственно отдалились отъ традицій славнаго, морского прошлаго.

Славянство, отрасль арійскаго племени, спустилось съ иранскаго плоскогорья, вслѣдъ за своими старшими родичами германскими племенами, во всеобъемлющемъ смыслѣ слова, которые, какъ первые, захватили въ свои владѣнія лучшія моря и берега Европы, оставивши Славянамъ берега морей Чернаго, Балтійскаго и широкіе водные пути и бассейны современной Россіи.

Могучая, дивная, суровая природа, громадныя лѣсныя пространства, многоводные бассейны рѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность только двигаться съ удобствомъ по воднымъ путямъ, все превращало Славянина въ человѣка, зависимаго отъ воды—въ моряка.

Славянство и по разселенію тяготѣло исключительно къ обладанію водными пространствами.

Но не свобода жизни суждена была Славянству, а оковы и цѣпи отъ окружавшихъ народностей, и не широкіе берега далекаго моря развернулись передъ его очами, напротивъ почти на семь столѣтій его оттолкнули отъ завѣтныхъ и родныхъ береговъ.

Про современную Германію принято говорить, что ея политика конца прошлаго столѣтія и начала нынѣшняго создала флотъ и, благодаря этому, помѣстила ее въ ряду первоклассныхъ морскихъ державъ.

Археологическая цѣпь изслѣдованій даетъ иное освѣщеніе.

Древнее наслѣдство Германскаго и Славянскихъ народовъ—море, духовная природа обоихъ народовъ направлена къ обладанію имъ, но Славянство еще не подготовлено, вслѣдствіе бывшаго отчужденія, тогда какъ Германскій народъ сжился съ моремъ и его часъ полученія морского наслѣдства, т. е. полнаго торговаго обладанія всѣми морями земного шара, повидимому, насталъ.

Изъ русской старины мы замѣчаемъ, что областное дѣленіе древней Руси совершилось сообразно четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ, а именно изъ озерной области составилась Новгородская земля; область западной Двины составила землю Кривичскую или Полоцкую; ядро древней Руси составила область Днѣпровская, а область верхней Волги составила землю Ростовскую.

Сообщеніе, напримѣръ, между Новгородскою землею и Ростовскою происходило, преимущественно по воднымъ путямъ. Торговыя и военныя ладьи шли изъ Бѣлоозера по Шекснѣ и Волгѣ. По теченію же рѣкъ шли завоеванія и распространенія русскихъ владѣній.

На зарѣ государственной жизни славянскихъ племенъ, древлянъ, дреговичей, кривичей, сѣверянъ и прочихъ славянъ процвѣтало первобытное кораблестроеніе.

Зимою славяне рубили деревья, выдалбливали лодки-однодеревки, пускали ихъ весною по Днѣпру и продавали ихъ всей Руси, т. е. князю съ его дружиною.

Послѣдній, оснастивши лодки, спускался къ Витичеву; сюда же собирались купеческія ладьи изъ Новгорода, Любеча, Чернигова, Смоленска и Вышгорода. Потомъ всѣ направлялись внизъ по Днѣпру къ морю, въ Царьградъ.

Предметами сбыта были мѣха, медъ, воскъ и невольники.

Такъ повѣствуетъ Императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи «О народахъ». Писатель Императоръ Византійскій Маврикій останавливаетъ свое вниманіе на разборѣ воинскихъ способностей Славянъ морскихъ и сухопутныхъ.

У Славянъ, сообщаетъ онъ, замѣтны выработанные пріемы морскихъ сраженій. Славяне чрезвычайно ловкіе и тонкіе морскіе враги. Сознавая свою неподготовленность къ правильной войнѣ и къ движеніямъ на полѣ битвы въ стройномъ порядкѣ, они замѣняютъ недостатки многочисленными уловками.

Изучивши тщательно мѣстность сраженія, они въ морскихъ схваткахъ притворнымъ бѣгствомъ заманиваютъ непріятеля на песчаныя отмели и каменья, а затѣмъ, вернувшись, вступаютъ въ отчаянный и рѣшительный бой, въ большинствѣ случаевъ съ удачнымъ, для нихъ, исходомъ.

Особенно отличались Славяне искусствомъ плавать и скрываться въ рѣкахъ, гдѣ могли оставаться долѣе, чѣмъ люди другого племени. Они держались подъ водою, лежа на спинѣ и держа во рту выдолбленный тростникъ, верхушка котораго выходила на поверхность воды и такимъ образомъ проводила воздухъ скрывавшемуся пловцу. Привожу настоящій фактъ, какъ особенную способность Славянъ пользоваться и въ войнѣ водою, способность, подмѣченную чужестранцемъ.

Славяне, вступая въ бой, не надѣвали латъ, на нѣкоторыхъ не было даже плаща и рубахи. Въ такомъ костюмѣ, между прочимъ, набросаны художникомъ Рѣпинымъ, его знаменитые «Запорожцы». Изъ болѣе выдаю-

щихся походовъ на Царьградъ лѣтопись упоминаетъ, во-первыхъ, походъ Кіевскихъ Князей Аскольда и Дира, въ 866 году на 200 ладьяхъ. Походъ былъ неудаченъ, буря разбила ладьи, и князья съ остатками дружины вернулись домой. Походъ князя Олега затѣмъ былъ выполненъ съ замѣчательнымъ талантомъ.

Въ 907 году Олегъ собралъ подвластныя ему племена, Славянъ Новгородцевъ, Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулѣбовъ, Тиверцевъ и добавилъ Варяжское войско.

Двинулся на Царьградъ берегомъ и моремъ. Флотъ Олега простирался до 2000 кораблей по 40 воиновъ въ каждомъ.

Царьградъ былъ обложенъ по всѣмъ правиламъ воинскаго искусства съ моря и съ материка. Греки закрыли гавань цѣпями и заперли городъ. Преклоняясь предъ умомъ вѣщаго Олега, лѣтопись говоритъ, что онъ на ладьяхъ съ колесами, при распущенныхъ парусахъ подъѣхалъ къ городу, захватилъ его и прибилъ свой щитъ надъ вратами.

Безъ сомнѣнія, лѣтопись подмѣтила въ Олегѣ великое искусство моряка, выразившееся въ умѣлой организаціи и выполненіи дальняго морского похода, а также и большое осадное искусство.

Морской походъ князя Игоря въ 941 году по Р. Х. былъ неудаченъ: Протовестіарій Феофанъ сжегъ его флотъ.

Въ 944 году князь Игорь снова двинулся на Царьградъ съ флотомъ и войскомъ, но Греки поспѣшили заключить миръ.

Князь Святославъ, Владиміръ Святой и Ярославъ I-й совершили морскіе походы на югъ, но наступившая затѣмъ удѣльно-вѣчевая система и появленіе кочевниковъ въ степяхъ прекратили ихъ.

Такимъ образомъ, IX и X вѣка Славянства справедливо можно считать расцвѣтомъ русскаго мореплаванія, вспыхнувшаго ярко, но быстро угасшаго. Военный флотъ могъ собираться въ количествѣ до 2000 ладьей, до сорока воиновъ въ каждой, но лѣтопись упоминаетъ о ладьяхъ и съ большею вмѣстительностью.

Въ набѣгахъ Руси на Юговостокъ въ море Каспійское въ 913 и 914 годахъ, говорится о 500 ладьяхъ, по сту воиновъ въ каждой.

Славяне въ этотъ періодъ, пользуясь свободою плаванія на Черномъ морѣ, дѣлали набѣги на азіатскіе берега и владѣнія и при помощи рѣкъ иногда далеко заходили на материкъ.

На зарѣ своей государственной жизни, Славяне заявили себя опытными и храбрыми моряками, но развиться въ сильную морскую державу по причинамъ внутреннимъ и внѣшнимъ имъ не удалось.

Характеристика мореходовъ Господина Великаго Новгорода.

Знакомясь съ историческими памятниками Господина Великаго Новгорода, всегда невольно изумляются той высокой гражданственности, которую достигла давно исчезнувшая съ лица земли, торговая община.

Послѣдняя, руководимая призываемымъ Великимъ Княземъ и избранными Посадниками, имѣя внутреннее самоуправленіе изъ людей выборныхъ, составлявшихъ народное законодательное собраніе—вѣче, имѣя отборное смѣлое войско съ своеобразной тактикою, многочисленные торговые и военные флоты, участвуя въ морскихъ торговыхъ союзахъ, имѣя наблюдательныя военныя станціи на водныхъ путяхъ изъ Варягъ на Греки, по берегамъ Финскаго залива, по островамъ и на Ладожскомъ озерѣ, развивая широкую колонизацію, далеко распространяла свое вліяніе.

Это была дѣятельность вродѣ бывшихъ когда-то торговыхъ республикъ Генуи и Венеціи.

Къ сожалѣнію, не осталось ни одного боевого памятника, вродѣ имѣющейся въ Пизанскомъ соборѣ, а именно носовой части галеры генуезскаго дожа Андреаса Доріа, съ засѣвшими въ бортахъ турецкими ядрами, полученными въ морской битвѣ при Лепанто.

Въ XIV и XV вѣкахъ шла сильная вооруженная борьба Новгородцевъ со Шведами за Ладожское озеро и Финскій заливъ.

Новгородцами были совершены походы на ладьяхъ въ Швецію, Норвегію и Финляндію.

Царскія врата главнаго предѣла собора Св. Софіи, въ Новгородѣ, украшены и понынѣ шведскимъ серебромъ.

Шла бойко и морская торговля.

Мало оставалось на Сѣверѣ рѣкъ и морей, куда бы не проникла или не старалась проникнуть, не отступая ни передъ какими опасностями, новгородская вольница.

На своихъ крѣпкихъ и мореходныхъ парусныхъ ушкуяхъ, типы которыхъ можно видѣть и теперь въ Новгородѣ, на озерѣ Ильменѣ, переносились они изъ одного бассейна въ другой съ поразительною легкостью. Ни бури, ни опасности, ни незнакомыя мѣстности, ни враждебныя отношенія туземцевъ, ничто не останавливало Новгородскую вольницу, часть которой погибала, но оставшаяся продолжала колонизаторскую дѣятельность Господина Великаго Новгорода. Ходили они на Бѣлое море, заходили и въ Ледовитый океанъ.

Купеческіе корабли Новгорода, состоя въ Ганзейскомъ союзѣ и конкурируя съ иностранцами, должны были быть солидныхъ размѣровъ и обладать хорошими мореходными качествами.

Для морского боя суда, вѣроятно, были вооружены пищалями.

О правильной артиллерійской организаціи не могло быть и рѣчи, но а возможность нахожденія пушекъ на Новгородскихъ корабляхъ въ

XIV вѣкѣ говоритъ то, что въ это же время галеасы Генуезцевъ и Венеціанцевъ вооружались пушками и что на Русь первые образцы пушекъ, въ XIV вѣкѣ, проникли, вѣроятно, черезъ Новгородъ.

Въ 1240 году, какъ извѣстно, произошла побѣда Великаго Благовѣрнаго Князя Александра Ярославича Невскаго, стоявшаго во главѣ новгородской дружины, надъ отборнымъ шведскимъ войскомъ, подъ начальствомъ Биргера на рѣкѣ Невѣ, а въ 1242 году Благовѣрный Князь снова разбилъ на голову цвѣтъ Ливонскихъ рыцарей, на Чудскомъ озерѣ.

Хотя это не были морскія побѣды, но одержаны онѣ были на водахъ.

Были спасены вѣра православная, національность и государственность.

Припомнимъ, что въ 1265 году въ Англіи образовывался Парламентъ и возрождалось ее морское могущество.

Многіе изъ изслѣдователей націй подмѣчаютъ въ чертахъ англичанъ и великорусскаго народа нѣкоторыя общія, принципіальныя черты, а именно спокойную, увѣренную мощь, настойчивость въ достиженіи намѣченной цѣли и искусство сліянія покоренныхъ народовъ.

Къ этому можно было бы добавить, что и морскія качества новгородцевъ въ расцвѣтѣ ихъ силъ едва ли уступали британскимъ мореплавателямъ. Да и теперь на путешественника чарующе вліяютъ уснувшія силы Новгородца.

Когда случается видѣть входящій при вечернемъ освѣщеніи парусный корабликъ съ озера Ильменя въ Волховъ и умѣлое управленіе имъ при сильномъ теченіи Волхова, невольно думается, что не перевелись еще на Руси народные мореходы.

Отличительныя бытовыя черты новгородскаго, смѣлаго, предпріимчиваго купца-моряка сохранила былина «о Садко купцѣ», а былина о Васькѣ Буслаевѣ передала потомству черты Новгородской вольницы.

Козачество, какъ мореходная сила.

Съ паденіемъ Господина Великаго Новгорода и съ потерею Россіею по Столбовскому договору въ 1617 году береговъ Финскаго залива Невы и Ладожскаго озера, внѣшнему русскому мореплаванію, казалось, наступилъ конецъ. Но, нѣтъ, оно вновь возрождается на югѣ новыми людьми и при совершенно иныхъ условіяхъ. Возникновеніе въ степяхъ на югѣ Россіи изъ бѣглыхъ крестьянъ, однодворцевъ и прочаго тяглаго люда, изъ пограничниковъ, порубежниковъ, козаковъ, свободныхъ общинъ, принявшихся за мореплаваніе съ цѣлью грабежа и обогащенія, какъ бы возродило вновь забытыя страницы русской морской исторіи IX и X вѣковъ.

На своихъ мореходныхъ лодкахъ, стругахъ, козачество, обманывая бдительность турецкихъ постовъ и флота, прорывалось черезъ устья Дона и Днѣпра на просторъ въ Черное море и начинало грабить и жечь туецкія населенія.

Многіе изъ казаковъ погибали, но болѣе счастливые возвращались съ богатою добычею. По своимъ убѣжденіямъ, козачество предпочитало смерть въ бою смерти въ мирной обстановкѣ, и подобный суровый взглядъ, вырабатывалъ изъ козачества стойкихъ и храбрыхъ воиновъ. Съ кѣмъ бы козачество не воевало, но оно дѣлалось страшнымъ врагу.

Въ 1559 году царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ былъ организованъ набѣгъ на Крымъ съ двухъ сторонъ, съ Дону двинулся староста Коневскій, князь Дмитрій Вишневецкій, истый казакъ по природѣ и съ нимъ 5.000 козаковъ, съ Днѣпра же пошелъ окольничій Даніилъ Адашевъ съ восьмитысячнымъ войскомъ. Адашевъ вышелъ на ладьяхъ изъ устья Днѣпра въ Черное море, взялъ съ бою два турецкихъ корабля, высадился въ Крыму, раззорилъ улусы и освободилъ плѣнниковъ московскихъ и литовскихъ людей.

На татаръ, застигнутыхъ врасплохъ, напалъ ужасъ. Разрушеніе улусовъ, пораженіе повсюду, наступившій голодъ лишали крымцевъ всякой надежды на бывшіе когда-то успѣхи ихъ оружія, а царь Иванъ Васильевичъ требовалъ мира, говоря, «что въ Крымъ теперь дороги извѣстны, какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ».

Въ настоящій моментъ довольно трудно себѣ представить всю важность морского событія, а именно захватъ рѣчными русскими силами морскихъ турецкихъ кораблей.

Всѣ русскія сердца невольно бьются сильнѣе, вспоминая могучее, блестящее царствованіе царя Іоанна Васильевича Грознаго въ лучшій его періодъ, но дорого еще для Россіи и то, что помыслы царя были неустанно направлены на развитіе морского дѣла, поэтому онъ былъ какъ бы предтечею Императора Петра Великаго.

Геніальность и искусство обоихъ правителей направлять народныя силы на совершеніе высокихъ патріотическихъ подвиговъ и образованія переломовъ въ исторіи Руси принадлежатъ въ одинаковой степени обоимъ,—одинъ уничтожилъ масульманское вліяніе, а второй шведское.

Перенесемся теперь, мысленно, на сѣверо-востокъ и отмѣтимъ выдающійся подвигъ козацкаго атамана Ермака Тимофеевича съ дружиною. Великую славу въ этомъ событіи раздѣляютъ съ ними бывшіе новгородскіе земскіе бояре Строгоновы, организовавшіе означенное предпріятіе.

Не касаясь разбора историческаго матеріала и легендъ, отмѣтимъ только высокое мореходное искусство козаковъ, въ плаваніи по быстроходнымъ рѣкамъ и по неизвѣданнымъ фарватерамъ.

Отмѣтимъ недюжинное умѣніе управляться далеко несовершеннымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и пользоваться тактическими преимуществами. Присоединимъ къ этимъ качествамъ выдающіяся черты козачества и получимъ понятіе о козакѣ,—мореходѣ, завоевателѣ XVI столѣтія. Небезъинтересенъ для морской исторіи походъ посланныхъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Сибирь, на помощь Ермаку, воеводъ князей Семен

Болховскаго и Ивана Глухова. Походъ совершался по рѣкамъ, на большихъ лодкахъ стругахъ, въ которыхъ помѣщались люди, кони, оружіе, провизія и т. д.

Несомнѣнно подобное движеніе въ неизвѣстной странѣ, по неизвѣстнымъ рѣкамъ, въ борьбѣ съ природою, съ туземнымъ населеніемъ при скудности техническихъ средствъ представляло большое затрудненіе. Но матушки рѣки видимо для народа-моряка всегда были вѣрными кормилицами.

Въ концѣ XVI и въ XVII столѣтіи козачество въ лицѣ запорожцевъ, донцевъ и терцевъ начинаетъ серьезно тревожить турокъ не давая имъ покоя вплоть до взятія крѣпости Азова. Козацкій флотъ, обманывая бдительность турокъ, отъ времени до времени, появляется въ Черномъ морѣ, разбиваетъ турецкія флотиліи, грабитъ и жжетъ турецкія населенія.

Турецкій султанъ вынужденъ уже посылать каторги, т. е. галеры, съ 50-ю янычарами въ каждой, съ огненнымъ боемъ, для ловли козацкихъ лодокъ. Такимъ образомъ, начинается понемногу отвоевываніе Русскаго или Чернаго моря. Мореходное козачество положило дѣлу починъ. Есть еще интересный случай изъ жизни козачества, а именно послѣ Полтавской битвы. Благодаря лишь морскому искусству запорожцевъ, приверженцевъ гетмана Мазепы, удалось бѣжать черезъ Днѣпръ королю Шведскому Карлу XII и гетману Ивану Степановичу Мазепѣ. Въ глухую ночь, имѣя погоню на плечахъ, запорожцы соединили двѣ лодки рядомъ и поставили на нихъ обѣихъ коляску раненаго короля, но такъ, что переднія колеса коляски находились на одной лодкѣ, а заднія на второй, и, несмотря на быстрину Днѣпра, удачно переправили бѣглецовъ на другой берегъ.

Справка о корабельныхъ людяхъ царя Алексѣя Михайловича.

Царствованіе царя Алексѣя Михайловича ознаменовалось въ морской жизни двумя крупными событіями. Впервые былъ задуманъ, съ благословенія патріарха Никона, этаго великаго патріота, морской походъ на столицу Швеціи, Стокгольмъ, подъ начальствомъ самого царя.

Походъ не имѣлъ успѣха и не былъ выполненъ, но стольникъ Потемкинъ съ корабельными людьми и мореходными донскими казаками на ладьяхъ имѣлъ бой со шведами и взялъ шведскій полукорабль у острова Котлина, нынѣ Кронштадта.

Затѣмъ вторымъ крупнымъ событіемъ былъ починъ Московскаго государства въ созданіи регулярнаго флота. По приказанію царя Алексѣя Михайловича, въ 1667 году, ближній его бояринъ, Афанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ былъ назначенъ завѣдующимъ кораблестроеніемъ, въ селѣ Дѣдиновѣ, Коломенскаго уѣзда, начавшимся съ помощью вызванныхъ изъ заграницы корабельныхъ мастеровъ.

То были Брандтъ, Тиммерманъ и другіе, составившіе впослѣдствіи первый техническій персоналъ юнаго царя Петра Алексѣевича.

Матеріалъ, деревянный наборъ, желѣзо, пеньку и т. д. вырабатывали домашними средствами, инструменты же выписывали изъ заграницы.

Строились тридцати пушечный корабль «Орелъ», двѣ яхты и нѣсколько шлюпокъ къ нимъ.

Корабль «Орелъ» и яхты строились для сношенія съ Персіей и должны были плавать въ Каспійскомъ морѣ. Начало кораблестроенія было весьма трудно, тѣмъ не менѣе царственная энергія царя Алексѣя Михайловича и талантъ Нащокина побѣдили препятствія.

Въ 1670 году «Орелъ» и яхты были въ Астрахани у воеводы Прозоровскаго. Кораблемъ «Орелъ» командовалъ англичанинъ Бутлеръ, а экипажъ состоялъ частью изъ рыболововъ села Дѣдиново, частью изъ иноземцевъ.

При взятіи Астрахани флотилія была сожжена атаманомъ Стенькою Разинымъ, также была уничтожена въ Казани флотилія изъ 150 — 160 большихъ лодокъ, вмѣщавшихъ въ себѣ до 300 человѣкъ каждая, причемъ набранный экипажъ, состоявшій, частью изъ рыболововъ, частью изъ иноземцевъ, при офицерахъ, былъ разсѣянъ. Вскорѣ скончался тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ, и заботы о флотѣ окончились. Возрожденіе флота изъ нѣдръ Россіи было совершено передовымъ сыномъ вѣка и творческимъ выразителемъ стихійныхъ народныхъ русскихъ силъ, Императоромъ Всероссійскимъ Петромъ Великимъ.

Замѣчательно, что царь Алексѣй Михайловичъ живо интересовался жизнью двухъ великихъ морскихъ державъ, Англіи и Франціи, и вступилъ съ ними въ область сношеній.

Итакъ, въ царствованіи Алексѣя Михайловича, его заботами образовался кадръ матросовъ иноземцевъ, матросовъ изъ русскихъ рыболововъ и кадръ морскихъ офицеровъ иноземцевъ.

Флотъ Императора Петра Великаго.

«Какъ на матушкѣ на рѣкѣ Невѣ
Молодой матросъ корабли снастилъ
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныхъ».

Народная молва приписываетъ происхожденіе этой пѣсни царю Петру Алексѣевичу. Если это такъ, то получаемъ лишь новое свидѣтельство, что творчество и поэтическій талантъ царя-плотника были всецѣло устремлены на развитіе дорогого ему дѣтища, флота. Къ концу царствованія царя Петра Великаго русскій военный флотъ насчитывалъ до 100 боевыхъ кораблей различныхъ ранговъ и свыше трехсотъ боевыхъ галеръ, не считая всѣхъ прочихъ необходимыхъ служебныхъ судовъ большихъ и малыхъ. На бортахъ кораблей и галеръ стояло около четырехъ тысячъ пушекъ. Черезъ посредство царя Петра Алексѣевича, Русь создала вновь флотъ, болѣе могучій, чѣмъ во времена Олега. По мѣрѣ того, какъ передъ нами

развертываются картины прошлаго одна за другой, мы наблюдаемъ эволюцію русской мысли и появляющееся разнообразіе формъ. Но все идетъ отъ одного корня. Погибаетъ по тѣмъ или другимъ причинамъ начавшійся побѣгъ, нужды нѣтъ—является новый, болѣе устойчивый; если этотъ погибаетъ является еще болѣе приспособленный и т. д. Царь Петръ Алексѣевичъ, повелитель своего народа, былъ и передовымъ сыномъ народа. За нимъ, какъ за свѣточемъ науки пошла лучшая часть русскаго народа. Что русскій народъ давно ожидалъ вождя для созданія новой жизни, видимъ изъ того, что, начиная съ царя Бориса Годунова, Русь стала сильно поворачивать на западъ.

При избраніи польскаго царевича Владислава на Московскій престолъ, московскіе бояре потребовали отъ послѣдняго присяги конституціонной хартіи, правда, очень скромной по содержанію, но тѣмъ не менѣе появившейся. Нарождались новые люди съ иными взглядами и желаніями и московскій правящій классъ раздвоился.

Все сильнѣе и сильнѣе начиналось тяготѣніе къ западу, къ установленію моремъ прямого сношенія съ нимъ, назрѣвала твердая мысль отнять свои родные берега Балтійскаго моря, построить сильный корабельный флотъ. Царь Петръ Алексѣевичъ наслѣдовалъ отъ своего родителя, неустаннаго работника, мыслителя, царя Алексѣя Михайловича, широкую политическую программу, подготовленныхъ помощниковъ, начала кораблестроенія и регулярной арміи, унаслѣдовалъ его умъ и мощность; достигъ высокаго искусства понимать духъ русскаго народа и умѣнья имъ повелѣвать. Какъ простой сынъ народа, онъ дѣлилъ съ арміей и флотомъ и голодъ, и холодъ, всѣ тягостные труды походовъ и построекъ, опасности въ бояхъ и послѣ побѣдъ пировалъ съ дружиною, какъ древніе кіевскіе князья. Обладая величественною внѣшнею фигурою, онъ производилъ чарующее впечатлѣніе своимъ огненнымъ взглядомъ, своимъ мощнымъ повелительнымъ голосомъ и талантливыми распоряженіями. Сто лѣтъ спустя подобный же восторгъ и энтузіазмъ въ войскахъ производилъ вождь французовъ, маленькій человѣкъ съ геніальнымъ взглядомъ, Императоръ Наполеонъ-Бонапартъ.

Упоминаю потому, что у обоихъ императоровъ историки находятъ много тождественнаго въ искусствѣ выигрывать сраженія.

Особенно дороги распоряженіи царя Петра Алексѣевича въ охраненіи интересовъ русскаго народа. Прибѣгая къ опытности и знанію иностранцевъ, онъ по мѣрѣ появляющихся подготовленныхъ русскихъ людей ставилъ ихъ тотчасъ же распорядителями и начальствующими надъ иностранцами.

Народную энергію укрѣпилъ въ высшей степени и, какъ великій артистъ, заставилъ въ душѣ народа зазвучать тѣ струны, о существованіи коихъ славянство давнымъ-давно позабыло, или даже не подозрѣвало. Изслѣдуя его образъ войны со шведами на сушѣ и на морѣ, усматри-

ваемъ все нѣкогда сказанное Императоромъ Маврикіемъ о славянахъ. Уклоненіе до времени отъ большихъ массовыхъ столкновеній, завлеканіе непріятеля, неожиданное нападеніе, отрѣзываніе отрядовъ и отчаянная рѣшительная схватка.

Суровый, непреклонный и очень часто жестокій на службѣ, царь Петръ Алексѣевичъ дѣлался неузнаваемымъ по окончаніи ея и во времена бывшихъ многочисленныхъ, по случаю побѣдъ, маскарадныхъ процессій: Великій Императоръ веселился одѣтый простымъ рядовымъ барабанщикомъ.

Что же этимъ выяснялось?

Величіе духа выше всѣхъ положеній! Не ученый, но глубокій психологъ, царь тонко понималъ особенности славянскаго міровоззрѣнія и въ особенности въ примѣненіи къ бою. Вѣра въ собственныя силы, иниціатива, иначе русская сметка, въ войскахъ развивались въ широкой степени. Славянскій рукопашный бой, гдѣ каждый долженъ быть дѣйствующимъ лицомъ, а не пассивнымъ зрителемъ, быстрота нападенія, удаль, осторожность при неравенствѣ силъ и обратно отчаянная схватка съ рѣшительнымъ побѣднымъ исходомъ въ случаѣ возможности нападенія, все это примѣнялось флотомъ и войсками въ совершенствѣ.

Есть еще одна замѣчательная особенность въ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, имѣвшая значеніе высокой важности во всѣхъ историческихъ событіяхъ, особенность, обыкновенно, не разсматриваемая историками. Царь Петръ Алексѣевичъ былъ даровитѣйшій и искуснѣйшій артиллеристъ, выше даже чѣмъ корабельный мастеръ. Пушки его чертежа стрѣляли и дальше, и сильнѣе, чѣмъ шведскія. Врожденную способность русскихъ къ мѣткой стрѣльбѣ онъ использовалъ великолѣпно и превосходствомъ артиллеріи покрылъ недочеты въ боевой организаціи арміи и флота. Прослѣдивши за ходомъ сухопутныхъ и морскихъ сраженій, видимъ, что всѣ они были тщательно подготовлены артиллерійской атакой, при условіи, что непріятель не могъ вредить въ сильной степени своимъ огнемъ.

Интересно, какъ этотъ великій человѣкъ прошелъ путь въ созданіи флота. Четырнадцатилѣтнимъ юношей царь Петръ Алексѣевичъ въ амбарѣ въ селѣ Измайловѣ, у своего двоюроднаго дяди Никиты Ивановича Романова находитъ англійскій ботъ. Сказываютъ, «идетъ противъ вѣтра». Надо испытать, рѣшаетъ Петръ. Отыскиваютъ стараго строителя корабля «Орелъ» голландца Кирштейнъ Брандта. Ботъ тимбируютъ, снастятъ, и Петръ Алексѣевичъ съ Брандтомъ плаваетъ по рѣкѣ Яузѣ подъ парусами, а затѣмъ, разъ напавъ на оставленный послѣ царя Алексѣя Михайловича прочный корабельный слѣдъ, Петръ Алексѣевичъ быстро идетъ по немъ. Слѣдуетъ плаваніе на Просяномъ прудѣ, вспыхиваетъ желаніе кораблестроенія, послѣднее начинается на Переяславскомъ озерѣ, плаваніе на послѣднемъ, затѣмъ слѣдуетъ въ томъ же порядкѣ флотъ Бѣлаго моря, флотъ Воронежскій для Чернаго моря и, наконецъ, созданіе Балтійскаго флота и завоеваніе древне-русскихъ береговъ.

Наборъ рекрутъ, служба и военное воспитаніе XVIII и XIX вѣковъ.

Блестящіе успѣхи русскаго оружія на сушѣ и на морѣ въ царствованіе Императора Петра I заставляютъ думать, что армія и флотъ комплектовались людьми весьма способными и знающими свое дѣло. На самомъ же дѣлѣ на службу поступали люди прямо сермяжные. Когда создавался флотъ и выбирали матросовъ изъ рыболововъ, то кликнули кличъ. Охотниковъ явилось до трехъ тысячъ, послѣ чего за неимѣніемъ охотниковъ, наборы совершались принудительными мѣрами. О положеніи набора рекрутъ въ армію, большое впечатлѣніе производитъ записка о Петровской эпохѣ Фельдмаршала Миниха, поданная имъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ предшествующую двадцатилѣтнюю шведскую войну, пишетъ онъ, каждая семья отдавала сына, брата, и не одного. Погибло людей не столько въ сраженіяхъ, сколько при неправильныхъ распоряженіяхъ начальствующихъ, при постройкѣ ли Петропавловской крѣпости или при прорытіи Ладожскаго канала. Матросы и солдаты не отпускаются со службы домой до глубокой старости или увѣчья и, приходя домой, ищутъ помощи отъ родныхъ или питаются Христовымъ именемъ.

Для полученія хорошихъ рекрутъ, пишетъ далѣе Минихъ, необходимы солдатскія и матросскія школы и въ нихъ изъ дѣтей подготовятся будущіе, знающіе свое дѣло рекруты. Фельдмаршалу Миниху для подготовки офицеровъ удалось осуществить другой проектъ: какъ извѣстно, имъ основанъ I Кадетскій Корпусъ. Школы того времени были крайне несовершенны.

Приведемъ, хотя вкратцѣ, выдержку изъ воспоминаній обучавшихся въ Московской артиллерійской школѣ.

Школа помѣщалась на артиллерійскомъ полковомъ дворѣ. Прислано было изъ провинціи около семисотъ учениковъ, но такъ какъ смотрѣть за ними было некому, то большая часть ушла въ разныя стороны, остались только прилежные. Арифметикѣ обучали два подмастерья изъ пушкарскихъ дѣтей, а затѣмъ, по пословицѣ «волку овецъ пасти», назначили штыкъ-юнкера Алабышева. Алабышевъ содержался за смертное убійство въ третій разъ подъ арестомъ, но былъ человѣкъ, хотя нѣсколько знающій, разбиралъ печатный арифметикъ Магницкаго, показывалъ ученикамъ часть геометрическихъ фигуръ, считалъ себя весьма ученымъ человѣкомъ, однако приходилъ въ школу рѣдкій день не пьянымъ и былъ весьма вздорнаго характера.

Штыкъ-юнкера Алабышева смѣнилъ капитанъ Гринковъ, прилежный, знающій и хорошій человѣкъ.

Его стараніемъ нѣсколько человѣкъ изъ учениковъ были пожалованы въ артиллерію сержантами и унтеръ-офицерами. Ученики помѣщались въ четырехъ великихъ свѣтлицахъ и, окончивъ ученіе или отправляясь обѣдать, учиняли безобразный крикъ во всѣ голоса на подобіе ура кричали протяжное «шабашъ».

Тѣмъ не менѣе стремленіе заводить школы было постоянною мыслью правительства. Сенатъ, отправляя капитана Беринга въ Сибирь, предписывалъ ему въ то время, завести въ Охотскѣ навигацкую школу. Обученіе дворянскихъ дѣтей почетныхъ фамилій было обставляемо нѣсколько лучше. Навигацкая школа съ профессоромъ обердинскаго университета Генрихомъ Фарварсономъ въ Москвѣ, учрежденная въ 1701 году, и непрекращавшаяся посылка юношества за границу дали извѣстный процентъ подготовленныхъ къ морской службѣ офицеровъ.

Сама служба была въ высшей степени тяжела и кодексъ практиковавшихся въ то время наказаній можетъ напомнить блестящее время испанской инквизиціи. Проволакиваніе провинившагося подъ килемъ корабля, причемъ послѣдняго вынимали изъ воды полумертвымъ, прибиваніе руки къ мачтѣ ножемъ, съ обязательствомъ для наказуемаго протащить руку черезъ ножъ, шпицрутены, битье плетьми у мачты, содержаніе въ желѣзахъ, повѣшеніе, четвертованіе, колесованіе и даже сожженіе...

Казалось бы при такихъ строгихъ правилахъ, сама жизнь на кораблѣ должна была быть нормально обставлена. Ничуть не бывало. Вотъ, что пишетъ въ мартѣ 1716 года Девіеръ Макарову изъ Копенгагена, «Здѣсь мы нажили такую славу, что въ тысячу лѣтъ не угаснетъ. Синявинской команды умерло здѣсь близко 150 человѣкъ и изъ нихъ много бросали въ воду въ каналъ, а нынѣ уже человѣкъ 12, которыхъ принесло ко дворамъ, я увидѣвъ то, хотя и не изъ моей команды, однако же велѣлъ вытаскивать изъ воды и похоронить, а народъ здѣшній о томъ жалуется и министры нѣкоторые говорили и хотѣли послать къ королю».

Въ 1717 году одинъ изъ умнѣйшихъ моряковъ и гуманный человѣкъ шаутъ-бенахтъ (контръ-адмиралъ) Паддонъ съ эскадры въ Біоркѣ доносилъ, что вслѣдствіе гнилой муки у него изъ прибывшихъ 500 человѣкъ рекрутъ въ теченіе мѣсяца осталось лишь 275, остальные померли. Матросы на корабляхъ при дурной пищѣ и одеждѣ, дурномъ и крайне тѣсномъ помѣщеніи изнурялись вѣчною тяжелою работою и умирали въ большомъ количествѣ.

Тѣмъ не менѣе ихъ трудами завоевано море... Вѣчная имъ память!

Есть примѣры морскихъ подвиговъ, совершенныхъ частными людьми.

Вечеромъ, 24 іюня 1701 года, семь шведскихъ военныхъ судовъ пришли къ Архангельску обманнымъ путемъ подъ голландскими и англійскими флагами, съ цѣлью раззорить его. Захваченные въ плѣнъ монастырскій служка Иванъ Рябовъ и переводчикъ Дмитрій Борисовъ поставили два корабля, по соглашенію, на мель, подъ выстрѣлы береговыхъ батарей. Борисовъ былъ убитъ, а израненный Рябовъ притворился мертвымъ, спрыгнулъ затѣмъ въ воду и спасся вплавь. Оба шведскіе корабля были разбиты выстрѣлами русскихъ батарей, а прочіе пять шведскихъ кораблей быстро скрылись, не нанеся вреда городу Архангельску.

30 августа 1810 года, русское купеческое судно, подъ управленіемъ мѣщанина Герасимова, близъ Нордкапа, было взято англійскимъ кораблемъ

и съ посаженною на него англійскою командою отправлено въ Англію. Герасимовъ, воспользовавшись оплошностью англичанъ, заперъ ихъ въ каютѣ, овладѣлъ судномъ и привелъ его въ Колу.

Преданность Державному Вождю, Престолу и Отечеству, убѣжденіе стоять непоколебимо за вѣру православную и, несмотря на кажущуюся грубость нравовъ, высокое и вмѣстѣ съ тѣмъ философско-религіозное міросозерцаніе народа, выражавшееся въ любимыхъ имъ символахъ, Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви, беззавѣтная храбрость и мужество, быстрая сметка, понятливость, твердое усвоеніе всѣхъ тонкостей военно-морского дѣла, вотъ тѣ данныя, пользуясь которыми державные вожди создали громкія побѣды и прочное положеніе Россіи, на родныхъ берегахъ Балтійскаго моря.

Жизнь паруснаго флота во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія, нѣсколько видоизмѣняясь, слѣдовала, однако, установившимся Петровскимъ формамъ.

Можно отмѣтить лишь, что служба, нравы, условія жизни, воспитаніе во флотѣ, постепенно смягчались и дѣлались гуманнѣе.

Было нѣсколько громкихъ побѣдъ въ Средиземномъ и Балтійскомъ моряхъ, немало ученыхъ открытій въ плаваніяхъ по всѣмъ океанамъ, но въ общемъ положеніе флота было шаткое и неустойчивое.

Жизнь, дѣятельность и службу высшаго морского состава нѣтъ возможности обрисовать въ настоящемъ очеркѣ, тѣмъ болѣе, что подвиги героевъ моряковъ-адмираловъ и офицеровъ, запечатлѣвшихъ своею кровью преданность Престолу и Отечеству или заявившихъ о себѣ дальними плаваніями, широкой административной и учебной дѣятельностью, начиная съ Петровской эпохи и вплоть до нашихъ дней, извѣстны въ широкой степени русскому обществу.

Морскія былины.

Своей морской лѣтописи русская государственная жизнь IX и X вѣковъ не имѣетъ. Также нѣтъ и свѣдѣній о жизни Славянъ въ эпоху союза Славянскихъ племенъ до княжескаго періода; ихъ замѣняютъ былины. Среди послѣднихъ есть былины, о нѣкоторыхъ герояхъ мореходахъ сказочнаго эпоса. Таковъ, напримѣръ, Вольга или Волховъ, богатырь, очень хитрый, защищающій стольный Кіевъ градъ. Названная былина еще интересна тѣмъ, что въ одномъ мѣстѣ пространно повѣствуетъ о способахъ выдѣлки днища изъ одного дерева для будущаго корабля. Вслѣдствіе высокаго интереса, представляемаго сохранившимися литературными памятниками старины, привожу нѣкоторыя характерныя выдержки о морскомъ дѣлѣ, встрѣчающіяся въ былинахъ.

Изъ-подъ чуднаго креста съ-подъ Леванидова,
Изъ-подъ бѣлаго горюча камня Лáтыря—
Тутъ повышла, повышла, повыбѣжалá,

Выбѣгала-вылетала матка Волга-рѣка,
Мѣстомъ шла она ровно три тысячи верстъ,
А и много же въ себя она рѣкъ побрала́,
Да побольше того вѣдь ручьевъ пожрала́,
Широко-далеко подъ Казань прошла,
Шире, далѣй того да подъ Астрахань;
Здѣсь пускала устьё ровно семьдесятъ верстъ,
Выпадала во морюшко Хвалынское
Да все это, братцы, не старинушка,
Все-то это, братцы прибауточка,
А теперь старинамъ у насъ зачинъ пойдетъ.
И возго́воритъ Вольга́ таковы слова:
— «Дружина моя добрая, хоро́брая,
Слушайте ка, братцы, бо́льшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Звѣри-птицы въ лѣсахъ всѣ повыловлены;
Вы берите-ка топоры дроворубные,
Стройте-ка судёнышко дубовое,
Ладьте-ка тоневья шелко́вые,
Поплавочки кладите чиста золота,
Выѣзжайте на синё море,
И ловите рыбу—сёмжинку, бѣлужинку,
Дорогую рыбку осётринку,
Да и щученьку, малую плотиченьку.—
«Они слушали братцы бо́льшаго,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Брали топоры дроворубные,
Строили суденышко дубовое,
Ладили тоневья шелко́вые,
Выѣзжали на синё море,
Ловили три дня и три ночи.

Въ былинѣ о Венеціанскомъ купцѣ Соловьѣ Будиміровичѣ есть описаніе цѣлаго морскаго похода, управленія кораблемъ, парусами, промѣръ дна около береговъ и т. д., свидѣтельствующее объ установившейся морской практикѣ.

Высота ли—высота поднебесная!
Глубота—глубота океа́нъ-море!
Широко раздолье—по всей землѣ!
Глубоки—темны омуты Днѣпровскіе.
Изъ-подъ дуба было, дуба сыраго
Изъ-подъ вяза, вяза съ-подъ червлёнаго,
Изъ-подъ кустышка да съ-подъ ракитова,

Съ-подъ березыньки да съ-подъ кудрявыя,
Изъ-подъ камешка да изъ-подъ бѣлаго
Выходила, выбѣгала мать Днѣпра-рѣка,
Пала устьемъ въ море, море Черное.
Изъ-за моря, моря Чернаго,
Съ-за того лукоморья зелёнаго,
Ото славна города отъ Ве́денца,
По той матушкѣ да по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Какъ не чёрны тученьки затучили,
Какъ не сини облачки задёргали,—
Выбѣгали-выгребали тридцать ко́раблей
Тридцать ко́раблей да все червленыихъ:
А одинъ корабликъ наперёдъ бѣжитъ,
Наперёдъ бѣжитъ, да какъ соко́лъ летитъ.
Хорошо корабли изукрашены,
Хорошо корабли изнаряжены,
А соко́лъ-корабликъ получше всѣхъ:
Высоко́шенько головушка приподнята,
Носъ-корма сведены по-туриному,
Широки бока по-звѣриному—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Вмѣсто о́чей было вставлено
По драго́му камню, по яхонту,
Вмѣсто бровей было врощено
По заморскому черному соболю,
Вмѣсто усовъ было воткнуто
Два булатные, острые ножечка,
Вмѣсто ушей было вдёргано
Два горностаюшка зимніе—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Вмѣсто гривы было прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя, заморскія,
Вмѣсто хвоста повѣшано
Два медвѣдя бѣлые заморскіе—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Тонки парусы были дорогой камки,
Дорогой каме́чки, хрущатыя,
Толсты снасти-канаты семи шелковъ,
Остры якори были булатные,
А колечики у якорей серебряныя,
Еще лапочки были золо́ченыя—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Среди того сокола кораблика,

Чердачёкъ стоитъ зе́ленъ мура́вленый,
Потолокъ подёрнутъ рытымъ бархатомъ,
Стѣны крыты—обиты чернымъ соболемъ,
Изнавѣшаны лисицами-куницами,
Дорогими соболями заморскими.
Въ чердакѣ бесѣдочки сидѣльныя,
На бесѣдочкахъ сидитъ купа́въ-молодецъ,
Молодой Соловей сынъ Будіміровичъ,
. . . . . .
«Гой еси вы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы послушайте-ка братца большаго
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Вы снимайте сходеньки со бережка,
Подымайте якори булатные,
Распускайте парусы хрущатые,
Поѣзжайте за славно синё море
Ко тому лукоморью зелёному,
Да во славную землю Веденецкую».
Они дѣлали дѣло повелѣнное
Брали сходеньки со бережка,
Поднимали якори булатные,
Распу кали парусы хрущатые;
Выбѣгаютъ выгребаютъ тридцать ко́раблей,
Впереди всѣхъ бѣжитъ соко́лъ-корабль
По той матушкѣ, по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Да ко славному ко синю морю.
Глубоки,—темны омуты Днѣпровскіе
Широко раздолье—по всей землѣ!
Глубота—глубота—океа́нъ-море
Высота—высота поднебесная.

Сказаніе о морскомъ дѣлѣ съ большими подробностями встрѣчаемъ въ былинѣ о новгородскомъ богатырѣ «Василіи Буслаевѣ»:

Какъ подъ славнымъ, подъ Великимъ Новымъ-го́родомъ;
Да по славному по озеру по Ильменю,
Плаваетъ поплаваетъ сѣръ селезе́нь,
Какъ-бы ярый гоголь да попырива́етъ—
Плаваетъ-поплаваетъ червлёнъ корабль
Молода Василія Буслаева,
Молода Василія со дружиною,
Со дружиною его хоро́брою,
Тридцать да уда́лыхъ молодцевъ.

Въ былинѣ о богатомъ Новгородскомъ гостѣ Садко поется:

Какъ по мóрю, морю синему
Тридцать чёрныхъ кораблей плывутъ,
А одинъ корабль то передóмъ летитъ,
Передóмъ летитъ, чтó бѣлъ кречётъ—
Самого Садкá, гостя богатаго.
Какъ сходилась тутъ погода сильная,
Всѣ-то кóрабли, чтó соколы летятъ,
А Садкóвъ корабль-то становиться сталъ,
Застоялся середи моря.
И волной-то бьетъ и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ—
А корабль, ни съ мѣста, на синёмъ морѣ.
. . . . . .
. . . . . .
И вскочилъ Садкó тутъ, испужался онъ,
Оглянулся на родной свой Новгородъ:
Свою церковь, свой приходъ узналъ,
Николая да Можайскаго,
Осѣнилъ себя крестомъ своимъ.
И глядитъ Сáдко по Волхъ-рѣкѣ:
Отъ того отъ озера Ильменя
Да по славной матушкѣ по Волхъ-рѣкѣ
Тридцать черныхъ кораблей бѣгутъ,
А одинъ корабль-то передóмъ летитъ,
Передóмъ летитъ, что бѣлъ кречётъ—
Самого Садкá, гостя богатаго.

Въ былинахъ ярко обрисовывается тяготѣніе Славянства къ морской стихіи, но въ нихъ въ то же время воспѣваются удачныя, торговыя морскія плаванія и искусная морская практика. Народъ понимаетъ, что съ моремъ шутить нельзя, необходимы свѣдѣнія и искусства. Много въ былинахъ теплаго отношенія къ морю и къ его чарующимъ красотамъ; такъ, напримѣръ, былина не сказываетъ прямо—море, а называетъ славное синее море или славное озеро Ильмень. Но воспѣвая море, народъ видитъ въ немъ главное практическое достоинство, — широкій, морской торговый путь.

Слагаются значительно позже пѣсни смѣшаннаго характера, московскія въ царствованіе Іоанна Грознаго, петровскія въ царствованіе Царя Петра Алексѣевича, а также пѣсни казацкія.

Во времена паруснаго флота въ XVIII и XIX столѣтіяхъ много было сложено морскихъ пѣсенъ, къ сожалѣнію, въ свое время незаписанныхъ, а потому потерянныхъ для потомства.

Тоскливое плаваніе по мѣсяцамъ, подъ парусами, въ океанахъ, служба на всю жизнь, все создавало лирическій и грустный оттѣнокъ пѣсни, хотя были и пѣсни съ бодрымъ настроеніемъ и съ воинственнымъ характеромъ.

Совокупность поэтическихъ твореній народа о морѣ приводитъ къ заключенію, что для русскаго народа море, какъ онъ его высказываетъ, «его широкое раздолье», и слѣдовательно самое для него дорогое, а съ другой стороны онъ видитъ въ немъ источникъ пропитанія и обогащенія.

Современная морская жизнь.

Крѣпостническая армія и флотъ спѣли лебединую пѣснь на бастіонахъ Севастополя, пѣснь полную славы, но полную и горя. Армія отступила на сѣверъ, флотъ затопленъ, Севастополь палъ.

Послѣдовалъ рядъ реформъ, неразрывно связанныхъ во флотѣ съ плодотворною дѣятельностью покойнаго генералъ-адмирала Константина Николаевича. Введена всеобщая воинская повинность. Усилено школьное и техническое спеціально морское образованіе во всѣхъ слояхъ флота. Тяжелый, стальной броненосецъ смѣнилъ легкій, чарующій парусный корабль. Много было недовѣрія къ молодой арміи и флоту, но Турецкая кампанія 1877—1878 годовъ выказала воочію блестящія боевыя качества молодыхъ арміи и флота.

Зимній переходъ арміи черезъ Балканы подъ начальствомъ незабвеннаго фельмаршала Великаго Князя Николая Николаевича, взрывы турецкихъ броненосцевъ на Дунаѣ, крейсерство русскихъ минныхъ флотилій въ Черномъ морѣ, плѣненіе цѣлыхъ турецкихъ армій на сушѣ,—дѣла вполнѣ достойныя дѣлъ, бывшихъ у предковъ.

Умственный горизонтъ нижнихъ чиновъ флота расширился, школы выпустили многихъ даровитыхъ и преданныхъ дѣлу тружениковъ, по всѣмъ отраслямъ военно-морского дѣла.

Срокъ службы уменьшился до пяти лѣтъ, въ основу всего вложена гуманность, исчезли тѣлесныя наказанія.

Теперь приближаемся къ событію, разрушившему ясное міросозерцаніе русскаго общества, поколебавшему довѣріе послѣдняго къ флоту и создавшему рядъ печальныхъ событій. Говорю о русско-японской войнѣ.

Уничтоженіе на морѣ трехъ русскихъ эскадръ было громовымъ ударомъ для Россіи. Конечно, русское общество искало и причинъ, и виновныхъ.

Вѣроятнѣе всего, что для такого крупнаго историческаго факта, какъ гибель трехъ эскадръ, народились крупныя историческія причины; отдѣльныя же личности могли быть только причинами случайными.

Ни одинъ изъ японскихъ броненосцевъ не былъ потопленъ съ нашей стороны въ артиллерійскомъ бою или сильно поврежденъ и только лишь минерамъ, славнымъ потомкамъ пушкарей въ дѣлахъ Казани, Троицко-

Сергіевской Лавры, Севастополя и Дуная удалось взорвать два лучшихъ японскихъ броненосца, не считая мелкихъ судовъ.

Вспоминая первые боевые шаги русскаго флота подъ флагомъ вице-адмирала Крюйса, отражавшаго 4, 5, 6 и 10 іюня 1705 года отъ острова Котлина нападеніе шведскаго адмирала Анкерштерна и отзывъ вице-адмирала Крюйса, что наши съ кораблей таково мѣтко стрѣляли, будто изъ мушкетовъ и намъ часто многажды было мочно слышать какъ ядра въ корабли непріятельскіе щелкали и щепы отъ бомбардирскихъ кораблей вверхъ летали, или позднѣе могучее дѣйствіе артиллеріи знаменитаго корабля «Рафаилъ» подъ командою легендарнаго капитана I-го ранга Лукина, въ сраженіи 19 іюня 1807 года съ турецкимъ флотомъ, при Аѳонской горѣ подъ флагомъ вице-адмирала Сенявина, въ коемъ капитанъ I-го ранга Лукинъ сложилъ свою голову, припоминая длинную лѣтопись выигранныхъ крупныхъ морскихъ артиллерійскихъ побѣдъ, безуспѣшность артиллерійской стрѣльбы въ послѣднюю кампанію и, главнымъ образомъ, изъ пушекъ большихъ калибровъ становится явленіемъ трудно объяснимымъ и загадочнымъ, не поддающимся общимъ пріемамъ изслѣдованія.

Поэтому, не касаясь ни вопросовъ административныхъ, ни вопросовъ о сравненіяхъ системъ оружій, судовъ и такъ далѣе, а обращаясь лишь только къ участію въ совершившемся характера русскаго народа, вытекающаго изъ его вѣками сложившагося міровоззрѣнія, построимъ болѣе или менѣе вѣроятную гипотезу о причинахъ.

Война есть только одно изъ проявленій народнаго духа, она не создаетъ другой народъ, она лишь твердо подчеркиваетъ видимыя черты характера народа и ярко вызываетъ на свѣтъ черты народнаго характера, скрытыя въ тѣни въ мирное время.

Ни одинъ народъ въ Европѣ неспособенъ къ такому напряженію труда на короткое время, какое можетъ развить великоросъ, говоритъ историкъ Ключевскій и добавляетъ, что великоросъ лучше работаетъ одинъ и мало способенъ работать большими союзами, дружными массами.

Тонкій психологъ, военно-ученый полководецъ Александръ Васильевичъ Суворовъ сложилъ поговорку: «пуля дура, штыкъ молодецъ; пуля обмишулится, штыкъ никогда». Поговорку знаетъ вся Россія, и она кажется родною всѣмъ.

На самомъ дѣлѣ, такъ оно и есть.

Способность высокой, напряженной работы русскаго народа, превосходящей работу остальныхъ европейскихъ націй, была замѣчена Суворовымъ, и онъ ее примѣнилъ къ страшному, неодолимому штыковому удару для прорыва центра арміи непріятеля.

Тѣмъ не менѣе, когда нужно, Суворовъ великолѣпно пользовался артиллерійскою подготовкою, какъ это онъ выполнилъ подъ Кинбурномъ или при взятіи турецкой крѣпости Измаилъ, бомбардируя ея съ Дуная пушками рѣчной флотиліи адмирала де-Рибаса. Штыковаго удара, въ современномъ

морскомъ бою больше нѣтъ, и онъ по аналогіи долженъ замѣниться артиллерійскимъ боемъ высокой напряженности, превосходящимъ бои прочихъ націй.

Но для подобнаго совершенства огня артиллеристы корабля должны быть хорошо подготовлены.

Постараемся болѣе или менѣе выяснить условія максимальнаго дѣйствія огня съ корабля, являющагося какъ бы равносильнымъ суворовскому штыковому удару. Конечно, это говорится условно, но допустимъ на время возможность равенства. Наивысшее дѣйствіе огня опредѣлится какъ максимумъ функціи съ двумя измѣняющимися, изъ коихъ одна включаетъ въ себѣ всѣ современныя условія техники стрѣльбы, а вторая условія обстановки стрѣльбы. Къ сожалѣнію, какъ увидимъ ниже условія обстановки и процессъ стрѣльбы изъ большихъ пушекъ вредно отразились на духовной природѣ стрѣляющихъ.

Современный, принятый съ запада, броненосецъ, представляющій собою послѣднее слово современной механики обезличилъ героя матроса, превративши его въ одно изъ непрерывныхъ звеньевъ, между безчисленными машинами корабля.

Парусный корабль давалъ больше простору личности, служба была тяжелѣе и опаснѣе и многое въ борьбѣ со стихіею и врагами, зависѣло отъ личнаго искусства и самоотверженія матроса.

Нынѣ сотни людей стоятъ у раскаленныхъ до-красна печей, работа которыхъ состоитъ въ подбрасываніи и мѣшаніи угля, не видящихъ боя и идущихъ со своимъ кораблемъ ко дну, подобно бывшимъ невольникамъ галеръ.

Большія пушки въ башняхъ, потомки прежнихъ большихъ пушекъ на парусныхъ корабляхъ, перестали быть любимцами своихъ пушкарей и предметами матросскаго юмора, выражавшагося въ названіяхъ и прозвищахъ болѣе или менѣе остроумныхъ.

Подобное отчужденіе отъ пушекъ образовалось у наводчиковъ съ появленіемъ западныхъ башенныхъ броненосныхъ паровыхъ кораблей, гдѣ система стрѣльбы сдѣлала прежнихъ лихихъ наводчиковъ большихъ пушекъ только прислугою.

Стрѣльба изъ большихъ башенныхъ пушекъ сосредоточивалась, посредствомъ аппаратовъ, въ рукахъ только одного стрѣляющаго.

«На міру и смерть красна», гласитъ народная поговорка, подразумѣвая подъ этимъ посильное участіе каждой личности въ предпринятомъ дѣлѣ и связанное съ нимъ самоотверженіе.

«Чудо-богатыри», не выдайте!» говорилъ фельдмаршалъ Суворовъ.

«Благодѣтели, за мной, въ штыки!» крикнулъ ротѣ Сѣвскаго полка во время обороны Севастополя генералъ Хрулевъ, выбивая французовъ изъ занятаго ими Камчатскаго редута.

Западный башенный броненосный корабль съ двумя-тремя пушками въ одной башнѣ въ способахъ соединенной стрѣльбы мало согласуется съ бытовыми чертами русскаго народнаго характера.

Послѣдній любитъ обособленность, какъ говоритъ историкъ Ключевскій, поэтому казалось бы выгоднѣе всю стрѣльбу изъ пушекъ большихъ, составляющихъ главную силу нападенія и обороны корабля, возложить на лучшихъ выборныхъ стрѣлковъ корабля, а пушки раздѣлить по одной.

Только тогда во всемъ блескѣ проявятся высокія боевыя достоинства экипажа корабля въ артиллерійскомъ бою и воскреснутъ былыя побѣды.

Въ противномъ же случаѣ участь бойцовъ будетъ неполное участіе въ защитѣ родного корабля и въ случаѣ его гибели — геройская смерть. Построеніемъ кораблей, смѣемъ думать, въ ряду другихъ предположеній, наиболѣе отвѣчающихъ природѣ русскаго народа, и возобновленіемъ славянской тактики боя явится возможность покрыть нѣкоторые наши техническіе недочеты передъ западомъ. Пусть, напримѣръ, главное вооруженіе кораблей будетъ подобіемъ вооруженія бывшихъ стѣнъ Московскаго кремля, Великаго Новгорода, Пскова и Смоленска, столь славныхъ своею геройскою обороною.

Большія, главныя, пушки корабля, въ башенныхъ прикрытіяхъ размѣщаются только по одной въ каждомъ, отъ носу до кормы, по сомкнутой кривой линіи, обходящей борты корабля. Именно только по одной пушкѣ, при чемъ меньше механизмовъ и больше ручного труда въ обращеніи. Каждая пушка обслуживается своею командою и послѣдняя по боевой тревогѣ, получивши приказанія о цѣли, ведетъ всю стрѣльбу подъ наблюденіемъ своихъ офицеровъ. Въ мирное подготовительное время команда практикуется всесторонне со своею пушкою, не опасаясь поломокъ и порчи механизмовъ, достигая той степени ловкости въ обращеніи съ нею, съ какою каждый изъ пушкарей владѣлъ топоромъ во время своего крестьянства.

Достигнувши подобнаго навыка, призванные полностью къ защитѣ корабля сообразно національному характеру, артиллеристы проявятъ всю свою мѣткость, ловкость и неустрашимость и, если суждено будетъ погибнуть кораблю, то послѣдній используетъ всѣ средства обороны и нанесетъ наибольшій вредъ врагу.

Разобравши внутреннее размѣщеніе и способъ дѣйствія одного корабля, перейдемъ къ соединенному дѣйствію нѣсколькихъ кораблей или эскадры.

Удачныя дѣйствія и успѣхъ послѣдней будутъ въ высокой степени зависѣть отъ умѣнья и военнаго таланта флотоводца.

Чѣмъ глубже его талантъ постигнетъ тайну національной борьбы, тѣмъ вѣроятнѣе побѣда.

«Глазомѣръ, быстрота, натискъ» — училъ Александръ Васильевичъ Суворовъ.

Точное знаніе мѣстности, нечаянное нападеніе, рѣшительная побѣдоносная схватка, пишетъ, о славянахъ Византійскій императоръ Маврикій.

Двѣ равнозначущія формулы и если сравнимъ ихъ почленно, то убѣдимся, что обѣ выражаютъ одинъ и тотъ же смыслъ. Вотъ почему что-то

родное и близкое славянскому сердцу слышится въ загадочномъ образномъ выраженіи великаго полководца.

Мы низко поклонились западу, добросовѣстно приняли его корабли, его западный строй, своихъ чудо-богатырей превратили въ машинную, кочегарную и артиллерійскую прислугу и такъ далѣе, приняли западное оружіе, отказались отъ древне-русскихъ обычаевъ боя и западнымъ же оружіемъ, вложеннымъ въ руки сильнаго, хитраго и вѣроломнаго азіатскаго народа, сохранившаго свои самобытныя атаку и оборону, были жестоко поражены, хотя и не побѣждены!

Слѣдовательно, несмотря на совершенство оружія, существуетъ еще другая крупная величина въ борьбѣ. Это—умѣніе пользоваться всѣми средствами національныхъ атаки и обороны, яркимъ примѣромъ которыхъ являются всѣ дѣйствія и распоряженія Императора Петра Великаго. Красиво и захватывающимъ образомъ вліяетъ искусство и творчество запада!

Но не все то, что красиво, то пригодно!

Вожденіе за собою въ бой, какъ бы на ниточкѣ, исполиновъ-кораблей едва ли согласуется съ славянской природой.

Народъ привыкъ драться міромъ, т. е. имѣть подъ бокомъ сосѣда!

«Вѣдь мы пойдемъ ломить стѣною»... восклицаетъ покойный поэтъ и математикъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, печальная судьба котораго не дала развиться ему въ военнаго писателя.

Дѣйствительно, если разсмотрѣть выдающіяся побѣды нашихъ предковъ на сушѣ и на морѣ, въ большинствѣ случаевъ, онѣ были выиграны нападеніемъ стѣнкою.

Итакъ, уроки послѣдней морской войны какъ бы наталкиваютъ на созданіе славянскаго боевого корабля и возстановленія древне-русскаго боя. До нея образцы и творчество запада казались для насъ откровеніемъ свыше.

На протяженіи всей своей военно-морской исторіи никогда Россія не обладала такимъ превосходно оборудованнымъ, по западному образцу, могучимъ флотомъ и образованнымъ, самоотверженнымъ и храбрымъ составомъ офицеровъ и командъ, какъ въ 1904 году, и никогда Россія не имѣла столь жестокаго пораженія отъ непріятеля, какъ въ минувшую компанію.

Но Россія сохранила неприкосновеннымъ одно свое свойство — это быстро залечивать свои раны. Въ добрый часъ!

Итакъ, изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ, что бытовыя черты русскихъ мореходовъ вполнѣ обезпечиваютъ морскую будущность Россіи.

Рядъ военныхъ успѣховъ на морѣ достигался, въ большинствѣ случаевъ, пользованіемъ средствъ національной борьбы.

Имѣя многочисленный, своеобразный, рѣчной флотъ, Россія въ теченіе всѣхъ вѣковъ стремилась къ созданію крупнаго океанскаго торговаго флота. Необходима въ настоящее время сильная поддержка русскаго

общества, подобная бывшей когда-то, земскихъ, новгородскихъ бояръ Строгановыхъ, русскимъ мореходамъ—капиталомъ и открытіемъ многочисленныхъ мореходныхъ и торговыхъ школъ.

Будущность Россіи, — выходъ на великіе, морскіе торговые пути, почему необходима непрерывная, кипучая, подготовительная, всесторонняя морская дѣятельность.

А когда наступитъ желанное время, то торговые и военные флоты Россіи, словно бѣлыя лебедушки, поплывутъ по всѣмъ океанамъ и морямъ земли, разнося повсюду привѣтъ и ласку отъ Великой Россійской Морской Державы.

Е. Аврамовъ.

Военно-судныя дѣла въ 1812—1814 г.г.

(По архивнымъ даннымъ).

Москва — въ плѣну, Москва — въ огнѣ... Казалось, свинцовыя тучи обложили весь небосклонъ русской земли, померкло солнце, исчезла надежда. Но грозная военная буря, шкваломъ налетѣвшая на русскую землю, вызвала удивительный подъемъ патріотическаго воодушевленія у русскаго народа, который, совмѣстно съ русскою арміею, побѣдилъ въ концѣ концовъ грознаго врага, предводимаго великимъ полководцемъ. Великая эпоха, знаменательная година... Здѣсь важна каждая новая черточка, и въ этомъ сознаніи ниже печатается краткій очеркъ военно-судныхъ дѣлъ за 1812—1814 г.г.

Удивительные подвиги героизма совершили въ то время русскіе люди. Ими гордится по справедливости наша исторія. Но огромный историческій интересъ представляетъ точно также разсмотрѣніе и тѣхъ слабыхъ, безвольныхъ, порочныхъ сочленовъ великой русской земли, которые въ тяжкіе дни испытанія волею рока были вовлечены въ преступленія и записали свои имена на черную доску народной памяти. Судъ,—это изнанка эпохи, оборотная сторона медали, а совокупность судныхъ дѣлъ даетъ сумму всего отрицательнаго, поэтому характеръ и количество судныхъ дѣлъ позволяютъ сдѣлать заключеніе объ эпохѣ, заключеніе, которое можно бы назвать доказательствомъ отъ противнаго. Дѣйствительно, если бы въ любую блестящую эпоху народной жизни удалось установить, что судныхъ дѣлъ было сравнительно немного, что ихъ характеръ не производитъ потрясающаго впечатлѣнія, то отсюда доказательствомъ отъ противнаго было бы еще болѣе подчеркнуто величіе эпохи.

Именно такъ обстоитъ дѣло съ военно-судными дѣлами 1812—1814 г.г. Вопросъ этотъ совершенно не разработанъ научной литературой и, кажется, только очеркъ Н. П. Вишнякова «Ликвидація войны» въ Сытинскомъ изданіи, посвященномъ Двѣнадцатому году, бѣгло перечисляетъ судныя дѣла, главнымъ образомъ «интендантскаго» характера. При изученіи этого вопроса мнѣ пришлось обратиться къ архивнымъ поискамъ, которые, въ концѣ концовъ, привели меня къ убѣжденію, что, при отсутствіи массовыхъ сдачъ въ плѣнъ и при наличіи лишь отдѣльныхъ немногочисленныхъ побѣговъ

къ непріятелю, дисциплина русской арміи была тверда, а духъ ея высокъ и что ея ряды были полны боевого одушевленія. И это при безпрерывныхъ отступленіяхъ въ первую половину кампаніи, при неудачномъ въ конечномъ выводѣ исходѣ генеральнаго сраженія при Бородинѣ...

Въ своемъ изложеніи, я, ради научныхъ цѣлей, долженъ былъ сохранять и фамилію обвиняемаго, и мѣсто его служенія; иначе все изложеніе носило бы анонимный, бездоказательный характеръ. Но это никоимъ образомъ не должно бросать хотя бы какую-либо тѣнь на войсковую часть, имѣвшую несчастіе видѣть въ своихъ рядахъ порочнаго члена, ибо нужно помнить удивительно правдивыя слова грамоты Императрицы Екатерины II, отъ 10 сентября 1764 г. Смоленскому пѣхотному полку, въ которомъ служилъ извѣстный Мировичъ, учинившій Шлиссельбургскую трагедію: «преступленіе, учиненное злосердіемъ одного, не можетъ вредить другихъ, никакого участія въ томъ не имѣвшихъ».

Точно также я далекъ отъ желанія подвергать безпощадному суду исторіи отдѣльныхъ лицъ, заставившихъ поднять надъ ними грозную руку Немезиды. Эти обвиненные давно искупили свой тяжкій грѣхъ передъ законами и отечествомъ наложеннымъ на нихъ по суду наказаніемъ. Мнѣ нужны лишь данныя, на которыхъ я могъ бы обосновать свой основной выводъ: русская армія, въ ея цѣломъ, вполнѣ сохранила свой боевой духъ въ 1812—1814 г.г., а потому побѣда въ конечномъ выводѣ являлась вполнѣ естественной.

Мародерство, т. е. насильственный захватъ воинскими чинами имущества мирныхъ жителей, не составляетъ, къ сожалѣнію, исключительнаго явленія въ каждой арміи. Всегда найдутся такіе чины, которые, отбившись отъ своихъ рядовъ, забываютъ и честь, и присягу и начинаютъ предаваться постыдному мародерству. Съ этимъ зломъ приходится бороться начальству. Начинаютъ прибѣгать къ мѣрамъ устрашенія, къ строгому суду, хотя степень развитія мародерства зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ воинскія части сохранили свой воинскій духъ и насколько твердо внѣдрилась въ нихъ присяга.

Подтвержденія запрещенія грабежа встрѣчаются нерѣдко въ приказахъ высшихъ начальствующихъ лицъ. Такъ, еще 22 іюня, въ приказѣ по 1 западной арміи генералъ Барклай-де-Толли писалъ: «Г. главнокомандующій дѣлаетъ замѣчаніе, что войска, кои дѣлаютъ грабежи, не могутъ быть храбры». Особенно напиралъ на строгую кару за мародерство главнокомандующій Кутузовъ, который въ приказѣ 28 августа, повелѣвалъ наказывать строжайшимъ образомъ, безъ пощады—«мародеровъ, шатающихся по сторонамъ и лѣсамъ». Приказомъ 3 сентября генералъ-лейтенантъ Гессе былъ назначенъ «для прекращенія всѣхъ неустройствъ по обозамъ и мародерству»; ему была дана власть «всякаго мародера, котораго бы нашелъ въ сопротивленіи, разстрѣлять на мѣстѣ». Въ приказѣ 9 сентября была объ-

явлена благодарность Кіевскому пѣхотному полку за отсутствіе при его маршѣ мародеровъ. Приказомъ 10 октября объявлялось удовольствіе главнокомандующаго, что мародерство, или, какъ изложено въ приказѣ, «зло сіе» почти прекратилось и выражалась надежда, что «разбой, подъ именемъ мародерства извѣстный, вовсе почти истребится».

Однако росчеркомъ пера нельзя было совершенно уничтожить мародерства, этой непремѣнной язвы всякой арміи. Такъ, Н. Н. Муравьевъ, въ своихъ запискахъ [1]), пишетъ: «подъ Смоленскомъ, въ первый разъ начали разстрѣливать по приговорамъ уголовнаго полевого суда, говорили, что разстрѣляли семерыхъ солдатъ за грабежъ».

Крупнѣйшимъ мародеромъ въ Отечественную войну явился прапорщикъ 6 егерскаго полка Тищенко.

Въ самый день выступленія русскихъ войскъ изъ Москвы и оставленія Бѣлокаменной онъ былъ назначенъ съ комадною егерей для печенія хлѣба и, отдѣлившись впередъ отъ полка, пошелъ сперва по Владимірской дорогѣ, а затѣмъ свернулъ на Коломенскую. Однако, всю свою команду въ числѣ 2 унтеръ-офицеровъ, 22 егерей и 2 денщиковъ онъ умудрился обратить въ своего рода партизанскій отрядъ мародеровъ. Проходя деревнями, Тищенко бралъ съ крестьянъ деньгами откупъ за то, чтобы не останавливаться у нихъ постоемъ; встрѣчавшихся по пути жителей Тищенко грабилъ и билъ, а если они не соглашались выдавать ему денегъ, то велъ ихъ пѣшкомъ при своей командѣ. У встрѣченнаго священника, ѣхавшаго съ сыномъ, отобралъ 25 рублей, причемъ его избилъ. Прибывъ 13 сентября въ деревню Полозье, онъ избилъ старосту нагайкою и требовалъ денегъ. Все это, конечно, совершалось подъ вліяніемъ водки. Наконецъ, часъ возмездія насталъ, и крестьяне, возмущенные грабежами команды и испуганные выстрѣлами, донесли объ этихъ преступныхъ дѣяніяхъ военнымъ властямъ. Была наряжена для поимки Тищенко команда ратниковъ въ 100 человѣкъ, при офицерѣ. Глубокою ночью, на 14 сентября, ратники прибыли въ деревню Полозье. Егеря открыли огонь, ратники отвѣчали тѣмъ же, и между двумя русскими командами возгорѣлась позорная, братоубійственная перестрѣлка. Дѣло было не шуточное: съ обѣихъ сторонъ было убито 5 и ранено 9 человѣкъ. Но сопротивленіе для Тищенки было безполезно. Это онъ увидѣлъ и самъ, а потому сдѣлалъ попытку скрыться, но тутъ же былъ пойманъ, причемъ при немъ было найдено 215 р. асс., 27 р. 25 к. сер. и голландскій червонецъ.

Конечно, это исключительное дѣло стало предметомъ судебнаго разбирательства. Комиссія военнаго суда приговорила Тищенку къ разстрѣлу. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и полевой аудиторіатъ.

Позорное дѣяніе прапорщика Тищенки усугубляется тѣмъ, что онъ во-

---

[1]) Русск. Арх., 1885, X, 232.

влекъ въ преступленіе и подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ, изъ нихъ 2 унтеръ-офицера и 9 егерей, стрѣлявшіе въ ратниковъ, приговорены къ прогнанію шпицрутеномъ черезъ 1.000 человѣкъ по три раза, а остальные 14 егерей—къ прогнанію шпицрутеномъ черезъ 500 человѣкъ, тоже по три раза; два же еврея, приставшіе къ командѣ Тищенки и вооруженные саблями, приговорены къ тюремному заключенію на 15 мѣсяцевъ. Дѣло было конфирмовано кн. Кутузовымъ резолюціею: «Согласенъ съ мнѣніемъ полевого аудиторіата; касательно же евреевъ первыхъ двухъ наказать тюремнымъ заключеніемъ на шесть мѣсяцевъ».

Съ болью въ сердцѣ, со стыдомъ на лицѣ читали русскіе воины приказъ главнокомандующаго отъ 9 октября:

«Разсмотрѣвъ военный судъ, произведенный 6-го егерскаго полка надъ прапорщикомъ Тищенкомъ съ прикосновенными къ дѣлу его нижними чинами, я нахожу, что сей подсудимый былъ посланъ по службѣ и вмѣсто того, чтобы исполнить свое порученіе сколько можно скорѣе, нарочито отклонялся отъ оной. Воспользовавшись же теперешними военными замѣшательствами, Тищенко команду свою превратилъ въ разбойничью шайку и вмѣстѣ съ нею билъ и грабилъ жителей, а нѣкоторыхъ изъ нихъ лишилъ даже и жизни; послѣ того, когда поступки его дошли до свѣдѣнія начальства и когда велѣно было взять его и представить по командѣ, то онъ защищался противъ своихъ и, перестрѣливаясь съ ними, убилъ трехъ и ранилъ двухъ рядовыхъ изъ числа посланной для усмиренія его команды. Комиссія военнаго суда, руководствуясь полевымъ уголовнымъ уложеніемъ, приговорила: прапорщика Тищенко за столь законопротивные и безчеловѣчные поступки лишить жизни, а сообщниковъ его наказать по мѣрѣ вины каждаго.

Находя сіе заключеніе правильнымъ и сообразнымъ законамъ, я, по силѣ Высочайше предоставленной мнѣ власти, опредѣляю: преступника Тищенко, какъ незаслуживающаго никакой пощады и согласно приговору Комиссіи военнаго суда, при собраніи войскъ, разстрѣлять, а прикосновенныхъ къ дѣлу сему 6-го егерскаго полка егерей Захара Пальчикова, Кирилла Лищенко, Минея Курчика, Романа Тарасенко, Никиту Малахова, Василія Русина, Алексѣя Бабенко, Филиппа Конюха, Якова Сысоева, унтеръ-офицеровъ Дмитріева и Меркулова, за соучаствованіе съ Тищенкою и защищеніе отъ поимки, въ уваженіе прежней ихъ безпорочной службы, показаннаго въ сраженіяхъ отличія, прогнать шпицрутенами каждаго черезъ тысячу человѣкъ по три раза, лиша ихъ унтеръ-офицерскихъ чиновъ и знаковъ отличія. Егерей: Мирона Мельникова, Алексѣя Зиновьева, Семена Кондратьева, Клима Яснисенко, стоявшихъ во время поимки прапорщика Тищенко на часахъ и бывшихъ безъ оружія, Степана Клименко, Ануфрія Хвостенко, Гавріила Грибенко, Игната Глуховскаго, Ивана Ляхурчука, Евдокима Зинченка, Якова Шлякова, Ивана Крутобрѣя, и деньщиковъ Ильина и Баташовенка, за то, что не старались удержать своихъ

товарищей отъ сопротивленія прогнать шпицрутеномъ каждаго черезъ пятьсотъ человѣкъ по три раза. Евреевъ Гершку Давидовича и Шлюма Гершковича за вооруженіе себя саблями данными самимъ Тищенкомъ для усмиренія пришедшей для взятія его команды, такъ какъ они ничего не дѣйствовали и тотъ же часъ ушли, наказать тюремнымъ заключеніемъ на пять мѣсяцевъ. Евреевъ же Лейбу Гершковича, Лейбу Хаимовича и Шлейму Бершковича и рядового Антона Васильева, оказавшихся ни въ чемъ невинными, отъ суда освободить. А отобранныя у Тищенко заграбленныя имъ у разныхъ людей деньги ассигнаціями 220-ть и серебромъ 40 р. 50 к. и одинъ червонецъ, для обращенія въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, отослать въ гражданское правительство, куда отправить и первыхъ двухъ евреевъ, для исполненія надъ ними означеннаго наказанія».

Очень можетъ быть, что отголосокъ позорнаго дѣла Тищенки сообщится въ запискахъ Н. Н. Муравьева, который писалъ [1]): «Подъ Тарутинымъ разстрѣляли нѣсколько солдатъ нашихъ, пойманныхъ въ воровствѣ; говорили, и одного офицера, который отъ самой Вильны шелъ съ отрядомъ мародеровъ, собравшихся изъ разныхъ полковъ; онъ дошелъ такимъ образомъ до Тарутина, пробираясь стороною и проселками, помимо большой дороги, и на пути своемъ ограблялъ помѣщиковъ и крестьянъ. Говорили также, что будутъ разстрѣливать офицера л.-гв. Литовскаго полка, по имени Сіонъ. Отецъ его—французъ и занимаетъ какое-то мѣсто въ Пажескомъ или Кадетскомъ корпусѣ. Не знаю обстоятельно этого дѣла, о которомъ много и долго говорили. Потомъ сказывали, что Сіонъ исчезъ, а гораздо позже, что онъ былъ прощенъ. Другіе же говорили, что Сіонъ вовсе не былъ измѣнникомъ».

Возмутительный случай ограбленія костела былъ произведенъ отставнымъ подпоручикомъ Голофѣевымъ. Вина его отягчается тѣмъ, что онъ вовлекъ въ это преступленіе четырехъ казаковъ.

Аркадій Голофѣевъ былъ произведенъ въ прапорщики въ Ширванскій пѣхотный полкъ въ 1809 г. Но по свидѣтельству штабъ и оберъ-офицеровъ, за неприличные «офицерскому званію поступки отставленъ отъ службы» 20 января 1812 г. Къ сожалѣнію, нравственныя качества этого офицера были очень невелики, а между тѣмъ онъ получилъ хорошее образованіе, зналъ французскій и нѣмецкій языки, ариѳметику, геометрію, исторію и даже «музыкальную науку». Прибывъ послѣ отставки въ г. Дубно, Голофѣевъ ухитрился достать отъ мѣстныхъ дворянъ атестатъ и былъ назначенъ въ помощь провіантскому комиссіонеру Геннію. Отправленный изъ Дубно въ командировку въ Брестъ-Литовскъ, Голофѣевъ вмѣстѣ съ казаками Донскаго Грекова 8-го полка Токаревымъ и Горинымъ и казакомъ Кіевскаго казачьяго полка Гиринымъ поѣхалъ въ Кодино, сказавъ этимъ

---

[1]) Русск. Арх., 1885 г., 11, 364.

казакамъ, что онъ желаетъ отнять обратно отъ офицера бѣлое сукно, которое онъ у него отобралъ. По дорогѣ были встрѣчены еще два казака Кіевскаго казачьяго полка Бакуленковъ и Шматковъ, выѣхавшіе на фуражировку за сѣномъ. Имъ Голофѣевъ приказалъ ѣхать съ собою и, такимъ образомъ, онъ, сопровождаемый пятью казаками, прибылъ въ Кодино. Здѣсь всѣ спѣшились и, отдавъ лошадей Шматкову, направились къ костелу. Голофѣевъ, съ помощью 4 казаковъ, наполнилъ два мѣшка церковными предметами, вложивъ туда чашу, крестъ, семь ризъ и проч. Оба мѣшка были прикрѣплены къ сѣдламъ, и вся партія возвратилась въ Брестъ-Литовскъ, гдѣ преступники на другой день и были арестованы.

Военный судъ состоялся по предписанію ген.-лейт. барона Остенъ-Сакена при Вятскомъ пѣхотномъ полку. Приговоромъ суда подпоручикъ Голофѣевъ и четыре казака Токаревъ, Горинъ, Гиринъ и Бакуленко были приговорены къ смертной казни, причемъ судъ указалъ, что Бакуленко, имѣвшій отъ роду 17 лѣтъ, не зналъ важности содѣяннаго имъ преступленія и дѣйствовалъ по неразумію. Участіе же пятаго казака, семидесятилѣтняго Шматкова было судомъ не доказано, такъ какъ было признано, что онъ лишь держалъ лошадей и не зналъ о преступленіи, совершенномъ другими казаками.

Ген.-адъютантъ Сенъ-Пріестъ въ своемъ мнѣніи отнесся къ подсудимымъ крайне мягко и пожелалъ Голофѣева разжаловать въ солдаты до выслуги, казаковъ Токарева, Горина, Гирина и Шматкова прогнать шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ дважды, а казака Бабуленко, по его молодости, «наказать передъ полкомъ палками, внушивъ, чтобы впредь въ подобныя дѣла не входилъ».

Полевой аудиторіатъ, въ своемъ заключеніи 20 сентября 1813 г., постановилъ: «Голофѣева, яко главнаго начинщика грабежа костела и подговорщика къ таковому злому дѣйствію подчиненныхъ своихъ, равно и соучаствовавшихъ ему во всемъ казаковъ Токарева, Горина, Гирина и Бакуленка, всего 4-хъ человѣкъ, разстрѣлять, а пятаго казака, 70-лѣтняго Шматкова, не признавшагося и недоказаннаго въ семъ грабежѣ, который и въ знаніи о томъ не уличенъ, ибо утверждаетъ, что держалъ лошадей казачьихъ не въ близкомъ отъ костела мѣстѣ и не видѣлъ ничего чинимаго ими, отъ суда освободить».

Резолюція гр. Барклай-де-Толли отъ 27 ноября 1813 г. гласила: «исполнить по мнѣнію полевого аудиторіата».

---

28 августа 1812 г., во время расположенія Юхновскаго ополченія у Можайска, прапорщикъ Ладнинскій заболѣлъ «лихорадкою и поносомъ», а потому съ разрѣшенія пятисотеннаго начальника маіора Подушкина былъ уволенъ въ обозъ. Стояла ночь, когда онъ проѣзжалъ Москву; въ темнотѣ онъ отбился отъ общаго обоза и, оставшись только съ ратниками Савостьновымъ и Спицынымъ, двинулся на Бронницы. Питались они сперва пяти-

дневнымъ хлѣбнымъ запасомъ, а когда онъ изсякъ, прибѣгали къ покупкѣ продовольствія. 8 сентября, въ одной деревушкѣ, онъ пріостановился и приказалъ своимъ ратникамъ взять для лошадей охапку сѣна изъ стоявшаго на гумнѣ стога. Но только что успѣли ратники привести въ исполненіе это приказаніе Ладнинскаго, какъ изъ сосѣдняго дома выбѣжали мужики и задержали всѣхъ троихъ. Они были отведены подъ караулъ, какъ мародеры, а 18 и 19 сентября надъ Ладнинскимъ состоялся военный судъ, который приговорилъ его къ лишенію всѣхъ чиновъ и изгнанію изъ арміи. Командующій 5-мъ корпусомъ ген.-лейт. Лавровъ находилъ возможнымъ ограничиться недѣльнымъ арестомъ, такъ какъ по дѣлу не выяснено, въ чемъ состоялъ грабежъ. Полевой аудиторіатъ 24 сентября признавалъ Ладнинскаго подлежащимъ написанію въ рядовые на мѣсяцъ.

Съ этимъ мнѣніемъ согласился и князь Кутузовъ, который 24 сентября положилъ резолюцію: «написать въ солдаты на мѣсяцъ и ежели въ теченіе сего времени не окажется въ дурныхъ поступкахъ возвратить въ прежній чинъ».

29 сентября 1812 г., съ командою въ 130 чел., былъ отряженъ на командировку прапорщикъ Курляндскаго драгунскаго полка Винниковъ. Прибывъ въ деревню Корякову, онъ распустилъ свою команду по сараямъ для вязки сѣна, но крестьяне стали противиться, и вскорѣ сбѣжалась съ кольями вся деревня. Желая выполнить свое служебное порученіе, Винниковъ приказалъ стрѣлять по толпѣ холостыми нарядами. Толпа отхлынула, а наиболѣе упорные крестьяне, въ числѣ 7 человѣкъ, были арестованы и избиты палашами. Забравъ этихъ крестьянъ съ собою, Винниковъ направился въ сосѣднюю деревню, гдѣ собралъ сѣно. Тутъ арестованные стали просить о своемъ освобожденіи и предложили Винникову въ видѣ откупа сто рублей. Винниковъ взялъ эти деньги и распорядился отпустить крестьянъ.

Военный судъ призналъ, что прапорщикъ Винниковъ совершилъ нападеніе съ оружіемъ на безоружныхъ жителей и совершилъ у крестьянъ вымогательство ста рублей, чѣмъ забылъ честь своего званія; поэтому судъ приговорилъ его къ лишенію чиновъ и изгнанію изъ арміи. Полевой аудиторіатъ согласился съ этимъ приговоромъ.

Князь Кутузовъ конфирмовалъ 23 декабря дѣло резолюціей: «Находя мнѣніе аудиторіата справедливымъ, но, уважая военное время, въ которое преступникъ свою вину заслужить можетъ, повелѣваю его разжаловать въ солдаты и употребить на службу».

Историкъ Курляндскихъ драгунъ пишетъ по этому поводу: «такая резолюція главнокомандующаго, вообще неумолимо строгаго во всемъ, что касалось дисциплины, доказываетъ, что вина молодого офицера сравнительно была еще не такъ велика» [1]).

---

[1]) М. Дандевиль. Исторія 5 лейбъ-драг. Курляндскаго полка, 77—78.

Не всегда, конечно, жалобы жителей на войска признавались уважительными. Такъ, на подпоручика Старооскольскаго пѣхотнаго полка Шмита поступила жалоба отъ управляющаго имѣніемъ помѣщика Харкевича на то, что подпоручикъ Шмитъ, проходя черезъ селеніе Разивичи, Брестъ-Литовскаго повѣта, въ декабрѣ 1812 г., съ командою, причинилъ жителямъ разныя обиды и побои, забралъ отъ нихъ провіантъ и фуражъ и продалъ изъ 24 забранныхъ воловъ съ упряжью одиннадцать штукъ.

Военный судъ опредѣлилъ Шмита отъ суда освободить, съ чѣмъ 21 сентября 1913 г. согласился полевой аудитаріатъ. Ген. Барклай-де-Толли положилъ на дѣло резолюцію: «исполнить».

Съ другой стороны, разжалованіе въ рядовые «до выслуги» заставляло иногда ждать этой выслуги весьма долго. Такую тяжелую долю пришлось испытать разжалованному изъ поручиковъ Якубовскому.

Онъ служилъ въ рядахъ Татарскаго уланскаго полка и въ Отечественную войну былъ дважды раненъ, при Маломъ Ярославцѣ—пулею въ грудь на вылетъ, а при Красномъ—картечью въ ухо. 22 марта 1813 г., находясь въ Полоцкой округѣ по пути изъ Минска въ главную квартиру, онъ отягощалъ крестьянъ ѣздою на ихъ лошадяхъ, разъѣзжалъ въ гости по помѣщикамъ и лошадью одного обывателя завладѣлъ насильно. Полоцкій комендантъ Ляпуновъ, освѣдомленный о поступкахъ Якубовскаго, прислалъ за нимъ офицера, но Якубовскій сказался больнымъ; при вторичномъ прибытіи этого офицера съ казаками для провода его силою, Якубовскій уже скрылся въ другую деревню; захваченный тамъ, онъ бѣжалъ съ ночлега и вновь пойманъ въ третьей деревнѣ, гдѣ онъ укрылся въ печи.

Военный судъ приговорилъ его къ написанію въ рядовые. Генералъ Дохтуровъ, «въ уваженіе молодыхъ подсудимаго лѣтъ, бытія въ походахъ и сраженіяхъ и что поступокъ его произошелъ отъ вѣтренности, соображаясь съ милосердіемъ Его Императорскаго Величества и въ чаяніи, что заслужить еще можетъ сдѣланное преступленіе», полагалъ вмѣнить ему судъ и арестъ въ наказаніе и не производить его въ слѣдующіе чины до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ признанъ къ этому достойнымъ. Полевой аудиторіатъ 15 октября 1813 г. приговорилъ его къ написанію въ рядовые. Барклай-де-Толли рѣшилъ дѣло резолюціей: «разжаловать въ уланы впредь до выслуги».

Въ 1827 г. командовавшій 3 резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ генералъ-лейтенантъ Мезенцовъ ходатайствовалъ объ увольненіи Якубовскаго отъ службы за ранами и неспособностью съ награжденіемъ офицерскимъ чиномъ. На это представленіе послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переводѣ Якубовскаго во внутреннюю стражу. 22 августа 1828 г., всеподданнѣйшимъ докладомъ, ген.-ад. гр. Дибичъ повергалъ участь Якубовскаго вниманію Государя, присовокупляя, что ген.-ад. гр. Комаровскій отзывается одобрительно объ его поведеніи. На этотъ докладъ послѣдовала Высочайшая резолюція: «отставить на инвалидное содержаніе».

Строгость военнаго времени особенно проявилась въ дѣлѣ шестерыхъ подсудимыхъ: рядовыхъ Черниговскаго пѣхотнаго полка Василія Никифорова, 20-го егерскаго Егора Сергѣева и Дмитрія Самодурова и казаковъ 2-го Башкирскаго казачьяго полка Григорія Харитонова, Фома Жданова и Фома Рака. Они были признаны виновными въ «самовольномъ взятіи въ деревнѣ близъ города Видзы для своей пищи трехъ гусей», за что военнымъ судомъ приговорены къ смертной казни. Полевой аудиторіатъ въ заключеніи 17 сентября 1812 г. «полагалъ бы» прогнать каждаго изъ этихъ подсудимыхъ шпицрутеномъ черезъ пятьсотъ человѣкъ по четыре раза. Однако, «поелику въ предписаніи генерала графа Аракчеева о преданіи сихъ преступниковъ суду изъяснено, что они въ грабительствѣ деревни и жителей найдены Его Императорскимъ Величествомъ, то за симъ полевой аудиторіатъ не можетъ уже оправдывать ихъ въ грабежѣ, за который по полевому уголовному уложенію положена смертная казнь и именно разстрѣлять».

Кромѣ судебной власти, наказанія за грабежи налагались непосредственно властью главнокомандующаго.

Такъ, въ приказѣ 29 декабря объявлено о поимкѣ 24 декабря 6 казаковъ: Андреянова 2-го полка—Сирина и Безлюбнаго, Иловайскаго 3-го полка—Коломенскаго, Рѣдикова и Саенкова и Крымскаго Татарскаго полка—Симпля. Пойманы они были военною полиціею въ разныхъ деревняхъ, на проселочныхъ дорогахъ, гдѣ предавались грабежу. За этотъ «недостойный званія русскаго воина поступокъ, тѣмъ паче, что о прекращеніи зла сего неоднократно уже было отдаваемо въ приказахъ, кои читаны при собраніи полковъ», этихъ казаковъ приказано прогнать шпицрутенами каждаго по пяти разъ сквозь тысячу человѣкъ.

Слѣдующій приказъ сообщалъ о поимкѣ рядового Павлоградскаго полка Екимова и денщика л.-гв. Преображенскаго полка Кащеева; оба они грабили, причемъ первый избилъ помѣщика, а послѣдній выдавалъ себя за офицера изъ главнаго дежурства; властью главнокомандующаго они приговорены къ шпицрутенамъ сквозь тысячу человѣкъ, первый—три раза, а послѣдній—пять разъ.

Въ іюнѣ 1813 г., въ то время, когда военныя дѣйствія были прекращены вслѣдствіе перемирія, нѣсколько французовъ были захвачены въ плѣнъ нашими казачьими разъѣздами. Въ числѣ ихъ оказались два французскихъ кабинетъ-курьера. Отъ плѣнныхъ были отобраны деньги, и они въ сопровожденіи конвоя дошли до мѣстечка Ласки, въ герцогствѣ Варшавскомъ, откуда, пользуясь помощью евреевъ, имъ удалось бѣжать. Къ двумъ кабинетъ-курьерамъ присоединились еще два француза и всѣ четверо благополучно совершали свой путь, надѣвъ сверхъ своего одѣянія, для того, чтобы не быть обнаруженными, еврейское платье. 26 іюня бѣглецы проѣзжали

верхомъ черезъ Каменскъ. Ихъ встрѣтилъ мѣстный еврей Абрамъ Якубовичъ, который, видя на французахъ еврейскую одежду, привѣтствовалъ ихъ «по еврейскому обыкновенію», но тѣ «не отвѣтствовали по обычаю». Вслѣдствіе этого у Якубовича закралось подозрѣніе, что эти люди были переодѣтыми, а потому онъ сговорился съ двумя другими евреями Маркусомъ Яцковичемъ и Калямановъ Саламовичемъ устроить поимку дезертировъ. Евреи взяли бричку и пустились въ погоню. По дорогѣ они описывали встрѣчнымъ примѣты бѣглецовъ и, наконецъ, настигли ихъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Каменска, въ корчмѣ.

Какъ не старались евреи, по ихъ собственнымъ словамъ, но задержать они могли только двухъ курьеровъ, а остальные двое убѣжали. На курьерахъ дѣйствительно оказалось подъ еврейскою одеждою одѣяніе французское; мундиры ихъ, надѣтые на лѣвую сторону, вывороченными, были обшиты широкимъ золотымъ голуномъ, а на лѣвой сторонѣ груди у нихъ были медали. Пойманные были связаны, и въ корчму былъ вытребованъ экономъ имѣнія полякъ Витушинскій. Онъ распорядился доставить французовъ въ домъ своего помѣщика Калачковскаго, куда прибылъ также и ксендзъ Патенъ, французъ по происхожденію. Онъ тотчасъ вступилъ со своими сородичами въ разговоръ и заявилъ Калачковскому, что французы жалуются на ограбленіе ихъ евреями, которыхъ надлежитъ обыскать. Калачковскій вышелъ изъ комнаты, а Патенъ остался съ французами наединѣ и повелъ ихъ въ свою комнату. На другой день Калачковскій вызвалъ солтыса и распорядился объ отправленіи французовъ подъ конвоемъ въ ближайшую деревню, наказавъ доставить ему росписку въ ихъ исправномъ доставленіи. Французовъ повезли, но по дорогѣ они дали провожатымъ денегъ и остались въ избѣ лѣсничьяго, куда вскорѣ подъѣхалъ корчмарь Кайфлеръ съ бричкою и доставилъ французовъ къ австрійской границѣ; у нихъ же было еврейское платье, доставленное имъ Патеномъ. Какъ только Калачковскій узналъ о побѣгѣ французовъ, онъ донесъ полиціи. Началось дѣло.

На судѣ Янъ Патенъ заявилъ, что онъ, «судя о превратностяхъ обстоятельствъ войны, имѣлъ въ виду, что если бы въ послѣдствіи времени край сей заняли французскія войска и извѣстились о вышеописанномъ происшествіи въ его карафіи, могли бы ему отмщевать». Корчмарь Кайфлеръ ссылался на свою бѣдность и опасеніе притѣсненій со стороны ксендза. Судъ допускалъ, что бѣжавшіе французы могли быть шпіонами, а потому приговорилъ Патена и Кайфлера къ смертной казни, а помѣщиковъ Калачковскихъ—къ годичному заключенію въ крѣпость. Полевой аудиторіатъ 29 іюля 1813 г. согласился съ этимъ приговоромъ.

Въ этотъ же день ген. Барклай-де-Толли конформировалъ дѣло резолюціей: «ксендза Яна Патена и еврея Гершу Кайфлера разстрѣлять и экзекуцію произвести въ корпусѣ графа Ланжерона. Помѣщика и брата его посадить въ крѣпость на годъ, а прочихъ участвовавшихъ въ семъ дѣлѣ отправить подъ строгимъ карауломъ къ Варшавскому губернатору».

Апофеозъ этого печальнаго дѣла изложенъ въ извѣстныхъ «Походныхъ запискахъ артиллериста», подполковника артиллеріи И. Радожицкаго. Вотъ что пишетъ Радожицкій.

«31-го іюля, въ корпусѣ графа Ланжерона разстрѣливали, съ приличною церемоніею, двухъ военныхъ преступниковъ, польскаго ксендза и еврея, за то, что они скрыли и умышленно упустили французскаго кабинетъ-курьера, проѣзжавшаго съ важными бумагами отъ поляковъ изъ герцогства Варшавскаго къ Наполеону во время перемирія, а еврей отвозилъ его и на границѣ былъ схваченъ русскими.

Для исполненія приговора нарядили баталіонъ пѣхоты, который построился въ каре, обращенное внутрь; въ середину его привели несчастныхъ преступниковъ. Ксендзъ, высокій, пожилой человѣкъ, съ важнымъ, умнымъ лицомъ и съ сѣдинами на головѣ, среди штыковъ и ружей примѣтно былъ объятъ страхомъ; но скоро явился къ нему утѣшитель—другой ксендзъ, въ облаченіи съ крестомъ и молитвенникомъ. Этотъ утѣшитель началъ говорить съ нимъ по-латыни, и, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо преступника стало измѣняться; его блѣдность обнаруживала ожиданіе близкой смерти; глаза блестѣли какимъ-то огнемъ, потомъ наполнились слезами, лицо зардѣлось краскою, и оба ксендза, обнявшись, плакали. Что они думали и говорили между собою, то однимъ имъ извѣстно; надлежало покориться жестокой судьбѣ. Утѣшитель вспомнилъ свою обязанность, сталъ читать въ молитвенникѣ; осужденный потупилъ глаза въ землю и стоялъ, какъ безчувственный. Потомъ, когда увѣщатель кончилъ и сталъ подносить причастіе, осужденный вновь залился слезами. Еще разъ они обнялись, смѣшали свои слезы и простились. Утѣшитель поспѣшилъ скрыться, а осужденный, бросивъ взглядъ негодованія на все окружающее, казалось, возымѣлъ бодрость; на лицѣ его было написано тихое отчаяніе и тайная робость.

Бѣдный еврей, тутъ же, въ кругу лихихъ москалей, представлялъ жалкую фигуру. Въ продолженіе того, какъ осужденный ксендзъ приготовлялъ думу свою для разлуки съ грѣшнымъ тѣломъ, осиротѣвшій еврей стоялъ въ одиночествѣ, ни живъ, ни мертвъ, всѣми оставленный и подверженный насмѣшкамъ окружающихъ. Однако, и онъ нашелъ самъ въ себѣ утѣшеніе; сложивъ руки крѣпко у груди и поднявъ глаза къ небу, сталъ качаться съ ноги на ногу и бормоталъ свою молитву къ Адонаю, проливая потоки слезъ, но этой молитвѣ не было бы конца. Солдаты потащили его за рукавъ и велѣли идти вслѣдъ за ксендзомъ.

Осужденныхъ провели на мѣсто казни, за роковымъ столбомъ, вокругъ ямы, приготовленной для ихъ истлѣнія, и тамъ дали имъ почувствовать вѣчный покой».

Постыдный побѣгъ къ непріятелю совершилъ прапорщикъ Нѣжинскаго драгунскаго полка Городецкій. Совсѣмъ еще юноша, имѣя всего 20 лѣтъ

отъ роду, онъ успѣлъ побывать въ рядѣ сраженій въ кампанію 1806—7 г.г. Въ Отечественную войну Городецкій участвовалъ въ дѣлахъ около Вилькомира и при Витебскѣ. Въ іюлѣ 1812 г., около г. Порѣчья, онъ оставилъ ряды полка. Что было тому причиной, трудно сказать. По его собственнымъ словамъ, онъ тяготился службою вслѣдствіе пристрастнаго къ себѣ отношенія эскадроннаго командира фонъ-Винклера; объ этомъ онъ трижды докладывалъ шефу полковнику Загряцкому, который, однако, эти заявленія оставилъ безъ послѣдствій. На самомъ же дѣлѣ, вѣроятно, рѣшеніе предаться въ руки врага побудило Городецкаго его польское происхожденіе; въ Вильнѣ жила его сестра, которая тамъ имѣла домъ; можетъ быть, общая волна поляковъ, видѣвшихъ въ Наполеонѣ возстановителя своего королевства, подхватила и несчастнаго Городецкаго. Но, оговариваюсь, этотъ мотивъ побѣга является только моимъ предположеніемъ.

Въ комиссіи военнаго суда Городецкій подробно разсказалъ, какимъ способомъ онъ попалъ въ руки непріятеля. Изъ Порѣчья онъ былъ отправленъ съ командою для сбора хлѣба и съѣстныхъ припасовъ; тутъ вывелъ его изъ себя одинъ унтеръ-офицеръ, котораго онъ въ запальчивости ударилъ палашомъ по рукѣ до крови. «Послѣ сего я думалъ,—признавался Городецкій,—что когда донесутъ о семъ поступкѣ эскадронному командиру, то мнѣ и болѣе будетъ гоненія; я сошелъ съ лошади и шелъ позади команды пѣшкомъ, и, задумавшись, отъ оной отсталъ на полъ версты или болѣе; лошадь моя, кою я велъ въ поводу, вырвалась и побѣжала къ командѣ; я, разсуждая самъ съ собою, боялся прибыть къ полку послѣ вышеописаннаго случая и шелъ потихоньку за командою, имѣя намѣреніе достаться лучше непріятелю, коимъ и взятъ былъ по дорогѣ».

Объясненіе это полно наивности. Офицеръ бросилъ свою команду и не нашелъ ничего другого, какъ «задуматься»; желая избѣжать взысканія за нанесеніе легкой раны ослушавшемуся его нижнему чину, онъ предпочелъ совершить тягчайшее, позорное дѣяніе—перейти на сторону врага.

По захватѣ французами, Городецкій былъ отведенъ въ Витебскъ, а оттуда, по его собственнымъ словамъ, отпущенъ въ Вильну. Но недолго пришлось пользоваться бѣглецу домашнимъ уютомъ сестры: колесо военнаго счастья перевернулось, русскія войска, тѣсня французовъ, вступили въ Вильну, и Городецкій 1 декабря былъ доставленъ своимъ однополчаниномъ прапорщикомъ Голубиновымъ къ коменданту главной квартиры генералъ-маіору Ставрасову.

Военный судъ происходилъ 21 декабря 1812 г. и приговорилъ прапорщика Городецкаго къ повѣшенію. Командиръ гвардейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Лавровъ, принявъ во вниманіе неоднократное участіе Городецкаго въ сраженіяхъ, полагалъ возможнымъ написать его въ рядовые въ дальній гарнизонъ. Полевой аудиторіатъ признавалъ справедливымъ его разстрѣлять.

Все дѣло было представлено на усмотрѣніе главнокомандующаго генералъ-фельдмаршала князя Кутузова, который 25 декабря 1812 г. по-

ложилъ резолюцію: «Согласенъ съ мнѣніемъ аудиторіата, къ смертной казни».

Черезъ день, 27 декабря, арміямъ отданъ былъ Кутузовымъ приказъ, заключительныя строки котораго гласили: «Я, входя въ разсмотрѣніе дѣла сего, нахожу поступокъ Городецкаго недостойнымъ ни малѣйшей пощады и хотя съ сожалѣніемъ, но въ примѣръ другимъ, руководствуясь самою справедливостью, долженъ согласиться на мнѣніе полевого генералъ-аудиторіата, которое предписываю привести въ надлежащее исполненіе».

Въ дневникѣ капитана лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Пущина записано подъ 30 декабря свѣдѣніе о приведеніи этого приговора въ исполненіе: «Взводъ нашего полка и Преображенскаго были назначены разстрѣлять корнета Нѣжинскаго драгунскаго полка Городецкаго, приговореннаго къ смерти полевымъ судомъ за перебѣгъ къ непріятелю. Молодой человѣкъ, полякъ по происхожденію, во время отступленія нашего умышленно отсталъ, перешелъ къ французамъ, а затѣмъ взятъ въ плѣнъ въ Вильно казаками. Приговоръ приведенъ въ исполненіе въ 10 часовъ утра».

Егерь 19-го [1]) егерскаго полка Ефимовъ, передъ выходомъ полка изъ квартиръ въ походъ, бѣжалъ и снесъ аммуничныя вещи и штыки. Это былъ уже шестой побѣгъ, имъ учиненный. За прежніе бѣга онъ былъ наказанъ палками и шпицрутенами, въ общей сложности черезъ тысячу человѣкъ восемь разъ. Являясь примѣромъ того, что осужденные не умирали даже подъ 8.000 ударовъ шпицрутенами, Ефимовъ бѣжалъ въ шестой разъ. Поймали его и на этотъ разъ. Судъ приговорилъ его къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ на каторгу; полевой аудиторіатъ присудилъ прогнать его шпицрутенами сквозь тысячу человѣкъ шесть разъ и отослать въ крѣпостную работу на два года. Ген. Барклай-де-Толли усилилъ это наказаніе и 17 сентября 1812 г. рѣшилъ дѣло резолюціей: «Согласенъ съ мнѣніемъ полеваго аудиторіата, но съ тѣмъ, чтобы сослать въ вѣчную крѣпостную работу».

Послѣ прохожденія нашихъ войскъ при отступленіи черезъ Москву самовольно оставилъ ряды 5 егерскаго полка полковой адъютантъ подпоручикъ Ремдо. Въ бѣгахъ онъ пробылъ болѣе мѣсяца. Полевой аудиторіатъ приговорилъ его къ ссылкѣ въ Сибирь. Но ген. Барклай-де-Толли, конфирмуя дѣло 4 іюня 1813 г., принялъ во вниманіе молодость этого офицера и приказалъ разжаловать его въ рядовые съ опредѣленіемъ въ полки 20 пѣхотной дивизіи.

Въ апрѣлѣ 1813 г., во время слѣдованія Виленскаго пѣхотнаго полка изъ г. Вильны къ арміи бѣжалъ рядовой изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Бровцинъ. Въ службѣ онъ состоялъ только съ 1812 г., но и за это короткое

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ написано вмѣсто 19-го—13-го.

время дважды былъ разжалованъ въ рядовые. Побѣгъ его продолжался недолго: въ маѣ 1813 г., за недостаткомъ пропитанія, онъ явился добровольно къ полку. Судъ приговорилъ его лишить дворянскаго достоинства, бить кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри передъ полкомъ, сослать въ вѣчную работу на галеры. Съ этимъ суровымъ приговоромъ не вяжутся какъ-то мягкіе приговоры бар. Сакена и полевого аудиторіата. Ген. Сакенъ полагалъ отправить его для службы въ дальніе гарнизоны, а полевой аудиторіатъ, 8 октября 1813 г., признавалъ достаточнымъ лишить его правъ оберъ-офицерскаго сына. Съ мнѣніемъ ген. Сакена согласился ген. Барклай-де-Толли.

Любопытны два дѣла, по которымъ судились чины русской арміи, взятые по ихъ словамъ, въ плѣнъ еще въ кампанію 1806—7 г.г. и затѣмъ сражавшіеся противъ своихъ сородичей въ Отечественную войну.

По первому дѣлу судились рядовые пѣхотныхъ полковъ: Тульскаго—Прохоровъ и Могилевскаго—Федоровъ. Взяты были они въ плѣнъ въ 1806 г. Съ тѣхъ поръ тщетно испрашивали себѣ отпуска, и въ Отечественную войну были употреблены противъ русской арміи; Федоровъ принялъ участіе въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ и Можайскомъ; по прохожденіи этого города оба они перебѣжали снова къ русскимъ и явились на казачій пикетъ.

Судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни. Ген.-лейт. Лавровъ признавалъ возможнымъ для Прохорова замѣнить смертную казнь шпицрутенами черезъ тысячу человѣкъ 12 разъ. Полевой аудиторіатъ стоялъ за смертную казнь для обоихъ подсудимыхъ. Князь Кутузовъ 24 сентября 1812 г. положилъ на дѣло резолюцію; «отправить въ одну изъ губерній, наказать кнутомъ 5-ю ударами и сослать въ работу».

Другое дѣло было рядового Старооскольскаго пѣхотнаго полка Кошуба. Онъ былъ захваченъ въ плѣнъ въ 1807 г., по окончаніи войны отпущенъ въ Россію, но по проходѣ герцогства Варшавскаго насильно опредѣленъ на службу въ польскія войска, съ которыми и пошелъ въ 1812 г. противъ русскихъ. Комиссія военнаго суда приговорила Кошуба, «яко переметчика», къ повѣшенію. Ген.-маіоръ Лицкій полагалъ бить Кошуба кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри, сослать въ вѣчную работу на галеры. Чѣмъ окончилось дѣло, наши документы, которыми мы располагали, къ сожалѣнію не говорятъ.

Егерь 36 егерскаго полка Швецъ былъ осужденъ за нанесеніе ранъ штыкомъ своему унтеръ-офицеру, который билъ Швеца кулаками по лицу. Военный судъ и полевой аудиторіатъ присудили Швеца къ разстрѣлянію; корпусный командиръ генералъ отъ инфантеріи Дохтуровъ полагалъ прогнать Швеца шпицрутеномъ черезъ тысячу человѣкъ четыре раза. Относительно же унтеръ-офицера, вызвавшаго Швеца на преступленіе своимъ унизительнымъ обращеніемъ, полевой аудиторіатъ полагалъ разжаловать его на полгода въ рядовые. Князь Кутузовъ конфирмовалъ дѣло 24 сен-

тября 1812 г.: «съ рядовымъ Швецомъ поступить по мнѣнію корпуснаго командира; а съ унтеръ-офицеромъ по мнѣнію аудиторіата».

Поручикъ 2 Владимірскаго пѣхотнаго полка Воропановъ велъ изъ г. Вильны въ армію команду выздоровѣвшихъ нижнихъ чиновъ въ числѣ 238 чел. Во время пути, въ корчмѣ Бунштель, онъ оказалъ дерзости подполковнику 19 егерскаго полка Цареву, остановившемуся въ корчмѣ для перемѣны лошадей, а когда Царевъ, не имѣвшій мундира, сказалъ, что онъ подполковникъ, то Воропановъ отвѣтилъ: «я бы назвался и генераломъ». Въ Бѣлостокѣ же онъ, не подавъ рапорта коменданту, полковнику Шицу, требовалъ квартиры. Судъ приговорилъ его къ разжалованію въ солдаты, а полевой аудиторіатъ къ разжалованію на мѣсяцъ въ рядовые. 29 іюля 1813 г. ген. Барклай-де-Толли конфирмовалъ дѣло: «разжаловать въ рядовые до выслуги».

Точно также разжалованъ былъ въ рядовые до выслуги прапорщикъ Сибирскаго пѣхотнаго полка Жиленковъ. Получивъ приказаніе идти въ дивизіонное дежурство, онъ вмѣсто этого пошелъ въ трактиръ, гдѣ произвелъ буйство, а затѣмъ, когда ему было передано приказаніе командира полка отдать шпагу, онъ этого не исполнилъ и, при сопровожденіи его подъ арестъ, говорилъ: «мы пьяные, служимъ, а вы за насъ кресты получаете; съ вами въ нашей службѣ честному человѣку никакъ служить нельзя». Судъ, корпусный командиръ и полевой аудиторіатъ (послѣдній— 8 октября 1813 г.) приговорили Жиленкова къ заточенію въ крѣпость на годъ. Ген. Барклай-де-Толли разжаловалъ его въ рядовые до выслуги.

Нашелся и искатель приключеній, таинственный незнакомецъ, ложно именовавшій себя сперва адъютантомъ Цесаревича Константина Павловича княземъ Розеномъ, а затѣмъ поручикомъ Александрійскаго гусарскаго полка Касперовичемъ. Пойманъ онъ былъ съ фальшивымъ открытымъ листомъ, къ которому была приложена фальшивая печать. Задержали его на одной изъ почтовыхъ станцій, гдѣ онъ отобралъ отъ евреевъ двухъ лошадей и билъ ихъ фухтелями.

При допросѣ въ военномъ судѣ подсудимый признался, что онъ никогда не служилъ ни въ военной, ни въ гражданской службѣ, отъ роду только 34 лѣтъ, происходитъ будто бы изъ дворянъ Бѣлорусско-Витебской губерніи. Во время вступленія французовъ въ Полоцкъ, гдѣ онъ до того проживалъ, онъ, по его словамъ, выѣхалъ въ Рязань, а затѣмъ возвратился въ Полоцкъ но тамъ уже не нашелъ ни матери, ни другихъ родственниковъ. Въ своемъ горѣ онъ возымѣлъ мысль вступить въ ряды дѣйствующей арміи, которую и направился догонять. Однако вслѣдствіе болѣзни онъ задерживался въ разныхъ мѣстахъ и въ армію не попалъ.

Военный судъ посмотрѣлъ на дѣло строго и приговорилъ подсудимаго къ смертной казни. Графъ Ланжеронъ находилъ возможнымъ ограничиться

ссылкою въ Сибирь на поселеніе. Полевой аудиторіатъ, въ заключеніи 8 октября 1813 г., заподозрилъ подсудимаго въ томъ, что онъ ложно выдалъ себя за дворянина и въ военномъ судѣ, такъ какъ «почеркъ руки его и слогъ отвѣтовъ, кои писалъ самъ, и сочиненный открытый листъ даютъ поводъ думать, что онъ изъ какихъ либо приказнослужителей, а можетъ быть изъ преступниковъ, укрывающихся отъ законнаго наказанія». Въ виду такого сомнѣнія въ личности, аудиторіатъ предлагалъ переслать подсудимаго въ Вильну, заковавъ его въ кандалы.

Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился и ген. Барклай-де-Толли.

Война 1813 г. была войною за освобожденіе Европы. Пруссаки были нашими союзниками, а потому всякое преступное дѣяніе, направленное противъ нѣмцевъ, наказывалось строго и неотступно. Здѣсь, какъ бывало это нерѣдко и при другихъ случаяхъ, мы на первый планъ ставили иностранцевъ и заботились о томъ, чтобы прежде всего была удовлетворена ихъ честь.

Наиболѣе крупнымъ суднымъ дѣломъ, по тяжести наказанія, было дѣло казака 2-го Башкирскаго полка Альмухамета Канчурина, который 24 сентября 1813 г., проѣзжая по саксонскому мѣстечку Дюбонъ, безъ всякой причины вонзилъ пику въ сердце стараго саксонца, стоявшаго на крыльцѣ своего дома. Раненый упалъ замертво, а казакъ былъ пойманъ прусскимъ уланомъ. Канчуринъ въ своемъ преступленіи не сознался, но два свидѣтеля, изъ которыхъ однимъ былъ генералъ-лейтенантъ Рудзевичъ, подтвердили это преступное дѣяніе. Кончуринъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Съ этимъ мнѣніемъ согласились ген.-лейт. гр. Ливенъ, генералъ-отъ-инфантеріи бар. Сакенъ и полевой аудиторіатъ.

---

28 апрѣля 1814 г. въ г. Фрейбургѣ произошелъ въ мѣстномъ трактирѣ скандалъ, кончившійся весьма трагически. Въ залѣ ужинали офицеры. Корнетъ Ахтырскаго гусарскаго полка Чердаковъ потребовалъ вторую бутылку шампанскаго, а прежде выпитую пустую бутылку бросилъ къ дверямъ. По несчастью бутылка докатилась до ногъ баварскаго офицера, поручика барона Корса, ужинавшаго тоже въ этой залѣ. Гордый баварецъ оскорбился и вызвалъ русскаго офицера на дуель; Чердаковъ сталъ извиняться, но Корсъ обнажилъ свою саблю и нанесъ ею рану Чердакову въ голову. Произошелъ шумъ, а тѣмъ временемъ Корсъ сталъ спускаться внизъ по лѣстницѣ. На крики прибѣжали два нижнихъ чина Московскаго казачьяго полка, шефъ котораго гр. Дмитріевъ-Мамоновъ квартировалъ въ этомъ домѣ. Это были унтеръ-офицеръ Желтовъ и стоявшій на часахъ казакъ Рудневъ. Вѣроятно, горячо вскипѣло сердце Желтова, желавшаго отомстить за оскорбленіе русскаго офицера, если онъ столкнулъ поручика Корса съ лѣстницы и изрубилъ его саблею до смерти.

Военный судъ посмотрѣлъ на это дѣло довольно своеобразно съ нынѣшней точки зрѣнія. Корнетъ Чердаковъ былъ приговоренъ къ тому, чтобы его обходить производствомъ въ теченіе года; унтеръ-офицеръ Желтовъ къ разстрѣлянію; казака Руднева, «за оставленіе поста своего и отлучку съ онаго на мѣсто происшествія» слѣдовало бы также лишить живота, но такъ какъ онъ поступилъ на службу по собственному желанію изъ дворянъ при формированіи полка, былъ въ молодыхъ лѣтахъ (19 лѣтъ), не зналъ своихъ обязанностей и строгости военныхъ законовъ, то судъ приговорилъ его только къ лишенію дворянскаго достоинства. Генералъ-лейтенантъ Эртель находилъ и это наказаніе для Руднева слишкомъ тяжкимъ. Полевой аудиторіатъ полагалъ: корнета Чердакова обойти производствомъ одинъ разъ, унтеръ-офицера Желтова разстрѣлять, казака Руднева продержать подъ арестомъ еще двѣ недѣли.

Все дѣло было конфирмовано резолюціей гр. Барклая-де-Толли: «корнету Чердакову вмѣнить арестъ и бытіе подъ судомъ въ наказаніе и отправить его въ полкъ; унтеръ-офицера Желтова разстрѣлять при гренадерскомъ корпусѣ; казака же изъ дворянъ Руднева освободить отъ суда и ареста и отправить въ полкъ».

Преданъ былъ суду капитанъ Черниговскаго конно-егерскаго полка Петровскій, который, будучи при подвижномъ провіантскомъ магазинѣ и находясь въ Бунцлау, не имѣлъ будто бы присмотра за нижними чинами своей команды, которые произвели въ Бунцлау разные безпорядки и буйства, врывались насильственнымъ образомъ въ дома обывателей и требовали себѣ пищу. Обвиненіе оказалось необоснованнымъ, такъ какъ въ командѣ Петровскаго не было ни одного нижняго чина, а были только погонщики, притомъ послѣдніе не нуждались ни въ пищѣ для себя, ни въ фуражѣ для лошадей, и по свидѣтельству чиновника Загорскаго, котораго Петровскій оставилъ за себя при командѣ, никуда не отлучались, да и жалобъ на нихъ отъ мѣстнаго бургомистра никакихъ не поступало. Однако военный судъ нашелъ, что Петровскій не имѣлъ права отлучаться отъ своей команды и является отвѣтственнымъ за безпорядки въ своей командѣ, а потому приговорилъ его къ разжалованію въ рядовые на шесть мѣсяцевъ. Начальникъ главнаго штаба арміи гр. Витгенштейна генералъ-маіоръ Довре, находя несовершенства въ слѣдственномъ производствѣ, полагалъ дѣло предать волѣ Божіей. Полевой аудиторіатъ полагалъ, что Петровскій долженъ быть освобожденъ отъ суда и что обвиненіе его въ оставленіи безъ присмотра команды неосновательно, такъ какъ при ней былъ оставленъ чиновникъ Загорскій. Резолюціей ген. Барклай-де-Толли было повелѣно поступить по заключенію полевого аудиторіата.

По окончаніи войны, при возвращеніи 3 Украинскаго казачьяго полка въ Россію поручикъ Немантовскій остановился 10 іюня 1814 г. со своимъ

полуэскадрономъ въ баденскомъ мѣстечкѣ Неленрейдъ. Квартира Немантовскаго находилась у мельника Вейгеля. Немантовскій разгорячился отъ выпитаго вина и заманилъ въ свою комнату молодую хозяйскую работницу. Воспылавъ къ ней любовью, онъ приставилъ къ двери двухъ казаковъ, но дѣвушка подняла отчаяный крикъ, на который сбѣжались испуганные жители. Къ окну была приставлена лѣстница, по которой и спаслась отъ Немантовскаго перепугавшаяся дѣвушка. Немантовскій очень желалъ ее найти и со свѣчею, ночью, заставилъ старика отца при себѣ открывать всѣ шкафы и сундуки, билъ этого старика фухтелями, а хозяйскаго сына плетью. Но дѣвушки не было. Однако поднятый Немантовскимъ шумъ и все его вызывающее поведеніе вызвали раздраженіе жителей, которые, какъ бы въ отместку, затащили на конюшню казака Пастушенко и задушили его.

Судъ приговорилъ Немантовскаго къ лишенію дворянства и ордена св. Анны 3 ст., которымъ онъ былъ награжденъ за отличіе подъ Парижемъ, и къ разжалованію въ солдаты безъ выслуги въ дальніе гарнизоны. 11 октября 1814 г. гр. Барклай-де-Толли положилъ резолюцію: «въ силу Высочайшаго милостиваго манифеста отъ наказанія освобождается и замѣнить ему арестъ въ наказаніе, внося сіе въ формуляръ».

Дѣло прапорщика Либавскаго пѣхотнаго полка Карановскаго любопытно тѣмъ, что военному суду былъ объявленъ графомъ Барклаемъ-де-Толли выговоръ. Карановскій прибылъ въ полкъ съ командою выздоровѣвшихъ нижнихъ чиновъ этого полка. Такъ какъ онъ былъ только что переведенъ въ полкъ и не имѣлъ обмундированія, то, получивъ деньги, былъ отправленъ въ г. Рейхенбахъ для экипировки. Въ городѣ, однако онъ похитилъ изъ одной лавки ромъ и рубашку, но, будучи задержанъ, онъ возвратилъ рубаху, а ромъ уже успѣлъ выпить и находился поэтому въ нетрезвомъ состояніи.

Дѣянія Карановскаго были, конечно, весьма предосудительны и преступны, и военный судъ приговорилъ его «за нетрезвое поведеніе и несоотвѣтственные званію офицера поступки, съ коими терпимъ въ войскахъ быть не можетъ, изгнать изъ арміи»; за взятую же имъ бутылку рому постановлено взыскать въ удовлетвореніе купца втрое. При этомъ судъ примѣнилъ статьи 33 и 51 уголовнаго уложенія, изъ которыхъ одна касается неповиновенія, а другая излишняго требованія отъ казны. Этихъ преступныхъ дѣяній Карановскій не совершалъ, и военный судъ примѣнилъ, слѣдовательно къ его винѣ невѣрныя статьи закона. Кромѣ того, военный судъ не вошелъ въ разсмотрѣніе того, похитилъ ли Карановскій рубашку и ромъ тайно, или на глазахъ хозяина, т. е. совершилъ ли онъ кражу или грабежъ.

Поэтому полевой аудиторіатъ отмѣтилъ эти крупныя ошибки суда, но находилъ, что дѣло не можетъ быть пересмотрѣно въ виду предписанія разсмотрѣть его въ 24 часа и незначительности убытка, причиненнаго

Карановскимъ. Наказать же Карановскаго аудиторіатъ полагалъ лишеніемъ дворянства и написаніемъ его въ рядовые до выслуги.

20 іюля 1813 г. Барклай-де-Толли положилъ на дѣло резолюцію: «подсудимаго разжаловать въ рядовые до выслуги и опредѣлить въ тотъ же полкъ, а комиссіи сдѣлать выговоръ».

Точно также военный судъ примѣнилъ несоотвѣтствующіе законы и въ дѣлѣ капитана Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка Гамова, который въ маѣ мѣсяцѣ 1813 г., недалеко отъ Позена, побилъ и бранилъ арендатора одного помѣстья Бейстана. Военный судъ примѣнилъ къ дѣянію Гамова 65 статью, предусматривавшую нападеніе на безоруженнаго жителя. Корпусный командиръ ген.-маіоръ князь Гурьяловъ и начальникъ главнаго штаба арміи гр. Витгенштейна ген.-маіоръ Довре полагали возможнымъ вмѣнить Гамову арестъ въ наказаніе. Полевой аудиторіатъ замѣтилъ, что ни о какомъ нападеніи въ дѣлѣ не упоминалось, а Гамовъ лишь ругалъ и вытолкалъ арендатора изъ своей квартиры; поэтому аудиторіатъ объявилъ комиссіи военнаго суда выговоръ, «а производившаго оное должно бы арестовать, но у производства находился не аудиторъ, а фельдфебель Рубцовъ, по неимѣнію аудитора, то его впредь, какъ незнающаго, къ производству судныхъ дѣлъ не употреблять». Какъ видно, къ участію въ военно-судныхъ дѣлахъ объ офицерахъ привлекались нижніе чины... Дѣло окончилось, по резолюціи ген. Барклай-де-Толли, зачетомъ ареста въ наказаніе.

Бывали, конечно, ошибки и въ личностяхъ подсудимыхъ. Такъ, военному суду былъ преданъ полицейскій комиссаръ г. Калиша Ивашкевичъ, котораго подозрѣвали въ томъ, что онъ русскій дезертиръ, перешедшій затѣмъ въ польскую службу. Судомъ однако было доказано, что онъ—шляхтичъ, употреблялся французами переводчикомъ при допросѣ надъ плѣнными, но переводилъ правильно и надъ русскими не насмѣхался (не «мстился»). Поэтому и судъ, и полевой аудиторіатъ полагали его освободить отъ суда. Ген.-ад. Коновницынъ находилъ необходимымъ удалить его, какъ проживавшаго въ нашихъ границахъ и могущаго послужить намъ во вредъ, въ «дальнѣйшія наши провинціи». Ген. Барклай-де-Толли наложилъ на дѣло резолюцію: «освободить изъ подъ ареста въ свое жилище, имѣть его подъ полицейскимъ надзоромъ».

Отголосокъ яко бы неправильнаго награжденія орденами слышится въ дѣлѣ штабсъ-капитана Смердова, служившаго въ Каргопольскомъ драгунскомъ полку. Онъ былъ крайне безпокойнаго характера, не могъ уживаться съ товарищами, не ладилъ съ начальствомъ и заводилъ интриги. Вслѣдствіе того, что его эскадронъ былъ найденъ генералъ-маіоромъ Гернгросомъ въ весьма дурномъ состояніи, онъ отъ него былъ отнятъ, а затѣмъ онъ былъ переведенъ въ гарнизонъ. Въ прошеніи, поданномъ на

Высочайшее имя, Смердовъ, между прочимъ, указывалъ, что шефъ Каргопольскаго полка генералъ-маіоръ Поль весьма пристрастно представлялъ офицеровъ къ наградамъ. Такъ, поручикъ Кузнецовъ за спасеніе вагенбурга 1-й драгунской дивизіи былъ произведенъ въ чинъ, а между тѣмъ никакого вагенбурга не спасалъ. Полковой писарь вахмистръ Исаковъ не бывалъ въ сраженіяхъ, а между тѣмъ за храбрость произведенъ въ прапорщики. За храбрость въ сраженіи при Вязьмѣ штабсъ-капитанъ Сотицкій, родной братъ жены генерала Поля, былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст., а между тѣмъ онъ не только не выказалъ никакого отличія, но даже получилъ выговоръ за дурное исполненіе своихъ обязанностей отъ генералъ-маіора Панчулидзева 1.

Произведенное по жалобѣ разслѣдованіе не подтвердило его справедливости, и 31 мая 1815 г. резолюціею главнокомандующаго эта жалоба была признана за ябеду на начальника, не заслуживающую никакого уваженія».

Дѣло подполковника Сонина заслуживаетъ вниманія по тому, что подсудимый былъ командиромъ Сибирскаго драгунскаго полка. Изъ всѣхъ прочихъ подсудимыхъ въ просмотрѣнныхъ нами дѣлахъ, это былъ самый старшій по чину офицеръ.

Возгорѣлось дѣло на почвѣ служебнаго столкновенія полковника Крейца, шефа этого полка, съ подполковникомъ Сонинымъ, командиромъ того же полка, лишній разъ доказавъ, что во главѣ одного и того же полка совершенно безполезно были поставлены въ сущности два начальника—шефъ и командиръ.

20 іюня 1812 г., на маршѣ, Сонинъ выслалъ къ сторонѣ непріятеля боковые патрули, но прибывшій въ это время Крейцъ нашелъ неправильность въ ихъ разстановкѣ; на послѣдовавшее затѣмъ пререканіе между Сонинымъ и имъ, онъ приказалъ Сонину отъѣзжать прочь, на что Сонинъ возразилъ, что онъ—полковой командиръ, и его мѣсто—передъ полкомъ. Черезъ день, 22 іюня, Крейцъ приказалъ выдать ячмень лейбъ-эскадрону, но Сонинъ заявилъ, что ячмень долженъ быть выданъ въ тѣ эскадроны, въ которыхъ лошади совсѣмъ не ѣли въ теченіе нѣсколькихъ дней; Крейцъ объявилъ Сонину, что онъ его арестовываетъ и приказалъ отдать палашъ. Но Сонинъ возражалъ, что онъ не заслуживаетъ быть арестованнымъ, особенно въ такую минуту, когда ожидается непріятель. Поэтому онъ не отдалъ своего палаша подъѣхавшему къ нему адъютанту.

Судъ, въ лагерѣ при дер. Варваринѣ, 13 сентября 1812 г., приговорилъ Сонина къ разжалованію въ рядовые, а ген.-отъ-инф. Дохтуровъ полагалъ его отставить отъ службы. 11 октября, согласно съ мнѣніемъ генерала Дохтурова, далъ свое заключеніе и полевой аудиторіатъ. Приказомъ по арміямъ, 14 октября за № 48, подполковникъ Сонинъ за неповиновеніе полковнику Крейцу отставленъ отъ службы.

Выдающіеся боевые подвиги служили причиною постановленія сравнительно мягкаго приговора.

Такъ, подпоручикъ Симбирскаго пѣхотнаго полка Ивановскій составилъ подложное «повелѣніе» для полученія на проѣздъ къ полку обывательскихъ лошадей. Резолюціею ген. Барклая-де-Толли 4 іюня 1813 г., за этотъ подлогъ, Ивановскій былъ приговоренъ лишь къ двумѣсячному аресту; ему были оставлены чины и онъ былъ даже допущенъ къ исполненію должности. Мотивомъ къ столь мягкому приговору было выставлено участіе Ивановскаго въ Бородинскомъ сраженіи, гдѣ онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ; но изъ плѣна онъ вскорѣ бѣжалъ и вывелъ съ собою тридцать русскихъ нижнихъ чиновъ.

Передъ нами прошелъ рядъ подсудимыхъ. Каковъ же общій выводъ? Да только одинъ: въ тяжелую годину защиты отечества русская армія была крѣпка своею дисциплиною, судъ далеко не былъ заваленъ дѣлами и, если все-таки бывали подсудимые и изрѣдка примѣнялась смертная казнь, то это объясняется лишь тѣмъ, что человѣческіе пороки встрѣчаются даже въ лучшихъ и храбрѣйшихъ арміяхъ.

М. Соколовскій.

Въ масонскихъ ложахъ.

(1817—1822 г.г.).

Покрыты мракомъ, развлеченны,
О чувства, міромъ ослѣпленны,
Сберитесь купно внутрь меня,
Мнѣ нужно нынѣ знать себя!
Нѣтъ блага тамъ, гдѣ вы летали,
Ни въ чемъ его вы не сыскали,
Вамъ силы данныя губя...

Изъ масонской пѣсни „Размышленіе“.

I.

Въ 1817 году Петербургская ложа Трехъ Свѣтилъ [1]) работала по средамъ еженедѣльно.

Въ среду, 28 марта, съ шести часовъ вечера, стали сходиться и съѣзжаться братья ложи Трехъ Свѣтилъ въ домъ, гдѣ происходили собранія членовъ союза Великой Провинціальной [2]) ложи: предстоялъ пріемъ «про-

[1]) Учреждена 4 декабря 1816 г.

[2]) Масонскія ложи въ царствованіе Императора Александра I до 1814 года составляли одинъ союзъ. Организація союза была іерархическая. Управляющій союзомъ былъ неограниченъ въ своихъ дѣяніяхъ и несмѣняемъ, а члены низшихъ масонскихъ степеней были въ подчиненіи у болѣе «просвѣтленныхъ» братій высшихъ степеней. Всѣ союзныя ложи работали по актамъ шведской системы, включавшей, кромѣ трехъ іоанновскихъ степеней, еще шотландскія и рыцарскія; занятія заключались въ совершенствованіи сердца, ума и духа (іоанновскія степени) въ изученіи тайныхъ наукъ, какъ-то магіи, кабалы) и въ пріуготовленіи борцовъ желѣзной воли для распространенія идеаловъ ордена Свободныхъ Каменщиковъ (степени шотландскія и рыцарскія). Крайній мистицизмъ и аскетизмъ зачастую отличалъ приверженцевъ этой системы. Во главѣ союза стояла Великая Директоріальная ложа Владиміра къ Порядку. Послѣ 14-го года союзъ распался и образовалось два: одинъ—сохранившій прежнюю систему и организацію съ Великою Провинціальною ложею во главѣ и другой—отвергнувшій всѣ высокія степени и сохранившій однѣ только іоанновскія; во главѣ его встала Великая ложа Астрея. Организація союза Астреи являлась полною противоположностью ранѣе дѣйствовавшей: выборность, смѣняемость высшихъ властей замѣнило самовластіе; каждый членъ союза получилъ право требовать у главарей отчета въ ихъ дѣйствіяхъ по управленію союзомъ. Въ 1817 году оба союза заключили «Конкордатъ», установившій внѣшнія, вполнѣ корректныя взаимоотношенія.

фана» въ Орденъ Свободныхъ Каменщиковъ и начало посвященія великимъ мастеромъ, Иваномъ Михайловичемъ Евреиновымъ было назначено ровно въ 7 часовъ.

Братьевъ Каменщиковъ собралось довольно много: всѣмъ хорошо извѣстно было, что потребовалось болѣе двухъ лѣтъ для «уловленія» Луки Александровича Симанскаго, полковника лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Тронуть сердце намѣченнаго къ посвященію, блестящаго гвардейскаго офицера оказалось труднѣе, нежели предполагали братья Каменщики, не смотря даже на то, что для уловленія избраны были два товарища Л. Симанскаго по полку, отличавшіеся большимъ рвеніемъ къ масонскому Ордену. Главари масоны на этотъ разъ ошиблись въ выборѣ пропагандистовъ, два масона-измайловца не сумѣли разбудить въ своемъ сослуживцѣ желанія узнать масонскія таинства. Л. Симанскій, поглощенный службою и развлеченіями свѣтской жизни, на всѣ предложенія и увѣщанія вступить въ масонское братство, отвѣчалъ неоднократно отказомъ. «Два изъ моихъ пріятелей», вспоминаетъ самъ Симанскій эти неудачные уговоры, «въ разное время предлагали мнѣ вступить въ братство, но я отъ онаго весьма равнодушно отказался. Причиною сего, какъ кажется, были и сами они, а также непривлекательность той цѣли, какую они мнѣ представляли. Все же оное при собственномъ самодовольствіи моемъ и было мнѣ преградою къ исканію лучшаго».

Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, масоны, однако, не отказались отъ надежды выполнить его въ будущемъ, они рѣшили выждать подходящей минуты съ терпѣніемъ и уловленіе поручить кому-либо другому: выборъ палъ на измайловца же, Федора Ивановича Долгополова.

Прошелъ годъ, другой, масоны словно забыли о своемъ намѣреніи, молчали, выжидая подходящей минуты, и такая минута настала: Симанскій заскучалъ и тотчасъ, какъ лѣкарство отъ скуки и недовольства собою, Долгополовъ указалъ на вступленіе въ масонское братство, а равнодушно отказывавшійся прежде Симанскій съ радостью принялъ возобновленныя предложенія.

Въ такихъ выраженіяхъ вспоминаетъ объ этомъ переломѣ своей жизни Симанскій: «Носясь въ вихрѣ страстей, забавъ и мечтахъ и бывъ одними наказанъ, другими отяготясь и исполненъ пустоты отъ послѣднихъ, началъ хотя и не уклоняться, но нѣсколько размышлять объ оныхъ, а потому и скучалъ суетнымъ и безполезнымъ препровожденіемъ времени своего и въ сіе то время сослуживецъ мой, достойный молодой человѣкъ, съ коимъ пятилѣтняя связь и дружество особенное всегда приносили мнѣ услажденіе, сдѣлалъ мнѣ предложеніе вступить въ братство и заключилъ все оное въ сихъ немногихъ словахъ: «любезный Лука Александровичъ, сказалъ онъ мнѣ, зная совершенно твой образъ мыслей, а также и твой характеръ, я твердо увѣренъ, что ты будешь очень симъ доволенъ, ибо занятія твои совершенно согласуются съ тѣми, куда я предлагаю тебѣ

вступить, и не всякому сіе я предложу. Сего было довольно, первое слово, упомянутое имъ о масонствѣ, было для меня уже отрадою, слушая друга своего, я ощущалъ въ себѣ новую жизнь, готовность къ иному дѣйствованію, какое отъ меня потребуется, и я представлялъ оное себѣ хотя неясно, темно, но истиннымъ и благороднымъ упражненіемъ человѣка! Я пожалъ руку друга своего и сказалъ: ахъ, я давно сего желалъ!».

Согласно масонскимъ законамъ [1]), обрядъ баллотировки въ вольные каменщики слѣдовалъ черезъ двѣ недѣли со дня подачи просьбы о принятіи, если въ теченіе этихъ двухъ недѣль никѣмъ не было заявлено чего-либо противъ предложеннаго къ пріему профана. Никакихъ заявленій противъ Л. Симанскаго не поступило, и день пріема «достойно ищущаго свѣта» былъ назначенъ.

Братья каменщики на коихъ возложили выполненіе обряда посвященія, были: предсѣдающій мастеръ, коллежскій совѣтникъ Иванъ Михайловичъ Евреиновъ; первый надзиратель, генералъ-маіоръ Иванъ Григорьевичъ Петровскій; второй надзиратель, надворный совѣтникъ Петръ Ивановичъ Рубецъ; риторъ, докторъ Петръ Ивановичъ Мундъ и обрядоначальникъ поручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, Федоръ Ивановичъ Долгополовъ.

Въ 7 часовъ вечера братъ поручитель [2]), Долгополовъ, привезъ Симанскаго въ ложу, и обрядъ начался. Симанскому наложили на глаза повязку [3]) и отвели въ черную храмину [4]). Однако, поручитель настолько

---

[1]) «Законы для совершенной и справедливой ложи Святаго Іоанна, подъ названіемъ Трехъ Свѣтилъ», глава X, § 114—117. «Когда мастеръ ложи дастъ позволеніе, то предлагающій въ ученическомъ собраніи кладетъ въ предлагательницу въ свое время за подписаніемъ своимъ записку, въ коей подробно означаетъ о профанѣ всѣ свѣдѣнія сообразно вопросамъ, которые дѣлаются при пріемѣ, а также и о жительствѣ его. Сія записка должна быть чисто написана и хранится при дѣлахъ секретаря, яко документъ. Мастеръ ложи, вынувъ записку, прочитываетъ оную громко и отдаетъ секретарю, а сей по окончаніи работъ выставляетъ въ залѣ собранія другую записку, въ коей означаетъ имя, званіе и жительство профана съ изъясненіемъ, что онъ предлагается къ пріему. Имя профана остается выставленнымъ въ теченіе двухъ недѣль. Въ сіе время братья должны стараться о немъ провѣдывать, дабы не положить одобрительнаго шара такому, коего поведеніе или образъ мыслей не соотвѣтствуютъ качествамъ ищущаго. Сіе самое служитъ также къ облегченію предлагающаго, ибо отъ вниманія одного лица иногда ускользнетъ то, что чрезъ освѣдомленіе многими лицами обнаруживается. По прошествіи двухъ недѣль, ежели мастеръ ложи ни отъ кого изъ братьевъ не услышитъ ничего невыгоднаго на счетъ профана, то въ первое ученическое собраніе о семъ объявляетъ и приказываетъ побаллотировать».

[2]) Обыкновенно поручителемъ являлся братъ, внесшій предложеніе о пріемѣ новичка.

[3]) Такого рода повязки были въ видѣ большихъ выпуклыхъ очковъ изъ голубого шелка; въ Московскомъ Императорскомъ Румянцевскомъ Музеѣ сохранилась подобная повязка.

[4]) Черною храминою называлась комната пріуготовленія или размышленія; она всегда бывала вся черная и болѣе или менѣе мрачно обставлена, символизируя міръ грѣха, въ которомъ утопаетъ человѣчество.

былъ взволнованъ, что забылъ объяснить своему другу о снятіи повязки: по ритуалу надлежало снять повязку по уходѣ поручителя изъ черной храмины, когда посвящаемый останется одинъ и услышитъ стукъ въ дверь. Забывчивостью поручителя начало обряда утеряло свой смыслъ. Симанскій, переписывая семь лѣтъ спустя свой дневникъ, вспоминаетъ съ сожалѣніемъ объ этомъ упущеніи своего друга: «съ завязанными глазами отведенъ я былъ въ черную храмину, въ которой, посадя меня, и оставилъ, не сказавъ ни слова ни объ ударѣ, ни о снятіи повязки (величайшая неосторожность, отъ которой и все принятіе не имѣло того дѣйствія, какъ то еще сказано будетъ). Находясь долгое время въ семъ положеніи, я отъ природы страшливый, а слыхавъ всѣ ужасы, коими испытываютъ при семъ случаѣ, ожидалъ съ твердостью всѣхъ таковыхъ; наконецъ, послышалъ разговоры, шумъ и ходьбу и сіе также много попрепятствовало и повредило тогдашнимъ моимъ размышленіямъ — зала собранія находилась отъ черной храмины весьма близко, а потому профану, оставленному, такъ сказать, на собственный произволъ ни малѣйшій шумъ не долженствовалъ бы мѣшать, а не только таковое близкое сосѣдство людей, коихъ даже голоса можно было различить. Потомъ все сіе умолкло; я слышалъ голоса вдали и чрезъ нѣсколько минутъ отворились запоры дверей и нѣкто, войдя ко мнѣ, спросилъ меня: «для чего же вы не сняли повязки?» Я отвѣчалъ, что совсѣмъ этого не зналъ.—«Какъ же это такъ, развѣ вамъ ничего объ этомъ не сказали?—Я ничего не слыхалъ.—«Ну, что же, нечего дѣлать», и потомъ, велѣвъ мнѣ снять повязку, сказалъ: «Я васъ теперь оставлю, а вы размышляйте о всемъ томъ, что здѣсь видите». Не могу не пожалѣть о томъ, ибо сіе касается моего счастія и блаженства, что въ самыхъ важнѣйшихъ минутахъ приготовленія меня сдѣланы были таковыя большія упущенія, хотя первая ошибка и была уже значительна, но ее возможно было еще исправить, но когда братъ риторъ велѣлъ мнѣ при себѣ снять повязку, тогда уже все для меня исчезло очарованіе, а наиболѣе (вѣроятно, пропущено слово «осталось») желаніе высвободиться. Открывъ глаза, увидѣлъ я предъ собою знакомое лицо, обвѣшенное знаками; предметы черной храмины не имѣли для меня того ужаса, когда бы я ихъ разсматривалъ не при свидѣтелѣ и пораженъ бы былъ ихъ нечаянностью. Оставшись одинъ, я подходилъ къ нимъ и разсматривалъ ихъ съ нѣкоторымъ уже равнодушіемъ!» Предметы, которые равнодушно разсматривалъ Симанскій, всѣ были символами скоротечности земной жизни: черный большой полуистлѣвшій гробъ съ человѣческимъ костякомъ, человѣческій черепъ, положенный на скрещенныя берцовыя кости, песочные часы; сама комната, маленькая, со сводами, затянута была черною тканью; на черномъ столѣ, кромѣ черепа и часовъ, была еще библія, открытая на первой главѣ отъ Іоанна. Другого освѣщенія не было кромѣ едва мерцавшаго пламени горѣвшей лампочки, спрятанной въ черепѣ, такъ что пламя свѣтилось черезъ глазныя впадины. Изъ позднѣйшихъ изъясненій Симанскій узналъ, что

едва виднѣвшійся свѣтъ означалъ ту искру божественнаго духа, которая свѣтится въ душѣ каждаго человѣка, будь онъ даже настолько преданъ грѣху, что какъ бы умеръ для духовной жизни, но при желаніи эта искра свѣта позволитъ отличить тлѣнность всего земного отъ духовнаго, непреходящаго, символомъ чего служитъ слово Священнаго Писанія. Поэтому-то понятнымъ является страстный возгласъ, горячее моленіе Симанскаго, дабы неудачное начало посвященія отнюдь не было указаніемъ на невозможность для него духовнаго возрожденія. «О, всещедрый Спасителю мой!» восклицаетъ Симанскій послѣ вышеприведенныхъ словъ о равнодушномъ разсматриваніи предметовъ черной храмины, «не попусти, дабы все сіе происходившее со мною было предзнаменованіемъ или отпечаткомъ того внутренняго моего состоянія, въ коемъ долженъ навсегда пребыть. Руководи меня духовно къ тому принятію, которое есть цѣль жизни моей и да сіи наружныя препятствія удостовѣрятъ меня, что я есмь еще недостойный пріять, видѣть, слышать и чувствовать столь величайшія истины. Благодареніе Тебѣ, Создателю мой, что Ты расположилъ сердце и умъ мой въ добромъ намѣреніи и направленіи въ прочія минуты принятія моего. Аминь» [1]).

Обрядъ пріема въ Орденъ вольныхъ каменщиковъ продолжителенъ, сложенъ и полонъ значенія. Риторъ вновь возвратился къ посвящаемому и на этотъ разъ въ точности выполнилъ предначертанія обрядниковъ. Стараясь исправить неудавшееся начало, онъ вкратцѣ изложилъ «ищущему свѣта» цѣли Ордена. Первою, наиважнѣйшею цѣлью назвалъ: «сохраненіе и преданіе потомству нѣкоего важнаго таинства отъ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ и даже отъ перваго человѣка до нынѣшнихъ каменщиковъ дошедшаго, доколѣ Богъ благоволитъ ко благу человѣчества открыть оное всему міру». Второю—«пріуготовленіе членовъ Ордена къ воспріятію сего таинства, посредствомъ исправленія ихъ сердца, очищенія и просвѣщенія ихъ разума». Третьею—«исправленіе всего рода человѣческаго и нещадную борьбу со зломъ, царящимъ въ мірѣ».

Послѣ опроса—остается ли посвящаемый при своемъ желаніи вступить въ каменщическое братство—риторъ, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ: «тогда вы обязаны впредь исполнять 7 слѣдующихъ должностей. 1) Скромность наблюдать, какъ словами, такъ и дѣлами, во всемъ томъ, что хотя мало касается братства. 2) Повиновеніе, т. е. строгое соблюденіе въ Орденѣ правилъ подчиненности. 3) Добронравіе, т. е. жизнь вести честную, полную правды и благопристойности. 4) Любовь къ человѣчеству, а паче къ братьямъ по Ордену, ибо любовь дѣлаетъ человѣка мужественнымъ въ его предпріятіяхъ, твердымъ въ исполненіи оныхъ, такъ что грозный видъ тирана, муки и всѣ злосчастія не колеблютъ его

[1]) Эта замѣтка о принятіи приписана была къ дневнику при перепискѣ его 10 февраля 1824 г.

душу. 5) Постоянность, мужество въ противленіи злу, въ преслѣдованіи цѣли; они долженствуютъ руководствовать вступившаго на пути добродѣтели, дабы не совратился онъ съ онаго никакими соблазнами, огорченіями, обманчивыми и лестными видами. 6) Щедрость и безкорыстіе, первый знакъ благородной души. 7) Любовь къ смерти, учиняющая человѣка неустрашимымъ [1]), укрѣпляющая духъ къ понесенію всѣхъ трудностей, кои встрѣтиться могутъ на пути добродѣтели».

Изъяснивъ всю важность исполненія 7 масонскихъ должностей, издревле чтимыхъ мудрыми мужами всѣхъ народовъ, риторъ потребовалъ шляпу и шпагу посвящаемаго и снова спросилъ его, упорствуетъ ли онъ въ своемъ желаніи содѣлаться каменщикомъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сообщилъ, что все ученіе масоновъ преподается постепенно въ символахъ, а затѣмъ именемъ Ордена предъявилъ три требованія: 1) въ знакъ чистосердія признаться въ главномъ своемъ пристрастіи и порокѣ [2]), 2) въ знакъ щедрости тотчасъ отдать всѣ имѣющіяся при немъ деньги и драгоцѣнности [3]) и 3) въ знакъ повиновенія позволить завязать себѣ глаза, снять верхнее платье, растегнуть рубашку, обнажить лѣвую грудь, разуть лѣвый сапогъ [4]).

Симанскій не отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, какое пристрастіе онъ назвалъ, но едва ли будетъ ошибкою, если предположить, что онъ отвѣтилъ «женщины», а главнымъ недостаткомъ назвалъ «гнѣвливость», потому что именно въ этихъ двухъ «грѣхахъ» безсчетное число разъ кается онъ въ своемъ журналѣ «худыхъ и добрыхъ дѣлъ, ежедневно творимыхъ».

---

[1]) Какъ мы видимъ 4, 5 и 7 должность требуютъ одного и того же—неуклоннаго, безтрепетнаго преслѣдованія намѣченной цѣли, полнаго самопожертвованія; въ болѣе высокихъ степеняхъ этой системы, потому-то и принято было девизомъ изреченіе «Vincere aut mori», т. е. «побѣда или смерть».

[2]) Члены ложи при пріемѣ новаго члена всегда бывали освѣдомлены заранѣе о его недостаткахъ и слабостяхъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ риторъ, обрядоначальникъ и великій мастеръ напередъ сочиняли свои рѣчи. Однако, вопросъ, этотъ какъ предписываемый ритуалами, все же предлагался посвящаемому.

[3]) По окончаніи обряда посвященія всѣ драгоцѣнности возвращались въ цѣлости. По одному объясненію, отнятіе металовъ указывало на преимущество «золотого вѣка», когда люди еще не знали металовъ и были всѣ равны, по другому—отнятіе золота и другихъ драгоцѣнностей имѣло связь съ культомъ солнца: во время жертвоприношеній солнцу жрецы снимали всѣ драгоцѣнности; наконецъ, по-третьему объясненію—оно знаменовало полную готовность принести въ жертву все свое состояніе, всѣ матеріальныя средства для блага братства безропотно, по первому требованію Орденскихъ властей.

[4]) Объясненій «туалета» посвящаемаго существуетъ очень много; такъ, еще въ XVIII вѣкѣ объяснялось, что масоны, придавъ такой необычный видъ испытуемому, дѣлали для него почти невозможнымъ бѣгство во время посвященія—онъ рисковалъ быть принятымъ за умалишеннаго; но едва ли это было такъ; обнаженіе груди съ цѣлью удостовѣриться, не женщина ли пытается проникнуть въ запрещенное для нея братство, также мало вѣроятно. Объясненія слѣдуетъ искать въ обрядахъ древности—въ обычаяхъ мистерій и т. п.

Риторъ Мундъ удалился, а взамѣнъ его вошелъ поручитель Долгополовъ, предложившій посвящаемому въ третій разъ все тотъ же испытывающій вопросъ: «твердъ ли въ желаніи своемъ пребываетъ ищущій». По отвѣтѣ онъ приставилъ къ обнаженной груди испытуемаго остріе шпаги и за руку, медленно вывелъ изъ черной храмины. Завязанные глаза и шпага мѣшали движенію, походка дѣлалась неувѣренною тѣмъ болѣе, что приходилось то обходить какія-то препятствія, то всходить куда то вверхъ, то опускаться внизъ, причемъ о неровности пола скользили и задѣвали ноги. Водитель между тѣмъ тихимъ голосомъ говорилъ о трудностяхъ пути добродѣтели: «шпага, приставленная къ груди вашей, можетъ вонзиться въ нее, какъ скоро вы одинъ ложный шагъ сдѣлаете, ибо вы не видите, куда идете, и препинаній, на пути лежащихъ! Васъ ведетъ рука, коей вы, однако, не видите! Если вы ею оставлены будете, погибель ваша неизбѣжна. Такъ страсти и слабости наши, затмевая внутренній свѣтъ, ведутъ насъ въ ослѣпленіи по неизвѣстнымъ намъ стезямъ и если бы невидимая рука не путеводствовала бы нами, мы давно бы погибли. Ищите познать сего Путеводца, старайтесь отрясти мглу страстей, увидите его очами умными, тогда обрящете мудрость, ибо мудрость есть очищеніе отъ страстей и пороковъ и познаніе внутренняго свѣта».

Пѣснь, раздавшаяся гдѣ-то вблизи, заглушила голосъ водителя:

«Бѣги отъ насъ, непросвѣщенный,
«Объятый тьмою, рабъ страстей!
«Мірскою суетой прельщенный
«Страшись коснуться сихъ дверей!
«Въ комъ духъ любовью не смиренъ,
«Тому нашъ храмъ не отворенъ!
«Оставьте гордость и богатство,
«Оставьте пышность и чины!
«Въ священномъ, свѣтломъ храмѣ братства
«Чтутъ добродѣтели однѣ...
«Онѣ отрада въ мірѣ намъ,
«Онѣ ведутъ насъ въ новый храмъ» [1]).

[1]) Имѣлось нѣсколько разновидностей этой пѣсни, но по смыслу вполнѣ тождественныхъ. Такъ одна, также часто пѣвшаяся въ Александровское время, начиналась: «Отъ насъ, злодѣи, удаляйтесь, которы ближняго тѣснятъ; во храмы наши не являйтесь, которы правды не хранятъ», и такъ далѣе. Сами масоны указывали на заимствованіе обычая этой пѣсни до начала ритуальныхъ работъ въ ложѣ отъ древнихъ мистерій, къ участію въ которыхъ не допускались нечистые сердцемъ, злые и т. п. Масонская пѣснь являлась только пространнымъ переложеніемъ возглашеній древнихъ. Пѣснь пѣлась хоромъ; сохранились ноты, но напѣвы не отличаются особой мелодичностью, однако, нѣсколько торжественны. Въ ложахъ, работавшихъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, пѣлась такая же пѣснь; особенно много сохранилось нѣмецкихъ варіантовъ этой пѣсни.

Нежданная, торжественная хоровая пѣснь, по воспоминаніямъ нѣкоторыхъ посвященныхъ, создавала настроеніе какого-то празднества, словно тамъ, откуда неслись звуки этой необычайной пѣсни, былъ какой то иной, незнакомый міръ, ничего общаго не имѣвшій съ повседневными буднями жизни.

Долгополовъ остановился, онъ проситъ доступа въ ложу и стучитъ какъ-то особенно. Слышны стуки, какъ бы въ отдаленіи, и посвящаемый понимаетъ, что это стучатъ въ ложѣ: пѣснь прекращается, снова стучитъ поручитель, стучитъ стражъ дверей, обмѣниваясь условными, обрядомъ предписаными словами, наконецъ, раздается вопросъ надзирателей, вопрошающихъ, достоинъ ли посвященія ищущій свѣта, «кто по немъ ручается», и поручитель увѣренно восклицаетъ: «я отвѣтствую за него своею головою». Раскрываются двери, еще нѣсколько мгновеній чувствуетъ принимаемый товарищескую руку, направляющую его, но затѣмъ эта рука оставляетъ его, и поручитель внятно говоритъ: «иди, я предаю тебя судьбѣ твоей». Невидимые ему, незнакомые люди берутъ его за руки и ведутъ. Незнакомый голосъ предлагаетъ двѣнадцать вопросовъ: «Какъ васъ зовутъ? Какъ ваше отчество? ваша фамилія? Сколько вамъ лѣтъ? День вашего рожденія? Какого вы закона? Какой имѣете чинъ? Какого происхожденія? Гдѣ вы родились? Не были ли прежде въ какой-либо извѣстный или неизвѣстный Орденъ приняты? Истинное ли побужденіе и усердіе къ Ордену нашему и желаніе учиниться лучшимъ привлекаетъ васъ сюда? Не суетное-ли любопытство прельстило васъ на сіе предпріятіе?»

Вопросы эти не оказались послѣдними; по полученіи отвѣтовъ Симанскаго спросили: «согласны ли вы во всемъ предаться намъ и по тѣмъ законамъ, коимъ мы повинуемся, согласны ли быть приняты въ вольные каменщики, или, размысливъ, желаете возвратиться вспять?» Симанскій отвѣтилъ, что желаніе его неизмѣнно и добровольно, но и этого утвержденія оказалось недостаточно, потому что снова раздался вопросъ: «Если вы могли иногда возмнить, или и теперь еще опасаетесь, нѣтъ ли чего между нами противнаго Богу, вѣрѣ, узаконеніямъ правительства, обществу или благонравію, то я увѣряю васъ моимъ и всея ложи словомъ, что сего и подобнаго тому нѣтъ и не бывало, отвѣтствуйте еще разъ и утвердите желаніе ваше». Послѣ требуемаго отвѣта, ищущій свѣта приглашается въ послѣдній разъ, пока еще для него не поздно, отказаться отъ своего намѣренія, не измѣнилось ли его желаніе, не отказывается ли онъ отъ испрошеннаго посвященія и, когда онъ возобновляетъ свою просьбу быть принятымъ въ лоно Ордена, раздается радостный возгласъ: «Да исполнится хотѣніе ваше! любезные братья, согласны ли вы на принятіе сего многострадущаго?» Громкія рукоплесканія выражаютъ согласіе. Надзиратели, по повелѣнію все того же голоса, трижды обводятъ принимаемаго вокругъ дожи; совершая три символическихъ путешествія къ мудрости и добродѣтели, они изъясняютъ значеніе этихъ путешествій. Первое путешествіе

обрѣтеніе пути добродѣтели, и вступленіе на него; второе — продолженіе шествія, совращеніе съ него и возвращеніе къ нему сызнова при поддержкѣ братской любви и дружбы, третье—неуклонное, неослабное стремленіе къ окончанію пути, къ вступленію въ храмъ премудрости, не взирая на всѣ встрѣчающіяся преграды. Пространныя, цвѣтистыя поученія надзирателей легко запоминаются, а послѣднія слова западаютъ въ душу: «кто подвизается до конца, кто въ благородномъ стремленіи своемъ къ полученію лавра лучше погибнетъ въ сраженіи, нежели съ робостью бѣжитъ изъ онаго, таковой, токмо таковой увѣренъ въ своей побѣдѣ!»

По свершеніи символическихъ путешествій испытуемый признается достойнымъ произнести клятву вѣрности; его заставляютъ преклонить правое обнаженное колѣно, возложить руку на библію (при чемъ спрашивается, вѣритъ ли невидящій, что это дѣйствительно Священное Писаніе) и повторять клятву, произносимую секретаремъ. Своею жизнью клянется посвящаемый хранить въ тайнѣ Орденское ученіе, повиноваться Орденскимъ властямъ, любить ближнихъ, помогая имъ изо всѣхъ своихъ силъ, стараться быть мудрымъ, предусмотрительнымъ и осторожнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Еще не поднятъ съ колѣнъ присягнувшій, а прежній голосъ слышится вновь: «Не забывайте никогда, что вы свободно, по добромъ размышленіи дали клятву, связывающую васъ съ нами, и что никакая власть не можетъ уже освободить васъ отъ исполненія оной. Братья надзиратели, поднимите требующаго [1]), отведите его на мѣсто, да приложится къ языку его печать молчаливости». Холодная сталь большой печати касается языка, приподнимается повязка съ глазъ и въ полутемной ложѣ посвящаемый видитъ себя въ замкнутомъ кругу обнаженныхъ длинныхъ мечей, остріемъ направленныхъ на него; онъ различаетъ своеобразно одѣтыхъ людей, держащихъ мечи, впервые видитъ тѣхъ, въ братство коихъ принятъ, и сразу успокоенно соображаетъ, что находится съ своемъ кругу по общественному положенію. Всматриваясь пристальнѣе, съ удивленіемъ узнаетъ знакомыя лица и среди нихъ много офицеровъ, но никто привѣтливо не улыбается, всѣ хмуро молчатъ. Отдѣльно отъ прочихъ, на возвышеніи, подъ голубымъ балдахиномъ стоитъ, повидимому, управляющій ложею—на немъ голубая мантія и голубая шляпа, въ правой рукѣ бѣлый молотокъ. «Всѣ сіи мечи, государь мой», обращается онъ къ Симанскому, который сразу признаетъ обладателя кроткаго голоса, предлагавшаго ему такое множество вопросовъ послѣ входа его въ ложу,—«всѣ сіи мечи, коихъ остріе противу васъ устремлено, нынѣ и всегда готовы суть поборствовать за васъ, въ какой бы вы странѣ не были, дотолѣ, доколѣ вы стараться будете исполнять всѣ доблести, свойственныя свободнымъ каменщикамъ. Но внемлите», крѣпчаетъ вдругъ

[1]) Посвящаемый во время обряда именуется—сначала «ищущимъ свѣта», затѣмъ «страждущимъ» во время испытаній, а послѣ ихъ окончанія «достойно требующимъ» посвященія. По окончаніи же пріема онъ уже называется «братомъ». Непосвященные же всѣ вообще назывались «профанами».

кроткій голосъ и властно, почти угрозой звучатъ послѣдующія слова: «сіи самые мечи извлекутся и устремятся мстительною десницею противу васъ если вы клятву свою и подобающую молчаливость нарушите. Надлежитъ вамъ вѣдать, что мы и всѣ разсѣянные по вселенной братія наши, ставъ нынѣ искренними и вѣрными вамъ друзьями, при малѣйшемъ вѣроломствѣ вашемъ, при нарушеніи отъ васъ клятвы и союза, будемъ вамъ лютѣйшими врагами и гонителями. Ополчимся мы тогда жесточайшими противу васъ гоненіями и исполнимъ месть, напомнимъ вамъ, что вы сами предъ Всемогущимъ Зиждителемъ міра, предъ всѣми здѣсь присутствующими братьями и предо мною, мастеромъ сея ложи, клялись и, премѣнивъ обѣтъ свой въ вѣроломство, заслужили себѣ казнь. Но я уповаю», заканчиваетъ Евреиновъ свою рѣчь, медленно, съ разстановкою отчеканивая каждое слово, «я уповаю, что сіи мечи на защищеніе и оборону братій нашихъ опредѣленные, не обагрятся никогда кровію недостойныхъ каменщиковъ. Въ таковомъ упованіи преклонимъ мечи къ полу храма» [1]). Мгновенно взблескиваетъ сталь длинныхъ мечей и дружнымъ ударомъ опускаются мечи на полъ. Повязку съ глазъ снимаютъ совершенно. Въ воздухѣ, передъ посвященнымъ мгновенно вспыхиваетъ крестообразное пламя и тотчасъ же гаснетъ при возгласѣ братьевъ: «такъ проходитъ слава міра». Великій мастеръ изъясняетъ послѣднее предстоящее испытаніе: смѣшеніе крови съ кровью братьевъ, символическій обрядъ мистическаго, кровнаго братскаго союза, который расторгнуть не въ силахъ даже смерть.

Ярко, свѣтло стало въ ложѣ, постепенно зажглись и разгорѣлись восковыя свѣчи—три на жертвенникѣ, шесть въ пламенѣющей звѣздѣ, три въ высокихъ свѣтильникахъ посреди ложи. Нарядно красивымъ, праздничнымъ кажется убранство ложи; лазурь тканей, лоскъ бѣлаго лака, золото символическихъ предметовъ ласкаютъ взоръ. По приказу Евреинова, оба надзирателя подводятъ посвящаемаго къ жертвеннику, повелѣваютъ преклонить правое колѣно, правую руку возложить на Священное Писаніе, лѣвою держать циркуль. Направивъ циркуль на грудь посвящаемаго, великій мастеръ трижды ударяетъ бѣлымъ молоткомъ по циркулю, громко произнося предписываемую ритуаломъ формулу посвященія въ ученики; въ подставленную чашу, наполненную красной влагой—какъ символъ крови ранѣе принятыхъ братьевъ—изъ уязвленной груди капаетъ капелька крови. Братья вкладываютъ мечи въ ножны... Симанскій масонъ!..

Выведенный на нѣсколько мгновеній, чтобы одѣться, Симанскій снова возвращается въ ложу: предстоитъ выслушать объясненіе всѣхъ символи-

---

[1]) Храмомъ масоны называли свои ложи; еще во время слѣдствія надъ извѣстнымъ масономъ вѣка Екатерины II, Н. И. Новиковымъ, допросъ коснулся этого выраженія; однако, масоны до чрезвычайности были консервативны во всемъ, что касалось обряда и символическаго языка и изъ поколѣнія въ поколѣніе переходили обрядовыя слова, не замѣняясь иными. Храмомъ называлась также человѣческая душа и выраженіе «строить храмъ» означало совершенствованіе духа.

ческихъ предметовъ, въ которые включена «мудрость» ученической степени. Эти символы изображены на коврѣ, разостланномъ посреди ложи. Затѣмъ ему сообщаютъ «слово», «знакъ» и «прикосновеніе», посредствомъ которыхъ онъ можетъ опознавать членовъ Ордена и, наконецъ, ему вручаются эмблемы ученика.

Симанскому вручили: бѣлый лайковый передникъ (такъ называемый запонъ) [1]), серебряную неполированную лопаточку на бѣломъ кожаномъ ремешкѣ, двѣ пары мужскихъ и одну пару бѣлыхъ женскихъ перчатокъ, и золотой прорѣзной равносторонній треугольникъ съ изображеніемъ трехъ связанныхъ факеловъ [2]). Сквозь ушко треугольника была продѣта зеленая шелковая ленточка.

Обрядъ былъ оконченъ, новопринятаго брата усадили по правую руку великаго мастера. Онъ «читалъ мнѣ уставъ, который и слушалъ я съ большимъ вниманіемъ», вспоминаетъ Симанскій, «и поручилъ меня брату Долгополову, подъ руководствомъ коего и оставался я до порученія меня брату Апухтину сентября 26-го дня». Поручая новопринятаго Долгополову, Евреиновъ, согласно ритуалу, долженъ былъ сказать: «почтенный братъ поручитель, тебѣ поручается сей новопринятый братъ. Научи его исполненію его должностей, а тебѣ, новопринятый братъ, повелѣваю именемъ начальниковъ нашихъ повиноваться сему мастеру, коему ты поручаешься». И Симанскій повиновался.

Въ ознаменованіе же того, что всякій масонъ является лишь звеномъ огромнаго, всемірнаго масонскаго братства, звеномъ неразрывной цѣпи [3]), масонскій ритуалъ предписывалъ при окончаніи посвященія профана образовывать символическую цѣпь.

«Какъ руки тѣсно мы всѣ цѣпію сплетемъ,
Да тако и сердца любовію съединятся»,

раздается хоровая пѣснь, и для образованія цѣпи братья берутъ другъ друга за руки, причемъ стоящій вправо беретъ лѣвую руку своего сосѣда правой рукой, а стоящій влѣво—лѣвой рукой правую руку сосѣда.

«Неразрушима въ вѣкъ пребудетъ цѣпь священна»—

---

[1]) Запонъ былъ символомъ обязательности труда для каждаго брата, бѣлый цвѣтъ знаменовалъ чистосердечіе, а лайка, изъ которой онъ былъ изготовленъ,—постоянство; перчатки давались въ знакъ чистоты нравовъ, лопаточка же напоминала о строгой работѣ надъ собою и о снисходительности къ прегрѣшеніямъ братьевъ.

[2]) Каждой ложѣ былъ присвоенъ особый отличительный знакъ, который символически представлялъ наименованіе ложи.

[3]) Цѣпь имѣла еще и мистическое значеніе: она являлась символомъ неразрывной цѣпи мірозданія, коею послѣдняя былинка соединяется съ всевластнымъ Строителемъ Вселенной великимъ множествомъ звеньевъ, существъ все болѣе и болѣе совершенныхъ. Кромѣ того, въ болѣе высокихъ степеняхъ, гдѣ занимались тайными науками, въ цѣпи видѣли средство умножить силу «духа» и «тѣла» каждаго отдѣльнаго брата.

громко поютъ всѣ братья и новопринятый съ удивленіемъ замѣчаетъ участіе въ братской цѣпи служителей, вошедшихъ въ помѣщеніе ложи во время первой строфы пѣсни. Собиратели милостыни обходятъ всѣхъ присутствующихъ.

«Блаженъ кто страждущимъ внимаетъ
И помощь бѣднымъ подаетъ,
Кто слезы сирыхъ осушаетъ»,

поютъ они подъ тихіе звуки музыкальныхъ инструментовъ.

Звучатъ непонятныя для новичка условныя рѣчи при закрытіи ложи, закрывается библія, бережно уносится коверъ съ символическими изображеніями. Евреиновъ сосредоточенно, медленно, медленно читаетъ молитву: «Благословеніе небесъ да снизойдетъ на насъ и на всѣхъ истинныхъ каменщиковъ и да украситъ и обновитъ насъ всѣми нравственными, общественными добродѣтелями».

Гасятъ свѣчи...

II.

Не гораздо ли лучше офицеръ вѣдаетъ положеніе своего полка и земледѣлецъ свойства полей своихъ, нежели самый мудрѣйшій наблюдатель самого себя и знаетъ собственное сердце свое?

Изъ масонскаго разсужденія о самопознаніи.

Послѣ праздника посвященія наступили будни повседневной масонской жизни.

Вступленіе въ Орденъ влекло единовременный расходъ и постоянныя денежныя обязательства, отъ коихъ избавлены были только неимущіе братья.

Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, къ концу первой недѣли послѣ пріема, принятый обязанъ былъ уплатить: за пріемъ 75 рублей, за одежду (т. е. запонъ, шляпу и перчатки) 15 руб., за знакъ ложи 15 руб., за патентъ (брать который было необязательно) 20 руб., служащимъ при ложѣ 5 руб. ассигнаціями; ежегодными платежами были: 40 руб. на содержаніе дома, въ которомъ помѣщалась ложа [1]), 5 руб. въ кассу великой управляющей ложи, 5 руб. въ Іоанновъ день, такъ называемый іоанновскій червонецъ. Кромѣ обязательныхъ расходовъ были и добровольные, которые, однако, выражались въ крупныхъ иногда цифрахъ къ концу каждаго года: при концѣ работъ въ ложахъ, будь онѣ ритуальныя или простыя собесѣ-

[1]) Великая Управляющая Провинціальная ложа нанимала домъ, въ которомъ и помѣщались ложи, принадлежавшія къ ея союзу; каждая ложа обязана была уплачивать ежегодно опредѣленную сумму на содержаніе дома и издержки эти опять-таки распредѣляла между своими членами.

дованія главарей (или пастырей) съ меньшими братьями, собиралась милостыня; подпискою нерѣдко собирались большія суммы и по домамъ среди членовъ ложи въ пользу бѣдныхъ собратій по Ордену и т. п.; являлось соревнованіе жертвовать на украшеніе ложи, на заведеніе библіотекъ, содержаніе оркестра и проч. Каждое послѣдующее повышеніе въ степени влекло новые платежи, товарищеская степень обходилась въ 85 руб. и мастерская въ 105 руб. Деньги, вырученныя за посвященіе, составляли собственность ложи.

Кромѣ денежныхъ обязательствъ масонскій Орденъ налагалъ и нравственныя, духовныя. Вскорѣ же послѣ принятія каждый посвященный долженъ былъ самъ себѣ сознаться, что онъ уже не всевластный господинъ своей воли, своихъ поступковъ, но что Орденъ въ любое мгновеніе могъ потребовать у него отчетъ. Руководитель обращался въ какую-то живую ходячую совѣсть новопосвященнаго.

Для внушенія всей важности внутренней, неустанной борьбы съ самимъ собою, руководитель по возможности старался проводить время съ порученнымъ ему братомъ, за успѣшное шествіе коего по пути добродѣтели онъ являлся отвѣтственнымъ передъ высшею масонскою властью, и въ Іоанновъ день ежегодно обязанъ былъ громогласно, въ присутствіи всѣхъ собравшихся членовъ ложи, давать отчетъ. Не теряя времени, поэтому, руководитель вручалъ посвященному книгу Іоанна Масона «О самопознаніи», требуя внимательно прочесть и отмѣтить все, что произведетъ впечатлѣніе и все, что покажется неяснымъ, непонятнымъ. Руководитель изъяснялъ, что трудный путь самоусовершенствованія надлежитъ начинать съ познанія самаго себя, своихъ страстей и пороковъ и что самопознаніе отнюдь не такъ легко, какъ можетъ представиться на первый взглядъ. Каждому масону необходимо постепенно, настойчиво развивать въ себѣ умѣнье разбираться въ лабиринтѣ собственной души, въ запутанныхъ ходахъ и переходахъ собственныхъ мыслей, дабы быть въ силахъ отдавать себѣ ясный отчетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, во всѣхъ движеніяхъ ума и сердца.

Какъ на испытанное средство, облегчающее познаніе себя, руководитель указывалъ на веденіе дневника, записей изо дня въ день, въ которыхъ бы, какъ въ зеркалѣ, отражалась вся жизнь пишущаго; такого рода искренняя ежедневная запись даетъ возможность слѣдить за успѣхами и неудачами на пути къ свѣту. Развивая критическое отношеніе къ самому себѣ, къ собственнымъ помысламъ и поступкамъ, масоны-водители тѣмъ самымъ незамѣтнымъ образомъ, пріучали своихъ младшихъ братьевъ по Ордену критически относиться къ окружающимъ ихъ людямъ, къ укладу общественной жизни.

За время своего масонства Л. А. Симанскій оставилъ два дневника. Одинъ дневникъ былъ веденъ со дня принятія (28 марта 1817 г.) въ братство Вольныхъ Каменщиковъ до 24-го іюня 1821 г.; дневникъ озагла-

вленъ: «Журналъ, въ какіе дни посѣщалъ и присутствовалъ на работахъ въ ложахъ обоихъ союзовъ Великой Провинціальной и Астреи съ начала принятія меня въ братство съ краткимъ извлеченіемъ изъ того, что при сихъ работахъ происходило». «Съ подлиннаго переписанъ и исправленъ генваря 28, 1824 г., въ Ропшѣ и оконченъ апрѣля 1-го въ СПБ.».

Журналъ рисуетъ намъ масона Симанскаго въ его отношеніяхъ къ Ордену, къ дѣятельности ложъ, поскольку онъ ревностно и усердно посѣщалъ братскія собранія, принималъ участіе въ насажденіи идей масонства, выполняя различныя масонскія должности, а также какія происшествія въ лонѣ Ордена, какія рѣчи и поученія западали ему въ душу. Журналъ важенъ для исторіи русскаго масонства Александровскаго времени тѣмъ, что на протяженіи почти пяти лѣтъ знакомитъ съ работами трехъ наиболѣе дѣятельныхъ и многолюдныхъ ложъ Провинціальнаго союза, руководителями коихъ были выдающіеся масоны. Свидѣтельство Симанскаго особенно цѣнно и потому еще, что онъ не былъ фанатикомъ масонства, котораго можно было бы заподозрить въ нарочито, съ предвзятою цѣлью составленномъ дневникѣ, и всѣмъ записямъ журнала можно вполнѣ вѣрить. Какъ видно изъ приписки, къ заглавію, журналъ есть чистовая копія съ черновика, позднѣе исправленнаго и переписаннаго уже полтора года спустя послѣ запрещенія масонскихъ ложъ въ Россіи. Въ черновыхъ бумагахъ, на отдѣльныхъ листочкахъ попадаются замѣтки Симанскаго о томъ, что надо провѣрить и какія неточности въ дневникѣ исправить, изъ чего видна щепетильная добросовѣстность и желаніе оставить правдивую лѣтопись о пяти годахъ своего масонства.

Цѣннымъ дополненіемъ къ этому журналу дневнику служитъ другой дневникъ, сохранившійся въ отрывкѣ отъ 6 ноября 1820 г. до 13 декабря 1823 г. и озаглавленный: «Испытаніе худыхъ и добрыхъ дѣлъ, ежедневно творимыхъ». Онъ не столь разборчиво написанъ,—это черновикъ.

Съ изумительною откровенностью описываетъ Симанскій малѣйшія движенія ума и сердца, безстрастно расчленяя всѣ свои поступки и помыслы въ непрестанномъ стремленіи доискаться истинной причины дѣйствій своихъ, сорвать предъ самимъ собою ту завѣсу, которая скрываетъ отъ взоровъ толпы и даже ближайшихъ родныхъ и друзей святая святыхъ души каждаго человѣка.

Такого рода «испытанія совѣсти», «дневники—исповѣди» были обязательны для масоновъ, и они черезъ отдѣльный промежутокъ времени должны были отдаваться на прочтеніе руководителямъ, которые уже въ свой чередъ представляли эти исповѣди великимъ управляющимъ мастерамъ для вѣчнаго храненія въ архивахъ Ордена. Отъ руководителей [1]) порученные

[1]) Въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ сохранились въ отрывкахъ автобіографіи нѣкоторыхъ масоновъ въ которыхъ отмѣчено и описано ревностное отношеніе руководителей, въ полномъ смыслѣ перевоспитывавшихъ новопосвященныхъ и превращавшихся для нихъ въ любимѣйшихъ друзей.

имъ братья не должны были имѣть никакихъ тайнъ и часто въ рѣчахъ старѣйшіе братья внушали это юнымъ, обычно повторяя рѣчь о «скромности», напечатанной въ 1784 году въ масонскомъ журналѣ «Магазинъ Свободно Каменщическій» [1]), и каждому масону не разъ приходилось внимать возгласу: «О, любезные братья! не стыдитесь сообщать свои мысли, дурныя-ли, хорошія-ли! О, братья, не стыдитесь совѣтываться съ мастерами!»

Однако, избранный Симанскому въ руководители, молодой Долгополовъ не могъ являться тѣмъ перевоспитателемъ, котораго вліяніе не замедлило бы отразиться на вновь посвященномъ. На это есть указанія отчасти и въ дневникѣ. Такъ, хотя Симанскій и былъ удостоенъ повышенія въ слѣдующія двѣ степени въ очень непродолжительный промежутокъ времени послѣ первоначальнаго посвященія, однако, по собственнымъ словамъ его, значеніе ихъ было ему неясно, т. е., другими словами, онъ самъ былъ недоволенъ своимъ руководителемъ. 2 мая 1817 года онъ былъ повышенъ во 2-ю товарищескую степень, а 4 іюня—уже въ 3-ю мастерскую. О принятіи въ степень товарища запись журнала гласитъ: «О семъ пріемѣ ничего не могу сказать, ибо онъ послѣдовалъ черезъ 5 недѣль послѣ моего принятія въ Орденъ, и я въ продолженіе сего краткаго времени находился при работахъ въ ложахъ всего 6 разъ, не только, чтобы успѣть въ чемъ, но даже и самыя понятія мои на счетъ всего мной видимаго были столь сбивчивы и во всѣхъ слышанныхъ мной рѣчахъ не постигалъ еще я никакой связи; самыя даже слова науки масонской были для меня непонятны и темны, а потому и свѣдѣнія мои о всемъ при принятіи моемъ не далѣе распространялись». 4 іюля запись дневника почти что повторяетъ тѣ же мысли: «О сей 3-й степени и о вліяніи, какое она во время принятія моего въ оную на меня произвела—не могу я ничего сказать, ибо, находясь при работахъ всего 13 разъ, а также не получа достаточнаго объясненія и на предыдущую 2-ю степень, понятія мои на видимые и слышимые мной предметы столь были смѣшаны, что я не могъ ни одной изъ первыхъ степеней дать порядочное опредѣленіе и, сознаваясь внутренно объ ономъ, принялъ сію 3-ю степень безъ размышленія, но со смиреніемъ и, возвратясь домой, размышлялъ объ оной».

Слѣдующую 4-ю степень шотландскаго ученика подмастерья, составлявшую первую степень шотландскаго масонства, уже не имѣла право давать ложа Трехъ Свѣтилъ, и посвященіе было совершено въ шотландской ложѣ Сфинкса, 29 ноября 1819 года, «Принятъ и повышенъ въ 4-ю степень. Принятіе сіе нѣсколько болѣе сдѣлало на меня впечатлѣнія, нежели три предшествовавшія сному; въ сіе время я былъ и находился на руководствѣ у опытныхъ старшихъ братьевъ, бесѣды коихъ со мною нѣсколько болѣе

[1]) Т. I, ч. II, стр. 31—57. Этотъ журналъ, являющійся теперь библіографическою рѣдкостью, былъ распространенъ лишь въ средѣ вольныхъ каменщиковъ и напечатанный въ ограниченномъ числѣ 600 экземпляровъ въ продажу не поступалъ; его раздавали по рукамъ.

ввели меня въ смыслъ ученія орденскаго, а также и пріуготовили меня взирать на всѣ предметы гораздо съ большимъ вниманіемъ и отвѣтственностью за все то, что ниспошлется мнѣ къ открытію и познанію въ ученіи Ордена».

Опытные старшіе братья, о которыхъ упоминаетъ Симанскій, были масоны-фанатики Гавріилъ Петровичъ Апухтинъ и Александръ Егоровичъ Кишенскій.

Апухтину Симанскій былъ порученъ 26 сентября 1817 года, а 29 сентября впервые посѣтилъ на дому своего новаго руководителя. «День, весьма достопамятный для меня», записываетъ Симанскій, «ибо Богъ благоволилъ явить мнѣ чрезъ него свои щедроты и милость пролитіемъ въ меня новаго свѣта, который до сего дня былъ отъ меня весьма далекъ и даже, о ужасъ, я начиналъ моими помышленіями и чувствованіями погашать ту искру живого огня, который съ помощью Спасителя моего Іисуса Христа я надѣюсь воспалить въ себѣ, пребывая твердымъ въ вѣрѣ, живя съ надеждою до гроба и пламенѣя любовію къ Творцу, создавшему меня».

20 октября 1818 г., вторымъ руководителемъ назначенъ былъ Кишенскій. Но изъясненіе орденскаго ученія, посвященіе въ его тайны, Симанскій воспринялъ не только отъ своихъ постоянныхъ руководителей. Вскорѣ послѣ порученія его Апухтину онъ былъ допущенъ присутствовать на поучительныхъ бесѣдахъ управляющаго всѣмъ провинціальнымъ союзомъ, графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, друга его и помощника по дѣламъ управленія масонскаго братства, Сергѣя Степановича Ланского и трехъ выдающихся ораторовъ-масоновъ, Ивана Михайловича Евреинова, Петра Сергѣевича Кайсарова и Андрея Петровича Римскаго-Корсакова. Симанскій узналъ, что ритуальныя собранія, обрядовые пріемы въ Орденъ и посвященія въ болѣе высокія степени, а также ложи торжественныя для празднованія дня Св. Іоанна Крестителя, Св. апостола Андрея и Св. Евангелиста Іоанна и, наконецъ, скорбныя траурныя ложи въ память усопшихъ братьевъ и всевозможныя столовыя ложи, братскія трапезы, далеко не исчерпываютъ то, что масоны именуютъ своими «работами». «Ложа—мѣсто отдохновенія», объяснялъ Кишенскій, «гдѣ всѣ совокупляются для предпріятія пути совокупными силами, а потому и испрашивается благословеніе небесъ». Поучительныя бесѣды Симанскій посѣщалъ и записывалъ, а тѣ, которыя пропускалъ, списывалъ у другихъ. Постепенно въ бесѣдахъ затрагивались различнѣйшіе на первый взглядъ и ничего общаго между собою не имѣвшіе вопросы, но бесѣды распредѣлены были по строго обдуманному плану, отъ котораго не уклонялись. «Первый и важнѣйшій вопросъ, какой долженъ сдѣлать себѣ всякій человѣкъ, это: кто я? откуда я? зачѣмъ я?», такъ обычно начинались поученія. Объяснялось всегда, что Орденъ имѣетъ цѣль познаніе натуры, познаніе самого себя, а чрезъ сіе и познаніе Бога. Духовное бореніе со своими страстями также было одною изъ главнѣйшихъ темъ бесѣдъ; «время течетъ, говорилъ Апухтинъ, между прочимъ, и мы также

въ дѣлахъ нашихъ, мысляхъ и воображеніи течемъ, но съ тою разницею—впередъ или назадъ. Не въ нашей ли волѣ продолжать шествовать далѣе?»

Узкія рамки статьи не позволяютъ останавливаться на этихъ черновыхъ записяхъ масонскихъ бесѣдъ, чрезвычайно любопытныхъ, какъ являющихъ намъ безъ всякихъ прикрасъ вѣрованія и понятія масоновъ Александровскаго времени. Читая эти бесѣды, приходишь къ убѣжденію, что наиболѣе подходящее наименованіе того кружка, къ коему принадлежалъ Симанскій, было то, которое масоны сами ему давали: «кругъ мистическихъ философовъ».

Стараніями Апухтина и Кишенскаго непонятные обряды посвященій оживали, Симанскому объяснили, что каждое символическое дѣйство, каждый предметъ имѣли глубокое значеніе, все было расчитано.

«Ложа открывается безъ шума, ибо гдѣ шумъ, тамъ страсти». Во второй степени однако пріемъ совершается подъ звукъ музыкальныхъ инструментовъ, но здѣсь принимается уже не человѣкъ грубой нравственности, а прошедшій ученическое очищеніе сердца. «Музыка—гармонія разума очищеннаго и чувствъ». Въ третьей степени всѣ братья въ черныхъ епанчахъ, что означаетъ истлѣніе, ибо первая степень—работа надъ чувственными страстями и склонностями, вторая—надъ умственными, душевными, третья же совершенное самоотверженіе, отверженіе личности, смерть. «Въ гробъ должны быть погребены всѣ наши грѣхи и склонности, дабы возстать новымъ человѣкомъ». Въ третьей степени знакомъ мастера служитъ ключъ, причемъ объясняется, что это символъ права входа во всѣ ученическія и товарищескія ложи, но помимо прямого смысла ключъ этотъ означаетъ власть распоряжаться чувствами, страстями, движеніями душевными и умственными.

Вопросъ, такъ часто возникающій и въ настоящее время—какую цѣль въ практикѣ жизни ставили себѣ сами масоны, возникалъ и въ тѣ времена расцвѣта масонства въ Россіи, и въ записяхъ мы часто видимъ его обсужденіе. Такъ, 14 іюля 1819 г., Симанскій записалъ слова Кишенскаго: «Мы ясно видимъ, что весьма бы трудно духовенству удержать то развращеніе [1]), въ которое Россія впадала и впадаетъ, если бы не малое число истинныхъ братьевъ то усматривали и еще далѣе сего; ибо точно, надобно духовенству самому еще придти въ то состояніе нравственности и порядка».

Подъ 4-мъ ноября 1820 г. записано Симанскимъ нѣсколько словъ о торжественномъ празднованіи 4-хъ-годичнаго установленія Великой Управляющей ложи, причемъ С. С. Ланской говорилъ о томъ, въ чемъ заключается масонство, а затѣмъ, при чтеніи отчета, въ которомъ упоминалось, что число членовъ союза равняется 350 братьевъ, добавилъ: «Итакъ, любезные братья, сіе малое число назначено приводить родъ человѣческій [2]) къ совершенству».

---

[1]) Борьба съ развращеніемъ нравовъ было ближайшею цѣлью масонскихъ работъ того времени.

[2]) Подъ родомъ человѣческимъ разумѣлась въ данномъ случаѣ Россія.

Но не только надлежало самому шествовать по пути самоусовершенствованія, отъ братьевъ требовалось большаго: совершенствованіе въ духѣ Орденскаго ученія и другихъ. Въ провинціальномъ союзѣ, согласно взглядамъ главарей, водить другихъ однако поручалось не всякому, а лишь избраннымъ, преуспѣвающимъ братьямъ, и въ числѣ таковыхъ, повидимому, оказался Симанскій, которому были поручены подъ начало: 1 декабря 1817 г. Ф. С. Почепцовъ; 7 мая 1819 г. А. П. Муратовъ и Ф. С. Подлуцкій; 12 мая 1820 г. Ф. А. Косовичъ; 4 августа 1820 г. А. Н. Бодиско; 15 января 1821 г. М. П. Новиковъ. Всѣхъ этихъ братьевъ Симанскій поучалъ такъ же, какъ ранѣе поучали его самого; онъ принималъ ихъ у себя на дому, иногда по два вмѣстѣ; тотъ же списокъ книгъ, по которому ему постепенно давались книги для чтенія, служилъ и ему руководствомъ. Для развитія въ своихъ питомцахъ познанія Орденской мудрости, онъ отмѣчалъ крестиками мѣста, на которыя при чтеніи слѣдовало обращать особое вниманіе; кромѣ того, онъ вручалъ имъ роспись главъ Священнаго Писанія для ежедневнаго чтенія на цѣлый годъ [1]). Сохранились: списокъ книгъ, роспись чтенія Св. Писанія и черновыя замѣтки о темахъ бесѣдъ Симанскаго съ братьями, порученными его руководству.

[1]) У масоновъ имѣлись еще подробнѣйшія наставленія, какимъ образомъ читать книги, достойныя почитанія, и какъ нужно совершать молитвы. С. С. Ланскимъ предлагалось: «Ежедневно назначать извѣстное для сего благочестиваго чтенія время и сколько можно наблюдать оное нерушимо. Ежели важное дѣло займетъ назначенный для чтенія часъ, то въ слѣдующемъ оное исполнять». «Приготовляй душу твою къ чтенію, во-первыхъ, чистымъ намѣреніемъ, дабы искать единственно успѣха души твоей. Потомъ краткимъ возвышеніемъ мысли, испрашивая себѣ съ небесъ дарованія свѣта разума или благодати, дабы духъ твой былъ способенъ и удобенъ къ чтенному, чтобы ты позналъ, чего Богъ требуетъ отъ тебя, имѣя при томъ истинное и непритворное предположеніе, рѣшимость самымъ дѣломъ исполнять познанную волю Божію». «Читать должно не скоро, или мимоходомъ и не поспѣшно, но тихо, важно и съ великимъ вниманіемъ, съ должнымъ медленіемъ и остановкою». «Чтеніе заключай краткимъ моленіемъ съ воздыханіемъ къ Богу, да сохранитъ сѣмя, вверженное въ землю сердца твоего и да сотворится плодоноснымъ» и т. д. Предписывалось между прочимъ читать «О подражаніи Христу» Ѳомы Кемпійскаго. Самый способъ молиться приводится по Ѳомѣ Кемпійскому. Предлагается «превосходнѣйшій и легчайшій способъ молитвы», такъ называемое «духовное молчаніе». «Ежели всѣ помышленія спокойны и сердце всѣми силами стремится къ Богу», то это и есть наилучшая молитва, о которой «такъ говоритъ стихотворецъ»:

«Предвѣчный Господи, Кой все творити можетъ,
Дай знать, что Ты во мнѣ, рабѣ, глаголять хочешь,
И сей прелестный міръ молчать во мнѣ заставь
И свой пріятный свѣтъ очамъ моимъ представь,
Дабы къ Тебѣ я могъ скорѣе обратиться
И въ сердцѣ бы моемъ Твой гласъ могъ находиться,
Который дорогимъ сокровищемъ я чту».

«Молчаніе содѣйствуетъ сосредоточенію: когда уста молчатъ и чувства не обращаются къ другимъ вещамъ, то внутреннія силы могутъ гораздо совершеннѣе, сильнѣе и живѣе устремлять волю къ святымъ склонностямъ».

Любопытно отмѣтить, что наставленія не ограничивались масонскимъ кругомъ, но простирались на частную и общественную жизнь питомцевъ; такъ, напримѣръ, когда одинъ изъ питомцевъ былъ переведенъ въ другой полкъ и пришелъ съ нимъ прощаться, Симанскій «назидалъ его въ скромности, которая наиболѣе нужна ему будетъ въ его пребываніи въ полку».

Собранія въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ до 1821 г. происходили по средамъ разъ въ недѣлю, а въ послѣдующіе года по понедѣльникамъ; другія ложи союза имѣли также свои опредѣленные дни работъ и такъ какъ обычай масонскій разрѣшалъ ложамъ обмѣниваться приглашеніями, то при желаніи каждый братъ имѣлъ возможность ежедневно присутствовать при братскихъ работахъ.

Кромѣ своей ложи, Симанскій особенно часто посѣщалъ блестящую ложу «Елисаветы въ Добродѣтели [1])», куда его привлекалъ составъ членовъ; въ ней же наичаще выступали съ рѣчами самъ великій мастеръ графъ М. Ю. Віельгорскій, С. С. Ланской и П. С. Кайсаровъ, наиболѣе яркія и блестящія звѣзды масонскаго неба того времени. Состоятельность членовъ дала возможность прекрасно, во всѣхъ отношеніяхъ, обставить ложу: содержался постоянный хоръ братьевъ «гармоніи», до 12 человѣкъ, изъ придворныхъ музыкантовъ, была библіотека и т. д. Проявляя много самодѣятельности, ложа занималась широкою благотворительностью; наконецъ, большинство членовъ, будучи мистиками, теозофами, отдавали много времени занятію оккультными науками или тайными науками, какъ тогда говорилось.

Вдвое рѣже посѣщалъ Симанскій ложи Трехъ Добродѣтелей [2]) и Орфея [3]) и всего по нѣсколько разъ ложу Астреи [4]), Сфинкса [5]), Златого Льва [6]), а ложи Дубовой Долины [7]), Орла Россійскаго [8]) и Сѣверныхъ Друзей [9]) посѣтилъ лишь при ихъ инсталляціи.

Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ Симанскій выдвинулся, какъ можно думать, достаточно серьезнымъ отношеніемъ къ работамъ, такъ какъ уже 3 октября 1817 года онъ избранъ на должность 1-го стуарта (вѣдавшаго помощью неимущимъ), а 10-го принесъ присягу на это званіе. Послѣ присяги, въ отвѣтъ на обычное въ такихъ случаяхъ привѣтствіе и поздравленіе великаго мастера, онъ въ волненіи отвѣчалъ: «Высокопочтенный великій мастеръ, высокопочтенные братья 1 и 2 надзиратели и всѣ почтенные и любезные братья, я всѣми силами буду стараться заслужить вашу довѣрен-

[1]) Учреждена въ 1805 г.
[2]) Учреждена въ 1815 г.
[3]) Учреждена въ 1818 г.
[4]) Учреждена въ 1815 г.
[5]) Учреждена около 1813 г
[6]) Учреждена въ 1816 г.
[7]) Учреждена въ 1817 г.
[8]) Учреждена въ 1818 г.
[9]) Учреждена въ 1817 г.

ность ко мнѣ». «Это малое слово», какъ заноситъ въ своемъ дневникѣ Симанскій, было имъ сказано очень сбивчиво и невнятно. Вѣроятно, однако, Симанскій освоился впослѣдствіи съ необходимостью говорить въ присутствіи многочисленнаго собранія, такъ какъ не рѣдко потомъ исполнялъ должность ритора, требовавшую умѣнія красно говорить [1]) и обязанности надзирателей и обрядоначальника, которыя поручались братьямъ находчивымъ и обладавшимъ хорошею памятью. Въ 1819 году 30 апрѣля онъ былъ назначенъ 2-мъ надзирателемъ и 14 мая впервые выполнялъ эту должность. На него возлагались и почетныя порученія; такъ, напримѣръ, 4 ноября 1820 года, онъ исполнялъ должность великаго обрядоначальника Великой Провинціальной ложи. Собраніе 4 ноября было особенно многочисленно, такъ какъ праздновалось четырехлѣтнее установленіе ложи и читался годовой отчетъ; кромѣ того, работы въ этотъ день привлекли много братьевъ, потому что ихъ велъ С. С. Ланской. Въ 1821 году масонскіе главари вновь отличаютъ Симанскаго 24 іюня: въ чтимый всѣми масонами праздникъ Ордена, въ Іоанновъ день, Великая Провинціальная ложа возложила на Л. А. Симанскаго лестное порученіе привѣтствовать Великую ложу Астрею.

Выслушавъ повелѣніе С. С. Ланского, Симанскій обратился къ ритору ложи Ѳ. А. Гунаропуло за совѣтомъ и, получивъ отъ него «краткія наставленія, въ какомъ смыслѣ сказать привѣтствія», поѣхалъ на дачу графа Воронцова-Дашкова, на 6-ю версту по петергофскому шоссе, гдѣ происходило торжественное засѣданіе ложи Астреи. Дорогой, припоминаетъ Симанскій, онъ сочинялъ привѣтствіе и «выучивалъ наизусть, въ сіе время многое приходило мнѣ на мысль сказать, но я ограничился краткостью». Симанскій такъ разсказываетъ о своемъ посѣщеніи Великой Управляющей ложи другого союза: «прибылъ въ оную во время половины работъ и далъ знать о себѣ великому обрядоначальнику и по полученіи позволенія говорить, сталъ между обоими братьями великими надзирателями и началъ такъ: «Высокопросвѣщеннѣйшій великій мастеръ, высокопочтенные братья 1 и 2 великіе надзиратели, высокопочтенные братья чиновники и офиціалы и всѣ почтенные и любезные братья! Великая Провинціальная ложа поручила мнѣ привѣтствовать и поздравить васъ съ сегодняшнимъ великимъ днемъ общаго нашего торжества. Она усердно желаетъ, дабы работы ваши процвѣтали ко

[1]) Масонскими уставами роль каждаго дѣйствующаго во время обрядовыхъ работъ была строго опредѣлена: каждый имѣлъ письменное наставленіе, какъ говорить и что говорить изъ своей роли, которую обязанъ былъ присягою выучивать на память; онъ не имѣлъ права выкинуть ни единаго слова; если же требовалось подготовить какое-либо особое привѣтствіе, или рѣчь, то онъ долженъ былъ заблаговременно представить черновикъ на одобреніе великаго мастера. Однако, говорить предписывалось «вразумительно, чтобы принимаемый почувствовалъ всю силу ученія и сердце было тронуто». Посвященный не долженъ былъ думать, что говоренное ему говорится каждому и выучено наизусть. Бывало много непредвидѣнныхъ уставами случаевъ при посвященіяхъ, и въ этихъ-то случаяхъ и требовались находчивость ритора и его умѣніе приспособиться къ обстоятельствамъ.

славѣ Ордена и взаимной братской любви. На сіе мое привѣтствіе великій мастеръ графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ отвѣтствовалъ мнѣ также краткимъ привѣтствіемъ. Чиновники сего союза послали вслѣдъ за мной просить меня остаться на ихъ братской трапезѣ, но я торопился къ своимъ, благодарилъ ихъ и уѣхалъ». Самъ Симанскій остался доволенъ выполненіемъ возложеннаго на него порученія: «Дорогой весьма я былъ доволенъ и благодарилъ Бога, что онъ помогъ мнѣ въ семъ порученіи». Свое краткое привѣтствіе онъ произнесъ «незастѣнчиво, голосомъ твердымъ и громкимъ».

Посѣщая масонскія ложи съ 1817 по 1821 г., Симанскій, всего, за всѣ года присутствовалъ при работахъ 241 разъ, изъ нихъ 130 въ ложахъ поученія, 73—посвященій, 28—торжественныхъ, 8—траурныхъ, 1—совѣта и 1—братской трапезы, при которой совершался обрядъ Тайной Вечери. По годамъ, число посѣщеній распредѣляется такъ: въ 1817 году 41 разъ. 1818 [1])—42, 1819—59, 1820—83 и 1821—16. Рѣзкое пониженіе числа посѣщеній въ 1821 г. объясняется отсутствіемъ Симанскаго изъ столицы: 14 марта онъ отбылъ въ Радзивиловъ и возвратился 8 іюня, а 18 іюля выступилъ въ походъ, изъ котораго вернулся уже послѣ запрещенія всякихъ масонскихъ ложъ въ Россіи. Во время лѣтняго пребыванія его въ Петербургѣ ложа работъ не имѣла кромѣ 24 іюня, когда, какъ уже было упомянуто, Симанскій присутствовалъ. Всего болѣе Симанскій посѣтилъ работъ ученической степени—168 разъ, занятій мастерской—39, товарищеской—26 и 4 степени—8 разъ. Преобладаніе работъ ученической степени объясняется тѣмъ, что большинство обрядово-торжественныхъ ложъ совершались въ ученической степени (т. е. по обряду первой степени, убранству ложи и пр.). Этимъ давалась возможность всѣмъ членамъ Ордена присутствовать при работахъ, такъ какъ масонскій законъ запрещалъ братьямъ низшихъ степеней доступъ въ ложи степеней болѣе высшихъ, а братьямъ высшихъ степеней ложи низшихъ всегда были открыты. Такое постановленіе имѣло въ виду охраненіе обрядовыхъ тайнъ и не преступалось.

Не всѣ собранія оставляли однородное впечатлѣніе, о чемъ можно судить по записямъ обоихъ дневниковъ. Въ началѣ своего масонства, Симанскій только кратко отмѣчаетъ, въ какіе дни и въ какихъ ложахъ присутствовалъ на собраніяхъ, однако, послѣ смѣны руководителя, съ 14 ноября 1817 г. онъ уже записываетъ, какія именно произносились рѣчи и часто приводитъ изъ нихъ выдержки. Въ приложеніи [2]) къ этой статьѣ я сочла необходимымъ помѣстить полностью этотъ единственный въ своемъ родѣ масонскій дневникъ, дающій богатѣйшій матеріалъ (не взирая на его краткость и конспективность) для обрисовки интимной жизни ложъ. Въ другомъ дневникѣ, гдѣ описываются «худыя и добрыя дѣла», отмѣчается, нерѣдко, что

[1]) Интересно отмѣтить, что, пробывъ въ 28-дневномъ отпуску, Симанскій тотчасъ по возвращеніи старается узнать, какія были безъ него собранія и заноситъ ихъ въ свой дневникъ.

[2]) Приложеніе № 1.

на собраніяхъ слушалъ безъ вниманія, спалъ, не дождавшись конца уѣхалъ, или наоборотъ, былъ тронутъ душевно и т. д. Отношеніе Симанскаго къ братьямъ, какимъ оно вырисовывается по дневникамъ, было непостоянно, какъ и самый нравъ его; подчасъ онъ оставлялъ всю суету міра для братскихъ бесѣдъ, былъ любвеобиленъ къ членамъ Ордена, ревностно исполнялъ должности, предписываемыя масонскими уставами, проникался умиленіемъ и раскаяніемъ, слушая поученія высшихъ братьевъ и стараясь на дѣлѣ исполнять внушаемыя ими правила жизни, то какъ бы охладѣвалъ къ Ордену, отстраняясь, даже стыдясь сношеній съ братьями вольными каменщиками, стараясь «высвободиться», стряхнуть, сбросить власть Ордена.

Но несомнѣнно одно: учителя-масоны развили въ немъ до крайности чувствительность, чуткость къ своимъ душевнымъ движеніямъ, и онъ искренно «огорчевается» отъ своихъ «худыхъ помысловъ и худыхъ дѣлъ», которыя, главнымъ образомъ, сводясь къ «гнѣву» и «женолюбію» едва ли многихъ страшатъ, даже въ наши дни. Дневникъ этотъ писанъ столь откровенно, что не считаю себя нравственно въ правѣ печатать его, хотя онъ совершенно не грѣшитъ грубостью выраженій; я привожу [1]) лишь тѣ молитвенныя воззванія, тѣ вздохи духа, которыми заканчиваетъ Симанскій почти каждый протекшій мѣсяцъ своихъ записей.

Доказательствомъ того, что нѣкоторые обряды способны были произвести глубокое, подчасъ потрясающее впечатлѣніе, даже на людей, стоявшихъ по уму и силѣ характера выше общаго уровня, могутъ служить чувства, вызванныя у Симанскаго обрядомъ воспоминанія Тайной Вечери: «1820 г. марта 25. Братская трапеза въ четвергъ страстной недѣли. Ничего не слышавъ прежде о всемъ дѣйствіи, происходящемъ въ оной, я пораженъ былъ неизрѣченнымъ восторгомъ и съ умиленіемъ взиралъ на всѣ дѣйствія оной. Почитая себя недостойнымъ присутствовать при семъ важномъ обрядѣ, гдѣ и я представлялъ лицо одного изъ тѣхъ, кои находились дѣйствительно въ оной, слышали гласъ Спасителя своего, слова, изрекаемыя самою Истиною, я приведенъ былъ въ умиленіе и вышелъ изъ оной, подтвердя клятву всю волю мою наклонять къ тѣмъ истинамъ, которыя въ сей день мнѣ читаны были. Да поможетъ мнѣ въ семъ Господь Богъ и Его милосердіе. Аминь».

Желѣзная дисциплина въ нѣкоторыхъ масонскихъ системахъ была, по истинѣ, достойна удивленія,—таковой была она относительно охраны наиболѣе чтимыхъ обрядовъ. Пробывъ три года въ тѣсномъ кругу масоновъ союза Великой Провинціальной ложи, Симанскій, однако, не имѣлъ никакого понятія о наиболѣе сокровенномъ обрядѣ, свершавшемся въ высшихъ степеняхъ. Обрядъ этотъ, такъ строго скрываемый, не былъ черною мессою, въ чемъ мы и убѣждаемся изъ вышеприведенныхъ словъ Симанскаго.

Въ слѣдующихъ словахъ записалъ Симанскій въ своемъ дневникѣ

[1]) Приложеніе № 2.

чувства, испытанныя имъ при закрытіи масонскихъ собраній. «Іюня 18 числа (1821 года) отбылъ изъ С.-Петербурга въ походъ и по возвращеніи изъ онаго работы въ ложахъ были уже прекращены, послѣдствіемъ коихъ (?) предписано было отъ правительства отобрать подписки «не вступать болѣе ни въ какія тайныя общества». Таковая подписка и мной дана 29 августа 1822 года въ Ропшѣ. Со стѣсненнымъ сердцемъ подписалъ я оную; подобно какъ нѣжный и благодарный сынъ, разставался съ чадолюбивымъ отцемъ, что не мало было для меня болѣзненно, зная изъ опыта, что и при всѣхъ сихъ вспомогательныхъ средствахъ къ усовершенствованію самого себя, весьма часто забывалъ и пренебрегалъ оныя, по недостатку же собственнаго прилежнаго размышленія и происходившихъ отъ онаго внутреннихъ работъ [1]), отнятіе сихъ наружныхъ, наиболѣе же частое общеніе съ братьями, взаимно другъ друга подкрѣпляющее, дѣйствительно было мнѣ болѣзненно, ибо тайно предсказывало мнѣ близкое паденіе и охлажденіе ко всему тому, къ чему одна только благость Спасителя Вселенныя удостоила меня призвать; одна только надежда на Отеческое милосердіе Его, что не оставитъ меня совсѣмъ погибнуть, подкрѣпляетъ меня».

Въ дневникѣ же худыхъ и добрыхъ дѣлъ Симанскимъ отмѣчено подъ 29 августа 1822 г.: «Молился и подписалъ отреченіе отъ братства».

Тира Соколовская.

Статья написана на основаніи архивныхъ документовъ, сохранившихся отъ союза Великой Провинціальной ложи въ рукописныхъ отдѣленіяхъ Императорской Академіи Наукъ и Публичной библіотеки въ Петербургѣ и рукописномъ отдѣленіи Московскаго Румянцевскаго музея; главнымъ матеріаломъ служили обрядники, списки членовъ и дневники Луки Александровича Симанскаго. Въ приложеніи 1-мъ приведены записи Симанскаго о работахъ ложъ, которыя онъ посѣщалъ, и извлеченія изъ рѣчей, имъ слышанныхъ, или же только заглавія этихъ рѣчей; примѣчанія составлены частью по записямъ Симанскаго, частью по протоколамъ упоминаемыхъ въ приложеніи ложъ.

За немногими исключеніями мнѣ удалось выяснить общественное положеніе лицъ, упоминаемыхъ Симанскимъ въ своихъ запискахъ, а также время ихъ посвященія въ Орденъ, занимаемаго въ немъ положенія и орденскія тайныя имена главнѣйшихъ дѣятелей. Списокъ въ алфавитномъ порядкѣ приведенъ въ приложеніи 3-мъ.

Для большей краткости сохранены сокращенія, обычныя въ масонскихъ рукописяхъ: выраженія любезные братья — Лл. брр; высокопочтенные — Вкп; Великій мастеръ—Вел. мас. или же В. М.; Намѣстный мастеръ—Нам. мас. Во избѣжаніе утомительнаго однообразія отмѣтокъ о предсѣдательствѣ въ ложахъ тѣхъ или иныхъ лицъ допущено нѣсколько разнообразныхъ выраженій, встрѣчающихся въ масонскихъ обрядникахъ для означенія руководства засѣданіями, какъ-то: ложу держалъ, подъ управленіемъ, подъ предсѣдательствомъ, подъ молоткомъ; это послѣднее выраженіе было наиболѣе распространено, такъ какъ символомъ управляющаго мастера въ іоанновскихъ и шотландскихъ ложахъ былъ молотокъ.

---

[1]) Подъ внутренними работами масоны разумѣли борьбу со страстями, «духовную брань», какъ она обычно ими называлась.

Приложеніе 1.

Краткое извлеченіе изъ рѣчей, говоренныхъ Вв. ММ., а также и прочими Брр. въ посѣщаемые мною дни собраній ложъ торжественныхъ, траурныхъ, поучительныхъ и принятія, кои означены и отдѣлены здѣсь по степенямъ, въ какихъ вышеупомянутыхъ ложахъ происходили работы.

ЧАСТЬ I. (1-й СТЕПЕНИ).

1817 г.

Великій мастеръ по принятіи моемъ, марта 28 читалъ мнѣ уставъ, который и слушалъ я съ большимъ вниманіемъ и поручилъ меня брату Д—ву, подъ руководствомъ коего и остался я до порученія меня Великимъ Мастеромъ брату Апухтину сентября 26 дня.

Отъ сего дня посѣщая работы сея степени былъ при работахъ ложъ:

Марта 29. Торжественной инсталлаціи [1]).

Апрѣля 9. » » [2]).

» 11. Поучительной [3]).

» 18, 25. Принятія. Мая 2 повышенъ во 2 степень [4]).

Мая 16, 30. Принятія [5]).

Іюнь 1, 2, 20, 24. Торжественныхъ Іюля 4 повышенъ въ 3 степень [6]).

Іюль 18. Поученія [7]).

Августъ 8. Поученія [8]).

» 22. Траурной [9]).

» 29. Поучительной [10]).

Сентября 1, 8. Торжественныхъ [11]).

» 12. Принятія [12]).

---

[1]) Нѣмецкой ложи «Дубовой Долины». Обрядъ велъ гр. М. Ю. Віельгорскій.

[2]) Французской ложи «Сѣверныхъ Друзей». Обрядъ велъ гр. М. Ю. Віельгорскій.

[3]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ.

[4]) 11, 18 и 25 Апрѣля въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ.

[5]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ.

[6]) 1-го въ Великой Провинціальной ложѣ, 2-го—въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, 20-го—въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ; 24-го—въ Великой Провинціальной ложѣ; 2, 20, 24-го ложи держалъ гр. М. Ю. Віельгорскій; остальные И. М. Евреиновъ.

[7]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ.

[8]) Тамъ же въ этотъ день Симанскій былъ за обрядоначальника.

[9]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ въ память о братѣ Семивскомъ. Управлялъ гр. М. Ю. Віельгорскій.

[10]) Тамъ же Симанскій былъ за ритора.

[11]) 1-го въ Великой Управляющей ложѣ Астреи, праздновавшей прошедшее тезоименитство Императора Александра I, и 8-го—въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, праздновавшей прошедшій день тезоименитства Императрицы Елизаветы, праздникъ этой ложи.

[12]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, Симанскій былъ за казначея.

Октября 3. Принятія (выбранъ 1 стуартомъ) [1]).
» 6. Поучительной [2]).
» 10. » .

Примѣчаніе. Въ сей день присягалъ на должность 1 стуарта и по окончаніи присяги на привѣтствія и поздравленія Великаго Мастера и всѣхъ членовъ ложи отвѣтствовалъ и благодарилъ малымъ словомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «вып. в. м., в. брр. 1 и 2 надз. и всѣ поч. и люб. брр. я всѣми силами буду стараться заслужить довѣренность вашу ко мнѣ», и сіе сказано было мною очень сбивчиво и невнятно [3]).

Октября 31. Поучительной [4]).

Ноября 7. Поучительной [5]).

Примѣчаніе. Присутствуя при всѣхъ сихъ работахъ, не дѣлалъ и не записывалъ для памяти никакого извлеченія изъ всего того, что слышалъ, видѣлъ и чувствовалъ,—ниже же сего слѣдуютъ краткія и пространныя о семъ записки, а именно:

Ноября 14. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ рѣчь о повиновеніи [6]).
» 17. Траурной (не записано) [7]).

Декабря 1. Принятія (не записано) [8]).
» 5. Торжественной (не записано) [9]).

Примѣчаніе. Въ сіи торжественныя работы читалъ отчетъ 1-го стуарта, довольно твердо и внятно.

Декабря 12. Торжественной (не записано) [10]).
» 15. Управляющій ложей бр. 1-й Надз. въ поучит. ложѣ говорилъ рѣчь о добронравіи [11]).

Декабря 19. В. М. въ поучительной ложѣ—о заслуженной платѣ [12]).
» 29. Управляющій ложей Вп. бр. 1. Надз. въ поучительной ложѣ говорилъ Катехизисъ и рѣчь о любви къ ближнему [13]).

1818 г.

Январь 23. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ рѣчь о скоропоспѣшныхъ пріемахъ [14]).

Январь 30. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ о рѣдкихъ посѣщеніяхъ ложъ. [15]).

Мартъ 12. Торжество инсталлаціи (не записано) [16]).

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели.
[3]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же.
[6]) Тамъ же, подъ молоткомъ И. М. Евреинова.
[7]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели въ память о А. П. Кутузовѣ.
[8]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ Симанскій былъ при закрытіи ложи за надзирателя.
[9]) Тамъ же, праздновалось годичное установленіе.
[10]) Великая Провинціальная ложа совмѣстно съ Великою ложею Астреею (т. е. всѣ масоны обоихъ союзовъ) праздновала день Рожденія Императора Александра I. Ложу держалъ С. С. Ланской.
[11]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, рѣчь говорилъ Р. С. Щулепниковъ.
[12]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ подъ молоткомъ И. М. Евреинова.
[13]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели подъ молоткомъ Р. С. Щулепникова.
[14]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, рѣчь говорилъ И. М. Евреиновъ.
[15]) Тамъ же подъ молоткомъ И. М. Евреинова.
[16]) Въ Великой Директоріальной ложѣ Астреи подъ управленіемъ гр. В. В. Мусина-Пушкина—Брюса при инсталлаціи новой ложи Орла Россійскаго, происходившей совмѣстно съ торжествомъ дня восшествія на престолъ Императора Александра I, въ честь коего и было дано наименованіе новой ложѣ.

Мартъ 13. Принятія (не записано) [1]).

» 27. В. М. въ ложѣ принятія говорилъ рѣчь о любви къ смерти или о умерщвленіи своей худой воли [2]).

Апрѣль 3. В. М. въ ложѣ поученія говорилъ о должностяхъ, о безсмертіи души (изъ Актовъ) и законѣ ложи (нѣкоторыя главы) [3]).

Апрѣль 6. Принятія (не записано) [4]).

Май 4. В. М. въ ложѣ принятія говорилъ нѣкоторыя мѣста изъ того, что говоритъ Бр. Риторъ ищущему, выводя его изъ черной храмины [5]).

Май 8. В. М. въ ложѣ поученія дѣлалъ изъясненія объ открытіи ложи и пріема [6]).

Май 20. Великій Мастеръ во время пріема держалъ рѣчь о самопознаніи [7]).

Май 25. В. М. въ ложѣ принятія говорилъ слѣдующее: «Лл. Брр. Орденъ предлагаетъ намъ средства, дабы мы достигали своей цѣли. Средства сіи наиболѣе сокрыты во всемъ томъ, что мы видимъ или слышимъ въ ложѣ и кои не иначе намъ при собственномъ нашемъ размышленіи и содѣйствіи объясняются намъ нашими мастерами, ибо мы всѣ еще ученики, а потому ни чтеніе многихъ книгъ, ни знакомства нашихъ брр. не помогутъ намъ достигать оной, одно только исполненіе всего того, что предписано намъ въ актахъ нашихъ можетъ поставить насъ на сей путь. Въ ложѣ представляются намъ вещи ясныя и неясныя: неясныя суть тѣ, которыя заключаются въ знакахъ, вещахъ и самыхъ даже словахъ, ясныя же есть предписанія въ образѣ поведенія и правилахъ нашей жизни. Итакъ, если бы кому хотя и открыли значеніе какой либо вещи или знака, то сіе еще не достаточно, дабы онъ истинно позналъ оную, ибо въ актахъ нашихъ говорится: грядите мужественно и вы познаете изъ іероглифовъ Ордена, что можете приблизиться къ желаемой цѣли.

И такъ, лл. брр., подъ симъ только условіемъ Орденъ обѣщаетъ намъ познаніе сущности оныхъ. Всѣ сіи тайности не могутъ быть открыты или объявлены, но только переданы отъ того, кто имѣетъ и силу, и власть оныя передать [8]).

Іюнь 24. Торжественной (не записано) [9]).

Іюль 17. В. М. въ ложѣ принятія говорилъ рѣчь о любви братской (Изъ Московскаго Ежемѣсячн. Изд. 3-е [10]).

Іюль 31. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ: О щедрости и безкорыстіи (прекрасная рѣчь) и катехизисъ съ чиновниками ложи [11]).

Сентябрь 2. Торжественной (не записано) [12]).

---

[1]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ. Симанскій исполнялъ должность 1-го надзирателя.
[2]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ подъ молоткомъ И. М. Евреинова.
[3]) Тамъ же подъ молоткомъ И. М. Евреинова.
[4]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели.
[5]) Тамъ же, подъ предсѣдательствомъ С. С. Ланского.
[6]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ подъ управленіемъ И. М. Евреинова.
[7]) Въ ложѣ Сѣверныхъ Друзей. Великій мастеръ Ф. Ф. Гернгросъ.
[8]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели. Ложею въ этотъ день управлялъ Великій Провинціальный Мастеръ гр. М. Ю. Віельгорскій.
[9]) Въ Великой Провинціальной ложѣ Торжество въ честь Патрона Ордена, Св. Іоанна Крестителя, отличалось многолюдствомъ и обиліемъ рѣчей. Ложу держалъ гр. М. Ю. Віельгорскій, рѣчи произнесли князь И. А. Гагаринъ и Ф. П. Гунаропуло на русскомъ языкѣ, гр. Г. И. Чернышевъ на французскомъ и Ф. Ф. Герландъ на нѣмецкомъ.
[10]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ подъ молоткомъ И. М. Евреинова.
[11]) Тамъ же. Чиновниками въ ложѣ назывались: Предсѣдающій мастеръ, намѣстный мастеръ и оба надзирателя; офицерами именовались: секретарь риторъ, казначей, обрядоначальникъ (или вводитель, или братъ ужаса) и оба стуарта, или милостынесобиратели.
[12]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей при введеніи должностныхъ лицъ, т. е. ихъ присяги и проч. Катехизисомъ называлось краткое изъясненіе обряда, изложенное въ формѣ вопросника.

Сентябрь 28. Въ ложѣ поученія бр. Риторъ читалъ рѣчь о времени. соч. бр. Н. Протопопова [1]).

Октябрь 16. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ рѣчь объ очищеніи и просвѣщеніи себя [2]).

Октябрь 23. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ рѣчь о повиновеніи (изъ Магазина Свободно-Каменщическаго) [3]).

Ноябрь 4. Торжественной (не записано) [4]).

» 9. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ рѣчь о заслуженной платѣ [5]).

» 13. В. М. въ ложѣ поучительной говорилъ рѣчь о довѣренности и вниманіи къ поученіямъ [6]).

Декабрь 3. Торжественной (не записано) [7]).

» 7. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ рѣчь о довѣренности [8]).

Декабрь 8. В. Н. М. въ торжественной ложѣ инсталлаціи говорилъ на французскомъ языкѣ рѣчь: «Намъ не должно довольствоваться однимъ токмо выслушиваніемъ предписуемыхъ должностей, но выполнять ихъ въ точности и тогда то мы получимъ заработную плату и довольство самимъ собою» [9]).

Декабрь 12. В. М. въ торжественной ложѣ разсуждалъ о качествахъ и добродѣтеляхъ Императора. «Чѣмъ кругъ дѣйствія обширнѣе, тѣмъ онъ болѣе производитъ или зла, или добра. Кругъ дѣйствія Императора нашего весьма обширенъ, намѣренія его чисты, правильны, а потому они и влекутъ за собою добрыя послѣдствія». (Братъ Риторъ говорилъ рѣчь, начинающуюся такъ: «сердце Царево въ рукѣ Божіей» [10]).

Декабрь 18. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ рѣчь (отъ Бр. Гонаропуло) [11]).

» 20. В. М. во время принятія говорилъ рѣчь о довѣренности (см. 7 декабря) [12]).

Декабрь 21. Траурной ложи (не записано) [13]).

» 23. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ рѣчь о семи должностяхъ (прекрасную рѣчь) [14]).

1819 г.

Январь 4. В. М. въ ложѣ принятія читалъ статьи изъ актовъ [15]).

Январь 8. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ рѣчь о добронравіи: «Лл. Брр. Должность сія есть третья по порядку; первые двѣ, скромность и повиновеніе, предшествуютъ оной. Скромность научаетъ насъ, не развлекаясь пустыми и ложными

---

[1]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели.
[2]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ. Рѣчь говорилъ И. М. Евреиновъ.
[3]) Тамъ же.
[4]) Въ Великой Провинціальной ложѣ праздновалось ея двухгодичное установленіе. Ложу держалъ Гр. М. Ю. Віельгорскій. Гр. Г. И. Чернышевъ говорилъ рѣчь.
[5]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели подъ управленіемъ С. С. Ланского.
[6]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ. Ложу держалъ И. М. Евреиновъ.
[7]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ для празднованія двухлѣтія. На этомъ собраніи присутствовали свыше ста человѣкъ.
[8]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели.
[9]) Въ ложѣ Орфея говорилъ С. С. Ланской.
[10]) Торжество въ день Рожденія Государя совершалось въ Великой Провинціальной ложѣ и на собраніи присутствовали всѣ члены обоихъ союзовъ. Предсѣдательствовалъ гр. М. Ю. Віельгорскій.
[11]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, въ ученической степени.
[12]) Въ ложѣ Орфея. Предсѣдательствовалъ гр. Г. И. Чернышевъ, который передалъ молотокъ А. П. Римскому-Корсакову.
[13]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, въ воспоминаніе о графѣ Львѣ Кирилловичѣ Разумовскомъ. Рѣчи говорили С. С. Ланской, Гр. Г. И. Чернышевъ и другіе.
[14]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей.
[15]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, держалъ ложу С. С. Ланской.

предметами, собирать и устремлять мысли наши на самихъ себя, усматривать ничтожность пустыхъ нашихъ воображеній и приводить ихъ въ порядочное устройство. Повиновеніе обязываетъ насъ свято исполнять всѣ должности возлагаемыя на насъ религіею и гражданскою властью. Орденъ есть средняя линія между религіею и гражданскимъ закономъ. Орденъ весьма премудро изъяснилъ сіе, ибо мнѣ кажется, что линія означаетъ не иное что какъ соединеніе духовнаго ученія съ мирскимъ, небеснаго съ земнымъ, а по сему сіи должности и необходимы для третьей, т. е. добронравія». (Его сочиненіе) [1]).

Январь 15. В. М. въ ложѣ принятія говорилъ: «Лл. Брр. Мы изъ ученія Орденскаго должны извлекать себѣ то, чтобы примѣрною жизнью, перемѣною въ обращеніи обхожденія нашего съ домашними заставить и профановъ говорить объ ономъ съ уваженіемъ» [2]).

Январь 22 В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ о состояніи ищущаго въ черной храминѣ. Воспоминая всѣ прошедшіе свои проступки и начиная съ первой добродѣтели—скромности, онъ видитъ, что несоблюденіемъ оной, навлекалъ онъ себѣ много огорченій, выговоривъ нескромное и безполезное слово, видимъ мы и примѣчаемъ, уже послѣ, что сдѣлали худо, что не надлежало бы намъ много говорить и быть въ той бесѣдѣ» и т. п. [3]).

Январь 24. В. М. читалъ рѣчь: «Размышленія о наукѣ масонской». Братъ Риторъ читалъ «о добродѣтеляхъ къ коимъ прилежать долженъ истинный свободный каменщикъ» [4]).

Январь 31. Траурной (не записано) [5]).

Февраль 1. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ о побудительныхъ и побуждающихъ причинахъ (изъ Магазина Свободно-Каменщическаго) [6]).

Февраль 5. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ «о наукѣ Свободныхъ Каменщиковъ» [7]).

Февраль 19. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ «о познаніи самого себя» [8])

Февраль 22. Принятія (не записано) [9]).

» 28. Братъ Риторъ говорилъ рѣчь о новомъ годѣ [10]).

Мартъ 1. В. М. въ ложѣ принятія говорилъ рѣчь на новый годъ (изъ Магазина Свободно Каменщическаго) [11]).

Мартъ 14. В. М. читалъ Катехизисъ съ офиціалами ложи [12]).

» 26. В. М. въ ложѣ принятія говорилъ: «при входѣ въ ложу видимъ мы на Востокѣ Свѣтъ, отъ котораго распространяется онъ по всей ложѣ, и въ актахъ нашихъ говорится, что къ сему свѣту достигнуть можно токмо мудростью и добродѣтелью» [13]).

---

[1]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ; ложу держалъ И. М. Евреиновъ.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Въ ложѣ Орфея. Ложу держалъ А. П. Римскій-Корсаковъ. Риторомъ былъ Я. П. Жуае.
[5]) Ложа Орфея совершала траурную ложу въ воспоминаніе почившаго брата Безобразова.
[6]) Собраніе происходило въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели подъ предсѣдательствомъ намѣстнаго мастера Р. С. Щулепникова.
[7]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ. Ложу держалъ И. М. Евреиновъ.
[8]) Тамъ же.
[9]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели подъ предсѣдательствомъ 1-го надзирателя П. С. Кайсарова.
[10]) Въ ложѣ Орфея; по случаю отъѣзда графа Г. И. Чернышева былъ банкетъ, на которомъ Я. П. Жуае произнесъ рѣчь.
[11]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели подъ молоткомъ Р. С. Щулепникова.
[12]) Въ ложѣ Орфея подъ предсѣдательствомъ А. П. Римскаго-Корсакова.
[13]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ. Великій Мастеръ И. М. Евреиновъ по случаю своего отъѣзда передалъ управленіе ложею намѣстному мастеру П. И. Рубцу. Послѣ окончанія работъ была братская трапеза.

Мартъ 29. В. М. въ поучительной ложѣ читалъ Катехизисъ съ чиновниками и офицерами ложи о любви къ Государю и отечеству (изъ актовъ о должности каменщика, изъ законовъ) [1]).

Апрѣль 16. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ рѣчь о любви къ смерти (въ первый разъ слышалъ) [2]).

Апрѣль 28. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ рѣчь о повиновеніи (первая рѣчь изъ Маг. Св. Кам.) [3]).

Май 3. В. М. въ ложѣ принятія говорилъ объ обязанностяхъ чиновниковъ и офицеровъ по случаю ихъ присяги [4]).

Май 7. В. М. въ поучительной ложѣ говорилъ рѣчь о повиновеніи (въ первый разъ слышалъ). Поручены мнѣ брр. Муратовъ и Подлуцкій [5]).

Май 17. В. М. въ ложѣ поученія читалъ Катехизисъ и пространный Уставъ [6]).

» 28. В. М. въ ложѣ поученія говорилъ рѣчь о познаніи самого себя (въ первый разъ еще слышалъ) [7]).

Май 31 и іюнь 24. Торжественныя ложи и августа 9 принятія (не записано) [8]).

Августъ 13. В. М. въ ложѣ поученія говорилъ рѣчь о добронравіи (см. Январь 8) [9]).

Августъ 20. Поучительная (не записано) [10]).

» 23. В. М. въ ложѣ поученія читалъ Катехизисъ и о должностяхъ членовъ изъ законовъ) [11]).

Октябрь 22. В. М. въ ложѣ поученія говорилъ введеніе рѣчи о всѣхъ должностяхъ, заключающее о познаніи себя, о великомъ нашемъ нерадѣніи къ посѣщенію и что все насъ отстраняющее отъ оныхъ есть одно только временное, но мы должны стремиться къ вѣчному [12]).

Октябрь 29. В. М. въ ложѣ поученія говорилъ о скромности (продолженіе той же рѣчи) [13]).

Ноябрь 3. В. М. въ ложѣ поученія говорилъ о принятіи ученика и, бесѣдуя о второмъ путешествіи его, весьма сильно объяснилъ ту холодность, которую брр. оказываютъ къ Ордену, и опасность, отъ того происходящую. «Лл. брр. Нонѣ не должно и останавливаться на томъ, если мы часто посѣщаемъ ложи и охотно слушаемъ, надо далѣе идти, ибо въ актахъ сказано, что вы не можете съ честью и безопасностью воротиться назадъ» [14]).

---

[1]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ предсѣдательствомъ С. С. Ланского.
[2]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ подъ предсѣдательствомъ П. И. Рубца.
[3]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей подъ предсѣдательствомъ А. И. Дмитріева-Мамонова.
[4]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ молоткомъ С. С. Ланского.
[5]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, подъ молоткомъ П. И. Рубца.
[6]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ молоткомъ С. С. Ланского.
[7]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ. Ложу держалъ П. И. Рубецъ, но повидимому рѣчь говорилъ И. М. Евреиновъ, возвратившійся наканунѣ, такъ какъ говорившій названъ Великимъ Мастеромъ.
[8]) 31 мая. Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели при празднованіи 14-й годовщины установленія; 24 іюня—празднованіе дня Св. Іоанна Крестителя; ложу держалъ С. С. Ланской; 9 августа въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели было очень многолюдное собраніе, такъ какъ по причинѣ передѣлки дома, въ которомъ собирались ложи союза Великой Провинціальной ложи, работъ съ 24 іюня не бывало.
[9]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ подъ молоткомъ И. М. Евреинова.
[10]) Тамъ же.
[11]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ молоткомъ Р. С. Щулепникова.
[12]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, подъ молоткомъ И. М. Евреинова.
[13]) Тамъ же. Симанскій былъ за 1-го надзирателя.
[14]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова.

Ноябрь 4. Торжественная ложа (не записано) [1]).

» 12. В. М. въ траурной ложѣ говорилъ о пріуготовленіи себя къ концу нашей жизни, а бр. Риторъ объ очищеніи [2]).

Ноябрь 19. В. М. въ ложѣ поученія говорилъ о руководствѣ, о напоминовеніи себѣ клятвы нашей, о гордости нѣкоторыхъ братьевъ и отлученіи ихъ отъ насъ (сіе послѣднее по случаю неправильнаго поведенія бр. Гор....да. [3]).

Ноябрь 22. В. М. въ ложѣ поученія изъяснялъ, обрядъ пріуготовленія ученика до того времени, пока онъ получилъ входъ въ ложу. «Замѣчательно, Лл. брр. что ему велятъ снять повязку чрезъ пять минутъ послѣ услышанія удара» [4]).

Ноябрь 29. Повышенъ въ IV степень [5]).

Декабрь 1. В. М. въ поучительной ложѣ изъяснялъ (изъ актовъ, когда бр. вводитель выводитъ кандидата изъ черной храмины и ведетъ его въ ложу. «Въ то время, лл. брр. когда выводитъ онъ кандидата изъ черной храмины, онъ нарочно наружно тѣснитъ его путь, говоря при семъ—такъ труденъ путь къ добродѣтели» [6]).

Декабрь 3. Торжественной (не записано) [7]).

» 12. В. М. въ торжественной ложѣ говорилъ о должности къ Государю изъ Актовъ). Бр. Риторъ говорилъ рѣчь, начинающуюся такъ: «Сердце Царево въ рукѣ Божіей». (См. 12 декабрь 1818 г.) [8]).

Декабрь 15. В. М. въ ложѣ поученія изъяснилъ обрядъ пріема такъ: «Лл. Брр., когда ищущаго приводятъ къ дверямъ храма, разспрашиваютъ его и потомъ даютъ ему входъ въ ложу, гдѣ В. М. снова спрашиваетъ его, то все сіе еще не такъ свя зуетъ его, какъ тогда, когда В. М. велитъ вписать происшествіе сіе въ лѣтопись Ордена. Лѣтопись сія есть великой важности, а потому изъ сего и надо, брр., вывести, сколь надо быть осторожнымъ въ предложеніи профановъ и, пріуготовляя ихъ, не полагаться на то, что онъ еще многое услышитъ отъ бр. Ритора въ черной храминѣ. Все то, что бр. Риторъ будетъ предлагать, должно ему уже казаться не новымъ, но такъ сказать болѣе прояснять то, что онъ уже отъ предлагающаго его слышалъ и началъ ощущать въ себѣ. Къ тому же надо замѣтить, что почти всегда новопринятый поручается тому брату, кто его вводилъ, а для сего и надо ему наблюдать великую осторожность въ томъ, чтобы не оставить его еще погрязшаго въ какія нибудь склонности противныя всему тому, что онъ будетъ слышать при своемъ принятіи, ибо гораздо будетъ труднѣе для руководителя, да и болѣе обязанностей потребуется

---

[1]) Въ Великой Провинціальной ложѣ празднованіе трехгодичнаго установленія—подъ молоткомъ И. М. Евреинова за отсутствіемъ М. Ю. Віельгорскаго и С. С. Ланского. Рѣчи были произнесены И. М. Евреиновымъ и П. С. Кайсаровымъ, а также прочтена рѣчь, присланная С. С. Ланскимъ.

[2]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ въ память члена ея графа А. П. Толстого.

[3]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ подъ молоткомъ И. М. Евреинова. Подъ Гор. . . домъ разумѣется, вѣроятно, Гореглядъ.

[4]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели подъ молоткомъ Р. С. Щулепникова. Конечно, время въ пять минутъ указывалось приблизительно; нѣкоторый же промежутокъ времени требовался для того, чтобы обрядоначальникъ успѣлъ дойти до ложи и, предупредивъ о началѣ обряда водворить въ ложѣ тишину. А это при посвященіи Симанскаго было упущено.

[5]) Въ шотландской ложѣ Сфинкса подъ молоткомъ И. М. Евреинова; 1-мъ надзирателемъ былъ В. М. Головинъ, 2-мъ Ѳ. А. Гунаропуло, Секретаремъ П. С. Кайсаровъ, обрядоначальникомъ П. И. Макушинъ, Риторомъ С. Никифоровъ, Странникомъ А. Н. Долговскій.

[6]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова.

[7]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, празднованіе трехлѣтія. Ложу держалъ И. М. Евреиновъ.

[8]) Въ Великой Провинціальной ложѣ при празднованіи дня Рожденія Императора Александра I. Согласно масонскому установленію присутствовали масоны обоихъ союзовъ. Ложу держалъ И. М. Евреиновъ.

отъ него, тогда когда уже новопринятый ему порученъ будетъ, что самое подтверждаютъ и акты наши, гдѣ о руководителѣ и руководимомъ сказано» [1]).

Декабрь 31. В. М. въ ложѣ поученія говорилъ рѣчи (двѣ) на новый годъ (изъ Маг. Св. Кам.) [2]).

1820 г.

Январь 14. Бр. Риторъ въ траурной ложѣ говорилъ о благотвореніи и бѣдномъ положеніи умершаго [3]).

Январь 26. Вел. Мас. въ ложѣ поученія читалъ по случаю присоединенія и отъѣзда одного изъ членовъ ложи о поведеніи членовъ изъ законовъ и разсужденіе о различныхъ системахъ масонства. [4]).

Январь 31. Траурной (не записано [5]).

Февраль 2. Великій Мастеръ въ ложѣ принятія, обращая вниманіе братьевъ на то состояніе, въ которомъ ищущій находится, дабы каждый приноравливалъ его къ себѣ, говорилъ такъ: «Замѣчательно, Лл. Брр., что, когда у дверей храма слышенъ будетъ кашель или приближеніе профана, тогда всѣ братья скоро окружаютъ коверъ, какъ будто бы желая охранять его, сіе можно взять себѣ на замѣчаніе, дабы мы также ревностно охраняли священное мѣсто въ душѣ нашей при всякомъ приближеніи профановъ, а также дѣлали бы подобные тому вопросы. Нужно также, Лл. Брр., дабы каждый изъ васъ при повтореніи ученикомъ клятвы повторялъ или возобновлялъ оную въ сію минуту, что всегда отъ старыхъ братьевъ предписывалось и весьма въ благоговѣйномъ положеніи при семъ случаѣ, но мы, произнеся оную одинъ разъ, не обращаемъ уже болѣе на нее вниманія, какъ будто бы сего и довольно было» [6]).

Февраль 7. Вел. Мас. въ ложѣ поученія читалъ рѣчь о семи должностяхъ С. С. Ланского [7]).

Февраль 9. Великій Мастеръ въ ложѣ принятія изъяснялъ изъ катехизиса вопросы, наблюдаемые при пріемѣ: 1) Для чего прежде принятія въ Орденъ старались васъ устрашить? Сей вопросъ, Лл. Брр., принимали за такое значеніе, что будто дѣйствительно должно было устрашать братьевъ, а потому и стали сіе исполнять. 2) Какъ вы вошли въ ложу? Чрезъ западныя двери. Сей отвѣтъ ученика точно знаменуетъ, что онъ вошелъ чрезъ западныя двери или гдѣ солнце рѣдко бываетъ. 3) Какимъ средствомъ получили вы входъ въ ложу? Чрезъ три крѣпкіе удара. Что значатъ три крѣпкіе удара? Три изреченія св. Писанія. Какія они? «Просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ». Точно, надлежитъ сперва просить, потомъ искать того, куда толкнутъ. Когда вносятъ коверъ, то надо, чтобы приносящіе и выносящіе его непремѣнно проходили предъ обоихъ надзирателей, ибо чрезъ сіи только двѣ силы сіе можно творить. Примѣчаніе Изъясненія катехизиса и прочія не дослушалъ» [8]).

Февраль 11. Вел. Мас. въ ложѣ поученія говорилъ рѣчь о затрудненіяхъ, встрѣчающихся при изъясненіи іероглифовъ, чему причиною бываемъ мы сами (его сочиненія) [9]).

---

[1]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова.

[2]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, подъ молоткомъ И. М. Евреинова.

[3]) Печальное торжество совершалось въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ въ память И. Ф. Буретти; его осиротѣвшему семейству было собрано 450 рублей. Предсѣдательствовалъ И. М. Евреиновъ.

[4]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, подъ предсѣдательствомъ А. П. Римскаго-Корсакова.

[5]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели въ память Бѣлянкина.

[6]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова.

[7]) Рѣчь произносилъ П. С. Кайсаровъ въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, гдѣ онъ въ тотъ вечеръ предсѣдательствовалъ.

[8]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова.

[9]) Подъ молоткомъ И. М. Евреинова въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ.

Февраль 16. Вел. Мас. въ ложѣ поученія читалъ изъ «Братскихъ Увѣщаній» нѣкоторыя мѣста [1]).

Февраль 21. Вел. Мас. въ ложѣ поученія говорилъ о платѣ за работу, пространную рѣчь [2])

Мартъ 2. Торжественной инсталлаціи; не записано [3]).

» 3. Вел. Мас. въ ложѣ поученія говорилъ рѣчь о скромности и что добродѣтель означаетъ добро дѣлать [4]).

Мартъ 8. Вел. Мас. читалъ о нравственномъ самоусовершенствованіи [5]).

» 17. Вел. Мас. въ ложѣ поученія читалъ изъясненіе молитвы при открытіи ложи—да простится надъ нами благодать Всевышняго Архитектора, сочиненія гр. М. Ю. Віельгорскаго, въ присланномъ во всѣ ложи циркулярномъ письмѣ. Читалъ также о познаніи себя и о черной храминѣ [6]).

Мартъ 20. Вел. Мас. въ ложѣ поученія читалъ изъясненіе молитвы (см. мартъ 17) о 4-й должности любви къ ближнему, о побуждаемыхъ и побуждающихъ причинахъ ко вступленію въ Орденъ. (Изъ Магаз. Своб. Каменщ.) [7]).

Апрѣль 5. Вел. Мас. въ ложѣ поученія читалъ рѣчь [8]).

» 12. Вел. Мас. читалъ рѣчь о самопознаніи [9]).

» 14. Вел. Мас. въ ложѣ поученія говорилъ рѣчь о повиновеніи (изъ Магаз. Своб. Каменщ.) [10]).

Апрѣль 17. Вел. Мас. въ ложѣ поученія говорилъ рѣчь о довѣренности [11]).

» 26. Великій Мастеръ говорилъ рѣчь на тему о первомъ вопросѣ изъ катехизиса: «Каменщикъ-ли вы? Всѣ братья масоны почитаютъ меня таковымъ». Эта рѣчь объясняетъ, что таковой отвѣтъ изящнѣйшій знакъ исполненія всѣхъ должностей масона [12]).

Апрѣль 28. Вел. Мас. въ ложѣ поученія читаль рѣчь о любви къ смерти [13]).

Май 3. Великій Мастеръ въ ложѣ поученія говорилъ рѣчь «о размышленіи», начавъ оную симъ: «Лл. Брр., часто уже мы слышали о тѣхъ причинахъ, кои препятствуютъ намъ яснѣе понимать и начертывать въ сердцахъ своихъ ученіе Ордена, изъ коихъ бываютъ слѣдующія: 1) недостатокъ довѣренности къ мастерамъ нашимъ, 2) неясное понятіе цѣли Ордена и неприкосновенность къ оному; ко всему оному можно присовокупить и неупражненіе наше въ размышленіи, а каково оно должно быть, о томъ я предложу вамъ теперь нѣкоторое разсужденіе» (рѣчь сія по содержанію своему драгоцѣнна, ибо трактуетъ о всемъ томъ, что есть начало и корень дѣйствованія нашего). По окончаніи же собранія и выходѣ изъ ложи собравшимся брр., кои, бывъ вполнѣ удовлетворены поученіемъ, говорилъ: «По истинѣ недостатокъ въ размышленіи есть одно изъ большихъ препятствій въ преуспѣваніи нашемъ въ Орденѣ, напримѣръ,

---

[1]) Подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова, въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей.

[2]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ предсѣдательствомъ намѣстнаго мастера Р. С. Щулепникова.

[3]) Происходила инсталлація новой ложи Россійскаго Орла, праздновавшей свое годичное установленіе.

[4]) Подъ молоткомъ И. М. Евреинова въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ.

[5]) Въ ложѣ Орфея подъ предсѣдательствомъ намѣстнаго мастера Я. П. Жуае.

[6]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ рѣчь говорилъ предсѣдавшій мастеръ И. М. Евреиновъ.

[7]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели.

[8]) Подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей. Симанскій исполнялъ должность секретаря. Какая читалась рѣчь, не отмѣчено.

[9]) Въ ложѣ Орфея, предсѣдательствовалъ намѣстный мастеръ Я. П. Жуае.

[10]) Подъ молоткомъ И. М. Евреинова въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ.

[11]) Подъ молоткомъ нам. мастера Р. С. Щулепникова, въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели.

[12]) Въ ложѣ Орфея подъ предсѣдательствомъ нам. мастера Я. П. Жуае.

[13]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ подъ управленіемъ 1-го надзирателя В. М. Головина, причемъ Симанскій исправлялъ его обязанность.

на коврѣ нашемъ изображено солнце, ну, прошу подумать, для чего оно тамъ, и почему солнце стоитъ надъ дикимъ камнемъ, вѣдь оно не такъ поставлено, чтобы только стоять тамъ, всѣ іероглифы наши, разверни только одинъ, поведутъ уже одинъ за другимъ неминуемо» [1]).

Май 8. Вел. Мас. въ ложѣ поученія читалъ Катехизисъ съ офицерами ложи, потомъ о дикомъ камнѣ, на ученическомъ коврѣ изображаемомъ [2]).

Май 26. Принятія [3]).

» 29. Торжественная ложа. Не записано [4]).

Іюнь 2. Вел. Мас. въ ложѣ поученія читалъ вопросы изъ Катехизиса [5]).

Іюль 31. Вел. Мас. въ ложѣ принятія читалъ обрядъ принятія [6]).

Августъ 4. Вел. Мас. въ ложѣ поученія говорилъ рѣчь о должностяхъ, его сочиненія [7]).

Августъ 14. Великій Мастеръ въ ложѣ поученія читалъ пространный Уставъ [8]).

» 16. Великій Мастеръ въ ложѣ поученія говорилъ о нынѣшней политикѣ, которая теперешнія смутныя обстоятельства большею частью можетъ приписать нашимъ собраніямъ (о неаполитанской революціи и карбонаріяхъ). Потомъ прочелъ сдѣланный имъ сводъ изъ вліянія Свободнаго Каменщичества 2-й части на вопросъ: что сокровенность нашего внутренняго ученія и какъ іероглифическій образъ ученія ни мало не могутъ дѣлать насъ подозрительными [9]).

Августъ 18. Великій Мастеръ въ ложѣ поученія читалъ объ обрядахъ, наблюдаемыхъ при пріемѣ (изъ Катехизиса) съ своими изъясненіями: 1) на Соломоновъ храмъ и 2) что при введеніи нашемъ въ ложу мы разумомъ постигнуть ничего не можемъ [10]).

Сентябрь 1. Великій Мастеръ въ ложѣ принятія говорилъ о первомъ путешествіи ищущаго [11]).

Сентябрь 11. Великій Мастеръ въ ложѣ поученія читалъ разсужденіе о цѣли каменщическихъ собраній, начинающееся такъ: «По разсматриваніи цѣли нашихъ каменщическихъ собраній, не имѣемъ-ли мы права вопросить самихъ себя: какой злой рокъ возбуждаетъ толикое множество несправедливыхъ подозрѣній на общество Свободныхъ Каменщиковъ, къ коему мы имѣемъ счастіе принадлежать и проч.?»

Я думаю, каждому изъ васъ ощутительно замѣтно стало, что съ нѣкотораго времени пріемы въ нашемъ союзѣ не такъ бываютъ часты: сіе можетъ служить намъ весьма разительнымъ указаніемъ, что, конечно, братья восчувствовали всю важность работъ каменщическихъ; но не менѣе того каждый изъ насъ тоже скорбитъ о томъ, что лишенъ слышать и видѣть все то, что при обрядѣ принятія происходитъ: ибо каждый шагъ и каждое дѣйствіе въ ономъ сильно указуютъ на сердце наше; а для сего я и намѣренъ занять васъ въ сегодняшнее собраніе наше и прочесть весь ходъ

---

[1]) Подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей.

[2]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ молоткомъ нам. мастера Р. С. Щулепникова.

[3]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ.

[4]) Праздновалось 15-лѣтіе учрежденія ложи Елисаветы къ Добродѣтели.

[5]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ; предсѣдательствовалъ И. М. Евреиновъ.

[6]) Подъ молоткомъ Р. С. Щулепникова, въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели,

[7]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ; подъ предсѣдательствомъ И. М. Евреинова.

[8]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели подъ управленіемъ Р. С. Щулепникова.

[9]) Подъ управленіемъ А. П. Римскаго-Корсакова въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей. Одно изъ наиболѣе распространенныхъ сочиненій въ средѣ Вольныхъ Каменщиковъ: «Вліяніе истиннаго свободнаго каменщичества во всеобщее благо государства, обнаруженное и доказанное изъ истинной цѣли первоначальнаго его установленія». Карла Губерта Лабрейхта фонъ-Плуменека. etc. Изданіе 1816 г., переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія, напечатаннаго въ Амстердамѣ въ 1779 г.

[10]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ; предсѣдательствовалъ И. М. Евреиновъ.

[11]) Тамъ-же.

принятія ученика и показать, какимъ образомъ изъ черной храмины приводится онъ въ ложу, или изъ тьмы приходитъ къ свѣту, отъ безобразія къ красотѣ, отъ слабости къ силѣ, отъ невѣжества къ премудрости». По семъ и началъ читать одну піесу, въ которой заключалось слѣдующее: «Наконецъ приходитъ къ нему высокій посланникъ и при свѣтѣ семъ объясняетъ ему цѣли Ордена, коихъ суть три: 1) Сохраненіе и преданіе потомству таинства, отъ коего зависитъ судьба Ордена нашего; 2) Исправленіе членовъ Ордена нашего, и 3) Собственнымъ примѣромъ исправлять и внѣ общества находящихся, а также и весь родъ человѣческій. Они суть какъ знамя, подъ которымъ истинный Каменщикъ внутренне и внѣшне сражаться долженъ – удивительно, что благій путеводитель сей, выводя сидящаго изъ черной храмины и ведя его въ ложу, старается указывать ему всѣ опасности и что если рука его оставитъ его, то онъ неминуемо подвергнется погибели, но, введя въ ложу, оставляетъ и предаетъ его собственной его судьбѣ, какъ будто хотя симъ означить, чтобы онъ собственною волею, собственнымъ пожертвованіемъ и неустрашимостью старался пріобрѣсть довѣренность Ордена, что самое и начинается вопросами и путешествіями, потомъ подводитъ онъ его съ помощью надзирателей къ жертвеннику съ завязанными глазами; дѣлаетъ три шага черезъ коверъ и тутъ опять встрѣчаетъ его тотъ же путеводитель, какъ будто ободряя и увѣщевая его произнести клятву, съ помощью же двухъ надзирателей подходитъ онъ къ жертвеннику, вѣрою касается Св. Писанія и произноситъ клятву. По произнесеніи оной даютъ ему узрѣть слабый свѣтъ, при коемъ усматриваетъ онъ нѣсколько чертежъ натуры, расположеніе и устройство казни; казнь при поднятіи мечей, уготованную за клятвопреступство, и награду за вѣрность; наконецъ, даютъ ему узрѣть полный свѣтъ, при коемъ видитъ онъ, что вся слава земли преходитъ яко дымъ, видитъ все строеніе храма премудрости, запечатлѣваетъ кровь свою съ кровью братьевъ и принимается въ Свободные Каменщики-ученики; потомъ секретарь читаетъ лѣтопись Ордена и принятіе ученика, которое опять Великій Мастеръ утверждаетъ, сіе можетъ означать, что лѣтопись Ордена заключаетъ въ себѣ все прежнее поведеніе Каменщика, исканіе его и наконецъ принятіе, и что ни одна черта изъ жизни его не возмарается, но все гамъ записано. Наконецъ, даютъ ему одежды; бѣлизна оныхъ напоминаетъ ему то невинное состояніе, въ которомъ пребывалъ человѣкъ. Такъ какъ извѣстно, что коверъ скрываетъ всѣ таинства Ордена, то, подводя его къ оному, дѣлаютъ ему изъясненіе онаго, въ коемъ сказано, что прилежнымъ и собственнымъ размышленіемъ о іероглифахъ можно дойти до познанія онаго, чего вамъ и себѣ, Лл. Брр., отъ искренняго сердца желаю» [1]).

Сентябрь 13. Великій Мастеръ читалъ рѣчь о лопаткѣ и запонѣ [2]).

» 29. Великій Мастеръ въ ложѣ поученія читалъ о любви къ смерти [3]).

Октябрь 4. Великій Мастеръ въ ложѣ поученія говорилъ рѣчь о лопаткѣ и запонѣ, о 5-й должности—постоянствѣ и мужествѣ. По случаю же предложенія одного брата говорилъ: «Вотъ, Лл. Брр., вступаетъ молодой человѣкъ, онъ слышалъ о нашемъ обществѣ, что мы употребляемъ себя и собираемся для полезныхъ занятій, теперь онѣ ему нравятся по собственному своему избранію, но, вступя къ намъ, онъ обязанъ будетъ клятвою на исполненіе оныхъ также, какъ и мы всѣ обязались на сіе, а потому долгъ нашъ всѣхъ есть какъ наивозможно съ любовью стараться пре-

[1]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ молоткомъ Р. С. Щулепникова. Съ 1819 года въ рѣчахъ главарей масоновъ не разъ упоминалось о нароставшемъ недовольствѣ масонствомъ властей и нѣкоторой части общества. Въ это время союзъ былъ очень дѣятеленъ, развивался и задался цѣлью покрыть всю Россію сѣтью ложъ. Однако въ союзѣ провинціальной ложи ввели большія строгости съ цѣлью ограничить кругъ масоновъ истиннно убѣжденными членами; для вступленія требовалась предварительная работа надъ собою и лишь преуспѣвшіе допускались къ посвященію.

[2]) Подъ предсѣдательствомъ Я. П. Жуае въ ложѣ Орфея.

[3]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, предсѣдательствовалъ И. М. Евреиновъ.

одхранять сіе юное сердце отъ того, что онъ пожелалъ оставить; ибо весьма огорчительно человѣку быть обманутому въ своихъ ожиданіяхъ, а потому, если мы съ таковымъ расположеніемъ находиться будемъ при его пріемѣ, то весьма оный подѣйствуетъ на него, ибо съ нашей стороны сія любовность, а съ его сердечное его расположеніе будутъ имѣть свое дѣйствіе» [1]).

Октябрь 9. Великій Мастеръ въ ложѣ поученія читалъ рѣчь о скромности (въ первый разъ слышанную) [2]).

Октябрь 23. Великій Мастеръ въ ложѣ поученія (по случаю возвращенія своего) началъ чтеніе привѣтствіемъ къ братьямъ, потомъ, войдя въ разсмотрѣніе о гибельныхъ послѣдствіяхъ, кои происходятъ отъ неправильныхъ работъ, продолжалъ такъ: «Распространеніе различныхъ ложъ и пагубныя послѣдствія отъ неправильныхъ работъ доказали вамъ, Лл. Брр., что истинные братья, надзирая за работами каменщиковъ и видя, что оныя производятся совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало, и наблюдаются при оныхъ одни только наружные обряды, скрыли поясненіе іероглифовъ и сами удалились, изъ чего и произошло, что работы производились уже не въ томъ порядкѣ, оставалась одна наружность и безсловесные іероглифы. Нынѣ, Лл. Брр., видите вы сами, что развязка оныхъ безъ исполненія должностей никакъ не можетъ быть объяснена. При нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствахъ (Неапол. революція) и различныхъ сужденіяхъ, каменщикъ долженъ себя вести такимъ образомъ, дабы не входить ни въ какіе споры, а наипаче въ осужденіе, питать къ Государю и Отечеству любовь, къ властямъ почитаніе (Исторія Гв. Семенов. пол.), ко всѣмъ оказывать снисхожденіе, кротость и памятовать, что два камня суть основаніе всѣхъ его работъ на коихъ созидается храмъ, онѣ суть смиреніе и скромность. Не упускайте, Лл. Брр., случаевъ, дабы вездѣ практиковать оныя, оказывайте смиреніе во всѣхъ вашихъ поступкахъ и даже помышленіяхъ, помогайте бѣднымъ и не однимъ только имуществомъ, при встрѣчѣ съ таковымъ не гнушайтесь говорить съ нимъ, ибо иногда услышите отъ такового то, чего ни въ книгахъ, ни въ поученіяхъ никогда не слыхали. Наблюдая скромность, пріучайтесь переносить иногда обиды и посмѣяніе. Также за нужное почитаю сказать, Лл. Брр., чтобы вы старались, посѣщая храмы наши, достойно себя къ оному пріуготовлять; пріуготовленіе сіе должно быть тѣлесно и духовно. Тѣлесно—избѣгая неумѣренности въ пищѣ и питьѣ, ибо пары, восходя къ головѣ, препятствуютъ сознавать проницательности нашей, затмевая оную, а также избѣгать и профанскихъ приглашеній. Духовно,—нѣкоторое время предъ онымъ быть въ уединеніи и размышленіи, изгоня всякую вражду изъ сердца, примирясь внутренне со всѣми ближними и прося молитвою у Великаго Строителя свѣта, дабы озарилъ онымъ во время поученія и такимъ идти въ храмъ. Конечно, не вдругъ можно подобнымъ образомъ пріуготовлять себя, ибо вдругъ ничего не дѣлается. Исполняя такимъ образомъ должности, мы исполнимъ и назначеніе наше, которое состоитъ въ томъ, дабы мы были свѣтиломъ предъ человѣками; практикуя сіи добродѣтели, нечувствительно распространимъ мы оныя и на прочихъ ближнихъ нашихъ, и не только примѣръ нашъ, но и слухъ о насъ возбудитъ ихъ къ подражанію, а между тѣмъ и натура облегчится отъ страданія ея, ибо, если страдаетъ и натура, то это отъ пороковъ человѣческихъ,—добродѣтель же людей облегчаетъ и ее» [3]).

Октябрь 25. Великій Мастеръ держалъ рѣчь о гордости и смиреніи: «Лл. Брр. гордость есть порокъ, отъ котораго страдаетъ всякая добродѣтель» [4]).

Октябрь 27. Великій Мастеръ въ ложѣ поученія говорилъ о пріуготовленіи себя къ посѣщенію нашихъ храмовъ, объ открытіи ложи и осторожности въ пріемахъ [5]).

---

[1]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей; предсѣдательствовалъ А. П. Римскій-Корсаковъ
[2]) Подъ молоткомъ Р. С. Щулепникова въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели.
[3]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели; управлялъ С. С. Ланской.
[4]) Въ ложѣ Орфея, подъ предсѣдательствомъ Я. П. Жуае.
[5]) Подъ молоткомъ И. М. Евреинова, въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ.

Ноябрь 1. Великій Провинціальный Мастеръ (т. е. графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій) въ ложѣ принятія (по случаю возвращенія своего), сдѣлавъ краткое привѣтствіе Брр. въ дружбѣ и любви своей къ нимъ, продолжалъ такъ: «Но, Лл. Брр., обратимся теперь къ тому, что составляетъ предметъ нынѣшняго нашего собранія и скажемъ нѣчто о состояніи ищущаго, находящагося въ черной храминѣ. Да не подумаемъ въ размышленіи, что мы, какъ уже принятые, и пребывая нѣкоторое время въ братствѣ и имѣя многія степени, отстоимъ состояніемъ нашимъ отъ сего ищущаго; ищущій послѣ сдѣланнаго удара получаетъ вдругъ силу снять повязку. Съ нимъ дѣлаютъ три путешествія, не есть-ли сіи путешествія, которыя встрѣчаемъ мы въ жизни сей: какъ-то: огорченія, препятствія и пр. Въ черной храминѣ ищущій въ знакъ чистосердечія даетъ снять съ себя одежду, сравнивая сіе, такъ-ли мы чистосердечны къ Ордену, какъ ищущій сіе доказываетъ»? (И еще многое говорилъ касающееся до ищущаго, но я оное все пропустилъ, дремавъ). Работы окончилъ тѣмъ, что благодарилъ членовъ собранія, что они доставили ему пріятное и сладкое удовольствіе работать въ сей день [1]).

Ноябрь 4. Великій Мастеръ въ торжественной ложѣ говорилъ о протекшемъ годѣ—потомъ, въ чемъ заключается масонство. «Роптанія наши, продолжалъ онъ, на все случающееся бываютъ отъ того, что мы не знаемъ и не примѣняемъ, что видимъ одну только середину, но начала и конца не знаемъ» (потомъ читанъ былъ отчетъ, гдѣ упоминается, что членовъ всего въ союзѣ 350). «Итакъ, Лл. Брр., сказалъ къ сему, сіе малое число назначено приводить родъ человѣческій къ совершенству». Великій Провинціальный Мастеръ на сдѣланное ему привѣтствіе отвѣчалъ: «весьма меня также радуетъ, что и при измѣненіи лицъ, работы также продолжались; и сіе доказываетъ, что доколѣ человѣкъ будетъ взирать на единый только источникъ, а не на лица, то все пойдетъ хорошо» [2]).

Ноябрь 10. Великій Мастеръ въ ложѣ поученія говорилъ о различныхъ должностяхъ каменщика и о черной храминѣ [3]).

Ноябрь 15. В. М. въ ложѣ принятія началъ оную такъ: «Лл. Брр., ищущій, который нынѣ приниматься будетъ, есть человѣкъ лѣтъ 39-ти, служилъ, былъ въ различныхъ положеніяхъ своей жизни, читалъ разныя книги, наконецъ пріѣхалъ сюда, желалъ знать что-нибудь лучше того, что читалъ, видалъ и слышалъ, и объявилъ свое желаніе вступить въ наше общество. При свиданіи моемъ съ нимъ я старался представлять ему, что вступить къ намъ значитъ вступить навсегда, и что это не въ службу опредѣлиться и потомъ оставить ее, хотя и то правда, что у насъ подобно какъ и въ службѣ, есть разныя должности, но оныя образуютъ нѣчто значущее, говорилъ я ему также, что долженъ будетъ отъ много отстать, къ чему прежде прилѣпленъ былъ, и понятія свои приспособлять къ нашимъ понятіямъ и что сіе не такъ-то легко, ибо потребуется на сіе многаго времени, потому что на каждомъ предметѣ должно будетъ останавливаться и размышлять и симъ-то образомъ освобождается мыслящая наша сила; поверхностное же и бѣглое размышленіе ничего не доставитъ, а потому то символы наши и требуютъ такового упражненія: сіе утверждаютъ потрудившіеся братья, а потому то и въ актахъ говорится: потрудившимся въ исканіи сего таинства (что средства сіи открыты намъ преданіями отъ мужей. Предварялъ я его также, что онъ долженъ и обязанъ будетъ имѣть во всемъ довѣренность и повиновеніе къ тому, кто за него ручается; также, что во всемъ онъ долженъ себя подвергнуть подъ нѣкоторую цензуру—все сіе предлагалъ я ему, соображаясь съ вопросомъ въ кате-

---

[1]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, подъ предсѣдательствомъ гр. М. Ю. Віельгорскаго.

[2]) Въ Великой Провинціальной ложѣ подъ управленіемъ С. С. Ланского торжествовалось четырехгодичное ея установленіе. Симанскій исполнялъ должность Великаго обрядоначальника.

[3]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, подъ молоткомъ И. М. Евреинова.

хизисѣ нашемъ, гдѣ сказано: «для чего прежде принятія старались васъ устрашить?» Изъ отвѣтовъ его видалъ я, что онъ не побуждаемъ былъ никакими посторонними видами, что желаніе его было искреннее. Итакъ желаніе его похвально, и мы, уже принятые, можемъ нѣкоторымъ образомъ знать, что нигдѣ окромѣ братства нельзя имѣть или наслаждаться симъ драгоцѣннымъ удостовѣреніемъ о томъ: пріятны ли наши поступки Великому Строителю—и что, уклоняясь на кривизны, мы можемъ различать сіе въ томъ что нѣтъ къ сему внутренняго въ насъ одобренія; вотъ теперь положеніе ищущаго: онъ раздѣтъ, нагъ, все у него отобрано, глаза завязаны, и онъ находится подлинно въ страждущемъ положеніи, ничего самъ предпринять не можетъ, во всемъ преданъ—въ таковомъ то положеніи и можетъ онъ вступить въ храмъ премудрости и добродѣтели, таковымъ то и врата онаго отверсты: но тѣ, въ коихъ осталась еще надежда на собственныя силы и знаніе, для тѣхъ онъ не отверстъ, ибо все то, что человѣкъ имѣетъ, не можетъ ничего ему открыть въ храмахъ нашихъ, ибо и въ актахъ говорится, что ищущій ничего не увидѣлъ такого, чтобы человѣческимъ разумомъ понять было можно» [1]).

Ноябрь 17. В. М. въ ложѣ поученія говорилъ: «Лл. Брр. не одно только посѣщеніе ложи отъ насъ требуется, но дабы мы все слышимое нами въ храмахъ нашихъ приводили въ исполненіе, т. е. чтобы всѣ окружающіе насъ видѣли въ насъ перемѣну, дабы родственники видѣли насъ почтительнѣе, служители кротче и милостивѣе» [2]).

Ноябрь 20. В. М. въ ложѣ поученія читалъ объ обрядахъ, наблюдаемыхъ при пріемѣ (изъ Катехизиса), слѣдующіе вопросы коего объяснялъ такъ: «Лл. Брр. Пріемъ нашъ есть толь великой важности, что намъ надо гораздо чаще себѣ его напоминать. 1) Для чего отобраны были отъ васъ металлы? Для того, что храмъ Соломоновъ сооруженъ былъ изъ привезенныхъ и совсѣмъ приготовленныхъ камней, такъ что при оныхъ неслышно было ни молота, ни сѣкиры, ниже иного желѣзнаго орудія. Сіе можетъ показать намъ, чтобы строеніе храма въ душахъ нашихъ происходило также безъ шума, который бываетъ отъ страстей нашихъ. 2) Какимъ средствомъ получили вы входъ въ ложу? Чрезъ три крѣпкіе удара. Что значатъ сіи три крѣпкіе удара? Три повелѣнія Св. Писанія. 3) Какія они? просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ. Тогда только можемъ мы понять значеніе сихъ ударовъ, когда получимъ то, что просили, обрящемъ то, чего искали, и отверзнется входъ туда, куда толкали. 4) Что вы увидѣли, вошедши въ ложу? Ничего такого, чтобы разумомъ человѣческимъ постигнуть было можно; отвѣтъ сей показываетъ намъ, что есть нѣчто въ насъ такое, что превосходитъ весь разумъ нашъ и что сею только силою открываются намъ іероглифы въ ложѣ представляющіеся. 5) Что онъ вамъ въ лѣвую руку далъ? Онъ далъ мнѣ въ оную циркуль Великаго Мастера, конецъ онаго повелѣлъ приставить къ обнаженной груди. Итакъ, конецъ всеразмѣряющаго циркуля Вел. Мастера коснулся тогда груди вашей или сердца. По семъ читалъ одну пьесу, въ коей между прочимъ сказано слѣдующее: Лл. Брр. Ученіе, которое преподается въ школахъ, не разбираетъ лѣтъ учениковъ, но у насъ ранѣе 21 года никто предложенъ быть не можетъ, такъ требуютъ, дабы они образовали себя нравственно въ житіи и поведеніи своемъ, въ трезвости, прилежаніи, образуя свое сердце и проч. У насъ же всѣ сіи правила хотя и предлагаются, но они есть еще только одна тѣнь того, чему Орденъ учитъ. Окромѣ всѣхъ преимущественно предлагаемыхъ къ наблюденію нашему должностей, какъ-то: величайшей скромности, повиновеніи, частомъ размышленіи, удаленіи отъ всѣхъ бесѣдъ, кои прежде увлекали насъ, строгое во всемъ воздержаніе и проч., мы должны наблюдать также и за мыслями нашими, кои часто и почти всегда не престаютъ занимать насъ, а тѣмъ наносятъ нечистотою вредъ душѣ нашей. Многіе говорятъ, мысли приходятъ неизвѣстно откуда и носятся какъ

[1]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова.
[2]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ; предсѣдатель И. М. Евреиновъ.

облака; но не входя во внутренность сего, спросимъ: кто же носитъ облака? Если станемъ также разбирать послѣдствія дѣлъ и поступковъ нашихъ, то увидимъ, что происшедшее отъ нихъ благое или злое было началомъ мыслей нашихъ; откуда брань, войны, революція и всякія неустройства? Сперва возродилась о семъ мысль, потомъ слова, и наконецъ и исполненіе въ дѣйствіе намѣреваемаго—такъ сіе истинно и мы должны увѣриться въ томъ, что онѣ суть начала и корень всѣхъ добродѣтелей и пороковъ, а потому весьма надлежитъ намъ наблюдать за оными и не питать безсмертную душу суетными, вредными и соблазнительными помыслами, а для того и потребно чаще уединяться, дабы не соблазняли насъ суетныя и пустыя бесѣды отъ коихъ и помыслы дурные чаще приходятъ. Недаромъ Діогенъ желалъ лучше сидѣть въ бочкѣ, нежели царствовать на престолѣ Александра, и Сократъ желалъ лучше умереть обвиненнымъ, нежели оправдывать себя». По предложеніи помочь одному неимущему брату: «Лл. Брр., зная готовность вашу къ благотворенію, я предлагаю вамъ одного брата страждущаго и въ нуждѣ, а потому онъ и имѣетъ право на вашу помощь. Благотвореніе и помощь, каковыя мы должны оказывать ближнимъ нашимъ, должны производить такъ, чтобы получающій оную не зналъ что она отъ насъ происходитъ, а памятовалъ бы имя всегда Того, Который Единый оную ниспосылаетъ» [1].

Ноябрь 22. В. М. читалъ Катехизисъ [2].

Декабрь 8. Торжественная (не записано) [3].

» 12. В. М. торжественную ложу началъ молитвою о здравіи Государя. Потомъ читалъ о должностяхъ къ Государю и отечеству (изъ актовъ). Братъ N (фамилія не разобрана) говорилъ на французскомъ языкѣ рѣчь, содержаніе коей: каменщикъ долженъ преимущественно исполнять свои обязанности такъ, чтобы ни самолюбіе или интересъ его нисколько въ томъ не участвовали. Братъ И. А. Гагаринъ говорилъ рѣчь о примѣненіи (слово не разобрано) къ событіямъ царствованія [4].

Декабрь 13. В. М. держалъ рѣчь, что ложа наша подобна станамъ Израильтянъ, гдѣ мы имѣемъ свое отдохновеніе (далѣе не вслушался) [5].

1821 г.

Январь 8. В. М. въ ложѣ поученія пріуготовлялъ брр. къ оному такъ: «Лл. Брр., по случаю праздниковъ мы не имѣли довольно долгое время работъ, то теперь можемъ каждый вопросить себя: какъ мы проводили оные? и не провели ли сіи достопамятные для каждаго каменщика дни въ мирскихъ пиршествахъ, ѣденіи, питіи и проч.?». Потомъ читалъ Катехизисъ съ офицерами, вопросы и отвѣты котораго изъяснялъ такъ: «1-й надзиратель, для чего бр. стрегущій держитъ шпагу? Для воспрепятствованія входа непросвященнымъ. Кто же бы это были такіе непросвѣщенные, отъ которыхъ насъ остерегаютъ? Несутъ ли они мысли и нечистые помыслы наши, кои непрестанно къ намъ вкрадываются? и кто же этотъ стражъ, который можетъ стеречь сіи тайные входы?» (прочихъ не слыхалъ, ибо былъ разсѣянъ) [6].

Январь 12. В. М. въ ложѣ поученія читалъ рѣчь о человѣкѣ, натурѣ и Богѣ. [7].

Январь 17. В. М. въ ложѣ поученія читалъ о 7 должностяхъ (его, кажется сочиненія) и объ обрядахъ, наблюдаемыхъ при пріемѣ, изъ Катехизиса [8].

---

[1]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, ложу держалъ С. С. Ланской.
[2]) Въ ложѣ Орфея подъ предсѣдательствомъ Я. П. Жуае.
[3]) Празднованіе четырехлѣтія ложи Трехъ Свѣтилъ.
[4]) Великая Провинціальная ложа праздновала день рожденія Императора Александра I; предсѣдательствовалъ С. С. Ланской, а Симанскій исполнялъ должность Великаго Обрядоначальника.
[5]) Въ ложѣ Орфея; предсѣдательствовалъ Я. П. Жуае.
[6]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели. Ложу держалъ С. С. Ланской.
[7]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей. Ложу держалъ А. П. Римскій-Корсаковъ.
[8]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, подъ молоткомъ И. М. Евреинова.

Январь 24. В. М. въ ложѣ поученія. Опытъ о таинствахъ (изъ Магаз. Своб. Каменщ.) [1]).

Январь 31. В. М. въ ложѣ поученія читалъ о 7 должностяхъ со своими изъясненіями [2]).

Февраль 5. В. М. въ ложѣ принятія читалъ о цѣляхъ Ордена и пріуготовленіе къ принятію [3]).

Февраль 14. В. М. въ ложѣ поученія говорилъ о правилахъ, какія должны мы наблюдать въ нашемъ поведеніи, и о пріуготовленіи себя къ великому посту [4]).

Февраль 23. В. М. читалъ рѣчь о концѣ текущаго года [5]).

Мартъ 5. В. М. въ ложѣ поученія говорилъ рѣчь о довѣренности (изъ Магаз. Своб. Каменщ., 1 часть, 3-я рѣчь) [6]).

Мартъ 9. В. М. читалъ Катехизисъ [7]).

Іюнь 24. Торжественная. Послѣ сего дня болѣе при работахъ принятія не присутствовалъ, а такъ какъ всѣ онѣ болѣе или менѣе на меня дѣйствовали, то я за нужное и почитаю здѣсь сказать нѣсколько и о томъ какъ произошло собственное мое принятіе. (Пр. автора). Далѣе слѣдуетъ описаніе посвященія приведенное выше въ статьѣ на стр. 162—163 отъ словъ «съ завязанными глазами» до слова «Аминь» [8]).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ 2-й СТЕПЕНИ.

1817 г.

Май 2. Принятъ и повышенъ во 2-ю степень [9]).

Іюль 4. Повышенъ въ мастера [10]).

Сентябрь 26. Порученъ Г. П. Апухтину [11]).

Сентябрь 29. Поученія [12]).

Октябрь 3. Принятъ 1-мъ Стуартомъ [13]).

Октябрь 24. Принятія. Съ сего времени началъ записывать краткія замѣчанія о работахъ [14]).

---

[1]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, подъ молоткомъ И. М. Евреинова.
[2]) Тоже.
[3]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, ложу держалъ Р. С. Щулепниковъ.
[4]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, ложу держалъ И. М. Евреиновъ.
[5]) Въ ложѣ Орфея, ложу держалъ Я. П. Жуае.
[6]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ молоткомъ Р. С. Щулепникова.
[7]) Въ ложѣ Орфея, подъ молоткомъ Я. П. Жуае.
[8]) Въ Великой Провинціальной ложѣ торжество въ честь Св. Іоанна Крестителя. Работами руководилъ С. С. Ланской. Подробности смотри въ статьѣ; сюда относится описаніе посылки Симанскаго съ привѣтствіемъ въ Вел. ложу Астреи и далѣе описаніе чувствъ, вызванныхъ запрещеніемъ масонскихъ собраній, приведенныхъ въ статьѣ на стр. 178—179 и 181.
[9]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ. Молотокъ держалъ И. М. Евреиновъ; риторомъ былъ П. И. Мундъ. См. статью, стр. 173.
[10]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ. Молотокъ держалъ И. М. Евреиновъ, риторомъ былъ П. Зеленскій.
[11]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ. Симанскій исполнялъ должность Обрядоначальника
[12]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели.
[13]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ. Въ засѣданіи Комитета ложи избранъ Стуартомъ.
[14]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ.

Ноябрь 10. Управлявшій ложею бр. 1-й надзиратель говорилъ рѣчь о гармоніи или музыкѣ духовъ [1]).

1818 г.

Мартъ 20. В. М. въ ложѣ поученія читалъ Катехизисъ 2-й степени и о дарѣ премудрости [2]).

---

[1]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели. Ложу держалъ 1-й надзиратель Р. С. Щулепниковъ. Въ бумагахъ Симанскаго сохранилась эта рѣчь, которая повидимому лишь нѣсколько видоизмѣненною, а то и дословно, произносилась въ ложахъ не одинъ разъ; мнѣ приходилось встрѣчать нѣсколько ея списковъ. Привожу одинъ отрывокъ, который позволяетъ уяснить себѣ «экстатическій» характеръ рѣчи; такія рѣчи болѣе или менѣе красиваго подъема произносились нерѣдко.

«Никогда еще волшебная музыки сила не дѣйствовала на меня такъ сильно, какъ вчерашняго вечера. Болѣзнь и мрачная миланхолія господствовали надо мною; я употреблялъ всевозможныя средства для разогнанія моей задумчивости, но напрасно, она возвращалась паки въ тысячѣ различныхъ видахъ; наконецъ подошедъ къ клавесину, началъ я изображать дикія и унылыя мои мысли. Возведя мои глаза, увидѣлъ какъ будто бы Ангеломъ ниспосланную, лежащую предо мною Перголезеву Salve regina и началъ пѣть. Небесная музыка исполнила мою душу такимъ высокимъ благоговѣніемъ, такою пріятною унылостью, что я вдругъ залился слезами; я ощутилъ нѣкоторое облегченіе, напрягшіеся мои нервы ослабѣли и я погрузился въ удивительный покой; не могу сказать, что сдѣлался веселъ, но однако мнѣ было пріятно. Оставя клавикорды, легъ я на софу и размышлялъ о различныхъ, скоро примѣняющихся состояніяхъ души моей. Въ сіи мгновенія леталъ вокругъ моего ложа геній гармоніи, внушая мнѣ темныя ощущенія изъ высокихъ таинствъ духовныя музыки. Никогда еще не вкушалъ я сладости толико небесной, подобно расплавленному свѣтло-ясному сребру, предсталъ онъ моимъ глазамъ и паки содѣлался невидимымъ. Сія была мечта, но еще какъ будто бы въ туманѣ летаетъ предо мною воспоминаніе о ней.

Ниспало земное покрывало съ очей моихъ; оставя землю, пролеталъ я по неизмѣримымъ пространствамъ всемірности. Солнце, планеты, звѣзды въ неописанной ихъ красотѣ окружали меня повсюду, какъ пріятность наполняла слухъ мой. Сферы, образецъ человѣку чистѣйшей мелодіи, коловращаясь, воспѣвали величественную пѣснь, величайшую Единицу въ обильнѣйшей многоразличности, пѣсни, слышимыя только единымъ духовнымъ ухомъ. Правда, божественный Пиѳагоръ давно уже измыслилъ число ихъ и изъ Небесной Гармоніи открылъ земную, но числа суть только скорлупа Духовныхъ звуковъ, они не доставляютъ Духу доброгласія ибо сей духъ, будучи въ земной темницѣ, не въ состояніи слышать ихъ. Ни одинъ тѣлесный только міръ и объемлемое пространство, сказалъ мнѣ Геній, движется по правиламъ Небесной Гармоніи, но и царство Духовъ составляетъ также совершенную музыку, которыя собственный тонъ и единогласіе есть самъ Богъ. Всѣ души суть части сей вѣчной симфоніи, всѣ онѣ движутся по предписанной имъ и согласной съ цѣлью мелодіи. Каждая часть есть цѣлое, а притомъ и часть величайшаго цѣлаго, а всѣ безчисленныя части вкупѣ составляютъ великій хоръ творенія, которое поклоняется Божеству въ вѣчныхъ хвалебныхъ пѣсняхъ. Ежели бы наша ограниченная чувственность позволяла намъ зрѣть въ Царство Духовъ, то удивились бы мы, видя съ какою опредѣленностью слѣдуютъ они законамъ Гармоніи, увидѣли бы мы, что наша земная музыка, есть токмо образъ скорлупа, эмблема Духовной музыки. Человѣкъ во всѣхъ своихъ ко всецѣлому, къ Богу, къ Обществу къ самому себѣ или къ внутренней своей Натурѣ отношеніяхъ дѣйствуетъ по законамъ музыки.

Отношеніе и постепенность Духовъ къ Существу, которое всѣхъ ихъ объемлетъ, изъ котораго они истекаютъ и въ котораго нѣдра возвращаются паки, хотя и никогда не содѣлываются имъ самимъ, понеже никогда не могутъ быть удобными воспріять его несложность и чистоту, все сіе изображается въ монохордѣ, изъ котораго происходятъ всѣ тоны.

Подобно какъ тоны суть модификаціи единаго и перваго кореннаго тона, хотя и не суть сей тонъ самый, но токмо произошли и выводятся изъ него, такъ точно суть души относительно къ Богу Первому, Вѣчному, Единственному Чистому, коренному тону; каждое почастное племя, каждое существо, въ особенности Духовнаго міра, есть тонъ сей единой струны, болѣе или менѣе подобный коренному своему тону».

(«Взоръ музыканта въ Музыку Духовъ»).

[2]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ.

Май 15. В. М. въ ложѣ принятія говорилъ рѣчь о скромности [1]).

Сентябрь 18. В. М. въ ложѣ принятія говорилъ пріуготовленіе 2-й степени и въ заключеніе увѣщевалъ такъ: «Лл. Брр. Сколько уже разъ нарушили мы клятву, данную нами предъ престоломъ молчаливости» . . . [2]).

Октябрь 5. В. М. въ ложѣ принятія читалъ вступленіе въ 1-ю степень и къ чему она ведетъ. (Сочиненіе С. С. Ланского) [3]).

1819 г.

Мартъ 3. В. М. въ ложѣ поученія говорилъ рѣчь о Гармоніи или Музыкѣ Духовъ (sic) [4]).

Мартъ 22. Управляющій ложею Намѣстный мастеръ въ ложѣ принятія говорилъ о пріуготовленіи товарища [5]).

Апрѣль 30. Объявленъ мнѣ выборъ меня во 2-е надзиратели.

Май 14. Управляющій ложею Нам. Маст. говорилъ въ ложѣ принятія о пріуготовленіи братомъ риторомъ товарищей [6]).

Октябрь 27. В. М. въ ложѣ поученія началъ краткимъ вступленіемъ о принятіи ученика такъ: «Лл. Брр. Черная храмина есть, конечно, живое изображеніе нашего состоянія. Слова, которыя вводитель намъ говоритъ: «остріе шпаги, приставленное къ груди вашей, вонзится въ сердце ваше, если вы будете оставлены отъ путеводителя вашего», ясно изобразуютъ намъ то состояніе наше, когда мы при каждомъ неправильномъ нашемъ поступкѣ подвергаемъ сердце свое колючимъ упрекамъ совѣсти, которая и есть та невидимая, рука водящая насъ. Въ актахъ говорится такъ: шпага, приставленная къ груди вашей, можетъ вонзиться въ нее, какъ скоро вы одинъ ложный шагъ сдѣлаете: ибо вы не видите теперь пути, куда вы идете, но невидимая рука вами предводительствуетъ, если вы ею оставлены будете, погибель ваша неизбѣжна. Ищущій получаетъ входъ тремя крѣпкими ударами, которые всѣ имѣютъ одинаковое знаменованіе т. е. усильное и ревностное толканіе. Наконецъ, ищущій получаетъ входъ; здѣсь надо замѣтить, что онъ одинъ только находится во тьмѣ, а прочіе братья во свѣтѣ. Съ нимъ 2-й надзиратель дѣлаетъ кругъ и сіе можетъ означать, что онъ знакомитъ духъ его съ вѣчностью, ибо кругъ означаетъ вѣчность. При маломъ свѣтѣ видитъ онъ коверъ или всю натуру; но такъ, какъ мы знаемъ, что человѣкъ есть сокращеніе всего міра, то если онъ будетъ распространять въ себѣ тотъ свѣтъ, то, что представится ему для обозрѣнія, надо, любезные братья, весьма замѣтить и объ ономъ размышлять. Потомъ говорилъ о должностяхъ, весьма разительно ихъ объясняя. «Лл. Брр., братья весьма ошибаются, если полагаютъ, что повиновеніе ихъ должно быть къ тѣмъ, кого они считаютъ свѣдующѣе себя, но когда при семъ вспомнить, что ничто намъ не дается свыше какъ въ порядкѣ». Потомъ читалъ пріуготовленіе товарища по должностямъ его [7]).

Ноябрь 1. В. М. въ ложѣ поученія читалъ пріуготовленіе товарища [8]).

1820 г.

Январь 28. В. М. въ ложѣ поученія читалъ пріуготовленіе товарища и Катихизисъ [9]).

---

[1]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, предсѣдатель И. М. Евреиновъ.
[2]) Тамъ же.
[3]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ предсѣдательствомъ С. С. Ланского.
[4]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, ложу держалъ А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ.
[5]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ молоткомъ Р. С. Щулепникова.
[6]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ; ложу держалъ П. И. Рубецъ, Симанскій исполнялъ должность 2 надзирателя.
[7]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова.
[8]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели; ложу держалъ Р. С. Щулепниковъ.
[9]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, подъ молоткомъ И. М. Евреинова.

Мартъ 1. В. М. въ ложѣ поученія читалъ рѣчь о превосходствѣ человѣка надъ прочими тварями, гдѣ между прочимъ упоминается, что птицы хотя и летаютъ подъ небесами, но не знаютъ своего назначенія [1]).

Мартъ 22. В. М. читалъ рѣчь о просвѣщеніи своего разума и понужденіи воли нашей на все благое и доброе [2]).

Май 5. В. М. въ ложѣ принятія читалъ вопросы и отвѣты изъ Катехизиса [3]).

Іюнь 5. Управляющій ложей Нам. Маст. въ ложѣ поученія читалъ пріуготовленіе и вопросы 2-й степени [4]).

(Сіе время стояли въ лагерѣ, а отъ сего, кажется, и на празднованіи 24 іюня не могъ быть).

Іюль 19. В. М. въ ложѣ принятія разсуждалъ такъ: «Лл. Брр. Въ Катехизисѣ товарищескомъ говорится: почему при принятіи вашемъ въ товарищи не старались васъ устрашать? Потому что истый свободный Катехизисъ нигдѣ въ большей безопасности не находится, какъ между братьями. Сей отвѣтъ, Лл. Брр. доказываетъ намъ, дабы мы искали у себя такого мѣста, гдѣ бы были безопасны, а сіе мѣсто есть между братьями» [5]).

Августъ 21. Управляющій бр. 1-й надзиратель въ ложѣ поученія читалъ обрядъ и пріуготовленіе товарища [6]).

Октябрь 12. В. М. читалъ рѣчь о побужденіяхъ сердца и разума [7]).

1821 г.

Январь 19. В. М. читалъ рѣчь, изъ которой не запомнилъ ни единаго слова, продремавъ все время [8]).

Январь 24. В. М. въ ложѣ поученія читалъ Катихизисъ со своими разсужденіями, котораго чтеніе я половину прослушалъ [9]).

Февраль 26. В. М. въ ложѣ принятія читалъ Катихизисъ товарищеской съ проясненіями, какъ то: «Для чего циркуль при возобновленіи клятвы приставляется не къ груди, а къ сердцу? Дабы чрезъ сіе изъявить истинное подтвержденіе обязательства, учиненнаго между нами, Свободными Каменщиками и братьями. Чрезъ сіе, Лл. Брр., Орденъ даетъ намъ знать, что онъ какъ бы желаетъ соединиться съ источникомъ жизни нашей». Одинъ только сей послѣдній вопросъ я разслушалъ, а прочіе не слышалъ, ибо былъ разсѣянъ [10]).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. 3-й СТЕПЕНИ.

1817 г.

Подъ 4-мъ іюля приводится помѣщенное въ статьѣ примѣчаніе относительно пріема въ 3-ю степень.

---

[1]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова.
[2]) Въ ложѣ Орфея, подъ предсѣдательствомъ Я. П. Жуае. Симанскій исполнялъ обязанности казначея.
[3]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ предсѣдательствовалъ И. М. Евреиновъ.
[4]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ молоткомъ Р. С. Щулепникова.
[5]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова.
[6]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ управленіемъ П. С. Кайсарова.
[7]) Въ ложѣ Орфея, ложу держалъ Я. П. Жуае.
[8]) Въ ложѣ Орфея предсѣдательствовалъ Я. П. Жуае.
[9]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, подъ молоткомъ И. М. Евреинова.
[10]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ управленіемъ С. С. Ланского.

Октябрь 27. Принятія [1]).

Декабрь 22. Управляющій ложею братъ 1-й надзиратель въ ложѣ поученія читалъ при семъ и вопросы оной степени [2]).

1818 г.

Май 22. Принятія, не записано [3]).

» 29. Вел. Маст. въ ложѣ принятія говорилъ: «Лл. Брр. Въ мастерской степени упоминается о бунтующихъ товарищахъ: не сіи-ли то товарищи и въ насъ бунтуютъ, какъ-то: гордость, зависть и корыстолюбіе и не они-ли то погубили перваго человѣка»? [4]).

Августъ 7. Нам. Мастеръ въ ложѣ принятія говорилъ рѣчь о познаніи себя и безсмертіи души (своего сочиненія) [5]).

Сентябрь 7. Вел. Мас. въ ложѣ принятія изъяснялъ такъ: «человѣкъ при паденіи своемъ не лишился памяти и она была ему сохранена и Адамъ, памятуя еще то состояніе, котораго лишился, разсказывалъ дѣтямъ своимъ о райскихъ красотахъ Эдема и передавалъ имъ важныя истины, но которыя, переходя послѣ изъ устъ въ уста, исказились» [6]).

Октябрь 2. Вел. Маст. въ ложѣ поученія говорилъ такъ: «паденіе Адама было тройственное, по духу, душѣ и тѣлу; въ первомъ палъ онъ по воображенію, во второмъ, когда уснулъ, въ третьемъ, когда прельстился зміемъ» [7]).

Октябрь 19. Вел. Маст. въ ложѣ принятія читалъ пріуготовленіе риторомъ товарища изъ мастерскаго Катехизиса [8]).

Декабрь 14. Вел. Маст. въ ложѣ принятія читалъ о смерти Адонирама (изъ Катехизиса) и пріуготовленіе ритора [9]).

Декабрь 28. Вел. Маст. въ ложѣ принятія читалъ рѣчь о любви къ смерти или умерщвленіи своей худой воли [10]).

1819 г.

Январь 18. Вел. Мас. въ ложѣ принятія читалъ рѣчь, произнесенную риторомъ товарищу въ черной храминѣ, а риторъ читалъ рѣчь, въ которой говорится: «Горе тому, кто взираетъ на гробъ сей съ тѣми же чувствами, кои имѣлъ онъ въ черной храминѣ; тогда былъ онъ во тьмѣ, теперь же просвѣщенъ онъ величайшимъ свѣтомъ» [11]).

Февраль 17. Вел. Маст. въ ложѣ поученія читалъ пріуготовленіе риторомъ бр. товарища въ черной храминѣ [12]).

Февраль 21. Вел. Маст. читалъ разсужденіе о наукѣ масонской, продолженіе ранѣе читаннаго въ ложахъ первой степени [13]).

Мартъ 17. Вел. Упр. Мас. въ ложѣ принятія изъяснялъ вопросы для познанія Мастеровъ и между прочимъ слѣдующій: «что знаменуетъ слово Макбенакъ? Плоть

---

[1]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, собраніе днемъ, въ 12 часовъ подъ молоткомъ И. М. Евреинова.

[4]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, собраніе вечернее, подъ молоткомъ И. М. Евреинова.

[5]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, подъ молоткомъ П. И. Рубца. Симанскій былъ за 2-го надзирателя.

[6]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели; ложу держалъ С. С. Ланской.

[7]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, подъ молоткомъ И. М. Евреинова.

[8]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, ложу держалъ С. С. Ланской.

[9]) Тамъ-же.

[10]) Тамъ-же.

[11]) Ложу Орфея держалъ А. П. Римскій-Корсаковъ, рѣчь говорилъ графъ Г. И Чернышевъ.

[12]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей; ложу держалъ А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ.

[13]) Въ ложѣ Орфея, подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова.

отъ костей отдѣляется или тѣло истлѣваетъ. Не явно-ли намъ представляется и въ наружной, естественной смерти, что тлѣнное остается здѣсь и не входитъ въ животъ или когда отдѣляемъ мы пороки и страсти наши отъ всего нетлѣннаго, непреходящаго? [1])».

Мартъ 19. Вел. Маст. въ ложѣ принятія говорилъ рѣчь о познаніи натуры, гдѣ говорится, что земля устроена на водахъ и пр. (замѣчательно и сильно) [2]).

Апрѣль 12. Въ ложѣ Совѣта и въ ложѣ поученія Вел. Маст. читалъ вопросы, касающіеся до познанія Мастеровъ и слѣдующіе объяснялъ такъ: «Почему могу я васъ признать Мастеромъ?—Акація или терновая вѣтвь мнѣ извѣстна!—Мы знаемъ, что свойство терновой вѣтви есть колючее, этотъ отвѣтъ примѣнить можемъ мы ближе къ намъ слѣдующимъ: что все то, что есть въ мірѣ колючее, Мастеру извѣстно, или онъ довольно предохранилъ себя, чтобы не быть отъ онаго уязвленну. Мастеръ долженъ оставлять ноги свои въ прямомъ углѣ. Въ моральномъ смыслѣ что означаютъ ноги?—Это дѣянія наши; итакъ Мастеръ долженъ отличать себя правильностью своихъ дѣяній, но сей отвѣтъ не подлежитъ принимать также буквально, ибо іероглифъ сей заключаетъ въ себѣ еще важнѣйшія истины—знакъ шейный еще охраняетъ только сердце, а знакъ грудной показываетъ на самое сердце. Какое названіе даетъ Каменщикъ сыну своему? Луфтонъ. Что означаетъ имя Луфтонъ? Луфтонъ называется орудіе, притягивающее вверхъ тяжести. Сей вопросъ, Пп. и Лл. Брр., столь значителенъ, что я совѣтую вамъ употреблять чаще на оное вниманіе ваше и размышлять, чтобы было это за орудіе, притягивающее вверхъ тяжести» [3])

Апрѣль 25. Вел. Маст. въ ложѣ принятія читалъ Катехизисъ [4]).

» 30. Нам. Маст. въ ложѣ принятія читалъ рѣчь о невидимыхъ зрѣнію нашему душевныхъ радостяхъ [5]).

Май 24. Вел. Маст. въ ложѣ принятія читалъ слѣдующее разсужденіе: «Лл. Брр., весьма замѣчательно, что товарища при принятіи вводятъ опять въ черную храмину. Мы знаемъ, что вводился онъ въ нее ученикомъ для того, дабы позналъ все несовершенство и тьму, въ которой тогда находился; но, сдѣлавшись товарищемъ, онъ уже сталъ просвѣщенъ, и отъ всѣхъ, какъ чувственныхъ, такъ и духовныхъ страстей и предубѣжденій удаленъ, но мы знаемъ также, что причиною смерти отца нашего Адонирама были три товарища и отчего же могли они посягнуть на такое убійство? Разсмотримъ сіе со вниманіемъ. Конечно, если товарищъ вводится опять въ черную храмину, то это для того, чтобы онъ удостовѣрился въ томъ, что всѣ пріобрѣтенныя имъ познанія еще не дѣйствительны, и онъ познаетъ ничтожность оныхъ, обозрѣвая черную храмину. Товарищи же, посягнувшіе на таковой умыселъ, въ убіеніи отца нашего Адонирама, доказываютъ намъ, что конечно еще чего-нибудь у нихъ не доставало, чтобы могло покорить сію ихъ омраченность, такъ у нихъ не доставало смиренія и полной увѣренности. Читалъ еще пьесу, читанную въ собраніи сего года, марта 19 [6]).

Августъ 16. Нам. Маст. въ ложѣ принятія читалъ пріуготовленіе бр. риторомъ бр. товарища [7]).

Октябрь 15. Вел. Маст. въ ложѣ принятія читалъ рѣчь о познаніи натуры, о томъ, что земля построена на водахъ [8]).

Декабрь 20. Нам. Маст. въ ложѣ принятія читалъ пріуготовленіе риторомъ товарища [9]).

---

[1]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей; ложу держалъ гр. М. Ю. Віельгорскій.
[2]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ; ложу держалъ И. М. Евреиновъ.
[3]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели; ложу держалъ С. С. Ланской.
[4]) Въ ложѣ Орфея, подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова.
[5]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, подь молоткомъ П. И. Рубца.
[6]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели; ложу держалъ С. С. Ланской.
[7]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели; ложу держалъ Р. С. Щулепниковъ.
[8]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ; ложу держалъ И. М. Евреиновъ.
[9]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели; ложу держалъ Р. С. Щулепниковъ.

1820 г.

Январь 19. Вел. Маст. въ ложѣ принятія дѣлалъ разсужденіе на вопросъ: Мастеръ-ли вы? Которое раздѣливъ на три предмета, ученическій, товарищескій и мастерской, заключилъ оное слѣдующимъ: «Брр. руководители, которымъ поручены юнѣйшіе Брр., должны наблюдать, что безъ познанія естества или слабостей своихъ и пороковъ не возмогутъ они до большихъ испытаній и тщетно будетъ ихъ принятіе. Мастеръ положенный во гробъ, возстаетъ или подымается изъ онаго 5 пунктами; естественно видимъ мы съ какою трудностью сіе дѣлается и при наружномъ его поднятіи» [1]).

Февраль 18. Вел. Мас. въ ложѣ поученія читалъ пріуготовленіе риторомъ товарища со своими изъясненіями [2]).

Февраль 28. Нам. Мас. читалъ въ ложѣ принятія 2-ю посылку ритора [3]).

Апрѣль 4. Вел. Мас. въ ложѣ поученія читалъ рѣчь, въ коей кратко объясняются всѣ степени для пріуготовленія Мастера и потомъ 2-ю посылку ритора [4]).

Апрѣль 19. Великій Мастеръ въ ложѣ поученія открылъ собраніе слѣдующимъ: «Въ прошедшемъ собраніи (янв. 19), Лл. Брр., разсуждали мы или занимались объясненіемъ 3-хъ степеней, заимствуя оныя изъ актовъ нашихъ, нынѣ же намѣренъ я предложить вамъ касающееся особенно до третьей степени, потому что оная много различиствуетъ отъ предыдущихъ двухъ какъ по различію предметовъ въ оной находящихся, такъ и по всей важности знаменованія оныхъ. Я намѣренъ вамъ, Лл. Брр., прочесть разсужденіе о жизни Адонирама, весьма многіе изъ брр. затруднялись при изслѣдованіи сего имени, а еще болѣе всему, находящемуся въ его жизни, и не знали, кому оное приписать и кто бы это былъ такой Адонирамъ. Сколько намъ уже извѣстно что все то, что представляется намъ въ ложѣ, указуетъ на внутреннія силы въ человѣкѣ, и такъ какъ символъ 1-ой степени есть строеніе Соломонова храма, а 2-й – возобновленіе храма Іерусалимскаго при веселіи, чему достаточное указаніе имѣемъ мы въ пріуготовленіяхъ сихъ степеней, жизнь же Адонирама повѣствуется намъ безъ предварительнаго или послѣдующаго на то объясненія, то я и почитаю за нужное, Лл. Брр., предложить вамъ разсужденіе о томъ, какъ бы мы могли приличное и правильное оному сдѣлать знаменованіе. Многіе приписывали не къ весьма высокому лицу, потому только, что въ объясненіи мастерскаго ковра говорится: «вы были положены во гробъ и представляли собою Вел. Мастера», но сіе еще не есть истинное знаменованіе, а мы будемъ заимствовать для объясненія онаго все то, что находимъ въ актахъ нашихъ и Катехизисѣ». По семъ прочелъ изъ Катехизиса о жизни Адонирама. «Вотъ все что находится въ актахъ на лицо о семъ, но мы поищемъ еще, не найдемъ-ли чего поближе къ нашему объясненію. Въ пріуготовленіи товарища въ мастера бр. Риторъ говорилъ, между прочимъ: «и сіе чувство, которое ободряетъ только наши поступки при дѣланіи добраго, твердаго и непреходящаго, а осуждаетъ всѣ наши поступки при дѣланіи суетнаго, упреки его не суть-ли знаки его страданія, а ободреніе—знаки его радости и не ощущаемъ-ли мы нѣкоего внутренняго гласа, проникающаго сквозь всѣ огорченія и скорби наши, гласа нѣкоего непреходящаго, кроющагося въ существѣ и пр.». Въ актахъ говорится: «Сей гласъ, который ободряетъ токмо тѣ твои дѣла, которыя относятся къ чему-нибудь вѣчному, постоянному и изящнѣйшему и которыя горькими упреками уязвляютъ тебя при дѣланіи тщетнаго, непостояннаго, преходящаго, не есть-ли знакъ нѣкоего внутренняго въ тебѣ кроющагося существа, существа вѣчно пребывающаго, неразрушимаго, стремящагося къ совершенству? Упреки его суть знаки страданія его, а одобренія его суть доказательства власти его и пр.

---

[1]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова.
[2]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ; ложу держалъ И. М. Евреиновъ.
[3]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ молоткомъ Р. С. Щулепникова.
[4]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, подъ молоткомъ И. М. Евреинова.

Теперь, Лл. Брр., не можемъ ли мы сдѣлать нѣкоего ближайшаго сравненія о семъ существѣ, а особливо еще когда воспомянемъ то объясненіе ритора въ убіеніи Вел. нашего Мастера, которое онъ намъ въ черной храминѣ объявилъ, и послѣ всего онаго, бдительно замѣчая всѣ наши дѣйствія, не согласимся ли мы тогда, что мы точно достойны сего обвиненія и что сего Адонирама мы не можемъ ближе искать, какъ въ самомъ себѣ» [1]).

Апрѣль 24 [2]). Нам. Мас. въ ложѣ поученія говорилъ рѣчь о смерти и вѣчномъ покоѣ (въ коей находятся слѣдующія изреченія). «Лл. Брр., что мы желали въ сей жизни, съ таковыми желаніями и въ вѣчности останемся; все насъ удостовѣряетъ, что наша жизнь не есть еще несомнительное доказательство жизни, также какъ и недвиженіе не есть несомнительное доказательство смерти, но жизнь наша есть покой; ибо и здѣшняя жизнь наша есть не что иное, какъ средство, ведущее насъ къ вѣчному покою. Жизнь обитаетъ въ покоѣ, покой въ вѣчности, вѣчность въ любви, любовь во Всемогуществѣ, которое, наконецъ, приведетъ все къ подножію Престола Своего; повсюду какъ въ человѣкѣ, такъ и въ натурѣ, разсѣяно стремленіе къ покою, но мы только не знаемъ выбора дѣлать и хватаемся всегда за то, что есть: вѣчное безпокойство. Сонъ нашъ, на который мы безъ примѣчанія взираемъ, есть убѣдительное зрѣлище того вѣчнаго покоя, въ которомъ мы должны будемъ пребывать; лишеніе сна есть также сильное уподобленіе того безпокойства, которое мы, смотря по дѣламъ нашимъ, будемъ ощущать. Лишившійся сна человѣкъ становится задумчивъ, безпокоенъ, тревожимъ, силы его слабѣютъ и онъ истощевается».

Май 22. Н. М. въ ложѣ принятія читалъ первую посылку ритора и потомъ разсуждалъ такъ: «При входѣ въ ложу, Лл. Брр., видѣли мы тлѣніе и смерть, что же мы должны изъ сего заключить? Въ 1-й степени мастера наши старались насъ воспитывать въ очищеніи насъ отъ пороковъ и страстей; во второй—просвѣщали намъ разумъ, неужели же это для того, чтобы все сіе со смертью съ нами погибло. По истинѣ, каждый изъ насъ удостовѣренъ можетъ быть, что послѣ сей смерти настанетъ жизнь вѣчная и что тамъ по дѣламъ нашимъ въ сей жизни воздастся. Человѣкъ, взирая

---

[1]) Опускаю пространное и темное изъясненіе о томъ, что такое Адонирамъ, такъ какъ для его пониманія требуется знаніе мастерскаго ритуала различныхъ системъ и его толкованіе. Легенда объ Адонирамѣ или Гирамѣ, великомъ строителѣ Храма Соломонова, разсказывалась обыкновенно въ 3-ей степени іоановскаго масонства, а ритуалъ посвященія ее инсценировалъ. Гирамъ погибаетъ отъ злодѣйскихъ рукъ трехъ подмастерьевъ, желавшихъ узнать отъ него тайну мастерскаго слова для полученія высшей платы. Вѣрный долгу, Адонирамъ умираетъ, не предавъ тайны. Подъ Адонирамомъ разумѣлась искра Божественнаго духа, мощь духовнаго начала въ человѣкѣ, погибающая отъ гордости, корыстолюбія и сластолюбія. Эту мощь можно вновь обрѣсти отметаніемъ грѣха. Сказаніе о Гирамѣ представляетъ также обоготвореніе солнца, какъ источника жизни; многими однако подъ свѣтлымъ образомъ Гирама представлялся Іоаннъ Креститель; наконецъ, въ системахъ съ оттѣнкомъ политическимъ подъ Гирамомъ разумѣлся погибшій на кострѣ громейстеръ храмовниковъ Яковъ Молэ, а также разумѣлись и другіе историческія личности, павшіе жертвою за свои идеалы.

[2]) Извѣстный мистикъ-масонъ Руфъ Семеновичъ Степановъ, руководитель московскихъ масоновъ, неоднократно въ своихъ поученіяхъ высказывалъ эту же мысль, о соотвѣтствіи ожидающей насъ загробной жизни съ направленіемъ прожитой земной жизни: «Тамъ, на породу, знатность и богатство не смотрятъ, а на расположеніе человѣка: къ чему онъ здѣсь стремится, къ тому и тамъ стремиться будетъ. Буде онъ къ добру расположенъ былъ, то его встрѣчаютъ благіе геніи и отводятъ въ свѣтлые круги учиться и возвышаться и сіи-то мѣста называютъ очищеніемъ. Кто же расположенъ былъ ко злу, того встрѣчаютъ темные путеводители и спускаются съ нимъ въ глубокую тьму, гдѣ всякій раздоръ, ужасы и возмущенія». (Имп. Публ. библ. Q. III, 180). Засѣданіе 24 апрѣля происходило въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели; ложу держалъ Р. С. Щулепниковъ, одинъ изъ крайнихъ мистиковъ, находившійся подъ вліяніемъ Р. С. Степанова и не менѣе его чтимаго масонами мистика І. А. Поздѣева.

часто на одни предметы [1]), можетъ къ нимъ весьма легко привыкнуть, но сіи предметы, окружающіе насъ, представлены намъ для того, дабы мы воспоминаніемъ объ оныхъ удаляли отъ себя все суетное въ семъ мірѣ» [2]).

Сентябрь 6. В. М. въ ложѣ поученія говорилъ о предметахъ, какіе представляются намъ въ ложѣ сей степени [3]).

Сентябрь 8. В. М. въ ложѣ принятія говорилъ рѣчь, въ коей упоминается слѣдующее: «Въ насъ находится зародышъ вѣчности и въ немъ все» [4]).

Октябрь 2. [5]) В. М. въ ложѣ поученія по возвращеніи изъ отлучки привѣтствуя брр., что они продолжали ревностно работы свои къ изученію тѣхъ истинъ, кои каждому каменщику на всякомъ мѣстѣ являютъ себя, продолжалъ такъ: «Истины сіи, Лл. Брр., предложены намъ были въ ученической, потомъ въ товарищеской степени, каждая степень сія представляла намъ оныя подъ своими покровами; здѣсь же, въ мастерской ложѣ, всѣ предметы представляютъ намъ смерть и надежду на будущую вѣчную жизнь. Но, хотя и до вступленія еще нашего въ храмы, должность сія, т. е. любовь къ смерти, намъ была предложена но здѣсь она требуетъ всего нашего исполненія. Но какая это смерть? Если намъ не велятъ ни убивать, ни что-либо другое съ собою дѣлать [6]), а еще почитать жизнь нашу и пребываніе здѣсь, какъ вели-

---

[1]) Т. е. на символы смерти.

[2]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели, подъ молоткомъ Р. С. Щулепникова.

[3]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей; ложу держалъ В. П. Римскій-Корсаковъ.

[4]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ, подъ молоткомъ И. М. Евреинова.

[5]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели подъ управленіемъ С. С. Ланского. Мастерская ложа вся была затянута чернымъ, съ вышитыми или писанными серебромъ эмблемами смерти и горя; черепа и кости были серебряные, слезы золотыя. Три трехсвѣчника освѣщали ложу, причемъ они имѣли зачастую видъ человѣческаго костяка. «Девять свѣчей—символъ человѣческихъ знаній, ибо 9 есть число премудрости и вѣдѣнія». Посреди ложи ставился гробъ, въ который долженъ былъ во время посвященія ложиться посвящаемый: это означало умираніе всѣхъ страстей; возставшій мастеръ произносилъ предписанныя ритуаломъ слова: «живу для вѣчности».

[6]) Нерѣдко возникалъ вопросъ и въ старые годы, и нынѣ, какъ согласовать проповѣдь масоновъ о жизни въ духѣ и истинѣ—съ жизнью, полною довольства и отнюдь не аскетическою, какою жили многіе изъ наиболѣе видныхъ масоновъ своего времени. Взять хотя бы для примѣра Александра Львовича Нарышкина, извѣстнѣйшаго хлѣбосола и любителя пользоваться благами жизни, или Льва Кирилловича Разумовскаго, вельможнаго затѣйника старой Москвы. Въ бумагахъ Л. А. Симанскаго мы находимъ отвѣтъ, нѣсколько поясняющій намъ кажущееся противирѣчіе. Среди списанныхъ Л. А. Симанскимъ съ полученныхъ отъ А. Е. Кишенскаго масонскихъ сочиненій есть тетрадь въ 30 л. Изъ этой-то тетради, озаглавленной «Наука о познаніи самого себя», заимствую выдержки изъ §§ 19 и 20; интересно встрѣчающееся примѣчаніе, что все писанное не для «грубыхъ людей», а для пораженныхъ и сокрушенныхъ сердцемъ (т. е. лишь для братьевъ масоновъ). «Хотя весь внѣшній человѣкъ, по внѣшнему своему стихійному и звѣздному началу, долженъ прійти въ истлѣніе, но не надлежитъ однако человѣку внѣшній сей инструментъ или орудіе духа своего повреждать и самому смерти предавать, а долженъ онъ кормить его, содержать, какъ Господь церковь, но такъ, чтобы плоть не похотствовала, ибо доколѣ человѣкъ еще земною сею крышкою покрытъ, то можетъ и долженъ ему внѣшній (человѣкъ) яко орудіе служить во многихъ полезныхъ дѣйствіяхъ и исправленіяхъ, когда же орудіе сіе повреждено, или учинено неспособнымъ, то препятствуетъ оно духу во исполненіи весьма многихъ полезныхъ вещей». «Для чего мудрый печется и о тѣлѣ съ нѣкоторымъ стараніемъ, но не изъ любви къ сей звѣрской жизни, а изъ любви Божіей и не хощетъ дѣла Божія раззорять, въ чемъ часто нѣкія добрыя души погрѣшаютъ» или «совершенная чистота получается первѣе черезъ долгую, постоянную молитву и великое противоборствіе злой поврежденной натурѣ, что въ постоянномъ, смѣломъ и бодрственно неустрашимомъ духѣ столько же хорошо, если и не лучше еще совершить можно, какъ и во многомъ, великомъ оскорбленіи, отчаяніи, унынии, тоскѣ и мученіи духа. Сіе ни мало не оспариваетъ того (въ смыслѣ противорѣчитъ тому), что такой человѣкъ съ одной стороны имѣетъ сердечное страданіе, раскаяніе, сокрушенное и смиренное сердце и духъ его преисполненъ надеждою, довѣренностію и бодростію, дабы противу сихъ враговъ любви Божіей сражаться и ихъ побѣждать».

чайшій даръ, дарованный отъ Великаго Строителя, то что же чрезъ слово смерть должно намъ разумѣть? О сихъ двухъ предметахъ, кои, какъ я выше сказалъ, представляетъ намъ мастерская ложа, возьмемъ нѣчто изъ актовъ нашихъ. Въ Катехизисѣ новое мастерское слово объясняется такъ: Плоть отъ костей отдѣляется или тѣло истлѣваетъ. Отдѣленіе сіе не есть ли отдѣленіе отъ всего того, что гніетъ, гибнетъ, воняетъ и преходитъ и не есть ли оно вознесеніе мыслей нашихъ отъ преходимости къ непреходимости; но дабы яснѣе уразумѣть намъ понятіе сіе, разсмотримъ прилежно слѣдующее: все, что мы не предпринимаемъ хотимъ дѣлать или дѣлаемъ, не есть ли послѣдствіе мыслей нашихъ, не суть ли онѣ источникъ онаго? И того, когда мы дѣлаемъ различіе, избираемъ лучшее начинаемъ отдѣлять порчу, гніеніе, истлѣніе отъ непреходящаго, но дабы начать намъ исполнять сіе, не величайшая ли чистота оныхъ потребна для сего? ибо онѣ есть какъ бы отецъ, рождающій прочее. Что же намъ препятствуетъ оной, то о томъ считаю также нужнымъ сказать: наибольшее препятствіе есть наши привычки, которыя столь сильно въ насъ укоренились и дѣйствуютъ, что мы не знаемъ, какъ и откуда онѣ пришли и какъ отъ нихъ отстать? Но что ихъ можетъ рождать и питать, то есть слѣдующее: во-первыхъ многоглаголаніе, которое препятствуетъ намъ собирать мысли наши, избирать лучшее и дѣйствовать по оному, а потому и заключеніе мы дѣлаемъ о всемъ весьма скоро. Во-вторыхъ, частое обращеніе наше въ обществахъ и бесѣдахъ, которыя разнообразностью своею препятствуютъ и заглушаютъ то, о чемъ бы намъ надлежало внимать; огражденіемъ же ко всему оному служить можетъ уединеніе, которое, не развлекая въ стороны, содержитъ насъ во всегдашнемъ созерцаніи, благодарности и любви ко Спасителю нашему и оно-то доводитъ насъ размышлять и о той великой благости Господней, которая во все теченіе жизни нашей насъ сохраняла, что каждый изъ насъ несомнѣнно на самомъ опытѣ въ продолженіе оной испыталъ и ощущалъ въ жизни Адонирама».

Ноябрь 13. Бр. 1-й Надзиратель на мѣсто Вел. Маст. въ ложѣ поученія читалъ Размышленіе о черной храминѣ [1]).

Ноябрь 29. Вел. Маст. въ ложѣ поученія читалъ рѣчь о смерти, въ которой упоминается слѣдующее: «Мы родились въ свѣтъ для того, чтобы умереть, а умираемъ для того, чтобы начать жить; мы болѣе приготовляемся къ смерти такимъ образомъ, чтобы при приближеніи ея ничего иного не оставалось намъ дѣлать, какъ покойно ожидать ее; но кто какъ жить будетъ, такъ и умретъ; привязанность наша къ удовольствіямъ сего міра препятствуетъ благимъ нашимъ размышленіямъ о семъ послѣднемъ концѣ жизни нашей; весьма полезно бы было для каждаго изъ насъ, если-бы мы, ложась спать и закрывая очи наши, помышляли о томъ состояніи, когда закрывать мы ихъ будемъ въ послѣдній разъ и съ пробужденіемъ нашимъ, открывая оные, воображали себѣ то состояніе, когда оные откроемъ послѣ смерти въ первый разъ, ибо, оставляя въ нерадѣніи таковыя размышленія, можемъ ли мы ручаться о томъ, чтобы сія ночь не была для насъ послѣдняя. Если Господь могъ сотворить насъ изъ ничего, то также легко можетъ превратить насъ въ прахъ и ничто». Оконча оную, разсуждалъ такъ: «Возбуждать же сіи благія размышленія представляетъ намъ мастерская сія степень. Всѣ іероглифы оной нравственно представляютъ намъ подъ покровами смерти будущую жизнь. Повѣствованіе о смерти Адонирама и въ насъ должно произойти и мы должны открыть или найти въ себѣ сихъ трехъ гнусныхъ товарищей, должны не упорствовать, а слѣдовать влеченію, которое производитъ въ насъ Духъ Божій; взглядъ на все, что представляетъ намъ мастерская ложа, долженъ произвести въ насъ смятеніе, которое, какъ говорится, есть начало премудрости, подобно какъ золотыя слезы сіи пробиваются изъ мрачности, такъ и въ насъ должно сіе происходить, а потому

[1]) Въ ложѣ Елисаветы къ Добродѣтели; ложу держалъ 2-й Надзиратель С. Вольховскій.

мастера наши и надѣются, что первыя двѣ степени довольно могли привлечь наше вниманіе къ тому, чтобы мы чаще возбуждали въ себѣ сіе размышленіе о смерти. Конечно таковое усиліе противъ всего того, что намъ льститъ и умерщвленіе чувственности нашей хотя и трудно, но все-таки мы не должны оставлять сего, ибо мы обязались клятвою исполнять все оное, и несомнѣнно можемъ вѣрить, что будемъ болѣе отвѣчать, нежели непринятый, и что съ насъ гораздо болѣе взыщется, нежели съ непринятаго» [1]).

1821 г.

Мартъ 2. Вел. Маст. въ ложѣ принятія разсуждалъ такъ: «Лл. Брр., пока бр. риторъ будетъ пріуготовлять кандидата, мы займемся нѣкоторыми мѣстами изъ актовъ нашихъ. Тамъ говорится: познанія, сокрывающіяся въ мастерской степени, доведутъ насъ къ истинной премудрости, но при семъ есть условіе, т. е., что тотъ только можетъ достигнуть сего, кто стараться будетъ о познаніи падшихъ духовныхъ силъ нашихъ, а также и о воскресеніи умершаго въ насъ паденіемъ образа Божія. Вотъ сіе и составитъ на нынѣшній разъ предметъ моего разсужденія; но прежде, нежели станемъ говорить объ ономъ, надлежитъ каждому самого себя вопросить: удостовѣренъ ли онъ о таковомъ паденіи человѣка? Разсматривая все твореніе, мы увидимъ, что человѣкъ есть совершеннѣйшее изъ всего, но, обратя взоръ на все то, что онъ въ сей жизни претерпѣваетъ, нельзя не усумниться, чтобы сіе совершеннѣйшее твореніе для того токмо произведено было на свѣтъ, чтобы претерпѣвать въ сей краткой жизни толико бѣдствій, но сіе не будетъ согласоваться съ тѣми понятіями, какія мы имѣемъ о Всемогуществѣ, Премудрости и благости Творца нашего. Если мы начнемъ такъ, что человѣкъ сотворенъ былъ съ свободною волею, т. е. или приближаться къ Творцу своему, или отдаляться отъ Него, а потому я все-таки обращусь къ тому же, т. е. удостовѣрены ли мы въ томъ, что мы не таковы, каковыми вышли изъ рукъ Творца нашего, и находимся въ паденіи, что мы умерли той жизни, для которой сотворены были, а живемъ для той, которой умереть должны, что можетъ лучше намъ прояснить положеніе кандидата во гробѣ и поднятіе его оттуда; если же мы не будемъ обо всемъ ономъ размышлять, то и все происходящее въ мастерской степени пребудетъ для насъ загадкою, а если мы не удостовѣримся о томъ, что сотворены для лучшей жизни, то сіе доказываетъ, что сія жизнь имѣетъ для насъ еще всю привлекательность и если-бы, страшно сказать, предложили намъ разстаться съ сею жизнью, дабы жить въ лучшей, то мы можетъ быть и не согласились бы на сіе; это я по собственному опыту говорю и о семъ да размыслитъ каждый братъ. Можно сказать такъ, что та жизнь исполнена свѣта, а сія мрачности, но Каменщикъ, особенно Мастеръ, обязанъ стремиться умножать въ ней болѣе свѣта и помостъ сей показываетъ намъ, что пробивающійся изъ онаго цвѣтъ имѣетъ свойство не мрачности; всѣ сіи іероглифы не должны быть для насъ мертвы и историческими только указаніями, но желательно, чтобы каждый старался замѣчать, какое дѣйствіе производятъ они надъ нами. Къ тому же всѣ сіи истины, въ іероглифахъ сокрытыя, привязаны, такъ сказать, къ чувствамъ нашимъ, дабы намъ удобнѣе было отъ нихъ восходить и далѣе, но мы, большею частью смотримъ на то, какое дѣйствіе произведетъ пріемъ на кандидата, но намъ надлежало бы болѣе примѣчать, что надъ нами въ то время происходитъ; такъ и въ актахъ говорится, что данное нами ордену обѣщаніе будетъ новымъ побудителемъ сего строжайшаго намъ испытанія. Когда мы предстанемъ предъ Судилище вѣчное, желательно бы было, чтобы въ насъ горѣло пламенное къ оному желаніе и предметы сіи не мертвыми въ насъ пребывали и дабы, выйдя изъ ложи, мы имѣли оные въ памяти» [2]).

Мартъ 7. Вел. Маст. въ ложѣ принятія говорилъ рѣчь (весьма высокую) [3]).

---

[1]) Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, подъ молоткомъ А. П. Римскаго-Корсакова.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ подъ молоткомъ И. М. Евреинова.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. IV СТЕПЕНИ.

1820 г.

Январь 17 [1]). Вел. Маст. въ ложѣ поученія читалъ (рѣчь) о ежедневномъ обвиненіи своей совѣсти, въ коей упоминается, что одинъ благочестивый мужъ сказалъ однажды: хотя каждая добродѣтель сама по себѣ и похвальна, а чаще и исполненіе ея, но всѣ онѣ вмѣщаются въ одной. Какая же это добродѣтель? — вопросили его. Ежедневное обвиненіе своей совѣсти, отвѣчалъ онъ [2]).

Приложеніе 2.

«Молитвенныя воззванія» — изъ дневника Л. А. Симанскаго.

1820 г.

Декабрь 31. «Да поможетъ мнѣ Господь Богъ наступающій годъ провести въ благоугожденіи Ему, помня твердо клятвы, обѣтъ Ему данный и благій Его призывъ».

1821 г.

Февраль 21. «Да поможетъ мнѣ Господь Богъ начать постъ сей въ духѣ молитвы, покаянія, воздержанія, терпѣнія, въ трудѣ, любви, уединеніи, согласіи, мирѣ, радости и вѣрности, да поможетъ мнѣ таковымъ образомъ встрѣтить недѣлю поста, пріуготовленія говѣнія и Свѣтлаго праздника. Аминь. (Желалъ провести сей послѣдній день передъ постомъ дома и съ друзьями). Обѣда не было дома и морозъ отмѣнно великъ. Воздерживался въ пищѣ и питьѣ и отъ театра и волокитства, дабы утѣшить себя, отъ того, что не могъ быть у бр. Ланского».

Сентябрь 30. «Къ Тебѣ взываю, Боже мой! Тебя молю, Всемилосердый Создатель, о немощи и слабости моей! Подаждь мнѣ руку помощи Твоея и услышь моленіе мое! Даждь мнѣ твердость пребывать въ намѣреніяхъ моихъ! Вижу, что единое малое отступленіе подвергаетъ меня многимъ печалямъ, раскаянію, стыду и сожалѣнію. Такъ велика благость Твоя, что и на сіе есть Твое милосердое смотрѣніе. Подаждь мнѣ, Спасителю мой, въ слѣдующій мѣсяцъ начать, по милости Твоей, обращеніе мое».

Октябрь 31. «Съ большимъ сожалѣніемъ и грустью вижу, что нисколько и въ сей мѣсяцъ лучше не содѣлался, а таковымъ же пребывалъ, т. е. въ лѣности исполненія духовнаго долга моего, исполняя оный токмо тогда, когда сіе могъ дѣлать, не теряя за сіе ничего, какъ-то, предубѣжденія худого или невыгоднаго обо мнѣ мнѣнія, и все сіе понуждала меня лесть и ласкательство къ угожденію; но надежда мнѣ есть, что Господь укрѣпитъ меня наивысшими моими, дастъ мнѣ твердость пребывать непоколебимымъ въ моихъ намѣреніяхъ. Аминь».

Ноябрь 30. «Мѣсяцъ сей проведенъ мною, по истинѣ, не заслуживающимъ не только помощи и благодѣяній божескихъ, но даже и человѣческихъ. Боже, вразуми меня и настави на путь спасенія»!

Декабрь 31. «Господи! благодарю Тебя, что Ты сподобилъ меня окончить благополучно старый годъ, не смотря на всѣ мои грѣхи и непослушаніе. Подаждь милостью Твоею начать новый гораздо лучшимъ предъ Тобою, по волѣ Твоей и закону».

---

[1]) Въ ложѣ Златого Льва подъ предсѣдательствомъ А. П. Римскаго-Корсакова.

[2]) Записи четвертой степени не переписаны начисто, а представляютъ черновикъ съ перечнемъ нѣкоторыхъ дней работъ, причемъ противъ семи изъ нихъ отмѣчено: не записано; запись о принятіи въ IV степень выше приведена мною въ статьѣ на стр. 173—4 (отъ 30-го ноября), другая отъ 25 марта о братской трапезѣ на стр. 180. 18-го Сентября говорилось о любви къ смерти въ шотландской ложѣ Златого Льва.

1822 г.

Январь 31. «При размышленіи моемъ о поведеніи въ сей мѣсяцъ усматриваю, что я нисколько не начиналъ еще быть мудрѣе, благочестивѣе, исполнену страха Божія и любви къ Нему и что приближеніе сіе къ смерти никакъ не побуждаетъ меня еще обратиться, а потому единая надежда остается на испрашиваніе помощи и духа Божія молитвою и постомъ, воздержаніемъ и любовью, скромностью и благонравіемъ, мужествомъ и добродѣтелью».

Февраль 28. «Боже, Владыко! толико развращенъ есмь, что ни одного дня не прошло, дабы съ охотою не шелъ въ сѣти врага Твоего и моего. Дай, Отче щедротъ, да во славу и честь имени Твоему, препояшу мечемъ чресла и, взявъ оружіе, твердо иду на врага моего, ежедневно призывая въ помощь Господа Спасителя».

Мартъ 31. «Все сказанное въ календарѣ не исполнялось мной, а если исполнялось, такъ слабо. Господи, помилуй мя грѣшнаго!»

Апрѣль 30. «О, Господи! подаждь мнѣ твердость преодолѣть смиренно страсть гнѣва, похоти, досады и гордости»!

31 число (но какого мѣсяца неизвѣстно). «О, Боже! изъ прошедшаго мѣсяца усматриваю я непостоянное поведеніе мое; вижу, сколь далеко увлеченъ похотью плоти и во всѣ дни тѣлесно и духовно провелъ въ оной. Даруй, Боже, мнѣ силъ и твердости къ преодолѣнію сего сатанинскаго искушенія, отыми у меня всѣ прелести онаго и приведи меня къ первобытной моей невинности и брани плоти и духа. Аминь».

Августъ 31. «Владыко, Спасителю мой! Призри на мою молитву, усугуби во мнѣ постоянное желаніе и ревность служить Тебѣ, какъ тѣломъ, такъ и душею, и не попусти овладѣть сердцемъ моимъ тому, что не благоугодно Тебѣ. Прости малодушію и невѣрности моей и сохрани меня отъ всякой пагубы. Аминь».

Сентябрь 30. «При всей развратности своей ощущалъ искру Божественной благодати, невидимо удерживающей меня въ паденіи моемъ и въ ономъ показывающей милосердіе свое. Даруй Боже, дабы я толико же преданъ былъ велѣніямъ Господа моего».

Октябрь 31. «Просматривая все поведеніе сего мѣсяца, усматриваю съ сожалѣніемъ, что дни мои текутъ и вспять не возвратятся и что я провождалъ оные не ко благу общему, но жилъ собственно для себя: не желалъ нравственнаго своего совершенства, и если Богъ станетъ меня въ ночи сей звать, то какой Ему отвѣтъ могу я дать».

Ноябрь 30. «Со страхомъ усматриваю, что склонности мои грѣховныя ежедневно усиливаются, равнодушіе ко благому также, на грѣхъ смотрю и исполняю оный съ желаніемъ, безъ противоборства. О, Боже, избави меня. О, Спасителю мой, изми меня изъ челюстей сатаны. Обрати, обрати меня не для того, что мнѣ поведеніе мое гнусно становится, но что оно противно волѣ Твоей совершенной и святой».

Декабрь 31. «Се конецъ года и мѣсяца послѣдняго его! Лучше ли я сталъ противу прежняго? Подвинулся ли хотя на одинъ шагъ къ добродѣтели? Нѣтъ, нисколько! Хотя и получаю похвалы отъ друзей и постороннихъ за мое скромное поведеніе и прочее, но внутренне ощущаю, что сего не достоинъ и что одна наружная поступь—ложь. Скрытое смиреніе подъ личиною всѣхъ добродѣтелей показываетъ меня таковымъ. Внутренне же есть лицемѣръ и скрываю и лелѣю въ себѣ зачинщика всѣхъ пороковъ, который, смотря по временамъ, и выходитъ со мною на брань и часто одерживаетъ верхъ, иногда же долго скрывается и тѣмъ болѣе еще меня обманываетъ. Главные же суть враги мои—гнѣвъ и похоть, они ежедневно на меня возстаютъ. Господи, Спасителю мой! Тебя молю, избави меня отъ сея напасти, подаждь мнѣ ежедневно со знаменіемъ Твоего креста сражаться и выходить побѣдоносно, славя и восхваляя Тебя».

1823 г.

Январь 31. «Боже Всемогущій! вижу съ сожалѣніемъ непостоянство житія моего и всѣ, даже добрыя, дѣла мои не изъ горячей любви къ Тебѣ дѣлалъ, но изъ единаго себялюбія и угожденія себѣ. Подаждь мнѣ, молю Тебя со смиреніемъ, тихій нравъ, терпѣніе, скромность и размышленія добрыя».

Февраль 28. «Всѣ дни сего мѣсяца проведены не въ борьбѣ съ собственными пороками, но въ непостоянствѣ поведенія и хладнокровія къ закону, мнѣ данному. Боже, да не оскудѣетъ вѣра и молитва моя къ Тебѣ»!

Мартъ 31. «Въ сіи дни моленія долженствовалъ бы смиряться, но оные проведены мною во гнѣвѣ, осужденіи, охлажденіи къ молитвѣ. Боже, смири сердце мое по благоповелѣнію Твоему»!

Апрѣль 30. «Господи, Владыко мой! Съ раскаяніемъ вижу злобу сердца моего къ ближнимъ. Не знаю владѣть онымъ, а чувствую миръ и покой отъ стройныхъ поступковъ. Подаждь, да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ моемъ».

Май 31. «Господи, Боже мой, не попусти меня забыть меня и не отврати отъ меня лица Твоего, подаждь мнѣ не впадать во искушеніе и хранить себя отъ онаго»!

Іюнь 30. «Боже милосердый! вижу злобу мою предъ Тобою. Вижу непостоянство мое и дерзость въ послабленіи себя отъ пороковъ. Тебѣ, Царю Сильный, покланяюсь—не предаждь меня до конца».

Іюль 31. «И мѣсяцъ невидимо протекъ. И ни одного добраго и богоугоднаго дѣла! Боже, подаждь мнѣ въ мирѣ и радости о Духѣ и Свѣтѣ исполнять Твои велѣнія».

Августъ 31. «Боже всещедрый! Боже милостивый! Виждь и прозри на мое окаянство! Велико оно! Достойно праведнаго наказанія, но не попусти грѣшнику пасть. Помилуй и сохрани. Въ Тебѣ моя надежда, упованіе, совѣтъ и помощь».

Сентябрь 30. «Съ смущеніемъ вижу тяжелое, лѣнивое и грѣшное мое исправленіе и молю Тебя, Спаситель мой, о помощи и прощеніи Твоемъ»!

Октябрь 31. «О Боже, Великій Осматривая грѣхи мои, видѣлъ ожесточеніе мое. Разрушь и сокруши хладное сердце мое».

Ноябрь 30. «Боже милостивый! Подаждь мнѣ время сіе тихое, которое Ты даровалъ мнѣ въ уединеніи, познать самого себя, всю гнусность прошедшихъ моихъ дѣлъ, обратиться и всѣ минуты дней моихъ посвятить святому Твоему служенію, которое по благости и любви своей Ты мнѣ сообщилъ. Да записки сіи будутъ исполнены любви, кротости и воздержанія во всемъ. Аминь».

Приложеніе 3.

Краткія свѣдѣнія о масонской дѣятельности лицъ, упоминаемыхъ въ статьѣ.

Симанскій, Лука Александровичъ, изъ Псковскихъ дворянъ, род. 30 августа 1791 г., убитъ 18 сентября 1828 г. въ сраженіи съ турками у Куртене; флигель-адъютантъ Императора Николая I; участникъ войнъ съ Наполеономъ, впослѣдствіи командиръ л.-гв. Измайловскаго полка. (Журн. Имп. рус. воен. истор. общ., 1911, III).

Апухтинъ, Гавріилъ Петровичъ, стат. совѣтн., членъ ложи Елисаветы къ Добродѣтели и шотландскихъ ложъ Александра Златого Льва и Сфинкса. Членъ Капитула Феникса.

Бодиско, Александръ Николаевичъ, поручикъ 1-го Морскаго полка. Изъ дворянъ г. Ревеля, лютеранск. вѣр. Принятъ 11 сентября 1817 г. въ ложу Трехъ Свѣтилъ.

Буретти, Иванъ Францовичъ, коллеж. ассес. Принятъ въ ложу Соединенныхъ Друзей 25 января 1815 г. Учредитель ложи Трехъ Свѣтилъ, Секретаремъ въ 1819 г.

Віельгорскій, гр. Михаилъ Юрьевичъ, кам. юнк., чл. совѣта Мин. Вн. Д.; позднѣе оберъ-шенкъ, поч. опек. СПБ. опекунск. совѣта; упр. СПБ. Воспит. Домомъ, Маріинск. больн., чл. главн. сов. женск. учебн. завед. Извѣстнѣйшій меценатъ и филантропъ. Посвященъ въ ложѣ Палестины въ 1810 г. Съ 7 окт. 1818 г. префектъ высш. орден. правл. союза Вел. Принц. ложи, т. е. Капитула Феникса. Орденск. имя — Рыцарь Бѣлаго Лебедя. Девизъ — Чистота.

Гагаринъ, кн. Иванъ Алексѣевичъ, шталм. Выс. Дв.; д. тайн. сов.; д. камерг.; сенат. Упр. мастеръ ложи Орла Россійскаго. Орденск. имя — Рыцарь Россійскаго Орла. Девизъ — Подъ сѣнію оливъ безопасно.

Герландъ, Федоръ Федоровичъ, кол. сов. Мин. Ин. Д. Блюститель короны Капитула Феникса. Орденск. имя — Рыцарь Бодрствующаго Журавля. Девизъ — За добро и справедливость.

Гернгросъ, Федоръ Федоровичъ, отст. капит. Учред. и нам. маст. ложи Сѣверныхъ Друзей.

Головинъ, Василій Михайловичъ, ст. сов. Членъ ложи Трехъ Свѣтилъ; съ 12 ноября 1818 г. надзиратель шотл. ложи Сфинкса. Орденск. имя—Рыцарь Семи Башенъ.

Гунаропуло, Феопемптъ Афанасьевичъ, кол. секр. Посвященъ въ январѣ 1813 г., въ ложѣ Соед. Друз. Съ 1817 г.—въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ; съ ноября 1817 г.—стуартъ шотл. ложи Александра Златого Льва; 8 ноября 1818 г.—въ шотл. ложѣ Сфинкса.

Дмитріевъ-Мамоновъ, Александръ Ивановичъ, ротм. л.-гв. Гусарскаго п., доблестный участникъ Напол. войнъ. Маст. стула ложи Трехъ Доброд. Орденск. имя—Рыцарь Золотого Змія.

Долгополовъ, Федоръ Ивановичъ, капит. л.-гв. Измайл. п. Посвящ. въ ложѣ Соед. Друз. въ 1816 г.

Евреиновъ, Иванъ Михайловичъ, кол. сов. Посвященъ въ ложѣ Соед. Друз. въ 1808 г. Мастеръ стула ложи Трехъ Свѣтилъ. Блюститель наугольника Капитула Феникса. Орденск. имя — Рыцарь Желѣзнаго Молота. Девизъ — Правитъ, но не убиваетъ.

Жуае, Яковъ Петровичъ, литерат. Съ учрежденія ложи Орфея 8 декабря 1818 г. риторомъ, позднѣе — управл. маст.

Зеленскій, Петръ Павловичъ, кол. сов.; состоящ. при СПБ. воен. губерн. Членъ ложи Елисав. къ Доброд.

Кайсаровъ, Петръ Сергѣевичъ, камерг.; прокур. сената; позднѣе — д. тайн. сов., сенат. 1-й надзир. ложи Елис. къ Доброд.; риторъ шотл. ложи Алекс. Злат. Льва съ ноября 1818 г.

Кишенскій, Александръ Егоровичъ, ст. сов. Членъ ложъ Елис. къ Доброд. и Сфинкса. Съ ноября 1817 г. 1-й Стуартъ шотл. ложи Алекс. Злат. Льва.

Косовичъ, Федоръ Андреевичъ, шт. лек. л.-гв. Егерск. п. Посвящ. въ ложѣ Трехъ Доброд. въ 1819 г., а затѣмъ присоед. къ ложѣ Трехъ Свѣтилъ.

Кутузовъ, Александръ Петровичъ, ген.-маіоръ; доблестный участн. Наполеон. войнъ. Посвященъ въ ложѣ Елис. къ Доброд. въ 1813 г.

Ланской, Сергѣй Степановичъ, кам.-юнк.; директ. комис. погаш. долговъ; позднѣе—д. тайн. сов., чл. Госуд. Сов.; Мин. Внутр. Дѣлъ при Императорѣ Александрѣ II, содѣйств. раскрѣпощенію крестьянъ. Посвящ. въ ложѣ Соед. Друз. въ 1810 г.; Нам. Маст. ложи Елис. къ Добр. Орденское имя — Рыцарь Воскресшаго Феникса. Девизъ — Изъ смерти жизнь.

Мунтъ, Петръ Ивановичъ, врачъ. Риторъ ложи Трехъ Свѣтилъ, Вел. Обрядонач. Кап. Феникса. Орденск. имя — Рыцарь Свѣточа.

Муратовъ, Алексѣй Петровичъ, поруч. л.-гв. Измайловск. полка. Принятъ въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ въ 1821 г.

Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, гр. Василій Валентиновичъ, об.-шенкъ Выс. Дв., д. камерг. Меценатъ и филантропъ. Упр. маст. союза Вел. ложи Астреи. Орденск. имя — Рыцарь охраны мира. Девизъ — Подъ симъ безопаснѣе пройдешь.

Подлуцкій, П. И., поручикъ Рязанск. пѣх. п.

Почепцовъ, Федоръ Семеновичъ, поруч. л.-гв. Павловск. п.

Римскій-Корсаковъ, Андрей Петровичъ, ст. сов., нач. отд. въ Мин. Вн. Д. Посвященъ въ ложѣ Елис. къ Доброд. въ 1811 г. Нам. маст. шотл. ложи Александра Златого Льва, Вел. Секр. Капит. Феникса. Съ 20 октября 1819 г. маст. стула ложи Трехъ Доброд. Орденск. имя — Рыцарь Пчелы. Девизъ—Трудъ лучше всего соединяетъ.

Семеновъ, Яковъ Павловичъ, тит. сов. Мин. Внутр. Д. Посвященъ въ ложѣ Елисав. къ Доброд. 19 окт. 1812 г. Съ 23 окт. 1818 г. секретарь ложи Трехъ Доброд. Съ 12 ноября 1818 г. 1-ый стуартъ въ ложѣ Алекс. Злат. Льва.

Семивскій, Николай Васильевичъ, кол. сов. Посвященъ въ ложѣ Елисав. къ Доброд. въ 1810 г. Секрет. ложи Сфинкса.

Толстой, графъ Александръ Петровичъ, кол. сов. Принятъ въ ложѣ Трехъ Свѣтилъ 4 января 1817 г.

Чернышевъ, гр. Григорій Ивановичъ, д. тайн. сов., оберъ-шенкъ. Выс. Дв. Меценатъ и филантропъ. Посвященъ въ Страсбургѣ въ 1776 г. 2-й Вел. Нам. Маст. Вел. Провинц. ложи. Маст. стула ложи Орфея. Орденск. имя — Рыцарь Луны. Девизъ — Во мракѣ свѣтитъ.

Щулепниковъ, Романъ Сергѣевичъ, отст. флота капит. 2-го ранга, съ 1817 г. кол. ас., чинов. въ Мин. Вн. Д. Въ 1817—18 г.г. 1-й Надзир. ложи Елисав. къ Доброд. Съ 4 іюня 1818 г. Вел. Казначей Вел. Провинц. ложи и 2-й Блюститель храма въ Капит. Феникса. Орденск. имя — Рыцарь Льва.

Примѣчаніе. Орденское имя давалось въ 7-й степени шведской системы Рыцарей Храма. Всѣ перечисленные масоны съ орденскими именами входили въ составъ капитула Феникса.

Тира Соколовская.

II. Конспекты

нѣкоторыхъ докладовъ и рѣчей, прочитанныхъ въ Обществѣ Ревнителей Исторіи.

1. **К. К. Агаѳоновъ.** Послѣдній боевой конь Наполеона.
2. **И. А. Гриневская.** Новые идеалы Востока.
3. **И. А. Гриневская.** Въ Іерусалимѣ.
4. **В. К. Лукомскій.** Происхожденіе эмблемъ герба Дома Романовыхъ.
5. Князь **В. П. Максутовъ.** Notre Dame de Termidor.
6. Проф. **С. Ф. Платоновъ.** Почему въ 1613 г. избранъ былъ на московскій престолъ именно Романовъ?
7. **А. А. Родныхъ.** Газетное объявленіе сто лѣтъ назадъ о желаніи жениться.
8. **Т. О. Соколовская.** Трагедія заката.
9. **Т. О. Соколовская.** Мотивы русской исторіи въ произведеніяхъ русскихъ поэтовъ
10. **М. К. Соколовскій.** Св. Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій.
11. **Л. Н. Целепи.** О необходимости сооруженія памятника Святому Благовѣрному Великому Князю Александру Невскому.
12. **С. Р. Языковъ.** Древлехранилище Кіево-Печерской лавры въ связи съ вопросомъ объ устройствѣ архивовъ.

Послѣдній боевой конь Наполеона.

О Наполеонѣ здѣсь было прочитано много блестящихъ докладовъ. Вы помните докладъ профессора П. И. Ковалевскаго, посвященный психологіи знаменитаго императора французовъ, вы помните рядъ докладовъ, въ которыхъ Наполеонъ трактовался, какъ великій полководецъ; наконецъ, вы еще находитесь подъ обаяніемъ поэтичнаго и талантливаго доклада Т. О. Соколовской, нарисовавшей намъ трогательно-нѣжными красками «Трагедію заката».

Словомъ, съ этой кафедры вы привыкли слышать доклады серьезнаго значенія. Мой докладъ будетъ иного, болѣе скромнаго масштаба. Это мелочь, подробность. Однако, когда мелочь касается такой огромной исторической фигуры, какъ Наполеонъ, то и она становится интересной.

Для укомплектованія конюшни Наполеона въ 1815 году было пріобрѣтено въ Нормандіи 12 лошадей. Конюшенное начальство признало ихъ вполнѣ соотвѣтствующими, за исключеніемъ одной, подъ названіемъ «Акація», съ которой придворные берейторы никакъ не могли сладить, и эта лошадь была исключена изъ числа верховыхъ лошадей, предназначенныхъ для сѣдла императора.

Такое невниманіе къ «Акаціи» сильно огорчило конюха Пьеро Колло, приведшаго ее съ завода. Онъ доказывалъ, что это лучшая лошадь изъ всей доставленной партіи и, тутъ же сѣвъ на нее, показалъ, какъ прекрасно была выѣзжена его любимица. «Акація», хотя и была оставлена въ придворной конюшнѣ, но не для сѣдла Наполеона, а Пьеръ Колло, сдавъ ее, отправился въ Парижъ искать себѣ работу.

Однажды Наполенъ, въ сопровожденіи оберъ-шталмейстера герцога Коленкура, совершенно случайно зашелъ на придворную конюшню и, осмотрѣвъ на выводкѣ новыхъ лошадей, приказалъ осѣдлать двухъ изъ нихъ для себя и Коленкура, которому предложилъ проѣхаться посмотрѣть работы, производимыя для защиты С.-Антуанскаго предмѣстья. При этомъ Наполеонъ подъ свое сѣдло случайно приказалъ сѣдлать «Акацію», показавшуюся ему самой покойной.

Конюшенное начальство смутилось...

Коленкуръ, узнавъ въ чемъ дѣло, доложилъ императору о непокорномъ нравѣ лошади. На это Наполеонъ замѣтилъ, что если онъ не такъ искусенъ и ловокъ, какъ его берейторы, то, можетъ быть, онъ счастливѣе ихъ, и приказанія своего не отмѣнилъ.

Сначала «Акація» попробовала было покапризничать, что привело въ трепетъ конюшенныхъ чиновниковъ. Однако Наполеонъ скоро освоился, и лошадь отлично пошла, не обращая вниманія на восклицанія рабочихъ и барабанный бой войскъ, привѣтствовавшихъ императора. Выѣхавъ на линію работъ, Наполеонъ пустилъ лошадь въ галопъ и не замѣтилъ, какъ вдругъ наткнулся на неожиданное препятствіе—кучу досокъ и земли; онъ уже хотѣлъ свернуть, чтобы объѣхать, но «Акація» наддала и, перескочивъ преграду, пошла попрежнему ровнымъ махомъ. Наполеонъ едва усидѣлъ. Догнавшій Коленкуръ поздравилъ его.

«Да, я сдѣлалъ опасный прыжокъ; но вся честь его принадлежитъ моей лошади, а прежде всего надо быть справедливымъ».

Наконецъ, работы были осмотрѣны, и Наполеонъ въ задумчивости возвращался домой. Миновавъ заставу Клиши, шедшая покойно «Акація» вдругъ заржала и остановилась; человѣкъ въ конюшенной курткѣ очутился возлѣ лошади и протянулъ руку, чтобы поласкать ее.

«Что тебѣ нужно?» спросилъ Наполеонъ, выведенный изъ задумчивости.

— Простите, государь, но «Акація», божусь вамъ, сама остановилась, а я воспользовался случаемъ съ ней проститься. Я ее привелъ въ Парижъ, это—моя воспитанница, мое дитя.

Наполеонъ засмѣялся.

«Ну такъ я благодарю тебя, любезный, потому что я очень доволенъ «Акаціей»,—и, обратившись къ оберъ-шталмейстеру, добавилъ, «рекомендую вамъ славнаго малаго, дайте ему мѣсто, и такъ какъ онъ любитъ «Акацію», то пусть друзья будутъ неразлучны».

На другой день Пьеръ Колло былъ назначенъ сверхштатнымъ рейткнехтомъ съ жалованьемъ по 1.000 фр. въ годъ.

18-го іюня 1815 года свершился послѣдній актъ кровавой трагедіи; сраженіемъ при Ватерлоо закончилась боевая исторія Наполеона. Кровавый бой продолжался цѣлый день. Наполеонъ смѣнилъ шестую лошадь, но и эта послѣдняя изнемогала отъ утомленія. Потребовавъ свѣжаго коня, Наполеонъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что ему подали ту самую лошадь, которая была подъ нимъ утромъ въ теченіе пяти часовъ. Свѣжихъ поблизости не было, пришлось сѣсть на подведенную. Это была «Акація».

Между тѣмъ масса англійской кавалеріи хлынула на послѣдніе баталіоны императорской гвардіи, которыми генералъ Камбронъ старался прикрыть отступленіе французской арміи; сраженный осколкомъ гранаты, Камбронъ упалъ съ лошади, но построенное имъ карре геройски выдержало натискъ войскъ Веллингтона. Спасаясь отъ плѣна, Наполеонъ бросился въ

карре, за нимъ послѣдовали маршалы Сультъ, Ней и нѣсколько другихъ генераловъ. Всѣ обнажили оружіе для личной защиты, но, чтобы достигнуть до императора, нужно было положить послѣдняго гренадера.

Не теряя надежды собрать аріергардный корпусъ, Наполеонъ поскакалъ въ м. Женнапъ. Достигнувъ до него, онъ увидѣлъ около себя только одного всадника: то былъ придворный рейткнехтъ Пьеръ Колло. Вскорѣ, впрочемъ, на измученныхъ лошадяхъ собралась свита. Сойдя съ коня, Наполеонъ передалъ Пьеру Колло «Акацію» и сказалъ:

«Береги хорошенько эту лошадь и постарайся доставить ее въ Парижъ, безъ нея меня бы здѣсь не было».

Но Наполеону уже не суждено было вновь сѣсть на «Акацію»; корабль «Беллерофонъ» увезъ его на островъ Св. Елены.

Прошло четырнадцать лѣтъ. На престолѣ Франціи былъ богомольный спортсменъ Карлъ X. Имѣя резиденцію въ С.-Клу, король очень часто ѣздилъ туда. Однажды онъ ѣхалъ въ экипажѣ въ сопровожденіи своего неудачнаго министра, герцога Полиньяка; король не доѣхалъ до заставы, какъ къ экипажу бросился какой-то человѣкъ, протягивая королю запечатанный конвертъ; въ немъ оказалось прошеніе, которое король пожелалъ тутъ же выслушать. Полиньякъ прочелъ:

«Государь! Пьеръ Колло, бывшій рейткнехтъ придворныхъ конюшенъ, имѣетъ честь представить вашему величеству, что вы обладаете первою лошадью въ свѣтѣ, т. е. послѣднею лошадью Наполеона. На ней императоръ былъ подъ Ватерлоо, ее зовутъ «Акація». Я узналъ, что, несмотря на ея заслуги, она назначена въ продажу вмѣстѣ съ другими забракованными лошадьми конюшни вашего величества и что, такимъ образомъ, ей угрожаетъ смерть у дышла какого-нибудь фіакра. Посему, государь, умоляю принять во вниманіе заслуги «Акаціи» и дозволить ей окончить жизнь въ конюшнѣ вашего величества.

Бывшій рейткнехтъ императорскихъ и королевскихъ конюшенъ, а нынѣ кучеръ омнибусовъ *Пьера Колло*».

Короля заинтересовала эта оригинальная просьба; онъ приказалъ навести справки и наградить Пьера Колло. Вѣсть объ этомъ случаѣ быстро разнеслась, и любопытные толпою собирались въ королевскія конюшни посмотрѣть послѣдняго боевого коня Бонапарта.

Извѣстныя историческія событія вскорѣ заставили Карла X отречься отъ короны и бѣжать изъ Франціи. Въ первыхъ числахъ августа 1830 года изъ Парижа длинной вереницей тянулся обозъ эксъ-короля; въ обозѣ было много лишнихъ лошадей, представлявшихъ только обузу, а потому, во время остановки въ м. Фалезъ въ Нормандіи, приказано было часть ихъ продать.

Старая «Акація» не избѣжала горькой участи и была продана съ аукціона фалезскому землевладѣльцу, у котораго, впрочемъ, она нашла прекрасный пріютъ. Узнавъ исторію «Акаціи», владѣлецъ ея берегъ ее, какъ зѣницу ока.

Но на этомъ приключенія «Акаціи» не окончились, ей суждено было еще разъ носить на своей спинѣ короля Франціи. Это случилось въ то время, когда Луи-Филиппъ, объѣзжая Нормандію, пожелалъ произвести смотръ мѣстнымъ войскамъ. Не отличаясь въ искусствѣ верховой ѣзды, король просилъ представителей городского совѣта дать ему лошадь покойную, соотвѣтствующую его шестидесятилѣтнему возрасту, для котораго, по его выраженію, такія блистательныя качества, какъ молодость и пылъ, представляютъ большія неудобства. Вспомнили объ «Акаціи», и она выручила мѣстныхъ представителей изъ затруднительнаго положенія, прекрасно отбывъ подъ королемъ смотръ. Узнавъ исторію лошади, Луи-Филиппъ не пожелалъ отнять ее у владѣльца и приказалъ ему считать себя въ долгу и донести, когда «Акація» окончитъ свое существованіе.

Въ Вирскомъ округѣ, гдѣ жила «Акація», всѣ знали ее, и поселяне съ любопытствомъ сбѣгались смотрѣть, когда она выходила на свою обычную прогулку. Однажды къ ея владѣльцу явился старый наполеоновскій служака, бывшій кирасирскій вахмистръ Жанъ Потаръ, доживавшій свой вѣкъ въ Вирѣ; онъ убѣдительно просилъ владѣльца «Акаціи» отпустить ненадолго лошадь, чтобы украсить ею свадебный кортежъ его дочери.

Послѣ долгихъ колебаній просьба стараго кавалериста была исполнена.

Во время свадебнаго шествія на «Акацію» посадили музыканта, который торжественно ѣхалъ, пиликая на скрипкѣ. Казалось, все шло прекрасно и ничто не предвѣщало несчастья, какъ вдругъ «Акація» споткнулась, повалилась на землю и тутъ же пала.

Такъ окончило свое существованіе это благородное животное, носившее на себѣ трехъ государей Франціи. «Акацію» зарыли тутъ же въ яму, при этомъ, какъ бы представителемъ арміи Наполеона при похоронахъ его боевого коня, присутствовалъ бывшій вахмистръ 7-го кирасирскаго полка Жанъ Потаръ. Слезы струились изъ глазъ стараго солдата...

К. Агаѳоновъ.

Новые идеалы Востока.

Надо знать народы Ислама. Если надо знать побѣждающаго противника, тѣмъ болѣе надо знать противника побѣждаемаго, дабы побѣда не легла когда-нибудь въ основу пораженія. Знать народъ—значитъ знать его основные идеалы. По внѣшнимъ проявленіямъ культуры нельзя знать вполнѣ народъ. Худо бы азіаты знали русскихъ и вообще европейцевъ, если бы не знали чтимаго ими Евангелія, идеаловъ западныхъ народовъ и носителей этихъ идеаловъ. Востокъ мы знаемъ болѣе по инсценированнымъ сказкамъ изъ 1001 ночи.

Я хочу ознакомить съ идеалами, таящимися въ глубинѣ одного изъ народовъ Ислама, по двумъ моимъ поэмамъ, въ которыхъ изображены два пророка Ислама, носители всечеловѣческой любви. Я хочу ознакомить съ движеніемъ, зародившимся въ 40-хъ годахъ въ Персіи. Заголовокъ моего доклада невѣренъ. Новые идеалы? Эти идеалы такъ же новы, какъ былъ новъ материкъ Америки, когда его открыли. Онъ уже существовалъ, о немъ только еще не знали. Идеалы Востока уже существовали въ буддизмѣ, іудаизмѣ, христіанствѣ и въ самомъ магометанствѣ, отчасти забытые подъ слоемъ комментарій позднѣйшихъ послѣдователей ученія Магомета. Въ докладѣ моемъ я разсказываю исторію возникновенія религіознаго движенія, получившаго названіе бабизма, по имени его основателя «Баба».

Я разсказываю о судьбѣ самого пророка и его переживаніяхъ и передаю гадательную исторію его души. Излагаю исторію развитія этой религіи, получившей въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи названіе Бехаизма, по прозвищу «Беха-Уллы»—Блеска Божія.

Въ моемъ докладѣ изложена трагедія жизни и мысли этого реформатора Ислама, поясняется сущность бабизма и бехаизма и его значенія въ мірѣ, какъ соединительнаго звена между народами. Я указываю также на тотъ интересъ, который можетъ имѣть для Россіи знакомство съ ученіемъ персидскаго пророка новыхъ временъ.

Беха-Улла въ своихъ книгахъ даетъ подробныя наставленія житейскаго практическаго характера, примѣнимыя для частной жизни и жизни обществъ и народовъ, дабы идеи любви вполнѣ претворились въ дѣла и стали принципами человѣческаго существованія.

Одинъ изъ его завѣтовъ имѣетъ исключительный интересъ для насъ. Беха-Улла обращался съ воззваніями и письмами къ правителямъ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ предлагалъ рѣшать международныя распри въ собраніяхъ изъ представителей всѣхъ странъ.

И до Беха-Уллы европейскіе мыслители мечтали о подобныхъ международныхъ судахъ, но осуществилъ эту мечту нашъ Государь Императоръ учрежденіемъ Гаагской конференціи.

По этому поводу я позволю себѣ сказать два слова о послѣднемъ торжественномъ собраніи нашего общества, на которомъ чествовалось 300-лѣтіе царствованія дома Романовыхъ.

Мое обращеніе къ этому дню не будетъ явнымъ отступленіемъ отъ моей темы. Если оно не явится фактическимъ продолженіемъ, то оно будетъ какъ бы ея духовной иллюстраціей.

На торжественномъ засѣданіи 17-го февраля, когда среди этихъ стѣнъ упоминались побѣды царей дома Романовыхъ, ораторы послѣ имени Александра III ставили точку.

Мѣшало ли имъ продолжать присутствіе въ залѣ портрета нынѣ царствующаго Государя и они умолкали, слѣдуя правилу «о присутствующихъ не говорятъ», или же потому они не продолжали далѣе перечисленія побѣдъ, что пришлось бы упомянуть о слишкомъ горестныхъ дняхъ всѣми памятнаго пораженія?

Если смотрѣть на событія съ близкаго разстоянія, лицомъ къ лицу, то дѣйствительно упоминанія о пораженіи на Востокѣ слѣдовало бы избѣгнуть въ такой день, а при характеристикѣ событій этого царствованія нельзя было бы умолчать объ этомъ событіи, наполнившемъ печалью всѣ сердца.

Быть можетъ, и я поступила бы такъ же, если бы мнѣ пришлось говорить въ этотъ день, хотя я на такъ называемыя счастія и несчастія, удачи и неудачи какъ личныя, такъ и общественныя, смотрю такъ, какъ сказано въ трагедіи «Беха-Улла»:

«Порой въ наградѣ смерть,
А въ карѣ жизнь».

Счастье начало несчастія, и наоборотъ.

А что такое военныя побѣды и пораженія?

Извиняюсь, хотя это и не моя область—все же скажу. Подчасъ малѣйшій случай, лежащій внѣ личности полководца, можетъ опрокинуть геніальнѣйшій замыселъ его.

Мы видѣли, какъ растаяла на нашей почвѣ великая армія Наполеона. Внѣ его воли и возможности были температура воздуха и сердецъ въ Россіи. Развѣ можно все предвидѣть и расчитать несовершеннымъ еще человѣческимъ умомъ? И многое какъ въ побѣдахъ, такъ и въ пораженіяхъ, является слѣдствіемъ неумолимаго стремленія волны событій, катящейся изъ туманнаго сѣдого далека.

Хотя счастливое завершеніе воинскихъ дѣлъ не зависитъ вполнѣ отъ одного военачальника, какъ и счастливое завершеніе дѣлъ управленія страной зависитъ много отъ исполнителей предначертаній, все же я скажу: слава побѣдителямъ и мудрымъ управителямъ.

Но... позвольте мнѣ перейти къ стихамъ, которые, кажется, уже получили въ этомъ собраніи права гражданства.

«Славимъ героевъ мы—странъ побѣдителей,
Что наполняютъ тьмы нашихъ кошницъ.
Славимъ геровъ мы, мудрыхъ правителей,
Но передъ именемъ кроткихъ носителей
Чаши любви—робко падаемъ ницъ».

Въ моемъ путешествіи на Востокъ, куда я отправилась для провѣрки бытовой стороны моей трагедіи «Беха-Улла», посѣщая музеи и святыя мѣста, я видѣла подтвержденіе этой мысли.

Въ музеяхъ я видѣла гробы героевъ, властителей странъ. Они хранятся подъ стекломъ, подъ зоркимъ окомъ арміи сторожей, оберегающихъ ихъ отъ пыли и грабителей. И я видѣла гробы носителей любви! Они омываются слезами пилигримовъ, и память о нихъ хранится въ горячихъ сердцахъ.

И я скажу здѣсь, какъ всегда, то, что думаю, что нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ совершено дѣло и приведено въ исполненіе величайшее мечтаніе великихъ, которое будетъ имѣть послѣдствія безмѣрной благости для всего міра,—это учрежденіе Гаагской конференціи, это дѣло любви.

При безпрерывныхъ вспышкахъ милитаризма, быть можетъ, и нужнаго для того или иного даннаго мгновенія, надо было обладать большимъ, даже воинскимъ мужествомъ и силой предвидѣнія, чтобы учредить эту конференцію и удержать ее понынѣ.

Это дѣло такъ велико, что не нуждается въ томъ, чтобы его воспѣли въ стихахъ, оно само поетъ и славитъ Бога.

Подойдя къ концу моего доклада, завершу его словами героевъ моего сообщенія, характерными для тѣхъ «новыхъ идеаловъ», о которыхъ мнѣ пришлось здѣсь говорить.

За два часа до казни Бабъ говоритъ дѣлящему съ нимъ заточеніе ученику:

«Клянусь, клянусь, клянусь, настанетъ царство свѣта!
Земная мгла уйдетъ, она уйдетъ и вновь—
Въ коронѣ изъ лучей, царицею одѣта,
Съ небесъ далекихъ къ намъ сойдетъ она, любовь!»

Слова эти звучатъ надеждой, окрыляющей всѣхъ мечтателей о человѣческомъ счастіи, но завершу это чтеніе словами Беха-Уллы, въ которыхъ уже слышна глубокая увѣренность.

Когда послѣдователи Беха-Уллы въ Багдадѣ узнали о новыхъ мученіяхъ, которымъ подвергали ихъ братьевъ на родинѣ, они были готовы выдти изъ терпѣнія и ринуться на путь мести и взывали къ вождю:

«Предѣлъ есть и терпѣнью,
Любви есть свой предѣлъ»...

Беха-Улла говоритъ:

«Что мнѣ сказать въ отвѣтъ?
Аллахъ, мнѣ помоги, дай слухъ имъ, силу зрѣнья...
Коль есть предѣлы для терпѣнья,
Любви предѣла нѣтъ.
Чтобъ вины всѣ простить—въ васъ будетъ та отвага.
Клянусь Всезнающимъ въ отвагѣ этой благо.
Какое мужество, друзья, сравнится съ ней?
Нѣтъ, нѣтъ иныхъ огней,
Чтобъ міръ согрѣть могли, какъ тѣ огни прощенья,
Что вы зажжете здѣсь. Оно великій свѣтъ.
Коль есть предѣлы для терпѣнья,
Любви предѣла нѣтъ!»

И. Гриневская.

Въ Іерусалимѣ.

У насъ въ храмахъ обнажаютъ голову. На Востокѣ снимаютъ обувь. Въ этомъ обычаѣ я вижу великій символъ. Полезно, нужно человѣку каждый день, на нѣкоторыя мгновенія стряхнуть съ ногъ пыль бытія, пыль съ дорогъ жизни и унестись на высоты духа, къ чертогамъ Творца. Нужно забыть о житейской борьбѣ за существованіе, погонѣ за счастьемъ, сбросить съ себя бремя страстей.

Іерусалимъ—есть храмъ для многихъ народовъ, многихъ племенъ. И къ нему стекаются со всѣхъ концовъ земли. Всякій направляющійся къ нему стремится у его предѣла сбросить съ себя платье обыденщины, слить свои страданія съ бѣдами міра и свою мольбу съ мольбой вселенной.

Я люблю всѣ храмы, а также и храмъ исторіи. Если въ немъ нѣтъ той любви, которая горитъ солнцемъ въ Божьихъ храмахъ, то въ немъ все же есть нѣчто и отъ нихъ: въ немъ есть покой и то величественное безстрастіе, которое дается, когда смотришь на человѣчество съ высоты вѣчнаго, и которое, какъ это ни кажется противорѣчивымъ, очень близко къ любви.

Мнѣ думается, что хотя чувства людей, посѣщавшихъ Іерусалимъ во всѣ времена, въ извѣстной степени однообразны, все же въ нихъ есть и различія, характеризующія эпохи. Что чувствовали, напримѣръ, какъ размышляли въ средніе вѣка рыцари первыхъ крестовыхъ походовъ, очутившіеся въ Іерусалимѣ? Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать уже исторія, которая намъ повѣдала не только о борьбѣ крестоносцевъ съ обладателями святыхъ мѣстъ—мусульманами, но и о кровавыхъ распряхъ ихъ между собою. Какъ думали, что чувствовали въ Іерусалимѣ люди, хотя бы и безвѣстные, въ другія времена вплоть до нашего времени, представляетъ, быть можетъ, и историческій интересъ.

Всего три дня дано мнѣ было оставаться въ этомъ городѣ. Мнѣ удалось посѣтить лишь главнѣйшія святыни народовъ, связанныхъ съ нимъ съ древнѣйшихъ временъ: Гробъ Господень, Масличную гору, Геѳсиманскій садъ христіанъ, стѣну плача евреевъ, мечеть Омара магометанъ.

Вступаемъ въ узкую извилистую улицу, по которой приходится все время то спускаться по ступенямъ, то подниматься. Время предзакатное, но

въ улицѣ уже мглисто вслѣдствіе скученности построекъ, давящихъ ее съ обѣихъ сторонъ. Въ ней мглисто, сыро отъ дождя, скользко и людно. Улица эта столь узка, что приходится давать дорогу то пѣшеходу, то наѣзднику и все же вы то задѣваете человѣка, то осла, на которомъ гордо возсѣдаетъ босоногій арабченокъ или суроваго вида арабъ. А вотъ и еврей въ длиннополомъ атласномъ кафтанѣ, опоясанный шарфомъ, съ большой шляпой, отороченной мѣхомъ на головѣ, и съ выбивающимися изъ-подъ шляпы локонами, вьющимися по блѣднымъ щекамъ. Такихъ евреевъ въ такихъ уборахъ встрѣчается здѣсь много.

И это первый восточный городъ, гдѣ фигуры евреевъ въ подобныхъ одеждахъ переносятъ къ давно прошедшимъ, чуть ли не библейскимъ временамъ и пестрятъ на фонѣ общей картины. Они родились въ Палестинѣ, въ странѣ, нѣкогда принадлежавшей ихъ предкамъ. Изъ нихъ многіе напоминаютъ былыхъ первосвященниковъ съ важной поступью и кроткимъ взоромъ. Есть здѣсь и евреи, пріѣхавшіе ради торговли, имѣющіе уже другой внѣшній обликъ.

Нѣкогда «Израиль» здѣсь властвовалъ, правилъ, совершалъ великія дѣла, искалъ истину и впадалъ въ заблужденія, шествовалъ по праведнымъ и ложнымъ путямъ. Былъ на высотѣ славы и палъ.

Вотъ второй день моего пребыванія въ Святомъ городѣ. Съ утра назначенъ былъ серьезный осмотръ его. Я иду къ Гробу Господню. Погода теплая, но сырая. Совершаю тотъ же почти путь, что и вчера по сырымъ улицамъ, спускаюсь по скользкимъ ступенямъ, поднимаюсь по нимъ... Иду какъ будто довольно равнодушно, чтобы посмотрѣть мѣсто, куда было положено тѣло Богочеловѣка, всѣ годы моего сознанія занимавшаго мое воображеніе и трагедія котораго преслѣдовала меня всегда, заставляла задумываться надъ ея причинами и послѣдствіями. Безвѣстный галилеянинъ, не имѣвшій ничего, неотразимо богатый въ своей нищетѣ, самъ кроткій, любящій, проводившій время съ бѣдными, утѣшавшій скорбящихъ, прощавшій грѣшникамъ, чуждый мірской суеты и тщеславія, стремившійся поселять любовь ко всѣмъ дѣтямъ Единаго Отца, Онъ былъ положенъ во гробъ, сохранившійся и понынѣ, и хотя Онъ покинулъ его, все же къ нему стекаются вѣрующіе, и я увижу этотъ гробъ.

Здѣсь, на этомъ мѣстѣ случилось событіе, которое должно было спасти весь міръ и за это дорогое мѣсто весь міръ безумный, не понимающій совсѣмъ его настоящей цѣны и значенія, разодрался на части.

Оглядываюсь и думаю: къ чему вся эта роскошь для Того, Кто бѣгалъ отъ суеты и пышности, не лучше ли было бы оставить могилу эту въ первичной ея простотѣ, такой, какой она была и какая подобала Ему? Не лучше ли было бы написать: Придите скорбящіе, и я успокою васъ...

Когда, думаю я, выходя уже изъ предѣла пещеры, осуществится пророчество Михея, изреченное за семь вѣковъ до Р. Х., которое смутно

вспоминаю (глава 4 Пророка Михея)... и перекуютъ народы мечи свои на орала, и копья свои на серпы и не будутъ болѣе учиться воевать?..

Выходимъ изъ храма Гроба Господня. Въ немъ поочередно молятся всѣ представители христіанской религіи, а внѣ молитвы ведутъ безконечныя распри, и турокъ солдатъ сторожитъ, чтобы они не переходили за предѣлы дозволеннаго.

О, Господи, думала я, для того ли Ты пролилъ Свою кровь? Ты изгналъ изъ храма нечестивыхъ торгашей—теперь надъ Твоимъ же гробомъ отступаютъ отъ главнаго Твоего завѣта!..

Отступленія отъ законовъ, охраняющихъ все живое, привело къ разрушенію немало государствъ, палъ и пышный Соломоновъ храмъ народа Твоего. На постройку храма во Славу Божію было положено столько труда, времени, усилій... И что осталось отъ этого храма? одна стѣна—этотъ памятникъ, подъ которымъ похоронено величіе цѣлаго народа...

Мы пошли къ этой стѣнѣ, составляющей наружную сторону одной изъ стѣнъ мечети Омара и сложенной, по повелѣнію Калифа, изъ камней разрушеннаго Соломонова храма, на мѣстѣ котораго и построена эта мечеть. «Стѣной плача» называется этотъ священный памятникъ, оставшійся Израилю отъ былыхъ счастливыхъ временъ. У этой стѣны евреи Іерусалима по вечерамъ пятницъ и по праздникамъ приходятъ съ молитвой плакать о своей участи вѣчныхъ скитальцевъ. Молитва и плачъ евреевъ у стѣны, говорятъ, производятъ глубокое впечатлѣніе. Теперь—это было въ четвергъ—у стѣны молился одинъ еврей, а одна старая еврейка, бѣдно одѣтая, съ большимъ платкомъ на головѣ плакала навзрыдъ и ходила вдоль стѣны, какъ загнанный звѣрь въ клѣткѣ. О чемъ плакала эта женщина? О быломъ Соломоновомъ храмѣ или о бѣдахъ своихъ чадъ, оставшихся гдѣ-нибудь въ Европѣ? О всемъ повторяющемся плакала ли она, о всепроходящемъ, о суетѣ всего земного, о тлѣнности ничтожности всего, о томъ забвеніи, которому подвержено все, что было и что будетъ, о горести одиночества? Горе одинокому, который упадетъ. А павшій всегда, думается мнѣ, одинокъ.

Мы ушли отъ этой стѣны плача къ мечети Омара, часть которой она составляетъ. Храмъ стоялъ на этой именно возвышенности, съ которой виденъ весь городъ и горы, синѣвшія вдали, едва позлащенныя сверкающимъ теперь солнцемъ. Мечеть Омара одна изъ прекраснѣйшихъ теперь мечетей, которыя мнѣ пришлось видѣть. Тутъ показывали слѣдъ ноги Спасителя. Тутъ намъ показали остатокъ фресокъ временъ Давида. Тутъ же мы увидѣли внутреннюю сторону стѣны плача.

Вотъ и Геѳсиманскій садъ... Тотъ садъ, гдѣ Онъ провелъ послѣднюю ночь своей земной жизни, томимый предчувствіемъ о своемъ концѣ и участи всѣхъ людей. Здѣсь взяли Христа. Здѣсь начало послѣдняго акта величайшей изъ трагедій,—здѣсь, въ Геѳсиманіи, на склонахъ Масличной горы, въ виду Іерусалима, здѣсь, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла я, какъ былинка, не

будучи въ силахъ даже разобраться въ моихъ чувствахъ, здѣсь на томъ мѣстѣ, которое привлекаетъ людей всего міра...

Поднимаюсь на самую вершину горы. Отсюда открылся видъ на городъ Іерусалимъ и далеко еще за предѣлы его. Не всѣмъ выпадаетъ на долю видѣть такое зрѣлище. Не озаряютъ ли эту панораму такой небывалой красотой воспоминанія о людяхъ и дѣяніяхъ, укрытыхъ за пологомъ былыхъ временъ? Поднимается въ душѣ волна чувствъ, дотолѣ спавшихъ, слетаются предчувствія грядущаго, охватываетъ великая тоска о себѣ и мірѣ, великая и сладкая...

Переношусь въ тѣ дни, когда происходила трагедія, до сихъ поръ потрясающая міръ. Вижу главныя дѣйствія ея.

Онъ распятъ на крестѣ и никнетъ голова,
И слезы на щекахъ Его еще горятъ.
Изъ блѣдныхъ устъ Его чуть слышатся слова:
«Не знаютъ, что творятъ».
Въ могилу темную Его положенъ прахъ,
Но чудо чудное случилось изъ чудесъ;
Другъ другу вѣсть несутъ въ лачугахъ и домахъ:
«Христосъ, Христосъ воскресъ».
Вознесся, говорятъ, изъ сѣни гробовой.
И вопрошаютъ вкругъ: Какъ могъ ожить онъ вновь?
«Сильнѣй, могучѣе и смерти роковой
Великая любовь».

Возвращаясь на пароходѣ изъ Іерусалима, я разговорилась съ канадцемъ, подробно разсказывавшимъ о всемъ видѣнномъ въ Іерусалимѣ.

«Я видѣлъ домъ бѣднаго Лазаря, домъ Вероники съ аркой. А видѣли ли Вы la porta judicaria, черезъ которую, по преданію, проходили всѣ осужденные на казнь? Я видѣлъ Голгоѳу и, наконецъ, Гробъ Господень».

— У Гроба Господня я была,—сказала я собесѣднику,—а Голгоѳу я видѣла въ моемъ воображеніи давно и вижу ее всегда. Я удивлялась, съ какой тщательностью канадецъ все осмотрѣлъ. Каково же было мое удивленіе, когда канадецъ, окончивъ описаніе видѣннаго, прибавилъ: «Но вѣдь вся эта исторія происходила не въ тѣхъ мѣстахъ, какъ показываютъ. Есть новое изслѣдованіе, которое указываетъ на совсѣмъ другія мѣста».

— Да, но не все ли равно... разъ человѣчество столько вѣковъ глядитъ именно на эти мѣста, такъ они уже этимъ священны,—сказала я.

«Да и было ли что?» вдругъ выпалилъ собесѣдникъ.

— Вотъ тебѣ на—подумала я. Зачѣмъ же онъ изучалъ такъ тщательно то, чего, какъ онъ допускалъ, могло и не быть. Разгадка простая: много времени и много денегъ было у этого все же интереснаго человѣка, а, впрочемъ, можетъ быть и другая сему причина.

— Отчего не было? Развѣ въ наше время не гибнутъ изъ-за идеи. У насъ стрѣляются, умираютъ даже ради женщинъ и мужчинъ, изъ-за любви... А тамъ, на Востокѣ пьютъ чашу страданія, посланнаго Богомъ ради спасенія міра.

«Стоитъ ли міръ этого!» замѣтилъ онъ.

— Страдаютъ, приносятъ жертвы, чтобы міръ стоилъ этихъ жертвъ, этотъ глупый и неблагодарный нынѣ міръ,—отвѣчаю.

«Это красиво, что вы говорите. Красивое слово стоитъ красивой легенды», замѣтилъ онъ.

Опять сюрпризъ. Я думала, что убѣдила его, а онъ «красивое слово». «А вы видѣли въ мечети Омара камень, который понесся за Магометомъ? И это было?» спросилъ онъ.

— Да, отчего нѣтъ. Есть пророки, за которыми идутъ и люди, и даже камни. Камень—это восточная метафора, очень часто за пророками идутъ камни, коли нѣтъ людей. Камни идутъ за пророками и тогда, когда уста ихъ давно уже умолкли. Они идутъ за ними къ небесамъ въ видѣ храмовъ, слагаемыхъ въ ихъ память, руками очнувшихся отъ сна людей. Но вотъ странность, всегда повторяющаяся въ исторіи религіи человѣчества. Люди, строющіе храмы во имя Божьихъ гонцовъ, нерѣдко, выходя изъ этихъ святыхъ домовъ, совершаютъ дѣла, совершенно противоположныя тѣмъ, какія предписывались Божьими гонцами, во славу коихъ эти храмы создались, и идутъ въ сторону, совершенно обратную той, куда посланцы небесъ ихъ призывали.

«А что вы скажете о слѣдѣ пяты Іисуса Христа, которую тамъ показываютъ?»

— То же самое, отвѣчаю. Это тоже метафора. Іисусъ Христосъ оставлялъ слѣдъ не только въ сердцахъ, но и на камняхъ. Слѣдъ на камнѣ остался—это вѣрно, въ сердцахъ этотъ слѣдъ стерся—это мы видимъ каждый день.

Для меня Іерусалимъ былъ мѣстомъ, въ которомъ я еще болѣе утвердилась, еще болѣе укрѣпилась въ сознаніи необходимости для міра идей, приведшихъ меня къ этому городу, идей божественной терпимости и всепрощенія, съ высотъ Голгоѳы озарившія солнцемъ міръ. Разговоръ съ канадцемъ вновь переноситъ меня къ Голгоѳѣ.

Я вновь увидѣла передъ собой картину казни, имѣвшую безпримѣрныя для человѣчества послѣдствія.

ГОЛГОѲА.

Не видѣли люди, какъ солнце сверкало,
Въ тотъ часъ, какъ вели на Голгоѳу Христа,
Не видѣли люди, какъ солнце сверкало,
Какъ солнце свѣтило на хмурыя скалы,
Листы золотило привѣтно куста,
Изъ терній котораго гнѣвно сплетали
Ему, Іисусу, позорный вѣнокъ;
Какъ солнца лучи съ небосвода блистали
На воиновъ шлемы, кольчуги изъ стали,
На этотъ шутливый и бурный потокъ
Толпы, что неслась, извергая проклятья,
Съ душой, пораженной бичемъ слѣпоты,
Туда, гдѣ стояли для казни распятья
Недвижно и грозно простые кресты.
Не видѣли люди, какъ солнце сверкало.
Но вотъ наступаетъ торжественный мигъ...
Христосъ опустилъ свои вѣки устало,
И въ мукахъ предсмертныхъ главой Онъ поникъ.
И молвилъ Онъ голосомъ тихимъ, упавшимъ
Съ распятья: «не вѣдаютъ бо, что творятъ».
И бросилъ ослѣпшимъ, ослѣпшимъ, незнавшимъ
Онъ свой лучезарный прощающій взглядъ
Въ тотъ мигъ, какъ покинулъ земную обитель
Онъ, міра грѣховнаго, міра Спаситель.
И вдругъ наступила кромѣшная тьма,
Такая, что птицы метались въ испугѣ
И въ страхѣ металась природа сама—
Тогда и правитель, и воинъ въ кольчугѣ,
Судья, фарисей, со свирѣлью пастухъ—
Всѣ люди, что местью жестокой горѣли,
Теперь, когда свѣтъ безвозвратно потухъ,
Открыли глаза и внезапно прозрѣли.
Увидѣли люди во тьмѣ этой вдругъ,
Какъ солнце чудесно, волшебно сверкало,
Какъ солнце свѣтило на хмурыя скалы...
Увидѣли люди во тьмѣ этой вдругъ...

И. Гриневская.

Происхожденіе эмблемъ герба Дома Романовыхъ.

Допетровской Руси родовая геральдика была мало извѣстна и, если со стороны отдѣльныхъ лицъ и наблюдались попытки пользоваться на своихъ печатяхъ геральдическими эмблемами, то, во всякомъ случаѣ, оффиціальныхъ сословныхъ гербовъ еще не существовало. Вотъ почему хотя подъ вліяніемъ западной культуры и встрѣчаются даже еще въ XVI вѣкѣ у представителей нѣкоторыхъ русскихъ родовъ печати съ геральдическими фигурами, однако изображенія эти или носили случайный, личный, а не преемственный характеръ, или же не имѣли того внѣшняго законченнаго по своей компановкѣ вида, который давалъ бы право положительно утверждать о наличности здѣсь герба, какъ такового.

Вступивъ на Россійскій престолъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, какъ и прежніе русскіе цари, сталъ пользоваться на печатяхъ своихъ гербомъ Русскаго государства. Изображеніе этого герба въ видѣ двуглаваго орла извѣстно намъ по печати Великаго князя Московскаго Іоанна III Васильевича, привѣшенной къ грамотѣ 1397 г.; на оборотной сторонѣ этой печати находится изображеніе всадника, попирающаго дракона.

Тѣмъ же гербомъ, какъ присвоеннымъ Русскимъ Царямъ и Императорамъ, пользовались впослѣдствіи и всѣ пріемники Родоначальника Царственнаго Дома Романовыхъ въ Россіи. Однако, современники Царя, дядя и двоюродные братья его, герба этого, понятно, не употребляли, а послѣ ихъ смерти безъ потомства угасла боярская вѣтвь рода Романовыхъ, за которой утвержденіе родового герба представлялось до поры до времени излишнимъ.

Тѣмъ не менѣе, при отсутствіи даже гербовыхъ печатей у бояръ Романовыхъ, вопросъ о родовомъ гербѣ ихъ нельзя было считать неразрѣшимымъ.

Извѣстно, какъ излюблена была въ древней Руси символика съ ея многочисленными и многообразными изображеніями и въ ней несомнѣнно можно усмотрѣть тотъ цѣнный матеріалъ, изъ котораго могла бы вылиться самобытная русская геральдика. Однимъ изъ такихъ ближайшихъ источниковъ являются прапоры.

Въ описяхъ Оружейной Палаты конца XVII вѣка сохранилось описаніе одного прапора, принадлежавшаго боярину Никитѣ Ивановичу Романову,

двоюродному брату царя Михаила Ѳеодоровича, бывшему послѣднимъ представителемъ нецарственной линіи дома Романовыхъ. Самый прапоръ не сохранился, но изъ записи о немъ усматриваются несомнѣнные признаки геральдическихъ эмблемъ: «Прапоръ, средина таѳта бѣлая, вшитъ гривъ, таѳта желтая, смечемъ, влѣвой лапе держитъ клеймо, повыше клейма писанъ орликъ черной, опушка вшита вчервчатую таѳту, таѳта желтая, откоски объярь черная; пыисаны глва львовы золотомъ и серебромъ, опушки таѳта розныхъ цветовъ; по ерлыку: прапоръ боярина Никиты Ивановича Романова».

Дальнѣйшія разысканія убѣждаютъ, что употребленіе Никитою Ивановичемъ Романовымъ на прапорѣ своемъ грифа вовсе не являлось случайнымъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и другіе принадлежавшіе ему предметы, такъ, кубокъ, подаренный имъ царицѣ Маріи Ильинишнѣ въ 1648 г., на крышкѣ котораго изображенъ литой грифъ крылатый, въ лапахъ держитъ щитъ; а что эмблема эта встрѣчалась въ роду Романовыхъ и ранѣе, видно по рѣзьбѣ на серебряномъ ковшѣ боярина Ѳеодора Никитича Романова, гдѣ имѣется подобный же грифъ.

Равнымъ образомъ изображеніе грифа въ различныхъ варіантахъ встрѣчается на нѣкоторыхъ принадлежностяхъ священнаго коронованія и оружія, служившихъ царямъ Михаилу Ѳеодоровичу и Алексѣю Михайловичу, напр. на Государственномъ мечѣ, на стальной полосѣ котораго насѣчены съ одной стороны двуглавый орелъ, а съ другой «грифъ держитъ въ ногахъ мечъ», на походныхъ ихъ саадакахъ, въ клеймахъ которыхъ помѣщенъ «золотой грифъ», а также на нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, хранящихся въ Оружейной Палатѣ.

Долгое время, однако, оставался описанный прапоръ въ неизвѣстности, такъ какъ потомство царя Михаила Ѳеодоровича имѣло, по принадлежности къ царственной династіи, право на Россійскій Государственный Гербъ, что подтверждено было позднѣе Императоромъ Павломъ I. Лишь въ срединѣ прошлаго вѣка Императоръ Александръ II повелѣлъ использовать описаніе прапора боярина Никиты Ивановича при составленіи герба Дома Романовыхъ. Высочайшее порученіе это было возложено на А. Кене, но исполнено имъ, къ сожалѣнію, съ недостаточнымъ пониманіемъ столь важной и отвѣтственной задачи.

Руководствуясь позднѣйшими въ западно-европейской геральдикѣ правилами, при сочиненіи проекта сего герба г. Кене измѣнилъ цвѣта, изображенные на прапорѣ. Именно, подчиняясь теоретическому положенію, что «металлъ нельзя класть на металлъ и финифть на финифть» (т. е. краску на краску), онъ перемѣнилъ желтый (по описанію на прапорѣ), т. е. золотой цвѣтъ грифа на красный.

Гербъ этотъ вошелъ въ правую часть разсѣченнаго щита Родового Его Императорскаго Величества герба, Высочайше утвержденнаго 8 декабря 1826 г. и остается до сихъ поръ безъ всякихъ измѣненій.

В. Лукомскій.

Notre Dame de Thermidor.

(Эпизодъ изъ эпохи французской революціи).

Въ послѣдній періодъ эпохи владычества національнаго конвента коммиссары послѣдняго, посылавшіеся въ департаментъ, были облечены такими страшными полномочіями, о которыхъ не имѣли понятія даже въ самыя тяжелыя времена владычества персидскихъ сатраповъ или римскихъ проконсуловъ. Жизнь, свобода, имущество жителей городовъ или селъ всецѣло зависѣли отъ воли этихъ посланниковъ, не останавливавшихся ни передъ чѣмъ для укрѣпленія могущества революціоннаго конвента. Притомъ, само собой разумѣется, что комиссаръ, какъ представитель верховной власти, принадлежавшій народу, имѣлъ своимъ естественнымъ союзникомъ и всю чернь, всегда ненавидящую образованіе, богатство и дворянство. Въ самомъ ходѣ дѣла лежала причина того, что пошлые характеры употребляли во зло то полновластіе, которымъ были облечены.

Жану Ламберту Тальену, 25-лѣтнему депутату департамента Сены и Уазы и бывшему комиссару Бордо, въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ террора пришлось играть выдающуюся роль. Этотъ храбрый, энергичный, но безхарактерный, лишенный всякихъ принциповъ молодой человѣкъ былъ по многимъ причинамъ на дурномъ счету у Робеспьера. Во-первыхъ, въ 1793 г. въ Бордо, въ качествѣ комиссара конвента, онъ отличался безмѣрнымъ своеволіемъ и жестокостью, во-вторыхъ, онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ сподвижникомъ, а потомъ врагомъ Робеспьера, Дантономъ (казненнымъ 5 апрѣля 1794 г.) и, наконецъ, онъ внезапно свернулъ на путь гуманности и умѣренности за послѣднее время своего пребыванія въ Бордо и послѣ пребыванія въ Парижѣ. Эта перемѣна политическихъ воззрѣній Тальена въ сущности была обусловлена страннымъ случаемъ, прекрасно характеризующимъ нравы того времени. Цѣлые десятки лѣтъ этотъ эпизодъ служилъ любимой темой для романическихъ разсказовъ, суть которыхъ стоитъ передать хотя бы въ короткихъ словахъ.

Привилегированное положеніе, которое создалъ для своихъ комиссаровъ конвентъ, заставило и Тальена въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ его миссіи заботиться объ интересахъ партіи жирондистовъ. Этотъ легкомысленный, поверхностно образованный, достигшій 25-лѣтняго возраста

пришлецъ, казалось, совершенно обезумѣлъ въ Бордо, въ этомъ богатомъ, пышномъ городѣ. Мѣры, которыя онъ принималъ, показались бы невыносимыми даже въ завоеванной странѣ. Въ одинъ вечеръ Тальенъ велѣлъ заарестовать 2 тысячи посѣтителей театра и 86 актеровъ и какъ подозрительныхъ бросить въ тюрьму, а затѣмъ отправить на эшафоты. За самосправой съ людьми слѣдовали конфискаціи богатыхъ имѣній и даже общественныхъ построекъ, въ особенности церквей. Тальенъ, этотъ апостолъ свободы, равенства и спартанскихъ добродѣтелей, велъ королевскій образъ жизни. Имя молодого деспота наводило всеобщій страхъ. Два мѣсяца этотъ безумецъ неистовствовалъ въ несчастномъ городѣ, и вдругъ наступилъ переворотъ. Недоступная страху, который всѣмъ внушала личность комиссара, передъ нимъ однажды явилась 18-ти-лѣтняя женщина съ просьбой о помилованіи осужденнаго, бывшаго совѣтника парламента, маркиза де-Фонтенэ; она молила за спасеніе человѣка, имя котораго носила, хотя была съ нимъ недавно разведена. Черезъ нѣсколько времени было узнано, что маркизъ не только выпущенъ изъ тюрьмы, но еще снабженъ паспортомъ и переправленъ въ Испанію. Съ этого времени во всѣхъ поступкахъ комиссара конвента произошла перемѣна, которая переполнила удивленіемъ Якобинскій клубъ и пригородную чернь и ободрила честную часть городского населенія. Разрѣшеніе загадки этихъ перемѣнъ явилось только тогда, когда на улицахъ города увидѣли катающуюся съ Тальеномъ Терезу маркизу де-Фонтенэ и когда всѣ узнали, что одного слова этой прелестной женщины было достаточно, чтобы отворить дверь тюрьмы и вырвать приговореннаго изъ когтей смерти. Чарующая внѣшность этой юной элегантной красавицы, великодушной до самозабвенія аристократки растопила броню 25-лѣтняго плебея. Наступившая перемѣна въ дѣйствіяхъ Тальена не могла сохраниться въ тайнѣ отъ вліятельныхъ членовъ конвента и Комитета Общественнаго Спасенія. Къ Робеспьеру посыпались доносы, изъ которыхъ нѣкоторые даже были напечатаны. Въ одномъ доносѣ, составленномъ Жюльеномъ, значится: «Кабаррусъ (ея дѣвичья фамилія) завела у себя бюро для записыванія просьбъ, въ которомъ помилованія продавались аристократамъ и предателямъ отечества за высокую цѣну»— обвиненіе, которое шло въ разрѣзъ съ легкомысленной добротой и постоянной щедростью дочери испанскаго милліонера.

Тѣмъ не менѣе Тальенъ былъ внезапно отозванъ и замѣщенъ молодымъ Жюльеномъ, который сразу поднялъ число казней до 40 въ день. Чтобы избѣжать ненависти Жюльена, донна Тереза также покинула Бордо и временно поселилась въ имѣніи, принадлежавшемъ ея бывшему мужу въ виллѣ Fontainey aux roses, но 12 Преріаля II года (31 мая 1794 г.) она была арестована и отправлена въ тюрьму, устроенную въ зданіи бывшаго Кармелитскаго монастыря. Здѣсь донна Тереза нашла много старыхъ знакомыхъ, въ особенности знатныхъ дамъ—герцогиню д' Эгильонъ, г-жу Ламетъ, графиню Кюстинъ, Жозефину Богарне и т. п. Кто не стѣснялся въ

денежныхъ средствахъ, былъ хорошо содержимъ, и общество, которое находилось тогда въ тюрьмахъ, часто стояло по сравненію выше того, которое можно было составить себѣ на свободѣ. Это существованіе могло еще переноситься, если бы надъ нимъ не носилась тѣнь смерти: рано утромъ появлялась среди монастырскаго двора изъ Консьержери (главная тюрьма) печальная колесница и перевозила въ эту тюрьму тѣхъ осужденныхъ, которые должны были предстать предъ революціоннымъ трибуналомъ, а оттуда послѣдовать на эшафотъ. Со дня на день должна была и г-жа Фонтенэ ждать этой участи. Изъ тайно доходившихъ до нея писемъ Тальена она узнала, что всѣ попытки къ ея освобожденію не удались и что Жюльенъ все время настаивалъ передъ публичнымъ обвинителемъ Фукье Тенвилемъ на томъ, чтобы скорѣе покончить съ процессомъ «подлой Кабаррусъ» и, только благодаря чрезмѣрнымъ занятіямъ, отвлекавшимъ въ это время «обвинителя», процессъ несчастной женщины откладывался на нѣсколько недѣль. Утромъ 8 Термидора (26 іюля) появился экзекуторъ революціоннаго трибунала и прочелъ обвиненіе противъ гражданокъ— д'Эгильонъ, Богарнэ и Фонтенэ. Сильнѣе отчаянія передъ грозной судьбой въ горячей крови испанки заговорило презрѣніе къ трусости человѣка, которому она всѣмъ пожертвовала. И Тальенъ получилъ слѣдующее письмо: «Завтра предстану я передъ революціоннымъ трибуналомъ. Я умираю съ угнетающимъ меня сознаніемъ, что принадлежала такому подлому трусу, какъ вы! Тереза». Эксъ-проконсулъ Бордо получилъ эти строки, когда шелъ на собраніе, на которомъ противники Робеспіера подготовляли къ слѣдующему дню рѣшеніе вопроса: поднять ли брошенную Робеспьеромъ перчатку или покориться въ виду того, что вооруженное возстаніе не вполнѣ подготовлено. Большинство склонялось къ этому послѣднему мнѣнію, когда Тальенъ произнесъ рѣчь, въ которой громовымъ голосомъ требовалъ немедленнаго нанесенія удара. Его поддержали Баррасъ и Фреронъ, и на слѣдующій день, 9 Термидора (27 іюля 1794 г.) послѣ подстроеннаго Тальеномъ парламентскаго возмущенія, Робеспьеръ сложилъ голову на эшафотѣ. Въ полдень появился въ Кармелитскомъ монастырѣ Тальенъ и съ тріумфомъ перенесъ оттуда въ ея собственный домъ свою дорогую заключенную. На слѣдующій день при восторженныхъ крикахъ появилась она въ трибунѣ зрителей въ конвентѣ, а 11 дней спустя (22 Термидора) сочеталась съ Тальеномъ гражданскимъ бракомъ. То, что сотни заключенныхъ были выпущены на свободу и что въ общемъ счетѣ оправданныхъ доходилъ до тысячъ, приписывалось вліянію «прекрасной Тальенъ», которая съ этихъ поръ въ устахъ народа получила названіе «нашей дорогой г-жи Термидоры» (Notre Dame de Thermidor). Такъ называлась она, оставаясь самой популярной женщиной въ Парижѣ въ теченіе многихъ лѣтъ. Она умерла въ Брюсселѣ 15 января 1835 г., будучи замужемъ за герцогомъ де Шимэ. Ея потомство принадлежитъ теперь къ высшей Бельгійской аристократіи.

Князь В. Максутовъ.

Почему въ 1613 г. избранъ былъ на московскій престолъ именно Романовъ? [1])

Этотъ вопросъ расчленяется на два положенія: почему остановились на Романовыхъ, и если разъ уже остановились, то почему именно на малолѣтнемъ и болѣзненномъ Михаилѣ?

Второй вопросъ разрѣшается просто. Изъ всего рода Романовыхъ въ 1613 г. уцѣлѣло лишь три лица: митрополитъ Филаретъ, его братъ Никита и сынъ Михаилъ. Монашескій клобукъ преграждалъ митрополиту путь къ престолу; дядя Михаила Феодоровича, Никита, съ юности былъ разбитъ параличомъ—ему и прозвище было дано „каша"; единственнымъ кандидатомъ, слѣдовательно, оставался юный Михаилъ.

Что же касается вопроса, почему именно остановились на родѣ Романовыхъ, то это вопросъ крайне сложный. Приходится историку отойти назадъ, коснуться эпохи величайшей разрухи, т. е. августа и сентября 1611 г.

Два врага разрывали Россію. Первый врагъ—поляки, которые, засѣвъ съ значительнымъ гарнизономъ въ московскомъ Кремлѣ, надѣялись оттуда управлять московскимъ царствомъ. Другой врагъ—казачество. Казачество вербовалось изъ тѣхъ людей, которые не желали подчиняться никакимъ законамъ. Собравшись подъ Москвою и осаждая Кремль, казачество разсылало свои отряды по Руси, ставило своихъ начальниковъ по городамъ и часто эти ставленники являлись горшимъ бѣдствіемъ, чѣмъ врагъ.

По общему убѣжденію, Россіи приходилъ конецъ. Не было тѣхъ „крѣпкихъ" элементовъ, на которые государственность могла бы опереться. Все расшаталось. Дворянское ополченіе, двинувшееся на освобожденіе Москвы, было разбито, казачество только безчинствовало, боярство притаилось и замерло.

Россія ждала вѣщаго голоса, ждала и услышала его.

Грамота патріарха Гермогена была доставлена вѣрными людьми въ Нижній Новгородъ. Въ этомъ призывѣ патріархъ совѣтовалъ расправиться

---

[1]) Редакція съ особымъ удовольствіемъ помѣщаетъ конспектъ рѣчи проф. С. Ф. Платонова, произнесенной имъ въ обществѣ 17 февраля 1913 г., такъ какъ историки обходили этотъ вопросъ по скудости матеріала и малой его разработанности. *Ред.*

раньше всего съ внутренними врагами—съ казачествомъ. Въ казачествѣ плѣнный патріархъ видѣлъ главнаго врага; сломивъ его, легко было сломить и поляковъ.

Совѣтъ патріарха былъ исполненъ. Нижегородское ополченіе двинулось къ Ярославлю, куда спѣшно придвигались и казачьи дружины. Тутъ, подъ Ярославлемъ и произошли первыя схватки ополченія съ врагомъ.

Кн. Пожарскій надолго задержался въ Ярославлѣ. Только вѣсть о движеніи вспомогательнаго польскаго корпуса къ Москвѣ заставила его поспѣшить къ столицѣ. Отрядъ Пожарскаго, по старинному выраженію, шелъ, „отгребаясь“ отъ казаковъ. Воевода не позволялъ имъ становиться близко станомъ. Весь путь былъ совершенъ съ опаскою нападенія. Придя къ Москвѣ, Пожарскій сталъ поодаль отъ отрядовъ кн. Трубецкого и атамана Заруцкаго. Недовѣріе и вражда царили въ лагеряхъ. Попытка Пожарскаго штурмовать Кремль была встрѣчена казачествомъ враждебно. Лишь въ послѣдній моментъ, когда поляки стали одолѣвать, казачество всколыхнулось и ударило на общаго врага.

Когда Москва была взята, казачество рѣшило подчиниться. Лишь незначительная его часть, во главѣ съ атаманомъ Заруцкимъ, уходитъ на югъ, а отрядъ Трубецкого поступаетъ на службу земству.

Между тѣмъ ополченіе Пожарскаго таетъ. Дружинники возвратились по домамъ. Причинъ тому было много: невозможность кормиться въ разграбленной Москвѣ, желаніе вернуться къ себѣ, необходимость присмотрѣть за собственнымъ добромъ.

Пожарскій не предусмотрѣлъ этого бѣгства. Въ моментъ начала соборныхъ засѣданій въ Москвѣ осталось лишь 1000 ополченцевъ, 2500 стрѣльцовъ и 4000 казаковъ. Голосъ послѣднихъ начиналъ играть большую роль.

Въ выборѣ царя казачество остановилось на двухъ кандидатахъ—на сынѣ Дмитрія и Марины Мнишекъ и на Михаилѣ Феодоровичѣ Романовѣ.

Имя Романова было хорошо извѣстно казачеству: митрополитъ Филаретъ, бѣжавшій изъ польскаго плѣна, попалъ въ Тушино, гдѣ и остался. Здѣсь-то казачество узнало и полюбило Филарета.

Земскій же Соборъ долго колебался раньше, чѣмъ остановиться на опредѣленныхъ лицахъ. Сначала Соборъ предполагалъ пригласить царя изъ чужеземныхъ странъ. Такъ, раздавались голоса за Владислава польскаго, только что свергнутаго съ русскаго престола; раздавались голоса и за шведскаго принца. Самъ Пожарскій склонялся къ иноземному избранцу. Онъ даже велъ переговоры съ Максимиліаномъ Габсбургскимъ, отличившимся впослѣдствіи въ 30-лѣтнюю войну.

Большинство, однако, не согласно было на призывъ чужеземнаго владыки. Рѣшено было искать царя изъ представителей знатнѣйшихъ русскихъ домовъ. Думали было искать среди потомковъ Рюрика и Гедимина—князьковъ, какъ называлъ ихъ Грозный. Но это предложеніе не получило

одобренія. Царствованіе Шуйскаго у всѣхъ еще было въ памяти, всѣ помнили, какъ правилъ законный „милосердный царь".

Оставалось боярство, и въ немъ-то рѣшено было искать царя. Почему же именно остановились на Михаилѣ Феодоровичѣ Романовѣ? Во-первыхъ, не надо забывать рѣшенія казачества. Во-вторыхъ, не надо забывать и того, что Романовы пользовались уваженіемъ необычайнымъ. Царица Настасья, первая жена Грознаго, и Никита Федоровичъ Романовъ, братъ ея, вошли даже въ народныя сказанія и пѣсни. Соборъ вспомнилъ, что Михаилъ Феодоровичъ родственникъ угасшей династіи, что юный царь является внучатнымъ племянникомъ Грознаго, что Романовы всегда вѣрно служали родинѣ.

Когда имя Михаила Феодоровича было, наконецъ, произнесено, то общая радость овладѣла всѣми. „Единымъ сердцемъ, едиными устами" былъ онъ выбранъ въ цари.

Желая подчеркнуть независимость своего выбора передъ казачествомъ, Соборъ разослалъ вѣрныхъ людей по всей Руси узнать: любъ ли имъ избранникъ? И вотъ черезъ двѣ недѣли вернулись посланцы и принесли благія вѣсти. Вездѣ имя избранника встрѣчалось со слезами радости.

Единодушіе въ выборѣ создало необычайный ореолъ первымъ царямъ Дома Романовыхъ. Казалось, что власть пошатнулась, что авторитетъ царскій поколебленъ, что не такъ легко склонялись бояре и воеводы новому царю, а вышло совсѣмъ наоборотъ. Тогда какъ Шуйскому, занявшему престолъ по праву первородства, приходилось управлять темными путями, казнить, ссылать и ввергать въ темницы, Михаилу Феодоровичу подчинилось все. Всѣ признали власть, всѣ признали высшую власть.

Проф. *С. Ф. Платоновъ.*

Газетное объявленіе сто лѣтъ назадъ о желаніи жениться.

Въ февралѣ 1812 г. древнимъ природнымъ дворяниномъ Новосельскимъ было помѣщено въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ № 14 слѣдующее любопытное для насъ во многихъ отношеніяхъ, пространное *«Объявленіе о приглашеніи ко вступленію въ супружество»*.

«Желая найти друга и съ нимъ основать пожизненную связь, а увѣрясь и разсудкомъ и опытомъ, что дружба никогда постояннѣе не бываетъ, какъ въ священной связи супружества—сей самой связи я ищу, дабы пріобрѣсть съ красотою, больше душевною, нежели наружною, добродѣтельную жену—найти въ ней друга, и тѣмъ самымъ устроить обоюдное благосостояніе. Пылкія молодыя лѣта мои уже прошли, а съ ними и пылкость безразсудныхъ страстей угасаетъ; въ мои лѣта другъ всего нужнѣе, а потому предосудительно было бы мнѣ теперь однимъ только временнымъ страстямъ раболѣпствовать; на здравомъ разсудкѣ и съ настоящимъ разщетомъ основать должно твердое, непричастное страстямъ положеніе. Хотя я не старъ, но и не молодъ, а потому желалъ бы болѣе найти соотвѣтственно себѣ пожилую вдову, либо дѣвицу, какихъ бы ни было лѣтъ, но съ пристойнымъ состояніемъ; а буде которой и помоложе могу понравиться, сообразя соотвѣтственность обоюдныхъ обстоятельствъ, можетъ быть, и я буду согласенъ. А дабы избѣгнуть предосудительныхъ приключеній, разстроивающихъ супружества всего болѣе, предлагаю самыя честнѣйшія, благонравственныя и дружескія условія:

1-е. Другъ къ другу не ревновать. Ревность есть подозрѣніе: должно ли подозрѣвать друга, коего избираю. Надлежитъ предоставить все его уму и совѣсти.

2-е. Другъ друга ни въ чемъ не попрекать. Упреки оскорбляютъ всякаго: не должно оскорблять того, съ кѣмъ жить располагаемся.

3-е. Не говорить никогда съ сердцемъ, а говорить къ сердцу. Съ пылкостью гнѣва сказанное ожесточаетъ сердце; надлежитъ мягчить сердца, а не жесточить, почему во всѣхъ случаяхъ дружественно и съ снисхожденіемъ объясняться потребно.

4-е. За наличныя, что хочешь, а въ долгъ ничего. Кто живетъ въ долгъ, живетъ на щетъ ближняго и въ послѣдствіи бываетъ въ тягость и во вредъ себѣ и другимъ. Благомыслящіе живутъ съ разсчетомъ, по мѣрѣ состоянія и доходовъ, не отказывая себѣ ни въ чемъ, что въ краткой нашей жизни утѣшить насъ можетъ.

5-е. Выдержать характеръ въ обязанности, и связи, и дружества, хотябъ что и непріятное случилось. Не характерное дѣло отъ какого-либо случая дѣлать разрывъ священный. Слабости наши, заблужденія, погрѣшности свойственны человѣкамъ: онѣ бываютъ неумышленныя, случайныя, невольныя; страсть, обладающая сердцемъ нашимъ, въ пылкости своей слѣдуетъ безразсудному стремленію. Тогда-то, искренній другъ, побереги твоего друга, когда онъ теряется; не слѣдуй пылкости гнѣва, а съ кротостью и терпѣніемъ пожалѣй о немъ, поддержи снисхожденіемъ, ласками, совѣтомъ и убѣждающими просьбами, не упрекая, а скрывая его ошибки. О коль снисхожденіе въ погрѣшностяхъ связываетъ въ тѣснѣйшій узелъ дружества, никогда не разрывный! Погрѣшности человѣку свойственны: ихъ прощать должно и по Божьему Закону; безхарактеріе же никогда простить не можно. Въ нарушеніяхъ обязанности самая крайность только разрывъ сдѣлать можетъ, тогда, когда безхарактерной поступокъ послѣдовалъ бы обнаруженной въ публикѣ и нестерпимой въ обществѣ.

Кто условія предлагаетъ, тотъ первый беретъ на себя обязанность. Ежели на таковыя условія невѣста найдется согласна, да благоволитъ о себѣ дать знать, какъ за благо разсудитъ, приглашеніемъ меня въ домъ знакомства, свиданія или нужнѣйшихъ объясненій для соотвѣтственности въ жизни необходимаго пристойнаго содержанія, либо когда напередъ меня хочетъ видѣть, то можетъ во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, гдѣ я бываю, какъ равно и въ книжной лавкѣ Селивановскаго, противу Гостиннаго двора, на Ильинкѣ, гдѣ чтеніемъ книгъ отъ 12 до 2-хъ часовъ пополудни занимаюсь. Тамъ и оставлена записка о всѣхъ моихъ знакомыхъ въ Москвѣ. При свиданіи, кому потребно обо мнѣ подробно узнать, я по чистой совѣсти ничего не скрою, и знакомые мои чистосердечно и праведно о семъ увѣрятъ; предложу и бумаги, удостовѣряющія поведеніе мое въ Государственной службѣ, и прочее. А не имѣя того предразсудка, чтобы стыдиться напечатать о себѣ въ Газетахъ, выставляю и мое званіе, бывъ предубѣжденъ, что честной человѣкъ, которой въ жизни своей не запятналъ себя, можетъ вездѣ выставить свое имя. И такъ скажу о себѣ, что я древній природный Дворянинъ, чинъ мой Надворный Совѣтникъ, по имени и прозванію Викентій Петровъ сынъ Новосельскій; не богатъ, а не бѣденъ тѣмъ только, что, соразмѣряя по состоянію разходы, не живу въ долгъ на щетъ ближнихъ. Не будьте застѣнчивы и вы, нѣжный полъ, и послѣдуйте моему совѣту; честное дѣло никогда не вмѣняется въ поношеніе у благомыслящихъ: если удалитесь отъ предразсудка, для чегожъ и вамъ не быть откровеннымъ въ склонностяхъ и въ изысканіи супружества, а въ

супружествѣ ни съ чѣмъ несравненнаго друга; развѣ постыдно въ желаніяхъ священной связи оповѣститься? Честное дѣло всегда хранитъ свою цѣну. Предосудительнѣе, по мнѣнію моему, вамъ, достаточнымъ, коимъ недостаетъ только одной связи дружества. Щастливъ тотъ, кто поддержать кого можетъ состояніемъ: тутъ обоюдная обязанность и благодарность поддерживаютъ. Мужъ, коль избранъ съ честными правилами и дѣятельностью, успокоитъ совершенно, взявъ на себя бремя заботъ; кольми паче къ старости лѣтъ нужнѣе всего другъ неизмѣнной, собесѣдникъ, во всѣхъ случяхъ участникъ и въ недугахъ вѣрнѣйшій попечитель. И такъ, дѣлайте выборъ не по наружной красотѣ и льстивымъ блескамъ, а по качествамъ добродѣтельной души и всеобщей репутаціи, то навѣрно не ошибетесь. Я пріѣзжій, знакомыхъ мало имѣю; свахамъ не вѣрю, кои вкруговую обманываютъ. Самъ собою пріобрѣсть желаю знакомство, и лучшему дому не сдѣлаю стыда поведеніемъ своимъ; а всякому, кто удостоитъ меня приглашеніемъ, постараюсь доставить удовольствіе, и за оказанную честь благодарнымъ пребуду. Пребываніе мое въ Москвѣ, на Тверской, въ приходѣ Благовѣщенія, въ домѣ Ея Сіятельства Княгини Голицыной. Пробуду здѣсь до 15-го Марта, послѣ отправлюсь въ С.-Петербургъ, остановясь въ Большой Подъяческой, въ домѣ № 248, противу дома Соколовскаго».

Удалось или не удалось Надворному Совѣтнику Новосельскому жениться чрезъ газеты, осталось неизвѣстнымъ. Только потомки Викентія Новосельскаго, если они существуютъ, могутъ повѣдать міру, насколько удачно было объявленіе ихъ прадѣда.

А. Родныхъ.

Трагедія заката.

Конецъ близился. Героическая эпопея подходила къ послѣдней главѣ. Риза могущества и славы, въ которую великій Наполеонъ одѣлъ исторію Франціи, стала тускнѣть. Невозможное становилось возможнымъ, и за трудовымъ, долгимъ днемъ постепеннаго, геніальнаго возвышенія, днемъ, полнымъ блеска военныхъ побѣдъ, наступалъ мрачный, скорбный часъ паденія, наступала трагедія заката.

17-го марта. Передовыя русскія войска—въ виду Парижа. Сквозь туманъ дали вырисовываются его башни. Солнце закатывается; вѣтеръ освѣжаетъ воздухъ; на небѣ—ни облачка. «Здравствуй, батюшка-Парижъ!»—разносится по солдатскимъ рядамъ. Забыты тягости похода, павшіе друзья, собственныя раны...

Въ 5 часовъ утра 18 марта, ровно сто лѣтъ назадъ, союзники рѣшительно ударили на непріятеля, защищавшаго Парижъ. Цѣлый день длилось кровопролитное сраженіе, и лишь вечеромъ, съ высотъ Бельвилля обозрѣвалъ столицу Франціи, гордую Лютецію, Императоръ Александръ.

Для парижанъ ночь на 19 марта полна тревоги. Парижъ видѣлъ Варѳоломеевскую ночь, испыталъ ужасы кровавой революціи, но назавтра—торжественное вступленіе побѣдителей. И это послѣ громовыхъ, искрометныхъ побѣдъ, послѣ Аустерлица, Іены, Ваграма! И это при великомъ полководцѣ-императорѣ!..

Девять часовъ утра 19 марта. Встрепенулись колонны русскихъ войскъ; летятъ слова команды. Еще нѣсколько движеній, послѣднихъ колыханій—и все замерло: къ побѣдоноснымъ войскамъ приближается Государь. Онъ радостенъ, полонъ сознанія исполненной миссіи. На генеральскомъ мундирѣ голубѣетъ андреевская лента; бѣлый султанъ мѣрно колышется на его шляпѣ, вторитъ движеніямъ свѣтло-сѣраго коня. Государь объѣзжаетъ войска; колонны трогаются впередъ. Распущены знамена; бьютъ барабаны; играетъ музыка... Застава пройдена, вотъ и Парижъ!.. Безчисленное множество жителей спѣшитъ навстрѣчу. Женщины усыпаютъ путь цвѣтами. Причина тому—водвореніе надежды въ жителяхъ, переходъ отъ отчаянія къ радости, общее чувство благодарности къ великодушному побѣдителю. Всѣ взоры обращены на Александра. «Онъ красивъ, какъ ангелъ, доброта

небесная написана на лицѣ Его», говорятъ парижане. Воздухъ наполненъ кликами. Да, шелъ избавитель, шелъ во главѣ своихъ войскъ тотъ Благословенный Монархъ, который несъ съ собою желаніе великодушнаго и прочнаго мира, благоденствія Европы, всеобщаго спокойствія. Съ мечемъ онъ шелъ для окончанія войны, съ побѣдою онъ шелъ не для завоеваній. Изъ устъ въ уста передавались слова Александра парижскимъ мэрамъ въ Бонди: «Я слишкомъ далекъ отъ мести. Хочу доказать, что Я пришелъ платить добромъ за зло. Обѣщаю особенное покровительство городу Парижу и беру подъ собственное Мое охраненіе всѣ общественныя заведенія!..» Въѣздъ въ Парижъ союзниковъ совершился...

«Что сказали бы вы,—пишетъ Лажечниковъ,—почтенные Капеты, вы, основатели французскаго царства, и ты, Генрихъ, отецъ своего народа, и ты, великолѣпный Людовикъ XIV?.. Что рекли бы вы, когда, стряхнувъ съ себя сонъ смерти, услышали бы радостное ура славянъ на высотахъ Монмарта?.. Великій Петръ, увѣнчай улыбкою своею достойнаго Твоей славы правнука»!..

20 марта уже возобновились представленія въ Большой оперѣ. Шла «Весталка». Театръ былъ полонъ зрителей. При входѣ въ залъ Александра оркестръ исполнилъ арію Генриха IV. Весь театръ всталъ; послышались крики привѣтствій. Кто-то изъ зрителей замѣтилъ надъ ложей Наполеона императорскую эмблему орла и крикнулъ: «Долой орла!» Возгласъ тысячи голосовъ, и служитель покрылъ орла бѣлой матеріей. Артисты декламировали стихи: «Да здравствуетъ Александръ, король королей!» Залъ былъ объятъ восхищеніемъ...

Итакъ, союзники въ Парижѣ. Рѣшалась судьба Франціи и всей Европы. Европа устала. Она утомилась этими движеніями народныхъ волнъ съ запада на востокъ и обратно. Не прошло еще двухъ лѣтъ, какъ вся Европа отлила на востокъ, какъ отдаленная столица Россіи, казавшаяся ранѣе для французовъ какимъ-то миражемъ, была во власти Наполеона. Но зарево Московскаго пожара возвѣстило міру, что Россія непобѣдима. Наполеонъ занялъ Москву, но обнялъ призракъ.

...«Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины»...

Начался отливъ народовъ на западъ; какъ прежде войска разныхъ народовъ примыкали къ легіонамъ Наполеона, такъ теперь они примыкаютъ къ полкамъ русскимъ и докатываются до Парижа...

Побѣдители рѣшили самой Франціи предоставить устройство своей судьбы. Дважды истомленная, великою революціею и великими войнами первой имперіи, она не имѣла силъ горячо высказаться ни за форму правленія, ни за отдѣльное лицо. Партія республики придавлена, нравственно

поражена, не имѣла средствъ. Имперія—могла существовать только при великомъ Наполеонѣ и держалась только его геніемъ и блескомъ его побѣдъ. Оставалось одно—ограниченная монархія. Но и тутъ затрудненія: Наполеонъ-сынъ, при регенствѣ матери Луизы, могъ быть желаннымъ арміи, гдѣ имя великаго полководца было окружено особымъ ореоломъ, но у партіи этой, какъ побѣжденной, было не такъ много приверженцевъ; маршалъ Бернадотъ, наслѣдный шведскій принцъ, не имѣлъ, кромѣ этого титула, никакихъ особыхъ правъ, коихъ не было бы у его боевыхъ товарищей. Оставался одинъ выходъ—возстановленіе Бурбоновъ въ лицѣ Людовика XVIII. Такъ и случилось.

Александръ I не питалъ пріязни къ Людовику. За время борьбы Александра съ Наполеономъ Людовикъ неоднократно обращался къ Александру съ просьбою поднять его знамя и заявлялъ о своихъ правахъ. Но Александръ неизмѣнно отказывалъ и на обращеніе Людовика: «Братъ нашъ и кузенъ»—отвѣчалъ еще въ 1806 г. холоднымъ «Графъ». Бурбонамъ во что бы то ни стало нужно было найти человѣка, который произнесъ бы ихъ имя. И такого человѣка нашли. Это былъ Талейранъ. «Республика—невозможность,—провозглашаетъ Талейранъ,—Марія-Луиза правительницею, или Бернадотъ на престолѣ—интрига, одни Бурбоны—принципъ!» И участь Франціи рѣшена. Сенатъ произноситъ низверженіе Наполеона; возстановленіе Бурбоновъ обезпечено...

Что же дѣлаетъ Наполеонъ въ эти дни заката своей звѣзды? Вмѣстѣ съ Шуазель-Гофье можно сказать, что неудача Наполеона, великая, какъ и его судьба, воодушевляетъ болѣе, нежели самые блестящіе его успѣхи.

Наполеонъ спѣшитъ къ Парижу. Въ ночь на 19 марта, у почтовой станціи Cour de France останавливается кабріолетъ. Перепрягаютъ лошадей, а путникъ выходитъ изъ экипажа и, сжигаемый нетерпѣніемъ, желающій остановить самое время, спѣшными шагами, въ нетерпѣніи, пѣшкомъ идетъ по дорогѣ: бричка догонитъ!.. Это спѣшитъ Наполеонъ. Въ ночной тьмѣ онъ встрѣчаетъ французскій кавалерійскій отрядъ и останавливаетъ его знакомымъ звукомъ своего голоса. Начальникъ отряда Вельяръ соскакиваетъ съ коня. Императоръ осыпаетъ его быстрыми вопросами. Извѣстія все дурныя; мрачныя тучи нависли надъ судьбою Франціи и великаго императора. Но Наполеонъ кипучъ и упоренъ. Онъ пойдетъ на Парижъ, поголовно вооружитъ французовъ, сожжетъ столицу...

Въ 3 километрахъ отъ Куръ-де-Франса Наполеонъ встрѣчаетъ авангардъ Мортье, подъ командою Гурьяла. Наполеонъ поколебленъ, но еще есть надежда, что сдача Парижа не подписана. Онъ возвращается на почтовую станцію, и здѣсь-то, на утро, застаетъ его вѣсть о сдачѣ Парижа! Еще одинъ ударъ, еще одна разрушенная надежда!.. Наполеонъ устремляется въ Фонтенебло. Его мысль еще далека до признанія себя окончательно разбитымъ, и, владѣя тайной самообладанія, онъ сбираетъ свои душевныя силы. Занимается позиція между Эссоной и Сеной.

21 марта Наполеонъ смотритъ два баталіона. Солдаты привѣтствуютъ долгими криками чудеснаго волшебника бранныхъ полей. Наполеонъ оживляется; онъ быстръ и огнененъ, какъ въ дни могущества и славы. Но въ этотъ же день изъ Парижа Коленкуръ привозитъ грозное извѣстіе, что Императоръ Александръ согласенъ на обсужденіе мира при условіи—отреченія Наполеона отъ престола.

22 марта въ Фонтенебло прибыли двѣ дивизіи. Въ великолѣпномъ мундирѣ, съ блестящею свитою, Наполеонъ дѣлаетъ имъ смотръ, а подъ конецъ собираетъ вокругъ себя офицеровъ и держитъ рѣчь. «Непріятель перегналъ насъ на три перехода. Онъ—въ Парижѣ. Я предложилъ Императору Александру миръ, готовый купить его дорогой цѣной: Франція—въ прежнихъ границахъ, съ отказомъ отъ нашихъ завоеваній, съ потерей всѣхъ нашихъ пріобрѣтеній послѣ революціи. Но въ этомъ отказано... Я разсчитываю на-дняхъ идти на Парижъ. Я разсчитываю на васъ!»... Наполеонъ ждалъ кликовъ восторга, но отвѣтомъ было молчаніе. Изумленный и пораженный Наполеонъ не растерялся и предложилъ еще одинъ короткій вопросъ: «Правъ ли я?» И услышалъ столь желанные клики былого, знакомаго восторга: «Да здравствуетъ Императоръ! Въ Парижъ! Въ Парижъ!» Искра была искусно брошена Наполеономъ, въ пожаръ воодушевленія раздули ее воины. Офицеры встали въ ряды. Полки прошли мимо Императора съ криками: «Въ Парижъ! Въ Парижъ!» Музыка играла походъ и марсельезу. Эти побѣдоносные мотивы слышали войска еще при Маренго...

Счастье ускользнуло изъ рукъ Наполеона. Онъ не владѣлъ уже имъ, какъ встарь. Маршалъ Мармонъ, во имя всеобщаго блага, поддается черной измѣнѣ. Въ другихъ маршалахъ сказывается какъ бы утомленіе войной. Птенцы Наполеоновскаго генія, Бертье, Лефевръ, Бассано, Колленкуръ, Бертранъ, Монсей и Ней, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, говорятъ ему объ отреченіи. Горячо развиваетъ предъ ними Наполеонъ свои планы, силится внушить увѣренность, что малѣйшій успѣхъ подъ Парижемъ вызоветъ новый оборотъ войны. Но тщетно! Орелъ одинокъ! Невозмутимо ледяное спокойствіе маршаловъ... Прибываетъ маршалъ Макдональдъ, и онъ на сторонѣ маршаловъ противъ Наполеона. Ихъ слова—осторожный голосъ разсудка, но Императоръ не внимаетъ имъ. Снова и снова говоритъ онъ все о томъ же, о движеніи впередъ, о наступленіи. Ней, теряя терпѣніе, съ рѣшимостью восклицаетъ, что онъ не пойдетъ на Парижъ. «Армія будетъ повиноваться мнѣ»,—возвышаетъ свой голосъ Наполеонъ. «Армія будетъ повиноваться своимъ генераламъ»,—возражаетъ Ней.

Наполеонъ одинокъ... Отреченіе неотвратимо, и Наполеонъ пишетъ первое свое отреченіе въ пользу сына, подъ руководствомъ матери. Но этой первой искупительной жертвы мало. Требуется еще большая—полное отреченіе. На престолъ Короля-Солнца вновь взошли Бурбоны, геній Наполеона уступилъ силѣ судебъ: Императоръ французовъ, владыка полміра, обратился въ императора Эльбы.

8 апрѣля. Наполеонъ разстается со своими вѣрными воинами, со своей гвардіей. Старая гвардія! Гренадеры, опаленные солнцемъ Маренго и пламенемъ горящей Москвы! Одинъ взглядъ на этихъ героевъ воскрешаетъ въ мгновеніе всю славу былого въ сердцѣ Наполеона. Говоря свое послѣднее прости, Наполеонъ восклицаетъ: «Васъ всегда находилъ я на пути къ славѣ. О, съ вами и тѣми храбрецами, кои пребыли мнѣ вѣрными, могъ бы я перенести войну еще за Луару, но я предпочелъ принести мои личные интересы въ жертву Франціи. Продолжайте же ей служить». Наполеонъ поцѣловалъ ротнаго командира, прижалъ къ груди и поцѣловалъ съ благовѣніемъ орла на знамени и быстро сѣлъ въ поданный экипажъ. Слезы текли по загорѣлымъ щекамъ старыхъ гренадеръ; они осиротѣли, полководецъ уѣхалъ!..

Колесо исторіи продолжало свое движеніе. Императоръ Эльбы, кипучій, огненный, жаждалъ дѣятельности и съ безумною отвагою, глубоко вѣря въ звѣзду своего счастія, тайно отплываетъ къ берегамъ милой Франціи. Счастье еще разъ ему улыбается. Онъ—снова въ Парижѣ. Какъ одинъ мигъ проходятъ сто дней. Гремитъ бой при Ватерлоо, и участь великаго человѣка рѣшается безповоротно. Изгнанникомъ отвезенъ онъ на далекій островъ Св. Елены. Какъ орелъ, прикованный къ скалѣ, умираетъ онъ плѣнникомъ, заповѣдавъ похоронить себя на берегахъ Сены среди столь любимаго имъ французскаго народа. Нашъ поэтъ говоритъ:

«Что строилось трудомъ суровымъ,
Вставало медленно въ вѣкахъ,—
Ты сокрушалъ случайнымъ словомъ,
Движеньемъ повергалъ во прахъ.

Самъ изумленъ служеньемъ счастье,
Ты, какъ пращей, металъ войска
И міровое самовластье
Бросалъ, какъ ставку игрока.

Пьянѣя славой неизмѣнной,
Ты шелъ сквозь міръ, круша, дробя...
И стало, наконецъ, вселенной
Не вмоготу носить тебя.

Земля дохнула полной грудью
И ты, какъ листъ, въ дыханьи грозъ,
Взвился и полетѣлъ къ безлюдью
И палъ, безсильный, на утесъ,

Гдѣ на раздумьи одичаломъ
Отъ вѣка этихъ дней ждала
Тебя достойнымъ пьедесталомъ
Со дна встающая скала!..»

Прошло сто лѣтъ.

Прахъ Наполеона нынѣ покоится въ роскошномъ мавзолеѣ въ Парижѣ, во дворцѣ Инвалидовъ. И передъ гробницею того, кто повелѣвалъ громами побѣдъ, мы забываемъ даже пожаръ Москвы. Трагедія заката стала искупительною, всепримиряющею жертвою. И мы, свято помня союзъ съ прекрасной Франціей, можемъ повторить слова великаго поэта:

...«Великолѣпная могила! Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила и лучъ безсмертія горитъ!..»

Т. Соколовская.

Мотивы русской исторіи въ произведеніяхъ русскихъ поэтовъ.

ЭСКИЗЪ.

Родная быль въ сладкозвучныхъ стихахъ на родномъ языкѣ... что можетъ быть милѣе сердцу?.. Складывались бывальщины, оживало былое, разгорались зори потухшихъ закатовъ, гремѣла слава, грохоталъ бой, ликовала побѣда и славословили поэты сказочныхъ богатырей, подвиги бранныхъ полей, смерть храбрыхъ, величали вершителей судьбы и печальниковъ земли русской... Чередуется радость свѣтлыхъ дней съ тоскою о безвременіи...

Державинъ—пѣвецъ Великой Екатерины. Это онъ пѣлъ Фелицу, богоподобную царевну Киргизъ-Кайсацкія орды, заключая свою оду строками:

«Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!»

Со словъ Державина стройно пѣли хоры на Потемкинскомъ праздникѣ въ залитыхъ свѣтомъ хоромахъ Таврическаго дворца:

«Громъ побѣды раздавайся!
Веселися храбрый Россъ!
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная намъ мать!»

Державинъ пѣлъ всѣ крупныя событія Екатерининскаго вѣка, побѣды ея орловъ, штурмъ Измаила и Варшавы Суворовымъ, его сказочный Альпійскій походъ.

«О, радость! Муза, дай мнѣ лиру.
Да вновь Суворова пою!
Какъ слышенъ громъ за громомъ міру,
Да слышитъ всякъ такъ пѣснь мою!
Побѣдъ его плѣненный слухомъ,
Лечу моимъ за нимъ я духомъ
Чрезъ долы, холмы и лѣса!»

Но Державинъ воспѣваетъ не только великую Царицу своего вѣка. Онъ поетъ хвалу и Преобразователю Россіи, вѣнценосному работнику. Въ Петрѣ Великомъ поэта поражаетъ его любовь къ труду:

«Звучатъ поднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ!»

Во всемъ въ Россіи—печать генія Петра:

«Россія въ славу облеченна,
Куда свой взоръ не обратитъ,
Вездѣ, весельемъ восхищенна,
Вездѣ труды Петровы зритъ».

Петръ

«Прошелъ землями и морями,
Учился самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить».

Нѣженъ строй у лиры *Батюшкова*, и все же поэтъ воспѣлъ далекіе походы неутомимыхъ русскихъ войскъ въ Наполеоновскія войны.

Вотъ переправа черезъ Нѣманъ. Спитъ угрюмая рѣка, погребенная снѣгомъ. Уснула вся природа. Дымясь, тлѣютъ брошенные костры. Чернѣютъ на бѣломъ снѣгу еще не завѣянные мятелицей трупы бѣжавшаго врага.

...«Въ пустой дали
Сгущенныхъ копій лѣсъ возникнулъ изъ земли!
Онъ движется. Грозятъ щиты, мечи и брони,

И грозно въ сумракѣ ночномъ
Чернѣютъ знамена, и ратники, и кони!»

Образно и ярко передаетъ Батюшковъ настроеніе русскихъ въ виду величавой чуждой рѣки. Передъ воинами сѣвера—Рейнъ. Мощныя воды его поили несчетные древніе легіоны, «мечемъ писавшіе законы»...

«И часъ судьбы насталъ! Мы здѣсь, сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и громами,
Стеклись съ морей, покрытыхъ льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала!»

Рылѣевъ, одинъ изъ важнѣйшихъ декабристовъ, не признавалъ себя поэтомъ, и въ предисловіи къ «Войнаровскому» писалъ: «я—не поэтъ, а гражданинъ». Однако, въ своихъ «думахъ» онъ весьма поэтично изобразилъ различныя событія изъ русской исторіи, начиная съ Олега и Святослава и кончая Петромъ и Анною.

Яро схватились Мстиславъ Удалой съ великаномъ,

«Сошлись, схватились, въ бой вступили,
Могучъ и князь, и великанъ!
Другъ друга стиснули, сдавили;
Трещатъ... Колеблется курганъ...
Стоятъ и мигъ счастливый ловятъ,
Какъ вихрь крутятся... Прахъ летитъ...
Погибель, падая, готовятъ,
И каждый яростью кипитъ!»

Гибнетъ въ волнахъ Иртыша завоеватель Сибири Ермакъ.

«Плыветъ... Ужъ близко челнока,
Но сила року уступила,
И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила».

Отмѣчаетъ Рылѣевъ первую встрѣчу Мазепы съ Петромъ. Азовъ взятъ русскими. Мазепа склоняется предъ могучимъ царемъ, предлагаетъ свою помощь.

«Страшный въ брани, мудрый въ мирѣ,
Превзошелъ ты всѣхъ владыкъ.
Ты, не блещущій порфирой,
Ты, душой своей великъ.
Чту я славою и честью
Быть врагомъ твоимъ врагамъ
И губительною местью
Пролетѣть по ихъ полкамъ».

Плѣняетъ Рылѣева, будущаго декабриста, чарующій въ своей простотѣ подвигъ Сусанина. Враги заведены въ глухую чащу лѣса.

«Стоятъ, не шелохнясь, и дубъ, и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза,
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумитъ,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ».

Вѣтви сплетаютъ непроходимую стѣну. Глухо. Мертво. Гнѣвомъ распаляются враги. Подъ ихъ нещадными ударами падаетъ вѣрный Сусанинъ и

«Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила».

А вотъ—благородное имя великана русской поэзіи *Пушкина.*

Петръ Великій—герой Пушкина. «Геній Петра Великаго вырывался за предѣлы своего вѣка», писалъ Пушкинъ въ своихъ «Историческихъ воспоминаніяхъ». Въ «Пирѣ Петра Великаго» Петръ названъ «чудотворцемъ-исполиномъ». Онъ придалъ «мощно бѣгъ державный кормѣ родного корабля». Въ первыхъ строкахъ «Мѣднаго Всадника» нѣтъ даже имени Петра, а говорится просто: Онъ!

«На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ думъ великихъ полнъ».

Чудомъ, геніемъ Петра, «изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ» выростаетъ городъ—«полночныхъ странъ краса и диво».

Петръ—олицетвореніе силы. Онъ «уздой желѣзной Россію поднялъ на дыбы». Онъ—властелинъ судьбы. Обращаясь къ мѣдному всаднику, Пушкинъ восклицаетъ:

«Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!»

Могучъ и радостенъ Петръ на поляхъ Полтавы. Онъ—на конѣ, передъ синими рядами своихъ воинственныхъ дружинъ. Въ грохотѣ словъ, передающихъ огненное впечатлѣніе боя, слышится звонкое, тяжелое скаканье мѣднаго всадника. И тутъ не отдѣлимъ отъ Петра его конь! Это—любимый Пушкинымъ русскій Кентавръ. Петръ—на конѣ, Карлъ XII—на качалкѣ. Петръ мчится передъ полками, Карлъ—двигаетъ на русскихъ свои войска лишь слабымъ мановеніемъ руки...

Занимаютъ Пушкина тяжелые, но славные годы героической борьбы Александра съ Наполеономъ.

Въ «Бородинской годовщинѣ» поэтъ въ нѣсколькихъ громкихъ звучныхъ стихахъ вспоминаетъ грозное нашествіе племенъ, грозившихъ великою бѣдою Россіи.

«Не вся-ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела?..
Но стали-жъ мы пятою твердой
И грудью приняли напоръ,
И равенъ сталъ неравный споръ».

Уваженія полонъ Пушкинъ передъ гробницею Кутузова:

«Спитъ сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ».

Сочувствіе вызываетъ у Пушкина и другой герой двѣнадцатаго года—Барклай. Вдохновленный портретной галлереей Зимняго Дворца, поэтъ вспоминаетъ:

«У русскаго царя въ чертогахъ есть палата,
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ».

Нѣтъ! Въ этой палатѣ художникъ изобразилъ «толпою тѣсною начальниковъ народныхъ силъ»,—«все лица полныя воинственной отваги», покрытыя славою двѣнадцатаго года. Но «въ сей толпѣ суровой одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Суровъ былъ жребій твой!»—восклицаетъ поэтъ, вспоминая какъ лавровый вѣнецъ и глубоко обдуманный замыселъ этотъ полководецъ былъ вынужденъ на полпути уступить другому вождю.

Двѣнадцатый годъ—переломъ въ боевомъ счастьѣ Наполеона. Кличъ русскихъ: «померкни, солнце Аустерлица! пылай священная Москва!» заставилъ Наполеона ухватиться за свой вѣнецъ. Рука Немезиды поднялась надъ нимъ. Но сочувственно звучитъ голосъ Пушкина:

«Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчаную тѣнь!..
Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ!»

Пушкину была понятна древняя Русь, и его поэтическое воплощеніе въ стихахъ лѣтописнаго преданія о смерти Олега извѣстно всякому школьнику.

Наконецъ—трагедія «Борисъ Годуновъ», красочная, яркая, вся испещренная алмазами Пушкинскаго генія!.. Картина смѣняется картиной... Монастырская келія; спокойно, неторопливо пишетъ свое послѣднее сказанье отецъ Пименъ... Царскія палаты въ Кремлѣ; Царь Борисъ въ глубокой думѣ,—минута томленія духа, тяжкое сокрушеніе.

...«Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать,
Но отложилъ пустое попеченье...
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!»

Нѣтъ! безстрастно—твердо должно быть сердце повелителя народовъ.

Царевичъ Ѳедоръ склонился надъ чертежомъ земли русской. Вотъ, наконецъ, любовная встрѣча ночью, у фонтана, Дмитрія и Марины Мнишекъ. Горячо шепчутъ его молодыя уста:

...«Волшебный, сладкій голосъ!
Ты-ль наконецъ? Тебя ли вижу я,
Одну, со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерня гасла!..»

Слышится гордый отвѣтъ Марины:

...«Веди полки скорѣе на Москву,
Очисти Кремль, садись на тронъ московскій,
Тогда за мной шли брачнаго посла.
Но—слышитъ Богъ—пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слушать я!»

Отъ Пушкина—прямой переходъ къ *Лермонтову*.

«Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» живописуетъ бытъ Москвы временъ Грознаго, захватываетъ читателя кровавымъ насильемъ опричнины и ужасомъ кулачныхъ боевъ. «Бояринъ Орша»—того же времени.

Но особенно силенъ Лермонтовъ въ изображеніи борьбы Россіи съ Наполеономъ.

Царственный противникъ Наполеона, императоръ Александръ, поджидаетъ своего врага.

«Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ».

Бородино увѣковѣчено всѣмъ извѣстнымъ стихотвореніемъ.

Титанъ власти и кудесникъ бранныхъ полей, Наполеонъ, этотъ грозный врагъ Россіи, близокъ Лермонтову, титану мысли и кудеснику риѳмъ. Сокрушительной силой и громомъ убѣжденья вѣетъ отъ Лермонтовскихъ строкъ, обращенныхъ къ французамъ:

«И міръ трепещущій взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой онъ васъ одѣвалъ.
Одинъ—онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы—
Въ степяхъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы».

Выпуклый, мѣткій языкъ *князя Вяземскаго* оставилъ намъ рядъ искрометныхъ строфъ. Про значеніе Полтавской битвы онъ пѣлъ:

«Вотъ они—поля Полтавы!..
Здѣсь, воспитанный Петромъ,
Обновилъ орелъ двуглавый
Сокрушительный свой громъ.
Здѣсь былъ смѣлый жребій кинутъ,
Здѣсь рѣшенъ вѣковъ вопросъ
И въ составъ Европы вдвинутъ
Новый сѣверный колоссъ!»

Мастерски сдѣлана Вяземскимъ характеристика Императора Александра I:

«Сфинксъ—не разгаданный до гроба,
О немъ и нынѣ спорятъ вновь,
Въ его любви таилась злоба,
А въ злобѣ слышалась любовь!
Дитя XVIII вѣка,
Его страстей онъ жертвой былъ,
Онъ ненавидѣлъ человѣка
И человѣчество любилъ!»

Лира *графини Ростопчиной* поетъ любовь къ родинѣ и отзывается на событія Отечественной войны. На смерть партизана Давыдова написаны стихи «Однимъ меньше». Горячія строки посвящены Ермолову. Стихотвореніе «Годовщина 19 марта» вспоминаетъ занятіе Парижа:

«Русь дрогнула!.. Возстало ополченье...
Бой закипѣлъ въ поляхъ Бородина...
Горитъ Москва какъ выкупъ за спасенье—
Березиной отмститъ она!

За свой рубежъ французовъ провожая,
Вслѣдъ за собой побѣду Русь вела.
Русь шла впередъ, Европу избавляя,
И за Москву Парижъ взяла!»

Графъ Алексѣй Толстой особенно часто изображаетъ древнюю Русь. Его звучный языкъ образенъ и величавъ. Искусно влагалъ онъ въ стихотворныя строки нарядныя, древнерусскія слова. Отъ его поэзіи дышитъ чарующей простотой, и древняя Русь, храбрая въ ратныхъ подвигахъ, одѣтая въ оксамитъ, украшенная жемчугомъ, дѣлается намъ близкой, милой, родной...

Одинъ изъ любимыхъ героевъ Толстого—Святой князь Владиміръ. Не желаетъ слушать Владиміръ злой пѣсни Турыгина, не вѣритъ, что когда, нибудь пламя обниметъ Кіевъ, а внуки Владиміра будутъ держать золоченое стремя татарскимъ ханамъ. Нѣтъ, шутишь! молвилъ князь:

«За честь нашей родины я не боюсь,
А если бъ надъ нею бѣда и стряслась,—
Потомки бѣду перемогутъ!..»

И велитъ Владиміръ подать большую, добытую въ сѣчѣ чару.

«За русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче,
За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколъ пью Новогорада,
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердце потомковъ живетъ!»

А вотъ милый, наивный обрядъ сватовства. Князь сидитъ, облокотясь на подлокотни; жужжитъ и пляшетъ веретено въ рукахъ княгини; молодыя княжны, потупя взоръ, работаютъ на пяльцахъ, но

...«вовсе имъ не шьется,
хоть иглы изломай!
такъ сильно сердце бьется
въ веселый мѣсяцъ май!»

Вдругъ—два гостя, «въ лохмотьяхъ и тряпьяхъ, съ пеньковой бородою, въ пеньковыхъ волосахъ». На вопросъ Владиміра, кто они, слышится въ отвѣтъ, что они, то, рыбаки, желающіе поймать двухъ златоперыхъ рыбокъ, то—брынскіе стрѣлки, слѣдящіе за двумя куницами, то—старцы-гусляры. Но князь легко догадывается, что это—именитые женихи.

Славенъ Горальдъ. Онъ ищетъ руки Ярославны и въ честь ея совершаетъ бранные подвиги, летая сизымъ орломъ по морю. Покрытый славою, онъ ѣдетъ въ Кіевъ. Гордо звучитъ его рѣчь:

«Я городъ Мессину въ раззоръ раззорилъ,
Разграбилъ поморье Царь-Града,
Ладьи жемчугомъ по края нагрузилъ,
А тканей—и мѣрить не надо.
Ко древнимъ Афинамъ, какъ вѣтеръ, молва
Неслась предъ ладьями моими,
На мраморной лапѣ пирейскаго льва
Мечомъ я насѣкъ свое имя!»

Наконецъ, извѣстнѣйшая трилогія «Борисъ Годуновъ». Про среднюю часть этой трилогіи самъ Толстой говоритъ въ своей автобіографіи: «изъ

всего, что мною написано, это—лучшее, что я сдѣлалъ». Съ такимъ признаніемъ нельзя не согласиться: выбраны самые трепетные года русской исторіи, и поэтъ, проникшись духомъ времени и въ совершенствѣ разгадавъ укладъ минувшей жизни, красочно изобразилъ былую Русь.

Близка перемѣна. Въ зломъ недугѣ Царь Іоаннъ. Въ роковое мгновеніе вопрошаютъ судьбу Царь Иванъ и Годуновъ. Годунову волхвы сулятъ царскій вѣнецъ и онъ говоритъ:

...«Теперь я вижу ясно,
Какая цѣль свѣтила мнѣ всегда!
Теперь впередъ, впередъ идти мнѣ надо...
Насъ не судьба возноситъ надъ толпою,
Она лишь случай въ руки намъ даетъ—
И сильный мужъ не ожидаетъ праздно,
Чтобъ чудо кверху подняло его!»

Проходятъ годы. Борисъ оглядывается на свое царство.

...«Кладя за камнемъ камень,
Съ трудомъ великимъ зданіе я строю,
Тотъ свѣтлый храмъ, ту мощную державу,
Ту новую, разумную ту Русь,
Русь, о которой, мысля непрестанно,
Безсонныя я ночи провожу».

Непосредственно къ Толстому примыкаетъ, по характеру своего творчества, *Мей*.

Знатокъ древнерусской жизни, обладавшій самобытною художественно-народною рѣчью, Мей особенно достоинъ упоминанія за свои двѣ пьесы изъ временъ Грознаго. О «Царской невѣстѣ» историкъ Погодинъ отзывается: «мысль взять два женскихъ лица, противъ которыхъ не смѣетъ сказать ни слова никакая привязчивая историческая критика, достойна полнаго одобренія; оба лица вѣрны и прекрасны—и пылкая, страстная Любаша, и добрая нѣжная Марѳа».

А драма «Псковитянка»! Какъ жизненна и широка картина волнующагося вѣча во Псковѣ! Вдумчиво-величавы рѣчи стараго посадника. Пскову грозитъ опала. Послѣ страшной разрухи Новгорода ждутъ великой бѣды псковичи. Уже примчались гонцы съ вѣстью, что приближается самъ царь Иванъ Васильевичъ. Въ одной покорности видитъ спасенье старый посадникъ.

«Слова—что жемчугъ: если закатятся
Въ какую щелку, лучше половицу
Аль двѣ поднять, чѣмъ потерять добро.
Прослышалъ я—про вашу, про невзгоду.
Знать Богъ велѣлъ... А супротивъ велѣнья

Господняго—никто не возмоги!..
Видалъ я волю красною дивицей,
Видалъ ее безпомощной старухой,
И самъ отнесъ покойницу въ могилу».

Задоромъ дышетъ отвѣтъ молодой вольницы. Она не хочетъ покориться и вѣритъ въ торжество правды.

«Зазубрилися мечи,
Притупились топоры.
Али не зачѣмъ точить
Ни мечей, ни топоровъ,
Али негдѣ намъ сложить
И головушекъ за Псковъ».

Некрасовъ запечатлѣлъ подвигъ женъ декабристовъ—княгинь Волконской и Трубецкой. Оставлена столица, забыта свѣтская жизнь, покинута барская обстановка, и обѣ женщины ѣдутъ въ Сибирь, къ мужьямъ. Дологъ путь. Но любовь укоротитъ путь, умягчитъ страданія. Долго жданная встрѣча настала. «Только теперь,—говоритъ у Некрасова Волконская,—

...«въ рудникѣ роковомъ,
Услышавъ ужасные звуки,
Увидѣвъ оковы на мужѣ моемъ,
Вполнѣ поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!
Невольно предъ нимъ я склонила
Колѣни,—и прежде, чѣмъ мужа обнять,
Оковы къ губамъ приложила!..»

Наши лирики—Апухтинъ, Майковъ, Фетъ, Полонскій, Тютчевъ—не часто посвящаютъ свои стихи историческимъ мотивамъ.

У *Апухтина* имѣется прекрасная характеристика героическаго вѣка Екатерины Великой—«Недостроенный памятникъ». Имъ же описана смерть великолѣпнаго князя Тавриды—Потемкина.

Наибольшее число историческихъ стихотвореній имѣетъ *Майковъ*. Цѣлый отдѣлъ названъ «Отзывами исторіи». Здѣсь—извѣстное стихотвореніе «Кто онъ», гдѣ такъ мѣтко схваченъ обликъ Царя-Работника, Великаго Петра, у котораго «самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ, такъ и тычетъ долото». Здѣсь же кончина въ Городцѣ князя Александра Невскаго. Видѣнія проходятъ передъ умирающимъ княземъ;

«Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Видитъ шатеръ дорогой, златотканный шатеръ...
Тронъ золотой на пурпурный поставленъ коверъ...
Ханъ возсѣдаетъ средь тысячи мурзъ и князей...
Князь Михаилъ передъ ставкой стоитъ у дверей...
Подняты копья надъ княжеской свѣтлой главой...
Молятъ бояре горячей мольбой...
«Не поклонюсь истуканамъ во вѣкъ»—онъ твердитъ...
Мигъ—и поверженъ во прахъ онъ лежитъ...
Топчутъ ногами и копьями колютъ его...

Здѣсь, наконецъ, Іоаннъ Грозный, значеніе котораго для Россіи поэтъ объясняетъ строками:

...«Все то, что строилъ онъ,
Онъ строилъ на вѣка! Гдѣ—взвелъ до половины,
Гдѣ—указалъ пути... и трудъ былъ довершенъ
Ужъ подвигомъ Петра, умомъ Екатерины
И нашимъ вѣкомъ...»

Тютчевъ описываетъ переходъ черезъ Нѣманъ великой арміи Наполеона, несшей нашей родинѣ тяжкія испытанія:

«Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли.

Про тотъ же переходъ черезъ Нѣманъ обмолвился звучными стихами *Полонскій*:

«Чу, бьютъ барабаны!.. Склоняютъ знамена;
Какъ громъ, далеко раздается—vivat!
За кѣмъ на коняхъ короли-адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?»

Фетъ—чуткій пѣвецъ сердечныхъ переживаній; его пѣсни отражаютъ природу; онъ жаждетъ отразить мерцаніе правды. Но мощь русскихъ героевъ чувствуется имъ и, посѣтивъ братское кладбище въ Севастополѣ, онъ восклицаетъ:

«Счастливцы! высшею пылали вы любовью;
Тутъ, что ни мавзолей, ни надпись—все боецъ.
И рядомъ улеглись, своей залиты кровью,
И дѣдъ со внукомъ, и отецъ.

Изъ каменныхъ гробовъ ихъ голосъ вѣчно слышенъ,
Имъ внуковъ поучать навѣки суждено.
Ихъ слава такъ чиста, ихъ жребій такъ возвышенъ,
Что имъ завидовать грѣшно!»

Наконецъ, цѣлый томъ стихотвореній посвященъ *Навроцкимъ* «Сказаніямъ минувшаго». Звучными стихами изображаетъ Навроцкій выдающіяся событія и личности «великаго русскаго племени», начиная съ Владиміра святого и кончая Царемъ-Миротворцемъ.

Тутъ роковая судьба Козельска; жители—отважны: «ребенокъ и тотъ ужъ отваженъ и смѣлъ, когда онъ въ Козельскѣ родится». Городъ сопротивлялся отчаянно, изъ мужчинъ—«кто тяжко былъ раненъ,—себя добивалъ, свой мечъ себѣ въ сердце вонзая», а женщины и дѣти на глазахъ татаръ «живыми во храмѣ сгорѣли».

Переданы темныя годины грозныхъ казней, очерченъ обликъ властной царевны Софіи, представлена знаменательная борьба Артемія Волынскаго съ Бирономъ.

Не пропускаетъ Навроцкій даже мелкихъ эпизодовъ. Его увлекаетъ исторія княжны Таракановой. Въ ея уста, послѣ встрѣчи съ Орловымъ, поэтъ вкладываетъ красивыя строфы:

«Чудный день! Разноцвѣтнымъ нарядомъ
Разукрашены всѣ корабли.
Мы плывемъ; ты сидишь со мной рядомъ;
Исчезаетъ Ливорно вдали.
Какъ почтительно радостны лица,
Какъ горитъ твой властительной взоръ,
Какъ любовно ласкается море,
Окаймленное высями горъ!..»

Задушевно поетъ Навроцкій о Царѣ-Освободителѣ.

«Страдалецъ! Свѣтло началось твое царство,
Какъ яснаго солнца восходъ,
Исчезло душѣ ненавистное рабство,
Свободенъ сталъ русскій народъ.
Проснулись вѣками стоявшія воды
Отъ новой могучей волны,
И свѣтлые полные радости годы
Настали для нашей страны.
Открылись глубоко сокрытыя вѣжды,
Забилась изсохшая грудь,
И образъ прекрасной и свѣтлой надежды
Сіялъ, озаряя нашъ путь!»

Передъ нами прошелъ рядъ поэтовъ. Каждый изъ нихъ черпалъ временами свое вдохновеніе въ исторіи и, проникаясь былыми судьбами родины, оправлялъ ожерельемъ вдохновенныхъ строкъ ту или иную страницу минувшаго.

Свитокъ русской исторіи длиненъ и узорчатъ. Рисунокъ на немъ сложенъ и замысловатъ. И вотъ эта пестрота, эта красочность русской исторіи невольно увлекали русскихъ поэтовъ...

Т. Соколовская.

Александръ Невскій.

(Къ 650-лѣтію со дня его кончины).

14-го ноября 1263 г., въ небольшомъ Городцѣ, скончался, возвращаясь изъ орды во Владиміръ, св. Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій. Это былъ скорбный день: закатилось солнце земли русской!..

Александръ Невскій жилъ въ одну изъ самыхъ тяжкихъ годинъ русской исторіи. Съ востока шла сильная завоевательная волна татарскихъ племенъ, раззорившихъ и обезлюдившихъ русскую землю и предавшихъ пламени даже Кіевъ, мать городовъ русскихъ. Началось тяжкое татарское иго. Съ запада тѣснило Русь нѣмецкое племя подъ знаменемъ воинственнаго католицизма. Тиски, въ которые была заключена Русь, грозили сблизиться и сокрушить ее.

Но великъ Богъ земли русской!.. Появился Александръ, сіявшій «красотою лица, величествомъ тѣла, премудростью разума, благочестіемъ житія».

Государственный умъ Великаго Князя правильно оцѣнилъ создавшуюся обстановку. Политикою покорности, смиреніемъ побѣжденнаго, поѣздками черезъ долгія степи въ далекую орду, онъ добился того, чтобы отвести и утишить ханскій гнѣвъ. Наоборотъ, вооруженною рукою отвѣтилъ онъ на напоръ нѣмецкихъ племенъ, дѣйствуя здѣсь смѣло, властно, рѣшительно.

Первымъ западно-еврейскимъ врагомъ, разбить котораго было суждено Александру, были шведы. Во главѣ со своимъ предводителемъ Биргеромъ они вошли черезъ Неву въ устья Ижоры и вышли на берегъ, дабы затѣмъ, овладѣвъ Ладогою, устремиться на Новгородъ. Гордо писалъ Биргеръ Александру: «если можешь, сопротивляйся; знай, что я здѣсь и плѣню твою землю». Однако, Александръ рѣшилъ предупредить шведовъ у Ладоги и 15-го іюля 1240 г., «какъ Божья гроза», налетѣлъ на шведскій станъ. Разразилась Невская битва. Шведы разбиты. Самъ шведскій вождь Биргеръ получаетъ отъ Александра печать копьемъ въ лицо...

Поэтическое народное преданіе связываетъ Невскую побѣду съ видѣніемъ Бориса и Глѣба Пельгусію, стоявшему на стражѣ у устья Невы. При восходѣ солнца Пельгусій услышалъ сильный шумъ на морѣ и увидѣлъ плывшую ладью, въ которой стояли въ багряныхъ одеждахъ Борисъ и

Глѣбъ, положа руки другъ другу на плечи; по краямъ ладьи сидѣли гребцы и работали веслами. Все видѣніе было покрыто мглою, и Пельгусій не могъ различить лика святыхъ, но разслышалъ ихъ голосъ. «Братъ Глѣбъ, говоритъ Борисъ, вели грести, да поможемъ мы сроднику своему, великому князю Александу Ярославичу!»

Черезъ два года, 5-го апрѣля 1242 г., на восходѣ солнца, Александръ нападаетъ на нѣмцевъ. Нѣмецкое полчище, сверкая копьями, шлемами и панцырями, стояло на льду Чудскаго озера; здѣсь произошло Ледовое побоище. «Боже, суди мой споръ съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ», воскликнулъ Александръ. Нѣмцы построили клинъ или свинью и прорвали нашъ строй своими передовыми частями. Но русскіе отвѣтили пяткомъ или клещами, впустили рыцарей къ себѣ внутрь и окружили ихъ съ тыла. Нѣмцы были разбиты.

Черезъ три года, въ 1245 г., Александръ устремился на литовцевъ, изгналъ ихъ изъ Торопца и нанесъ имъ еще рядъ пораженій.

Западъ присмирѣлъ... По словамъ историка Костомарова, «сами папы, вмѣсто грозныхъ буллъ, возбуждавшихъ крестовые походы на русскихъ наравнѣ съ язычниками, избрали другой путь для подчиненія себѣ Руси—путь переговоровъ, столь же безплодный, какъ и воинственныя буллы».

Исключительная дѣятельность Александра Невскаго нашла себѣ лестную оцѣнку и въ другомъ историкѣ—Соловьевѣ, который считаетъ Александра Невскаго, по прозорливости, выше Владиміра Мономаха и Дмитрія Донского.

Высоко ставитъ подвигъ государственнаго служенія Александра Невскаго Петръ I. Великій Преобразователь, послѣ долгой борьбы, выходитъ побѣдителемъ надъ шведами, съ которыми боролся и Александръ Невскій. 30-го августа 1724 г., въ день трехлѣтія Ништадтскаго мира, онъ торжественно перевозитъ мощи св. Великаго Князя. Рулемъ галеры управляетъ мощная рука самого Петра. На веслахъ сидятъ сановники. Святымъ покровителемъ Петербурга сталъ Святой Александръ Невскій, а день перевезенія его мощей сдѣлался церковнымъ праздникомъ и на нашей памяти обратился въ день неприсутственный. Въ честь Александра Невскаго Петръ учредилъ особый орденъ и въ его же честь 198 пѣхотный полкъ называется Александро-Невскимъ.

Да будетъ же для насъ вѣчно-чтимою память о Св. Благовѣрномъ Великомъ Князѣ Александрѣ Невскомъ, котораго государственная дѣятельность признана нашими историками выдающеюся и который на боевомъ поприщѣ, защищая святую вѣру и родную землю, проявилъ яркія дарованія истиннаго вождя. Не забудемъ тотъ завидный отзывъ, который далъ о немъ лѣтописецъ: «сій великій князь Александръ Ярославичъ бѣ побѣждая вездѣ, а не побѣдимъ ни кѣмъ же».

М. Соколовскій.

О необходимости сооруженія памятника Св. Благовѣрному Великому Князю Александру Невскому.

Государи мои... но не милостивые, какъ укоренилось обыкновенно къ вамъ взывать. Нѣтъ, я не для того взошелъ на эту каѳедру, чтобы просить у васъ милости; наоборотъ, я прошу самой жесточайшей критики, ибо она разъясняетъ дѣло и ведетъ къ истинѣ.

13 ноября, въ канунъ воспоминанія 650-лѣтія дня кончины Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Ярославовича Невскаго, я рѣшился обратиться къ вамъ со своимъ словомъ, указавъ, что Церковь почтила Его уже давно, причисливъ къ лику Святыхъ за Его праведную жизнь. Но что сдѣлали мы, петербуржцы, жители Невы, для памяти Его, для возвеличенія Его, какъ полководца, воина, русскаго витязя, доблести котораго, можетъ быть, мы обязаны, что живемъ здѣсь, на берегахъ Невы. Не забудемъ, что Онъ патронъ Петербурга, что мощи Его волею Петра Великаго перенесены сюда и Онъ такимъ образомъ невольно здѣсь присутствуетъ. Признаемся, что мы забыли о Немъ и что нынѣ данъ толчокъ, вспомнивъ о Немъ, достойно Его и почтить. Народъ, который умѣетъ чтить великія дѣла своихъ предковъ, можетъ разсчитывать на свое великое будущее.

30 мая (тоже великій день въ исторіи Россіи и С.-Петербурга) 1919 г. въ годовщину 700-лѣтія рожденія Св. Александра Невскаго, если мое предложеніе найдетъ сочувствіе и откликъ, воздвигнемъ ему здѣсь, въ С.-Петербургѣ, памятникъ. На это надо получить соизволеніе Государя Императора и открыть подписку. Что же касается до мѣста постановки памятника, то въ прошлый разъ я уже встрѣтился съ возраженіями и сдѣланное мною указаніе на площадь передъ Александро-Невской лаврой, какъ на наиболѣе подходящее, взято лишь для примѣра, а окончательное разрѣшеніе этого вопроса зависитъ всецѣло тоже отъ воли Государя Императора. Мнѣ хочется высказать нѣсколько соображеній относительно возможности постановки памятниковъ лицамъ канонизованнымъ Церковью, тоже встрѣчающее возраженія. Несомнѣнно изображать Святого въ схимѣ, съ нимбомъ вокругъ головы—нельзя. Это допускаетъ лишь римско-католическая церковь, и въ храмахъ у католиковъ скульптурныя изображенія святыхъ—

явленіе обычное. Но ставить памятникъ, не для поклоненія, хотя бы и святому, вполнѣ возможно. Святой не въ каждый моментъ своей жизни былъ святъ, онъ былъ человѣкъ, онъ могъ совершить великія человѣческія дѣла, но не святыя, онъ прожилъ, какъ и всѣ мы, и затѣмъ уже за проявленіе святости былъ кононизованъ. При каждомъ погребеніи мы слышимъ: «нѣсть бо человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ, единъ Богъ, кромѣ грѣха».

Примѣромъ можетъ служить памятникъ Великому Князю Владиміру не Святому и равноапостольному, а Красному Солнышку [1]).

Теперь, какъ же изобразить на памятникѣ Александра Невскаго? Конечно, не въ той великокняжеской порфирѣ, подбитой горностаемъ, и такой же шапкѣ, въ которыя захотѣлось нарядить его Петру Великому. Ломая все русское и передѣлывая на свой образецъ, Петръ не стѣснился дать ему и княжеское западно-европейское одѣяніе, каковое укоренилось у насъ и въ иконописномъ его современномъ изображеніи. Этотъ вопросъ былъ прекрасно выясненъ профессоромъ И. А. Шляпкинымъ въ его докладѣ на торжественномъ собраніи 24 ноября въ Александро-Невской лаврѣ. Нѣтъ, дайте ему русское великокняжеское одѣяніе и шапку, взявъ за образецъ фресковое изображеніе 1199 г. Ярослава Владиміровича изъ церкви Спаса-Нередицы близъ Новгорода Великаго.

Затѣмъ, какъ воина, его надо изобразить на конѣ. Древне-русскій воинъ и конь связаны неразрывно, ихъ соединяли даже въ языческія времена въ могилѣ. Еще въ XVII вѣкѣ иконографически Св. Александръ Невскій изображался съ кудрями на головѣ, сидящимъ на конѣ и ѣдущимъ вправо, «аки Св. Георгій побѣдоносецъ».

Но все-таки надо ли непремѣнно изображать воина на конѣ, я не берусь рѣшать. Вѣдь и Св. Георгій Побѣдоносецъ на иконѣ IX вѣка изъ Георгіевскаго монастыря, нынѣ находящейся въ соборѣ г. Маріуполя, изображенъ пѣшимъ и такое же изображеніе его имѣется и въ Юрьевомъ монастырѣ близъ Новгорода...

Я сказалъ, а теперь слово за вами...

Л. Целепи.

---

[1]) Точно также сооруженъ памятникъ Св. Великой Княгинѣ Ольгѣ. *Ред.*

Древлехранилища Кіево-Печерской лавры въ связи съ вопросомъ объ устройствѣ архивовъ.

Въ августѣ этого года, когда я былъ въ Кіевѣ, мнѣ удалось болѣе или менѣе подробно ознакомиться съ исторіей устройства и современнымъ состояніемъ древлехранилищъ Кіево-Печерской лавры, лаврской библіотекой и архивомъ. Долгомъ считаю заявить, что насколько сравнительно хорошо устроено книгохранилище лавры, настолько же недостаточно хорошо, чтобы не сказать даже плохо, устроенъ архивъ.

Такое рѣзкое различіе въ устройствѣ обоихъ древлехранилищъ заставляетъ обратить вниманіе и, мнѣ думается, что не только для членовъ Общества Ревнителей Исторіи, но и для каждаго, кому дорого родное прошлое нашего отечества, должно быть не безразлично знать, какъ содержится документальное имущество нашего архива, который является хранилищемъ первоисточниковъ родной имъ науки—русской исторіи.

По вѣрному слову бывшаго непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ Веселовскаго, сказанному въ публичномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря 1884 года: «Архивы хранятъ основные источники, на которыхъ только и можетъ созидаться правдивая исторія русскаго народа и русскаго права»... «Все новое и выдающееся, что только появлялось въ нашей исторической литературѣ за послѣдніе годы, было плодомъ архивныхъ разысканій»... «Новое слово могутъ дать только архивныя сокровища, накопленныя у насъ вѣками, но тронутыя изслѣдователями въ слабой степени» [1]).

Въ виду этого, прежде чѣмъ приступить къ описанію исторіи устройства и современнаго состоянія лаврской библіотеки и архива, считаю долгомъ немного остановиться на вопросѣ вообще устройства нашихъ архивовъ. Дѣло въ томъ, что среди вопросовъ современной археологіи, по той живой связи, какая существуетъ между наукой, исторіей и археологіей, и по той громадной пользѣ, какую приносятъ русской исторической наукѣ наши архивы, едва ли не самымъ главнымъ вопросомъ въ археологіи

[1]) Вѣстникъ Арх. и Исторіи, изд. Арх. Инст. за 1886 г., вып. VI, стр. 74 (изъ 1-й кн. «Архивное Дѣло въ Россіи» Д. Я. Самоквасовъ, стр. 9).

является вопросъ устройства нашихъ архивовъ. Вопросъ этотъ въ археологіи является весьма важнымъ, такъ какъ судьба нашихъ архивовъ далеко не вездѣ одинакова и часто находится въ зависимости отъ отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ учрежденій. На архивы и на вопросъ ихъ устройства у насъ часто смотрятъ исключительно съ утилитарной точки зрѣнія, а именно интересъ къ архиву и его устройству проявляется постолько, посколько онъ можетъ дать богатый матеріалъ для разработки того или другого интересующаго насъ научнаго вопроса. Мы видимъ, что нѣкоторые архивы у насъ сравнительно хорошо устроены, другіе уже менѣе устроены, и, наконецъ, большинство архивовъ въ провинціи совершенно не устроены. Если мы теперь сравнимъ устройство архивовъ съ устройствомъ другихъ древлехранилищъ (библіотекъ и музеевъ), то едва ли будетъ ошибочнымъ сказать, что въ нашихъ отдаленныхъ провинціальныхъ городахъ, благодаря, можетъ быть, особому взгляду на архивъ и архивную службу, тому взгляду, по которому на лицъ, служащихъ въ архивѣ, смотрятъ, какъ на людей, которыхъ какъ бы сдаютъ въ архивъ [1]), конечно, меньше всего обращено вниманія на устройство архивовъ, и эти почтенныя хранилища старыхъ дѣлъ и документовъ за немногими, можетъ быть, исключеніями, являются тамъ и наименѣе устроенными, и наименѣе обезпеченными древлехранилищами. Забота объ устройствѣ нашихъ архивовъ въ большинствѣ случаевъ меньше, чѣмъ забота объ устройствѣ другихъ древлехранилищъ въ провинціи и даже такія почтенныя учрежденія, какими являются въ провинціи наши губернскія ученыя архивныя комиссіи, и тѣ уклонились въ сторону отъ своего прямого пути и того назначенія, которое имѣлось въ виду Калачевской комиссіей 1873 года, при учрежденіи сихъ комиссій, и эти послѣднія занялись: устройствомъ библіотекъ, музеевъ, раскопкой кургановъ, и, наконецъ, изданіемъ поэзіи народнаго творчества и т. д., словомъ, всѣмъ тѣмъ, что не имѣетъ прямого отношенія къ вопросу устройства архива, который, казалось бы, долженъ составлять главный предметъ ихъ заботы [2]). Для архивовъ у насъ обыкновенно и недостаетъ помѣщеніи, и не хватаетъ средствъ на содержаніе, а самое завѣдываніе архивомъ поручается лицамъ не только безъ высшаго образованія, но нерѣдко съ образованіемъ ниже средняго, не говоря уже объ отсутствіи спеціальной подготовки къ архивной службѣ, которую такъ высоко ставитъ законодательство запада и регаментируетъ ее словами «великая государственная служба», при

[1]) Въ настоящее время этотъ взглядъ уже оставленъ и относится къ области преданія. *Ред.*

[2]) Почтенной дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій былъ отведенъ въ Обществѣ Ревнителей Исторіи особый докладъ А. Ѳ. Селиванова. Обществомъ Ревнителей Исторіи высоко цѣнится плодотворная работа архивныхъ комиссій, изъ которыхъ многіе создали великолѣпные провинціальные музеи и издали цѣлый рядъ историческихъ матеріаловъ. Для провинціи, гдѣ въ большинствѣ случаевъ слабо развита любовь къ старинѣ, архивныя комиссіи сослужили огромную, культурную службу, которая даже трудно поддается учету въ настоящее время. *Ред.*

чемъ отъ архивиста требуется не только высшее образованіе и спеціально архивная ученость, но еще и безукоризненная честность и преданность интересамъ своего государства [1]). Можно съ увѣренностью сказать, что ни въ одной культурной странѣ, гдѣ имѣются архивы, не обращено такъ сравнительно мало вниманія на ихъ устройство, какъ у насъ, и, въ этомъ отношеніи, своимъ болѣе жалкимъ видомъ и примитивнымъ устройствомъ особенно отличаются наши монастырскіе архивы въ отдаленныхъ провинціальныхъ городахъ. Когда, напримѣръ, древлехранилища принадлежатъ монастырю, то въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что для библіотеки отводится сухое, хорошо устроенное помѣщеніе, а для архива, если несовершенный подвалъ, то непремѣнно такое сырое и холодное помѣщеніе, которое можетъ походить скорѣе на какое-нибудь складочное мѣсто, но уже никакъ не на помѣщеніе для архива. Надо думать, что монастырская администрація не можетъ одинаково заботливо относиться ко всѣмъ предметамъ, съ которыми она не имѣетъ или мало имѣетъ надобности близко соприкасаться. Духовный Соборъ, въ вѣдѣніи котораго обыкновенно находится монастырскій архивъ, имѣя передъ собой разнообразныя, а подчасъ и даже нерѣдко очень сложныя задачи общаго монастырскаго характера вполнѣ естественно и, можетъ быть, даже и справедливо, не обращаетъ большаго вниманія на вопросы, непосредственно несвязанные съ его хозяйственною дѣятельностью. Въ результатѣ получается тотъ печальный фактъ, что, несмотря, можетъ быть, на всѣ старанія и энергію лицъ, которымъ поручается непосредственное завѣдываніе монастырскимъ архивомъ, лицъ хотя и безъ спеціальной подготовки, но все же стремящихся внести извѣстный порядокъ въ архивъ, они ничего не могутъ сдѣлать; съ другой же стороны, какъ это видно изъ бумагъ архивнаго дѣлопроизводства, нѣкоторыя попытки къ упорядоченію архива и со стороны Духовнаго Собора остаются безрезультатными вслѣдствіе того, что архиваріусы не только совершенно не подготовлены къ архивной службѣ, но и вообще являются малосвѣдущими людьми въ столь важномъ дѣлѣ, какъ завѣдываніе архивомъ. Эти лица большею частью изъ малообразованныхъ монаховъ, часто даже не окончившихъ духовное училище, а то и просто съ образованіемъ 4-хкласснаго городского училища. Вполнѣ понятно поэтому, что положеніе дѣла устройства монастырскаго архива будетъ оставаться на очень низкой ступени своего развитія и всякія отдѣльныя попытки къ упорядоченію устройства архива, при отсутствіи обязательнаго для всѣхъ общаго архивнаго законодательства и контроля, будутъ оставаться безрезультатными, или же въ лучшемъ случаѣ архивъ будетъ имѣть самое примитивное устройство. Живымъ примѣромъ вышеизложеннаго можетъ послужить архивъ одного изъ старѣйшихъ въ нашемъ отечествѣ монастырей, того монастыря, изъ котораго возсіялъ первый лучъ просвѣщенія на нашу рус-

[1]) Самоквасовъ, «Архивное дѣло въ Россіи», кн. II, стр. 88.

скую землю и гдѣ первые шаги духовнаго развитія русскаго народа, его дѣтства и отрочества прошли подъ исключительнымъ вліяніемъ первыхъ его насельниковъ. Я говорю о монастырѣ Кіево-Печерской Успенской лавры. Изъ общаго архивнаго дѣла по лаврскому архиву подъ рубрикой: «Бумаги разнаго содержанія, касающіяся архиваріуса Кіево-Печерской лавры съ 28-го іюля 1888 года по 19... г. на 79 листахъ» мы знакомимся съ исторіей устройства и организаціи лаврскаго архива. Какъ видно изъ приведеннаго, это дѣло началось только съ 1888 года, а слѣдовательно, какой порядокъ веденія дѣлъ въ архивѣ былъ ранѣе и какое устройство было до этого времени (1888 года)—неизвѣстно. Для сравненія я позволю себѣ коснуться описанія устройства библіотеки прежде чѣмъ описать устройство лаврскаго архива. Лаврская библіотека расположена во второмъ ярусѣ Великой Соборной лаврской колокольни и перенесена сюда съ хоровъ Великой Соборной церкви въ 1897 году. Исторія ея слѣдующая. Большой пожаръ въ 1718 году, истребившій большую часть лаврскаго имущества, не пощадилъ также и библіотеку, это богатѣйшее въ свое время лаврское книгохранилище. Настоятель Кіево-Печерской лавры архимандритъ Іоаникій, возстановившій послѣ пожара лаврскую типографію, положилъ начало и лаврской библіотекѣ. Изъ филіальныхъ библіотекъ, принадлежащихъ собственно лаврѣ, были переданы сюда книги и рукописи, которыя составляли: библіотеки Николаевскаго больничнаго монастыря, церквей ближнихъ и дальнихъ пещеръ и пустынь Китаевской и Голосѣевской; также были переданы книги изъ вотчинныхъ упраздненныхъ церквей. Впослѣдствіи эта библіотека пополнялась книгами отъ настоятеля лавры, архимандритовъ, митрополитовъ, намѣстниковъ и нѣкоторыхъ изъ монашествующей братіи лавры, пожертвованіями разныхъ частныхъ лицъ и, наконецъ, непосредственнымъ пріобрѣтеніемъ самой лавры. Книги лаврской библіотеки, которыхъ въ настоящее время насчитывается около 8 тысячъ, были въ разное время вписаны въ 5 каталогахъ. Такое подраздѣленіе библіотечныхъ книгъ было, конечно, не вполнѣ удобнымъ для справокъ и крайне затрудняло пользованіе книгами лаврской библіотеки, особенно при отсутствіи строгой системы въ распредѣленіи книжнаго имущества. Въ виду этого являлось необходимымъ издать печатный каталогъ лаврской библіотеки, и Духовный Соборъ въ этомъ случаѣ не замедлилъ сдѣлать соотвѣтствующее свое распоряженіе о составленіи настоящаго печатнаго каталога библіотеки, который и былъ составленъ систематически по плану академическихъ каталоговъ и преимущественно каталога библіотеки Кіевской духовной академіи. Книги каждаго отдѣла каталога расположены по латинскому алфавиту—по автору книги, или, если онъ неизвѣстенъ, то по ея названію. Мѣсто каждой книги библіотеки точно отмѣчено въ каталогѣ; слѣва римская цифра означаетъ № шкафа, а справа, въ видѣ дроби, цифра числителя означаетъ № книги, а цифра знаменателя—на какой полкѣ она положена. Самое помѣщеніе лаврской библіотеки составляетъ довольно просторную

комнату, имѣющую видъ ротонды. Помѣщеніе это довольно сухое, хотя и не отапливается, имѣетъ массу свѣта отъ оконъ, расположенныхъ въ два ряда по шести оконъ въ каждомъ ряду. Вечеромъ библіотека освѣщается электричествомъ.

Въ библіотекѣ размѣщены прекрасно устроенные шкафы, имѣющіе вполнѣ опрятный видъ. Большинство книгъ лаврской библіотеки принадлежитъ къ книгамъ церковно-богослужебнаго характера и написаны преимущественно на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Нѣкоторые изъ нихъ безъ заглавнаго листа. Многія книги лаврской библіотеки, судя по афтографическимъ надписямъ, надо думать, поступали отъ кіевскихъ ученыхъ того времени. Въ библіотекѣ имѣется болѣе 400 №№ рукописей, нѣкоторыя изъ нихъ написаны уже послѣ пожара 1718 года. Таково въ общихъ чертахъ устройство лаврской библіотеки.

Но кромѣ библіотеки, принадлежащей лаврѣ, тамъ имѣется еще другая болѣе прекрасно устроенная частная библіотека, принадлежащая кіевскому митрополиту Флавіану. Библіотека эта имѣетъ отдѣльное каменное двухъэтажное зданіе, построенное на собственный счетъ владыкой. Во второмъ этажѣ этого зданія помѣщается библіотека, а въ нижнемъ этажѣ читальня для монашествующей братіи, пользующейся библіотечными книгами владыки. Библіотека состоитъ изъ трехъ большихъ, очень свѣтлыхъ комнатъ, вполнѣ удобныхъ для занятій въ самой библіотекѣ; читальню же составляетъ одна просторная свѣтлая комната, въ которой имѣется одинъ большой длинный столъ для занятій. Число №№ всѣхъ книгъ владыки болѣе 10 тысячъ, такъ что количество ихъ превышаетъ болѣе чѣмъ на 2 тысячи книгъ количество всѣхъ книгъ лаврской библіотеки.

Если теперь мы перейдемъ къ описанію устройства лаврскаго архива, то увидимъ совершенно другую картину.

Самый нижній ярусъ Великой Соборной лаврской колокольни, въ которой помѣщенъ лаврскій архивъ, какъ архивное помѣщеніе, является совершенно невозможнымъ. Помѣщеніе это страшно холодное, сырое, почти совершенно темное, безъ оконъ. Такое помѣщеніе, въ которомъ въ настоящее время находится лаврскій архивъ, не удовлетворяетъ даже самымъ элементарнымъ требованіямъ архивныхъ помѣщеній. Работать въ подобнаго рода устроенномъ архивѣ, конечно, не только весьма затруднительно, но даже едва ли представляется возможнымъ вслѣдствіе не только упомянутыхъ выше условій, но еще и крайней тѣсноты помѣщенія. Дѣло въ томъ, что нижній ярусъ, въ которомъ помѣщенъ архивъ, составляютъ три очень небольшія камеры, расположенныя съ разныхъ сторонъ нижняго этажа Соборной колокольни. Одна изъ этихъ камеръ помѣщается съ южной стороны нижняго яруса колокольни, а двѣ другія съ сѣверной стороны, при чемъ эти двѣ камеры составлены изъ одного очень небольшого помѣщенія, и соединены между собою внутренней деревянной лѣстницей. До того времени, когда архивъ былъ перенесенъ въ Великую лаврскую

Соборную колокольню, онъ помѣщался въ сравнительно сухомъ зданіи каменнаго корпуса между жилыми кельями монаховъ, такъ называемомъ братскомъ корпусѣ. Это зданіе братскаго корпуса, какъ видно изъ бумагъ бывшаго архиваріуса іеромонаха Сергія, было, по его словамъ, «нарочито устроено для архива», и хотя это помѣщеніе было тоже «небезопаснымъ для архива отъ несчастныхъ случаевъ», какъ о томъ доносилъ Духовному Собору покойный іеромонахъ Сергій въ одномъ изъ своихъ рапортовъ, тѣмъ не менѣе, однако, настоящее помѣщеніе является во всѣхъ отношеніяхъ значительно хуже предыдущаго упомянутаго выше корпуса, который обращенъ для жилья монашествующей братіи. Съ того времени, какъ перенесенъ былъ архивъ въ нижній ярусъ Соборной колокольни, примѣрно около 15 лѣтъ тому назадъ, и до настоящаго времени устройство помѣщенія лаврскаго архива считалось законченнымъ и положеніе архивнаго дѣла въ лаврѣ оставалось безъ перемѣны. Какое количество дѣлъ распредѣлено по камерамъ, точно сказать трудно, но какъ видно, дѣла распредѣлены болѣе или менѣе пропорціонально размѣрамъ каменныхъ помѣщеній; что же касается до того, насколько это распредѣленіе сдѣлано строго систематично и правильно, судить уже не приходится. Около 3.000 дѣлъ переплетено въ книги, а остальныя дѣла, количествомъ около 17.000, находятся въ формѣ связокъ; нѣкоторыя изъ нихъ уложены въ деревянные открытые ящики, нѣкоторыя въ бумажныхъ папочныхъ оберткахъ, немного дѣлъ имѣется въ конвертахъ. Дѣла размѣщены на полкахъ, устроенныхъ изъ простыхъ деревянныхъ досокъ. На нѣкоторыхъ связкахъ имѣются ярлыки, указывающіе годъ, къ которому относятся данныя дѣла. Большинство дѣлъ побурѣли отъ пыли и грязи, довольно жалки по внѣшнему виду и, какъ видно, частью попортились, отсырѣли; нѣкоторыя бумаги почти невозможно прочесть. Небезынтереснымъ представляется рапортъ бывшаго архиваріуса іеромонаха Сергія, въ которомъ онъ почтительнѣйше проситъ Духовный Соборъ сдѣлать распоряженіе объ устройствѣ вышеупомянутыхъ ящиковъ для храненія дѣлъ. Рапортъ этотъ относится къ 1899 году. Вотъ что доносилъ іеромонахъ Сергій Духовному Собору:

«Дѣла въ архивѣ размѣщены въ связкахъ весьма хорошо, но какъ не имѣютъ переплетенной аккуратности, то выражаютъ собой безобразный характеръ, какъ-то: виднѣются изъ-подъ дѣлъ клочки бумагъ, сшивныя нитки и связанныя шворки, а какъ связки будучи открыты, принимаютъ въ себя много пыли, между тѣмъ въ настоящее время лаврскій архивъ посѣщаютъ многія лица изъ ученаго міра и обращаютъ вниманіе на нашу небрежность къ архиву, поэтому для устраненія неприличныхъ дѣлъ нарочито слѣдовало бы, по моему мнѣнію, вложить всѣ дѣла въ коробки, какія Духовный Соборъ признаетъ болѣе удобными. Вслѣдствіе сего почтительнѣйше прошу Духовный Соборъ лавры сдѣлать распоряженіе объ устройствѣ упомянутыхъ коробокъ по прилагаемой при семъ формѣ, числомъ 550 шт., деревянныя или картонныя; деревянныя коробки обойдутся дешевле,

чѣмъ картонныя». (Слѣдуетъ подпись архиваріуса, № 13—1899 года, марта 19-го дня).

Такимъ образомъ, изъ этого рапорта мы видимъ, что даже самъ архиваріусъ признается въ томъ, что къ архиву относятся небрежно и только въ виду посѣщенія архива посторонними лицами «изъ ученаго міра» является необходимымъ обратиться къ монастырской администраціи съ просьбой обратить вниманіе на упорядоченіе дѣлъ въ архивѣ.

По словамъ того же архиваріуса покойнаго іеромонаха Сергія, на котораго было возложено преобразованіе архива, этотъ архивъ до вступленія Сергія былъ въ такомъ видѣ, что всѣ его дѣла, какъ доносилъ тотъ же іеромонахъ Сергій въ одномъ изъ своихъ рапортовъ Духовному Собору, находились до того времени «въ какомъ-то хаосѣ».

Насколько толково и порядочно составлялись описи дѣлъ лаврскаго архива, можно до нѣкоторой степени судить изъ слѣдующаго предписанія Духовнаго Собора архиваріусу іеромонаху Сергію отъ 12-го іюня 1895 г. за № 7945. Въ немъ говорится:

«Въ устраненіе повторяющихся случаевъ замедленія отысканія требуемыхъ дѣлъ, хранящихся въ лаврскомъ архивѣ, вслѣдствіе неправильно составленныхъ описей симъ дѣламъ, а также совершеннаго отсутствія относящагося къ нимъ алфавита, предписывается вамъ тщательно пересмотрѣть всѣ находящіяся въ архивѣ дѣла, составить таковымъ обстоятельную опись, равно, какъ и необходимый къ нимъ алфавитъ, для чего вы освобождаетесь на время этой работы, въ виду скорѣйшаго окончанія оной, отъ очереднаго священнослуженія съ назначеніемъ въ помощь вамъ для письменныхъ занятій послушника Федора Шентекина».

И въ настоящее время описаніе всѣхъ дѣлъ лаврскаго архива, а равно и алфавитъ къ описи дѣлъ еще не окончены. Чтобы судить о томъ, какимъ образомъ ведется въ настоящее время описаніе дѣлъ по ихъ содержанію, позвольте привести нѣкоторыя изъ нихъ. Въ лаврскомъ архивѣ имѣются, напримѣръ, такого рода дѣла:

1) Дѣло началось съ 1746 года. «Съ Бѣлорусскимъ Преосвященнымъ Іеронимомъ о крѣпостяхъ на вотчины ему принадлежащія и объ увѣдомленіи преосвященнаго Георгія Бѣлорусскаго о крѣпостяхъ на вотчины ему принадлежащія и о розыскѣ въ лаврскомъ архивѣ съ 1510 г. до 1595 г. документовъ въ доказательство того, что въ тѣхъ годахъ митрополиты Кіевскіе со своими епископами не были уніатами».

2) «Челобитная архимандрита лавры съ соборными старцами Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ на Кіевскаго генералъ-губернаторѣ Михаила Ивановича Леонтьева о причиненныхъ имъ Святой обители обидахъ».

3) «О выдачѣ жалованія изъ иностранной комиссіи посылаемымъ ко Двору Его Императорскаго Величества съ поздравленіемъ и описаніе церемоній, бывшихъ во время браковѣнчаній Ихъ Императорскихъ Высочествъ Петра Федоровича и Екатерины Алексѣевны, дѣло на 50 страницахъ».

4) «О высылкѣ въ Кіевскую полицію дворянъ и чиновниковъ, находящихся въ лаврѣ на послушаніи, для отобранія отъ нихъ подписи въ томъ, что они не принадлежатъ ни къ какимъ масонскимъ ложамъ» и т. д.

Всѣхъ дѣлъ въ лаврскомъ архивѣ насчитывается болѣе 20 тысячъ. Большинство подлинныхъ документовъ, относящихся ко времени первыхъ русскихъ князей, сгорѣло; въ настоящее же время имѣются подлинныя дѣла съ 1560 года. Лаврскимъ архивомъ завѣдываютъ два монаха: архиваріусъ іеродіаконъ Антоній и его помощникъ монахъ Кронидъ. Первый учился въ духовномъ училищѣ, а второй изъ военныхъ писарей. Несмотря на отсутствіе въ нихъ спеціальной подготовки къ занятіямъ въ архивѣ, они очень сознательно относятся къ своему дѣлу и по мѣрѣ своихъ силъ стараются привести архивъ въ нѣкоторый порядокъ, котораго не было при прежнихъ архиваріусахъ. Таково въ самыхъ общихъ чертахъ современное положеніе дѣлъ устройства архива Кіево-Печерской Успенской лавры. Но такое положеніе архивнаго дѣла для провинціальныхъ архивовъ не является единичнымъ. Надо думать, что въ болѣе отдаленныхъ глухихъ городахъ положеніе дѣла устройства архива обстоитъ еще хуже. Неустройство нашихъ архивовъ настолько общеизвѣстный фактъ, что объ этомъ, пожалуй, можно было бы не распространяться, если бы не имѣть въ виду тѣ причины, благодаря которымъ такъ печально сложилость у насъ архивное дѣло. Незабвенной памяти основатель и бывшій директоръ Императорскаго Археологическаго института, покойный сенаторъ Николай Васильевичъ Калачевъ объяснялъ печальное состояніе нашихъ архивовъ «неуваженіемъ русскаго общества къ тому, что хранится въ архивахъ, незнаніемъ того, что архивъ заключаетъ въ себѣ драгоцѣннѣйшія данныя по исторіи нашего быта». Говорить вообще объ архивномъ настроеніи не приходится, такъ какъ по этому вопросу имѣется очень почтенный трудъ бывшаго управляющаго Московскимъ архивомъ Министерства Юстиціи Д. Я. Самоквасова. Положенія, высказанныя Самоквасовымъ въ его трудѣ, не утратили своего значенія и до настоящаго времени. Такъ, напримѣръ, на стр. 3-й первой книги своего труда «Архивное дѣло въ Россіи» Самоквасовъ говоритъ: «Отсутствіе въ Россіи общаго архивнаго законодательства управленія и контроля, имѣло своимъ результатомъ такой разгромъ русскихъ государственныхъ архивныхъ матеріаловъ, передъ которымъ блѣднѣетъ разрушеніе архивовъ Франціи невѣжественной толпой эпохи первой революціи». «Требованіе закона,—говоритъ далѣе Самоквасовъ,—о храненіи государственныхъ архивныхъ матеріаловъ въ цѣлости и порядкѣ, чтобы ни одно дѣло не могло утратиться» (Сводъ Законовъ: т. II, ст. 57—65, изд. 1892), остаются мертвою буквой.

Документальное имущество нашихъ архивовъ «остается безполезнымъ для научнаго пользованія по его безпорядочности и отсутствію описей», говоритъ Самоквасовъ, «расхищается частными лицами, гибнетъ отъ пожаровъ въ деревянныхъ хранилищахъ, гноится массами въ сырыхъ подва-

лахъ, на чердакахъ и въ крѣпостныхъ башняхъ, часто безъ окошекъ и дверей, продается тысячами пудовъ на бумажныя фабрики для передѣлки на картонъ и подвергается фальсификаціи съ цѣлью доказательства въ правительственныхъ учрежденіяхъ мнимыхъ личныхъ и имущественныхъ правъ».

«Въ виду научныхъ и практическихъ интересовъ государства, связанныхъ съ архивами, преобразованіе архивной службы въ Россіи посредствомъ изданія общаго для всѣхъ вѣдомствъ архивнаго законодательства, учрежденія архивнаго управленія и выдѣленія устарѣвшихъ рѣшенныхъ дѣлъ изъ регистратуръ дѣйствующихъ учрежденій въ центральные государственные архивы—настоятельная, неотложная необходимость».

Не мнѣ судить, насколько выяснена важность вопроса о реформѣ и необходимости скорѣйшаго преобразованія у насъ архивнаго дѣла, тѣмъ не менѣе въ виду всего вышеизложеннаго надо полагать, что: 1) однимъ изъ главныхъ вопросовъ въ нашей археологіи долженъ быть вопросъ о правильной постановкѣ у насъ архивнаго дѣла, 2) современное состояніе устройства лаврскаго архива является частнымъ случаемъ общаго архивнаго неустройства, какъ результатъ неправильной постановки у насъ общаго архивнаго дѣла, 3) основными причинами тому, надо думать, являются: отсутствіе общаго архивнаго законодательства, контроля и спеціальнаго высшаго архивнаго центральнаго управленія.

Заканчивая свой докладъ, я позволю себѣ просить Совѣтъ Общества Ревнителей Исторіи, не признаетъ ли онъ возможнымъ избрать комиссію для обсужденія высказанныхъ въ докладѣ положеній (относительно устройства лаврскаго архива), въ связи съ вопросомъ объ упорядоченіи у насъ архивнаго дѣла, такъ какъ для каждаго изъ насъ должны быть особенно драгоцѣнны Высочайшія слова Государя Императора:

«Только та страна и сильна, которая свято чтитъ завѣты своей старины» [1]).

С. Языковъ.

---

[1]) При Обществѣ Ревнителей Исторіи съ 1914 г. образована подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Т. О. Соколовской особая архивная комиссія. *Ред.*

Редакція Вѣстника считаетъ своимъ долгомъ оповѣстить о выходѣ нижеслѣдующихъ книгъ и изданій членовъ Общества Ревнителей Исторіи.

1. **В. А. Ашикъ.** Памятники и медали въ память боевыхъ подвиговъ русской арміи въ войнахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ и въ память Императора Александра I. Въ книгѣ помѣщены 21 снимокъ медалей, 111 памятниковъ и 25 историческихъ гравюръ. Цѣна 6 руб. Продается у автора В. А. Ашика: Спб., Кавалергардская, д. 8, кв. 19 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Рекомендовано циркулярами главныхъ управленій: Генеральнаго штаба отъ 25 іюля 1913 г. за № 143 и Военно-учебныхъ заведеній 1914 г. за № 14.

2. **А. Н. Виноградскій.** Исторія русско-японской войны. Изд. Общества ревнителей военныхъ знаній. 4 выпуска. Выпускъ I удостоенъ Императорской Николаевской военной академіей малой преміи г.-л. Леера. Цѣна за каждый выпускъ 3 руб. Продается въ канцеляріи Общества ревнителей военныхъ знаній (Литейный, 20).

3. **Б. Б. Глинскій.** Среди литераторовъ и ученыхъ. Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія, встрѣчи. Съ 31 портретомъ. Спб. 1914. Цѣна 3 руб.—Революціонный періодъ русской исторіи (1861—1881 г.г.). Историческіе очерки въ двухъ частяхъ. Со многими портретами и иллюстраціями. Спб. 1913. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.—Борьба за конституцію (1612—1861 г.г.). Историческіе очерки съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1908. Цѣна 3 р. 50 к. Продаются въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время».

4. **И. С. Ивановъ,** быв. адъют. 14 Стрѣлк. бат. 14-й Стрѣлковый баталіонъ желѣзной бригады въ передовомъ отрядѣ генерала Гурко. (Эпизодъ изъ освободительной войны 1877—78 г.г.). Съ портретами, двумя картами и приложеніями. Спб. 1910. Цѣна 1 р. Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (Невскій, 40) и В. А. Березовскаго (Колокольная, 14).

5. Проф. **П. И. Ковалевскій.** Народы Кавказа. Съ 260 рис. Цѣна 2 р.—Завоеваніе Кавказа. Ц. 1 р. 50 к.—Александръ III. Ц. 1 р.—Русскій національнизмъ. Ц. 2 р.—Возстаніе Чечни. Ц. 50 к.—Исторія Малороссіи. Изд. 2-е. Съ 45 рис. Ц. 1 р. 50 к.—Исторія Россіи съ національной точки зрѣнія. Ц. 1 р.—Императоръ Петръ III; Императоръ Павелъ I. Ц. 1 р.—Суворовъ; Орлеанская дѣва; Магометъ. Ц. 1 р.—Психологія половъ; Половое безсиліе. Ц. 2 р. Выписывающіе отъ автора (Спб., Бассейная, 37) за пересылку не платятъ.

6. **А. А. Родныхъ.** Иллюстрированная лѣтопись воздухоплаванія и летанія въ Россіи, съ приложеніемъ краткой исторіи военнаго воздухоплаванія на Руси со временъ Олега по конецъ царствованія Николая I. Ц. 80 к.—Краткій очеркъ по исторіи воздухоплаванія. Ц. 10 к.—Летаніе и воздухоплаваніе въ старину. Ц. 1 р. 35 к.—Тайная подготовка къ уничтоженію арміи Наполеона въ двѣнадцатомъ году при помощи воздухоплаванія. Ц. 70 к.—Книжныя рѣдкости по воздухоплаванію и летанію; изображенія вышедшихъ въ Россіи книгъ, нотъ и рукописей. 12 открытокъ. Ц. 60 к. Выписывать отъ автора А. А. Родныхъ (Каменноостровскій, д. 33, кв. 36).

7. **Т. О. Соколовская.** Масонство при Императорѣ Александрѣ I. Роскошно изданное изслѣдованіе по архивнымъ матеріаламъ. Болѣе 300 снимковъ съ масонскихъ предметовъ, книгъ, портретовъ масоновъ и пр. In folio. Печатается 300 экземпляровъ. Цѣна по выходѣ книги (въ началѣ 1915 г.) 50 руб. По предварительной подпискѣ у автора (Т. О. Соколовская; В. О., 10 л., д. 23)—40 руб.

8. **В. Г. фонъ-Толь.** 145 пѣх. Новочеркасскій Императора Александра III полкъ. 1796—1863—1913. Спб. 1914. Съ иллюстраціями. Цѣна 50 к.—Подъ сѣнію побѣдныхъ знаменъ. Юмористическіе разсказы и сатиры изъ быта германской арміи, бар. Шлихта, переводъ В. Г. фонъ-Толя и Л. А. Шмидта. Спб. 1910. Цѣна 60 коп.

По всѣмъ дѣламъ Общества надлежитъ обращаться къ замѣстителю предсѣдателя Михаилу Константиновичу Соколовскому. (Петроградъ, Вас. Остр., 10 линія, д. № 23).

2014058275